

СОЧИНЕНІЯ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ПО РУКО-
ПИСЯМЪ АВТОРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

и. 3.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20-го Ноября 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

17-го и 19-го Ноября 1858 г. Военный Ценсоръ, Полковникъ *Штюрмеръ*.

Москва, 8-го Декабря 1858 года. Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

12-го Мая 1859 года. Ценсоръ *Д. Наумовъ*.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Davidov

79/79 / 98540

ВСТРѢЧА

съ

ВЕЛИКИМЪ СУВОРОВЫМЪ.

RECEIVED

RECEIVED

ВСТРѢЧА

съ

ВЕЛИКИМЪ СУВОРОВЫМЪ.

—

Посвящается князю Александру Аркадьевичу Италійскому,
графу Суворову-Рымникскому.

—

Съ семилѣтняго возраста я жилъ подъ солдатскою палаткой, при отцѣ моемъ, который командовалъ тогда Полтавскимъ легкоконнымъ полкомъ; объ этомъ гдѣ-то было уже сказано. Забавы дѣтства моего состояли въ метаніи ружьемъ и въ маршированьи, а верхъ блаженства—въ ѣздѣ на казачьей лошади съ покойнымъ Филиппомъ Михайловичемъ Ежовымъ, сотникомъ Донскаго Войска.

Какъ рѣзвому ребенку не полюбить всего военного при всечасномъ зрѣлищѣ солдатъ и лагеря? А типъ всего военного, Русскаго, роднаго, не былъ ли тогда Суворовъ? Не Суворовымъ ли занимались и лагерныя сборища, и гражданскія общества того времени? Не онъ ли былъ предметомъ восхищеній и благословеній, заочно и лично, всѣхъ и cadaго? Его таинственность, происходившая отъ своенравныхъ странностей, которыя онъ постоянно употреблялъ на перекоръ услов-

нымъ странностямъ свѣта; его предпріятія, казавшіяся задуманными какъ будто «очертя голову»; его молніелетные переходы; его громовыя побѣды на неожиданныхъ ни нами, ни непріателемъ точкахъ военныхъ дѣйствій,—вся эта поэзія событій, подвиговъ, побѣдъ, славы, продолжавшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду, все отзывалось въ свѣжей, молодой Россіи полною поэзіей,—какъ все, что свѣжо и молодо!

Онъ былъ сынъ генераль-аншефа, человѣка весьма умнаго и образованнаго въ свое время; оцѣнивъ просвѣщеніе, онъ неослабно наблюдалъ за воспитаніемъ сына и дочери (княгини Горчаковой). Александръ Васильевичъ изучилъ основательно языки: французскій, нѣмецкій, турецкій и отчасти итальянскій; до поступленія своего на службу, онъ не обнаруживалъ никакихъ странностей. Совершивъ славные партизанскіе подвиги во время семилѣтней войны, онъ узналъ, что такое люди; убѣдившись въ невозможности достигнуть высшихъ степеней, наперекоръ могущественнымъ завистникамъ, онъ сталъ отличать причудами и странностями. Завистники его, видя эти странности, и не подозрѣвая истинной причины его успѣховъ, вполне оцѣненныхъ Великой Екатериной, относили всѣ его побѣды лишь слѣпому счастью. Суворовъ вполне олицетворилъ собою героя трагедіи Шекспира, поражающаго въ одно время комическимъ буфонствомъ и смѣлыми порывами генія. Гордый отъ природы, онъ постоянно боролся съ волею всесильныхъ вельможъ временъ Екатерины. Онъ въ глаза насмѣхался надъ могущественнымъ Потемкинымъ, хотя часто писалъ ему весьма почтительныя письма, и ссорился съ всесильнымъ австрійскимъ министромъ, барономъ Тугутомъ. Онъ называлъ часто Потемкина и графа Разумовскаго своими благодѣтелями; отправляясь въ Италію, Суворовъ палъ къ ногамъ Павла (*). Было ли это слѣдствіемъ разчета, къ кото-

(*) Извѣстно, что онъ упалъ къ ногамъ императора Павла, говоря: „Боже, спаси Царей!“—„Вамъ“ сказалъ императоръ—„предстоитъ спасать ихъ.“ Видя,

рому онъ прибѣгалъ для того, чтобы вводить въ заблужденіе наблюдателей, которыхъ онъ любилъ ставить въ недоумѣніе? или, дѣйствуя на массы своими странностями, преступавшими за черту обыкновенія, онъ хотѣлъ приковать къ себѣ всеобщее вниманіе. Если вся жизнь этого изумительнаго человѣка, одареннаго нѣжнымъ сердцемъ (*), возвышеннымъ умомъ и высокою душой, была лишь театральнымъ представленіемъ, и всѣ его поступки заблаговременно обдуманы,—весьма любопытно знать, когда онъ былъ въ естественномъ положеніи? Балагурия и напуская на себя разнаго рода причуды, онъ въ то же время отдавалъ приказанія арміямъ, обнаруживавшія могучій геній. Бесѣдуя съ глазу на глазъ съ Екатериной о высшихъ военныхъ и политическихъ предметахъ, онъ удивлялъ эту необычайную женщину своимъ оригинальнымъ, превосходнымъ умомъ и обширными разносторонними свѣдѣніями (**); поражая вельможъ своими высокими подвигами, онъ язвилъ ихъ насмѣшками, достойными Аристофана и Пирона. Во время боя, слѣдя внимательно за всѣми обстоятельствами, онъ вполнѣ обнималъ и проникалъ ихъ своимъ орлинымъ взглядомъ. Въ минуты, гдѣ бесѣда его съ государственными людьми становилась наиболѣе любопытною, когда онъ съ свой-

что Суворовъ съ трудомъ подымается, Государь сказалъ своимъ придворнымъ: „помогите встать графу.“ При этихъ словахъ Суворовъ самъ быстро всталъ, воскликнувъ: „о помилуй Богъ, Суворовъ самъ подымается, никто въ томъ ему не помогаетъ“.

(*) Суворовъ просился однажды въ Москву въ отпускъ съ Моздокской линіи, устройство которой ему было поручено. Такъ какъ императрица не изъявляла своего согласія на продолжительный отпускъ, онъ получилъ лишь 15-ти дневный. Прибывъ въ Москву ночью, онъ благословилъ спящихъ дѣтей и тотчасъ предпринялъ возвратный путь на линію.

(**) Однажды Военная Коллегія жаловалась императрицѣ на Суворова, въ подкахахъ котораго было слишкомъ много музыкантовъ, что вынуждало его уменьшать число фронтовыхъ солдатъ. Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и Суворовъ, который, выслушавъ всѣ мнѣнія, сказалъ: „хорошій и полный хоръ музыкантовъ возвышаетъ духъ солдатъ, расширяетъ шагъ; это ведетъ къ побѣдѣ, а побѣда къ славѣ“. Императрица вполнѣ предоставила это дѣло на его благоусмотрѣніе. (*Многія свѣдѣнія о Великомъ Суворовѣ были мнѣ сообщены кн. Андреемъ Изв. Горчаковымъ*).

ственной ему ясностью и краснорѣчіемъ излагалъ ходъ дѣлъ, онъ внезапно вскакивалъ на стулъ и пѣлъ пѣтухомъ, либо казался усыпленнымъ въ слѣдствіе подобнаго разговора; такимъ образомъ поступилъ онъ съ графомъ Разумовскимъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ. Лишь только они начинали говорить о военныхъ дѣйствіяхъ, Суворовъ, по видимому засыпалъ, что вынуждало ихъ измѣнять разговоръ, или, увлекая ихъ своимъ краснорѣчіемъ, онъ внезапно прерывалъ свой рассказъ криками пѣтуха. Эрцъ-герцогъ, оскорбившись этимъ, сказалъ ему: «вы, вѣроятно, графъ, не почитаете меня достаточно умнымъ и образованнымъ, чтобы слушать ваши поучительныя и краснорѣчивыя рѣчи?» На это Суворовъ возразилъ ему: «проживете съ моихъ лѣтъ и испытайте то, что я испыталъ, и вы тогда запоете не пѣтухомъ, а курицей.» Набожный до суевѣрія, онъ своими причудами въ храмахъ вызывалъ улыбку самихъ священно-служителей.

Многіе указываютъ на Суворова, какъ на человѣка сумасброднаго, невѣжду, злодѣя, неуступавшаго въ жестокости Аттилѣ и Тамерлану, и отказываютъ ему даже въ военномъ геніѣ. Хотя я вполнѣ сознаю свое безсиліе и неспособность, чтобы вполнѣ опровергнуть всѣ возводимыя на этого великаго человѣка клеветы, но я дерзаю, хотя слабо, возражать порицателямъ его.

Предводительствуя Россійскими арміями 55 лѣтъ отъ роду, онъ не сдѣлалъ несчастнымъ ни одного чиновника и рядового; онъ, не ударивъ ни разу солдата, каралъ виновныхъ лишь насмѣшками, прозвищами въ народномъ духѣ, которыя врѣзывались въ нихъ, какъ клейма. Онъ иногда приказывалъ людей, не заслужившихъ его расположенія, выкуривать жаровнями. Кровопролитіе при взятіи Измаила и Праги было лишь прямымъ послѣдствіемъ всякаго штурма, послѣ продолжительной и упорной обороны. Во всѣхъ войнахъ въ Азіи, гдѣ каждый житель есть вмѣстѣ съ тѣмъ воинъ, и въ Европѣ, во время народной войны, когда гарнизоны, вспомошествоваемые жителями, отражаютъ непріятеля, — всякій приступъ неминуемо

сопровождается кровопролитіемъ. Вспомнимъ кровопролитныя штурмы Сарагоссы и Тарагоны; послѣднею овладѣлъ человѣколюбивый и благородный Сюшетъ. Вспомнимъ наконецъ варварскіе поступки Англичанъ въ Индіи; эти народы, кичащіеся своимъ просвѣщеніемъ, упоминая о кровопролитіи при взятіи Измаила и Праги, умалчиваютъ о совершенныхъ ими злодѣяніяхъ, не оправдываемыхъ даже обстоятельствами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Французы овладѣли приступомъ городами Сень-Жанъ-д'Акръ и Смоленскомъ, они поступили бы такимъ же образомъ, потому что ожесточеніе осаждающихъ возрастаетъ по мѣрѣ сопротивленія гарнизона. Штурмующіе, ворвавшись въ улицы и дома, еще обороняемые защитниками, приходятъ въ остервененіе; начальники не въ состояніи обуздать порывъ войскъ до полного низложенія гарнизона. Такимъ образомъ были взяты Измаиль и Прага. Легко осуждать это въ кабинетѣ, внѣ круга ожесточеннаго боя, но христіанская вѣра, совѣсть и человѣколюбивый голосъ начальниковъ не въ состояніи остановить ожесточенныхъ и упоенныхъ побѣдою солдатъ. Во время штурма Праги, остервененіе нашихъ войскъ, пылавшихъ мстью за измѣнническое побіеніе Поляками товарищей, достигло крайнихъ предѣловъ. Суворовъ, вступая въ Варшаву, взялъ съ собою лишь тѣ полки, которые не занимали этой столицы съ Игельстромомъ, въ эпоху вѣроломнаго побоища Русскихъ. Полки, наиболѣе тогда потерпѣвшіе, были оставлены въ Прагѣ, дабы не дать имъ случая удовлетворить свое мщеніе. Этотъ поступокъ, о которомъ многіе не знаютъ, достаточно говоритъ въ пользу человѣколюбія Суворова (*).

Въ это время здравствовалъ еще знаменитый Румянцовъ, нѣкогда начальникъ Суворова, и нѣкоторые другіе вожди, украшавшіе вѣкъ чудесъ,—вѣкъ Екатерины; но блескъ именъ

(*) Взятіе Варшавы, въ 1831 году, безъ грабежа нисколько не опровергаетъ всего, мною сказаннаго, ибо гарнизонъ города имѣлъ свободный выходъ, которымъ и воспользовался. Еслибъ гарнизонъ нашелся вынужденнымъ сражаться на улицахъ, въ домахъ и костелахъ, городъ подвергся бы страшнымъ бѣдствіямъ.

ихъ тонулъ въ ослѣпительныхъ лучахъ этого самобытнаго, неразгаываемаго метеора, увлекшаго за собою весь міръ чувствъ, умовъ, вниманій и довѣренности своихъ соотчичей; ибо въ геніи его не было ни малѣйшаго противозвучія общей гармоніи мыслей, повѣрій, предразсудковъ, страстей, которыми исключительно они отличались. Этого мало; когда и понынѣ еще господствуетъ между чужеземцами мнѣніе, что войско наше безъ чувствъ, безъ порывовъ, безъ честолюбія, что оно движимо однимъ только страхомъ къ начальству, онъ, болѣе полустолѣтія тому назадъ, положилъ руку на сердце русскаго солдата и изучилъ его бѣніе. Онъ увѣрился, что русскій солдатъ, если не болѣе, то, конечно, не менѣе всякаго чужеземнаго солдата, причастенъ воспламененію и познанію своего достоинства, и на этой увѣренности Суворовъ основалъ образъ своихъ съ нимъ сношеній. Находя повиновеніе начальству—этотъ необходимый и единственный клей всякой арміи—доведеннымъ въ нашей до совершенства, онъ не удовольствовался качествомъ, посредствомъ котораго можно достигнуть нѣкоторой только извѣстной черты, но не далѣе; онъ удесатерилъ пользу, приносимую повиновеніемъ, сочетавъ ее въ душѣ солдата съ чувствомъ воинской гордости и увѣренности въ превосходствѣ своемъ надъ всѣми солдатами въ мірѣ,—чувствомъ, котораго слѣдствію нѣтъ предѣловъ.

Прежніе полководцы, вступая въ командованіе войсками, обращались къ войскамъ съ пышными, непонятными для нихъ рѣчами. Суворовъ предпочелъ жить среди войска и вполнѣ его изучилъ; его добродушіе, доходившее до простодушія, его причуды въ народномъ духѣ привлекали къ нему сердца солдатъ. Онъ говорилъ съ ними въ походахъ и въ лагерѣ его нарѣчіемъ. вмѣсто огромныхъ штабовъ онъ окружалъ себя людьми простыми, такъ на примѣръ: Тищенкою, Ставраковымъ.

Но къ чему послужило бы, скажу болѣе, долго ли удержалось бы на своей высотѣ это подъятіе духа въ войскахъ, ему ввѣренныхъ, еслибъ воинскія его дарованія (я не говорю уже о непоколебимой стойкости его характера и не-

ограниченной его предприимчивости) хотя немного уступали неустрашимости и самоотверженію, которыя онъ посѣялъ въ войнахъ, исполнявшихъ его предначертанія? Если бы, подобно всѣмъ полководцамъ своего времени, онъ продолжалъ идти тѣсною стезею искусства, проложенною посредственностью, и не шагнулъ исполински на пространство широкое, разгульное, которое имъ однимъ было угадано, и котораго до сей поры никто не посѣщаль послѣ него, кромѣ Наполеона.

Случай, который я хочу рассказать, требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, чтобы сдѣлаться понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Они не будутъ длинны.

Суворовъ засталъ военное искусство, основанное на самыхъ жалкихъ началахъ. Наступательное дѣйствіе состояло въ движеніи войскъ, растянутыхъ и разсѣянныхъ по чрезмѣрному пространству, чтобы, какъ говорили тогда, «охватить оба крыла противника и поставить его между двухъ огней.» Оборонительное дѣйствіе не уступало въ нелѣпости наступательному. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь разсѣяніемъ войскъ противника, ударять совокупно на средину, разрѣженную и слабую отъ чрезмѣрнаго протяженія линіи, и, разорвавъ ее на двѣ части, поражать каждую порознь,—полководцы, дѣйствовавшіе оборонительно, растягивали силы свои наравнѣ съ наступательною арміею, занимая и защищая каждый путь, каждую тропинку, каждое отверстіе, которыми она могла къ нимъ приблизиться. Нѣкоторые,—и тѣ почитались уже превосходнѣйшими вождями,—нѣкоторые рѣшались измѣнять оборонительное дѣйствіе въ наступательное, растягивая силы свои еще болѣе растянутой непріятельской арміи, чтобы съ своей стороны охватить оба ея крыла и поставить ихъ «между двухъ огней» обоихъ крылъ своихъ. Къ этому надобно еще прибавить такъ называемыя демонстраціи отряженными частями арміи на далекое разстояніе, отъ чего только уменьшалась числительная сила главной массы, опредѣленной для боя; размѣренные переходы войскъ, которые только способ-

ствоваали непріятелю разсчитывать время ихъ прибытія къ предмету дѣйствій, и слѣдственно предупреждать намѣренія ихъ начальника, и наконецъ большую заботливость о механическомъ устройствѣ подвозовъ съ пищею въ опредѣленные сроки, чѣмъ о предметахъ, касающихся собственно до битвъ, и тѣмъ самымъ полную зависимость военныхъ соображеній и дѣйствій отъ распоряженій чиновниковъ, управляющихъ способами пропитанія арміи. Такова была стратегія того времени! Тактика представляла не менѣе нелѣпостей; когда дѣло доходило до сраженія, то важнѣйшія условія для принятія битвы состояли: въ избраніи возвышеннаго мѣстоположенія, въ примкнутіи обоихъ крылъ арміи къ искусственнымъ или природнымъ преградамъ, и въ отраженіи оттуда непріятельскихъ усилій, *не двигаясь съ мѣста*. При нападеніи на непріятеля употребленіе фальшивыхъ атакъ, которыя никого не обманывали, и дѣйствіе болѣе огнемъ, чѣмъ холоднымъ оружіемъ;—нигдѣ рѣшительности, вездѣ оцупъ и колебаніе воли?

Можно себѣ представить, какъ поступилъ съ такими преградами геній безпокойный, своенравный, независимый. Будучи еще полковникомъ Астраханскаго пѣхотнаго полка, на маневрахъ у Краснаго Села, гдѣ одна сторона была предводительствуема графомъ Панинымъ, а другая не помню кѣмъ, Суворовъ, который давно уже негодовалъ на методическія движенія, почитаемыя въ то время во всей Европѣ за совершенство военнаго искусства, и на долговременную стрѣльбу во время боя, по мнѣнію его ничего нерѣшающую, осмѣлился показать великой Монархинѣ и своимъ начальникамъ образъ дѣйствія, приличнѣйшій духу русскаго солдата; онъ испортилъ маневръ порывомъ своевольнымъ и неожиданнымъ. Среди одного изъ самыхъ педантическихъ движеній, сопряженнаго съ залпами «плутонгами», онъ вдругъ прекратилъ стрѣльбу своего полка, двинулся съ нимъ вонъ изъ линіи, ворвался въ средину противной стороны, привелъ въ замѣшательство часть ея и, перепутавъ всѣ предначертанія и распоряженія обоихъ начальниковъ, обратилъ все въ хаосъ. Спустя нѣ-

сколько мѣсяцевъ, когда ему было предписано идти съ полкомъ изъ Петербурга въ Ригу, онъ не пропустилъ и этого случая, чтобъ не открыть глазъ и не обратить вниманія на пользу, какую могутъ принести переходы войскъ, выходящіе изъ разряда тѣхъ, какіе были употребляемы тогда всѣми безъ исключенія. Посадивъ одинъ взводъ на подводы и взявъ съ нимъ полковую казну и знамена, онъ прибылъ въ восемь дней въ Ригу и донесъ оттуда съ нарочнымъ о днѣ прибытія полка на назначенное ему мѣсто. Военная Коллегія была изумлена такою поспѣшностью. Вскорѣ прибыла туда и остальная часть полка, но не въ тридцать сутокъ, какъ предписано по маршруту, а не болѣе какъ въ четырнадцать. Одна Екатерина во всей Россіи поняла и молодого полковника, и оба данныя имъ наставленія, и тогда же она сказала объ немъ: «Это мой собственный, будущій генералъ!» Послѣ такого слова легко было и не Суворову идти къ цѣли свободно и безъ опасенія препятствій, — что же долженъ былъ сдѣлать Суворовъ съ своею предприимчивостью, желѣзною волей, и какъ онъ этимъ воспользовался?

Онъ предалъ анаѹемъ всякое оборонительное, еще болѣе отступательное дѣйствіе въ русской арміи, и сорокъ лѣтъ сряду, то есть отъ перваго боеваго выстрѣла до послѣдняго дня своей службы, дѣйствовалъ не иначе, какъ наступательно.

Онъ, сосредоточивая всѣ силы, всегда воевалъ одною массою, что давало ему рѣшительное превосходство надъ образомъ дѣйствія (*), принятымъ тогда въ Европѣ,—образомъ

(*) Разсѣяніе части арміи на осады нѣкоторыхъ крѣпостей въ Италіи принадлежитъ единственно Вѣнскому Военному Совѣту. Суворовъ неоднократно возставалъ на такой распорядокъ и два раза просилъ себя отзывать изъ арміи. Не вмѣшивайся этотъ Совѣтъ въ его распоряженія,—нѣтъ сомнѣнія, что, по превосходству числительной силы Суворова надъ силою французской арміи и генія его надъ дарованіями Моро, союзныя войска еще въ іюль мѣсяцъ были бы въ границахъ Франціи, и Массена, обойденный съ праваго своего фланга, принужденъ былъ бы оставить Швейцарію.

дѣйствія, донынѣ употребляемымъ посредственностью, которая, достигая часто власти, имѣетъ такимъ образомъ преимущество предъ дарованіемъ.

Что касается до чистаго боеваго дѣйствія, Суворовъ или стоялъ на мѣстѣ, вникая въ движенія противника, или, проникнувъ ихъ, стремглавъ бросался на него усиленными переходами, которые донынѣ именуются «Суворовскими», и падалъ «какъ снѣгъ на голову».

Слѣдствіемъ такихъ летучихъ переходовъ, предпринимаемыхъ единственно для изумленія непріятеля внезапнымъ на него нападеніемъ во время оплошной неготовности его къ бою, было предпочтеніе Суворовымъ холоднаго оружія огнестрѣльному. И нельзя быть иначе: не вытягивать же линіи и не завязываетъ дѣла канонадою и застрѣльщиками, чтобы, встревоживъ противника нечаяннымъ появленіемъ, дать ему время прійти въ себя, оглядѣться, устроиться и привести положеніе атакованнаго въ равновѣсіе съ положеніемъ атакующаго! И весь этотъ образъ дѣйствія, имъ созданный, былъ приспособленъ къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ; его чудесная, неизъяснимая, мгновенная смѣтливость обнаруживалась при избраніи выгоднѣйшаго стратегическаго пути между путями, разсѣкающими область, по которой надлежало ему двигаться, и тактической точки поля, на которомъ надлежало сражаться. По этому пути и на эту точку устремлялъ онъ всѣ свои силы, не развлекая ихъ никакими посторонними предпріятіями и предметами.

Изъ краткихъ выписокъ его приказовъ или такъ называемыхъ замѣтокъ, мы видимъ лишь похвалы штыку и презрѣніе къ ружейной пальбѣ; это значило, что надо было, избѣгая грома, часто мало вредящаго и отсрочивающаго развязку битвъ, сблизиться съ непріателемъ грудь съ грудью въ рукопашной схваткѣ. Вездѣ видна рѣшительность и быстрота, а не дѣйствіе оцупью. Онъ любилъ рѣшительность въ дѣйствіяхъ и лаконизмъ въ рѣчахъ; длинныя донесенія и рассказы приводили его въ негодованіе. Онъ требовалъ *да* или *нѣтъ*, или *ла-*

коническую фразу, выражающую мысль двумя, тремя словами. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ немогузнаекъ, о которыхъ говорилъ: *«отъ проклятыхъ немогузнаекъ много бѣды»*. Однажды Суворовъ спросилъ гренадера: «далеко ли отсюда до дальнѣйшей звѣзды?» — «Три Суворовскихъ перехода», отвѣчалъ гренадеръ. Презирая дѣйствія,носящія отпечатокъ робости, вялости, излишней расчетливости и предусмотрительности, онъ старался возбудить въ войскахъ рѣшительность и смѣлость, которыя соотвѣтствовали бы его залетнымъ движеніямъ.

Суворовъ въ концѣ своего знаменитаго поприща предводительствовалъ Австрійцами противъ Французовъ (*); онъ покорилъ Италію, въ которой много буйныхъ головъ обнаруживали явную непокорность законнымъ властямъ. Пусть Австрійцы, Французы, Италианцы скажутъ, гдѣ и въ какомъ случаѣ Суворовъ обнаружилъ жестокость и безчеловѣчіе. Къ концу кампаніи половина арміи Моро съ генералами Груши, Периньонъ, Викторъ, Гарданъ и другими были взяты въ плѣнъ. Обращеніе Суворова съ плѣнными и вышеупомянутыми лицами могло ли сравниться съ поведеніемъ Австрійцевъ и Англичанъ, которые томили своихъ плѣнныхъ въ смрадныхъ, сырыхъ казематахъ крѣпостей и понтонaxъ. Всѣ не мало изумлялись постоянству, съ которымъ Суворовъ съ юныхъ лѣтъ стремился къ достиженію однажды избранной имъ цѣли, и выказанной имъ твердости душевной, необходимой для всякаго генія, сколько бы онъ ни былъ глубокъ и обширенъ. Я полагаю, что еще въ юности Суворовъ, взвѣсивъ свои физическія и душевныя силы, сказалъ себѣ: «я избираю военное

(*) Маршалъ Макдональдъ сказалъ однажды въ Парижѣ нашему послу гр. П. А. Толстому: „Хотя императоръ Наполеонъ не дозволяетъ себѣ порицать кампанію Суворова въ Италіи, но онъ не любитъ говорить о ней. Я былъ очень молодъ во время сраженія при Требії, эта неудача могла бы имѣть пагубное вліяніе на мою карьеру; меня спасло лишь то, что побѣдителемъ моимъ былъ—Суворовъ.“

поприще и укажу русскимъ войскамъ путь къ побѣдамъ; я приучу ихъ къ перенесенію лишеній всякаго рода и научу ихъ совершать усиленные и быстрые переходы.» Съ этою цѣлью онъ укрѣпилъ свое слабое тѣло упражненіями разнаго рода, такъ что, достигнувъ 70-ти лѣтняго возраста, онъ ежедневно ходилъ по 10 верстъ; употребляя пищу простую и умѣренную, онъ одинъ разъ въ сутки спалъ на свѣжемъ сѣнѣ, и каждое утро обливался нѣсколькими ушатами воды со льдомъ. Избравъ военное поприще, онъ неминуемо долженъ былъ встрѣтить на немъ много препятствій со стороны многочисленныхъ завистниковъ и вынести не мало оскорбленій. Первымъ онъ противопоставилъ Діогеновскую бочку, и пока они занимались осужденіемъ его причудъ и странностей, онъ ускользалъ отъ ихъ гоненія; пренебрегая вторыми, онъ терпѣливо слѣдовалъ по единожды избранному пути. Онъ стремился къ одной главной цѣли: достиженію высшаго званія для употребленія съ пользою необычайныхъ дарованій своихъ, которыя онъ признавалъ въ себѣ. Онъ мечталъ лишь о славѣ, но о славѣ чистой и возвышенной; эта страсть поглотила всѣ прочія, такъ что въ эпоху возмужалости, когда природа влечетъ насъ болѣе къ существенному, нежели къ идеальному, Суворовъ казался воинственнымъ схимникомъ. Избѣгая общества женщинъ, развлеченій, свойственныхъ его лѣтамъ, онъ былъ нечувствителенъ ко всему тому, что обольщаетъ сердце. Ненавистники Россіи и, къ сожалѣнію, нѣкоторые Русскіе не признаютъ въ немъ военнаго генія; 53-хъ лѣтнее служеніе его не было ознаменовано ни одной неудачей; имъ были одержаны блестящія побѣды надъ знаменитѣйшими полководцами его времени, и имя его до сихъ поръ неразлучно въ понятіяхъ cadaго Русскаго съ высшею степенью военнаго искусства; все это говоритъ краснорѣчивѣе всякаго панегирика.

Предвидя, что алчность къ приращенію имѣнія можетъ увеличиться съ лѣтами, онъ заблаговременно отстранилъ себя отъ хозяйственныхъ заботъ и постоянно избѣгалъ прикосно-

венія съ металломъ, питающимъ это недостойное чувство. Владѣя 9.000 душами, онъ никогда не зналъ количества получаемыхъ доходовъ; будучи еще 30-ти лѣтъ отъ роду, онъ поручилъ (*) управленіе имѣніями своимъ родственникамъ, которые доставляли его адъютантамъ, избираемымъ всегда изъ низшаго класса военной іерархіи, ту часть доходовъ, которая была необходима для его умѣреннаго рода жизни. Познаніе слабостей человѣчества и неослабное наблюденіе за самимъ собою составляли отличительную черту его философіи; когда старость и думы покрыли чело его сѣдинами и морщинами, достойными наблюденія Лафатера, онъ возненавидѣлъ зеркала, которыя надлежало выносить изъ занимаемыхъ имъ покоевъ или закрывать полотномъ, и часы, которые также выносили изъ занимаемыхъ имъ комнатъ. Многимъ эти оригинальныя причуды казались весьма странными, они относили ихъ къ своенравію Суворова. Обладая въ высшей степени духомъ предпріятія, онъ, подобно свѣжему юношѣ, избѣгалъ всего того, что напоминало ему о времени и изгонялъ мысль, что жизнь его уже приближается къ концу. Онъ не любилъ зеркалъ вѣроятно потому, что мысль увидѣть себя въ нихъ старикомъ могла невольно охладить въ немъ юношескій пылъ, убить въ немъ духъ предпріятія, который требовалъ всей мощи душевной, всей любви къ случайностямъ, кото-

(*) Въ 1794 году Суворовъ, выступивъ изъ Бреста-Литовскаго, оставилъ здѣсь нѣсколько гренадеръ для охраненія имущества отставнаго польскаго полковника Детерко, опасавшагося быть разореннымъ русскими войсками, которыя должны были слѣдовать чрезъ этотъ городъ въ Варшаву послѣ выступленія Суворова. Послѣ взятія Варшавы императрица наградила Суворова фельдмаршалскимъ жезломъ и мѣстечкомъ Кобринымъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько сутокъ во время проѣзда своего въ свою главную квартиру, находившуюся въ Тульчинѣ. Явившись въ Кобринъ, Детерко со слезами обратился къ Суворову и объявилъ ему, что, не взирая на присутствіе оставленныхъ гренадеръ, онъ былъ совершенно ограбленъ нашими войсками. Суворовъ спросилъ у управляющаго Кобринымъ: „сколько у насъ денегъ?“ На отвѣтъ управляющаго: „до 10 мѣшковъ и въ каждомъ не менѣе 1.000 рублей,“ Суворовъ приказалъ все отдать Детерко, который былъ крайне удивленъ этою щедростью. (Это мнѣ сообщено А. П. Ермоловымъ).

рыя были свойственны лишь молодости. Фридрихъ Великій, имѣя вѣроятно въ виду ту же самую цѣль, сталъ румяниться за нѣсколько лѣтъ до своей кончины.

Такимъ образомъ укрѣпивъ свое тѣло физическими упражненіями, введя въ заблужденіе зависть своими причудами, терпѣливо перенося разнаго рода оскорбленія, наблюдая постоянно за собою и наконецъ предавшись душею лишь страсти къ славѣ, Суворовъ, съ полной увѣренностію въ силѣ своего генія, ринулся въ военное поприще. Онъ достигъ генераль-маіорскаго чина лишь на 41 году жизни, то есть въ такія лѣта, когда нынѣ многіе, удостоившись получить это званіе, спѣшатъ уже оставить службу. Кто изъ насъ не видалъ 30-ти лѣтнихъ генераль-маіоровъ, ропщущихъ на судьбу, препятствующую имъ достигнуть слѣдующаго чина чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ? Суворовъ при производствѣ своемъ въ генераль-маіоры былъ почти вовсе неизвѣстенъ, но за то какой быстрый и изумительный переходъ отъ этой малой извѣстности въ великой и неоспоримой славѣ! Генераль Фуа сказалъ о Наполеонѣ: «подобно богамъ Гомера, онъ, сдѣлавъ три шага, былъ уже на краю свѣта». Слова этого извѣстнаго генерала могутъ быть вполне примѣнены къ нашему великому и незабвенному Суворову.

Этого-то человѣка судьба позволила мнѣ видѣть, и, что еще для меня лестнѣе, обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами въ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни.

Вотъ какъ это было:

За нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія Польши, Суворовъ командовалъ корпусомъ, расположеннымъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была въ Херсонѣ. Четыре кавалерійскіе полка, входившіе въ составъ корпуса: Переяславскій конно-егерскій, Стародубскій, Черниговскій карабинерные, и Полтавскій легко-конный—стояли лагеремъ близъ Днѣпра, въ разныхъ, но близкихъ одинъ къ другому пунктахъ. Полтавскій находился у села Грушевки, принадлежавшаго тогда княгинѣ Еленѣ Никитишнѣ Вяземской,

послѣ барону Штиглицу, а нынче не знаю кому. Домъ, занимаемый нашимъ семействомъ, былъ высокій и обширный, но выстроенный на скорую руку для императрицы Екатерины, во время путешествія ея въ Крымскую область. Лагерь полка отстоялъ отъ дома не далѣе ста шаговъ. Я и братъ мой жили въ лагерьѣ.

Въ одну ночь я услышалъ въ немъ шумъ и сумятицу. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ весь полкъ на коняхъ и на лагерномъ мѣстѣ одну только нашу палатку не снятою. Я освѣдомился о причинѣ такого неожиданнаго происшествія: мнѣ сказали, что Суворовъ только что пріѣхалъ изъ Херсона, въ простой курьерской телѣжкѣ (*), и остановился въ десяти верстахъ отъ насъ, въ лагерь одного изъ полковъ, куда приказалъ прибыть всѣмъ прочимъ полкамъ на смотръ и маневры. Я былъ очень молодъ, но уже говорилъ и мечталъ о Суворовѣ. Можно себѣ вообразить взрывъ моей радости! Впрочемъ радость и любопытство овладѣли не однимъ мною. Я помню, что покойная мать моя и всѣ жившіе у насъ родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живаго въ домѣ и въ селѣ, собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворовъ, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на любимаго героя, на нашего боеваго полубога. Замѣтимъ, что тогда еще не было ни побѣдъ его въ Польшѣ, ни побѣдъ въ Италіи, ни побѣды надъ самою природою на Альпахъ,—этой отдѣльной Пиндарической оды, заключившей величественную эпопею подвиговъ чудеснаго человека.

Вскорѣ мать моя и мы отправились вслѣдъ за полкомъ и за любопытными зрителями, и остановились въ пустомъ лагерьѣ, потому что войска были уже на маневрахъ. Суворовъ приказалъ изъ каждаго полка оставить по малочисленной командѣ

(*) Телѣжка эта хранилась у покойнаго отца моего, какъ драгоценность, и сожжена въ Бородинѣ, во время сраженія, вмѣстѣ съ самимъ, домомъ и всѣмъ имуществомъ, оставленнымъ въ домѣ.

для разбитія палатокъ, а съ прочими войсками началъ дѣйствовать, и дѣйствовать по своему: маневръ кипѣлъ, подвигался и кончился въ семнадцать верстахъ отъ лагернаго мѣста. Къ полудню войска возвратились. Отецъ мой, запыленный, усталый и окруженный своими офицерами, вошелъ къ намъ въ палатку. Разказы не умолкали. Анекдоты о Суворовѣ, самыя пролетныя его слова, самыя мелкія его странности, передавались изъ устъ въ уста съ восторгомъ. Излишними были только, какъ говорили тогда офицеры, быстрота въ движеніяхъ, которую онъ требовалъ отъ конницы, и продолжительное преслѣдованіе мнимаго непріятеля, безъ всякой пользы изнурявшее людей и лошадей. Но всего болѣе не нравился многимъ слѣдующій маневръ:

Суворовъ требовалъ, чтобы каждый родъ войска подчинялъ все, второстепенно касающееся до боеваго дѣла, той цѣли, для которой онъ созданъ. Существенная обязанность конницы состоитъ въ томъ, чтобы врѣзываться въ непріятельскія войска, какого бы они рода ни были; она должна вторгаться въ средину непріятельской колонны, или фронта, и рубить все, что ни попадется подъ руку. Суворовъ, пріучая лошадей своей конницы къ скоку во всю прыть, вмѣстѣ съ тѣмъ пріучалъ ихъ врѣзываться въ средину стрѣляющаго фронта, на который производится нападеніе. Но, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ не прежде приступалъ къ послѣднему маневру, какъ при окончаніи смотра, или ученья, увѣренный въ памятиности лошадей о томъ построеніи и даже о томъ командномъ словѣ, которымъ прекращается зависимость ихъ отъ сѣдоковъ.

Для этого онъ, спѣшивая половинное число конныхъ войскъ, приказывалъ имъ заряжать ружья холостыми патронами и ставилъ ихъ такъ, чтобы каждый стрѣлокъ находился одинъ отъ другаго на такомъ разстояніи, сколько нужно одному всаднику для проскока между ними; другую половину оставлялъ онъ на коняхъ, и, поставивъ cadaго всадника противъ промежутка, назначеннаго ему для проскока въ пѣхот-

номъ фронтѣ, пускалъ всѣхъ вдругъ въ атаку. Пѣшіе стрѣляли въ то самое время, какъ всадники проскакивали во всю прыть сквозь стрѣляющій фронтъ: проскочивъ, они тотчасъ слѣзали съ лошадей, и тѣмъ заключался каждый смотръ, маневръ или ученье. Посредствомъ выбора времени для такого маневра, лошади такъ пріучились къ выстрѣламъ, пускаемымъ, можно сказать, въ ихъ морду, что, вмѣсто страха, онѣ, при одномъ взглядѣ на послѣднее построеніе, предчувствуя конецъ трудамъ своимъ, начинали ржать и рваться впередъ, чтобы скорѣе проскакать сквозь выстрѣлы и возвратиться на покой въ свои коновязи или конюшни. Но такіе проскоки всадниковъ сквозь ряды спѣшившихся солдатъ часто дорого стоили послѣднимъ. Случалось, что отъ дыма ружейныхъ выстрѣловъ, отъ излишней торопливости всадниковъ, или отъ заноса нѣкоторыхъ своенравными лошадьми, попадало вдругъ по нѣскольку всадниковъ въ промежутокъ, назначенный для одного: это причиняло увѣчье и даже смертоубійство въ пѣхотномъ фронтѣ. Вотъ отъ чего маневръ былъ такъ непріятенъ тѣмъ, кому выпадалъ жребій играть роль пѣхоты. Но эти несчастные случаи не могли отвратить Суворова отъ средства, признаннаго имъ за лучшее для пріученія конницы къ пораженію пѣхоты. Когда доносили ему о числѣ жертвъ, затоптанныхъ первою, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Богъ съ ними! Четыре, пять, десять человѣкъ убью; четыре, пять, десять тысячъ выучу!» И тѣмъ оканчивались всѣ попытки доносящихъ отвлечь его отъ этого единственного способа довести конницу до предмета, для котораго она создана.

За полчаса до полночи меня съ братомъ разбудили, чтобы видѣть Суворова, или по крайней мѣрѣ слышать слова его, потому что ученье начиналось за часъ до разсвѣта, а въ самую полночь, какъ насъ увѣряли, онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударить въ ладоши и прокричить пѣтухомъ: по этому сигналу трубачи затрубятъ «генераль-маршъ», и войско станетъ сѣдлатъ лошадей, ожидая «сбора», чтобы садиться для выступленія изъ лагеря. Но, не взирая на все на-

ше вниманіе, мы не слыхали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтухомъ. Говорили потомъ, что онъ не только въ ту ночь, но никогда ни прежде, ни послѣ, этого не дѣлывалъ, и что все это была одна изъ выдумокъ и преувеличенныхъ странностей, которыя ему приписывали.

До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часть по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея ежеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ лугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами, въ облакахъ пыли, показывается кто-то скачущій въ бѣлой рубашкѣ — и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ полѣ для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ! вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!» Вотъ все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хоть однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь, въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ увѣряли, должны были окончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ.

И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: «скачетъ, скачетъ!» Мы выбѣжали и увидѣли Суворова во ста саженьяхъ отъ насъ, скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упало оно при встрѣчѣ съ любимой женщиной. Я весь былъ взоръ и вниманіе; весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди толпы, Суворова, на саврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ, въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формою нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. На немъ не было ни лен-

ты, ни крестовъ : это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, не смотря на дѣтскія лѣта, напечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ отъ чего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію, и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ, искусно выгравированный Уткинымъ, непохожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его фizioноміи и безжизненъ.

Когда онъ неся мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совершенно необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій,—Тищенко закричалъ ему: «графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!»—«Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскочилъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена; подозвавъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «любишь ли ты солдатъ, другъ мой?» Я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «я люблю графа Суворова; въ немъ все, — и солдаты, и побѣда, и слава!» — «О, помилуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ; «это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!» — Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ.

Суворовъ въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ: братъ мой весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ, и служилъ съ честью, что доказываютъ восемь полученныхъ ранъ, всѣ, кро-

мѣ двухъ, отъ холоднаго оружія,—ранъ издалека не получае-
мыхъ; а я не командовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными
корпусами; слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выигры-
вать сраженій.

При всемъ томъ, слова великаго человѣка имѣли что-то
магическое. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, подошло для обо-
ихъ насъ время службы, отцу моему предложили записать
насъ въ Иностранную Коллегію; но я, полный словъ героя,
не хотѣлъ другаго поприща, кромѣ военнаго; братъ мой, оза-
даченный, можетъ быть, его предсказаніемъ, покорился своей
службѣ, и, прежде чѣмъ поступилъ въ военное званіе, около
года служилъ въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ юнкеромъ.

Въ этотъ день всѣ полковники и нѣсколько штабъ-офице-
ровъ у него обѣдали. Отецъ мой, возвратясь домой, расска-
зывалъ, что передъ обѣдомъ Суворовъ толковалъ о маневрѣ
того дня и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Какъ въ этомъ ма-
неврѣ отецъ мой командовалъ второю линіею, то Суворовъ,
обратясь къ нему, спросилъ: «отъ чего вы такъ тихо вели
вторую линію во время третьей атаки первой линіи? Я посы-
лалъ вамъ приказаніе прибавить скоку, а вы все продолжали
тихо подвигаться!» Такой вопросъ изъ устъ всякаго началь-
ника не забавенъ, а изъ устъ Суворова былъ, можно сказать,
убійственъ. Отецъ мой былъ извѣстенъ въ обществѣ необык-
новеннымъ остроуміемъ и присутствіемъ духа въ отвѣтахъ;
онъ, не запнувшись, отвѣчалъ ему: «отъ того, что я не ви-
далъ въ томъ нужды, ваше сіятельство!»—«А почему такъ?»
—«Потому, что успѣхъ первой линіи этого не требовалъ: она
не переставала гнать непріятеля. Вторая линія нужна была
только для смѣны первой, когда та устанетъ отъ погони.
Вотъ почему я берегъ силу лошадей, которымъ надлежало въ
послѣдствіи замѣнить выбившихся уже изъ силъ.»—«А если
бы непріятель ободрился и опрокинулъ бы первую линію?»
—«Этого быть не могло: ваше сіятельство были съ нею!»
Суворовъ улыбнулся и замолчалъ. Извѣстно, что онъ мор-
щился и мигомъ обращался спиною въ отвѣтъ на самую утон-

ченную лестъ и похвалу, исключая тѣхъ только, посредствомъ которыхъ раба заглашалась и укоренялась въ общемъ мнѣніи его неспособность: эту лестъ и эти похвалы онъ любилъ страстно, — вѣроятно, не изъ тщеславія, а какъ нравственную подмогу и, такъ сказать, заблаговременную подготовку неспособности.

Вечеромъ, мы, съ матерью нашею и со всѣми домашними, поспѣшили обратно въ Грушевку. Важное происшествіе приготавливалось для нашего дома. Суворовъ, по особенной благосклонности къ моему отцу, самъ назвался къ нему на обѣдъ. Не помню точно, но кажется, что это было во время Петровскаго поста, или въ какой-то постный день, только мнѣ весьма памятли хлопоты и суматоха въ домѣ для пріисканія рыбы поболѣе и получше, и для приготовления другихъ любимыхъ имъ постныхъ блюдъ. Не мало было заботъ, чтобъ приготовиться къ пріему и угощенію знаменитаго гостя, не любившаго измѣнять своего обыкновеннаго образа жизни. Къ восьми часамъ утра все было устроено. Въ гостиной поставленъ былъ большой круглый столъ съ разными постными закусками, съ рюмкою «благороднаго размѣра» и графиномъ водки. Въ столовой накрытъ былъ столъ на двадцать три прибора безъ малѣйшаго украшенія посреди, — безъ вазъ съ фруктами и вареньемъ, и безъ плато, какъ тогда водилось. Ничего этого не было: Суворовъ ненавидѣлъ роскоши. Поставленъ былъ длинный столъ, на немъ скатерть, на скатерти двадцать два прибора, — и все тутъ. Не было даже суповыхъ чашъ на столѣ, потому что кушанья должны были подаваться одно за другимъ съ самаго пыла кухоннаго огня, прямо къ сидѣвшимъ за трапезою; такъ обыкновенно дѣлывалось у Суворова.

Въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ были приготовлены: ванна, нѣсколько ушатовъ съ холодною водою, нѣсколько чистыхъ простынь, переменное бѣлье его и одежда, привезенная изъ лагеря.

Маневры того дня кончились въ семь часовъ утра, то есть въ семь часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой,

оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ въ лагерь во всю прыть своего черкесскаго коня, на которомъ былъ на маневрахъ, чтобы, перемѣнивъ его скорѣе, успѣть пріѣхать къ намъ и, до прибытія Суворова, исправить то, что было нужно для его принятія. Уже онъ былъ на половинѣ пути отъ лагеря къ Грушеvkѣ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ сторонѣ, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко; оба они скакали во всѣ поводыя по направленію къ Грушеvkѣ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесяти-трехъ-лѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго, на крыльцѣ, трепавшаго саврасаго коня своего и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ. «Помилуй Богъ, славная лошадь! Я на такой никогда не ѣзжалъ. Это не двужильная (*), а трехъ-жильная!» Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ что нельзя было угадать чертъ его лица.

Начали наѣзжать приглашенные на этотъ обѣдъ другіе гости. Я помню, бывшаго тогда при Суворовѣ, дежурнаго генерала Ѳедора Ивановича Левашева, маіора Чорбу, Тищенко, о которомъ сказалъ прежде; тутъ были также полковники полковъ, собранныхъ на маневры, всѣ чиновники корпуснаго штаба Суворова, съ нимъ прибывшіе, и нѣсколько штабъ-офицеровъ полтавскаго полка: изъ полковниковъ памятливы мнѣ только Юрій Игнатьевичъ Поливановъ (кажется, тогда уже въ бригадирскомъ чинѣ) и подполковникъ Карлъ Ѳедоровичъ Гейльфрейхъ. Всѣ эти гости были въ полномъ парадѣ, въ шарфахъ, и всѣ находились въ гостиной, гдѣ

(*) Въ народѣ существуетъ повѣрье, будто въ шеяхъ нѣкоторыхъ сильныхъ и прыткихъ лошадей находятся двѣ особыя жилы.

были отецъ мой, одѣтый, подобно имъ, во всю форму, мать моя, мы и одна пожилая госпожа, знакомая моей матери, пріѣхавшая изъ Москвы вмѣстѣ съ нами. Она съ перваго взгляда не понравилась Суворову и была предметомъ насмѣшливыхъ его взглядовъ и шутокъ во все время пребыванія его у насъ.

Всѣ мы ожидали выхода Суворова въ гостиную. Это продолжалось около часа времени. Вдругъ растворились двери изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ младенецъ послѣ святаго крещенія; волосы были у него убраны, мундиръ на немъ былъ генераль-аншефскій того времени, богато шитый серебромъ или золотомъ, не помню, на распашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому лѣтнему жилету лежала лента Георгія перваго класса: болѣе орденовъ не было. Лѣтнее бѣлое, довольно узкое исподнее платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортъ. Въ рукахъ ничего не было,—ни шляпы, ни каски. Такъ я въ другой разъ увидѣлъ Суворова.

Отецъ мой вышелъ къ нему на встрѣчу, провелъ его въ гостиную и представилъ ему мать мою и насъ. Онъ подошелъ къ ней, и поцѣловавъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ о покойномъ отцѣ ея, генераль-поручикѣ Щербининѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ намѣстникомъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній; cadaго изъ насъ благословилъ снова, далъ намъ поцѣловать свою руку, и сказалъ: «Это мои знакомые.» Потомъ, обратясь ко мнѣ, повторилъ: «О, этотъ будетъ военнымъ человѣкомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!» Тутъ отецъ мой представилъ ему родную сестру мою, трехлѣтняго ребенка. Онъ спросилъ ее: «Что съ тобою, моя голубушка? Что ты такъ худа и блѣдна?» Ему отвѣчали, что у нея лихорадка. «Помилуй Богъ, это не хорошо! Надо эту лихорадку хорошенько высѣчь розгами, чтобъ она ушла и не возвращалась къ тебѣ.» Сестра подумала, что сѣченье предлагается ей, а

не лихорадкѣ, и едва не заплакала. Тогда, обратясь къ пожилой госпожѣ, Суворовъ сказалъ: «А съ этой и спрашивать нечего; это, вѣрно, какая нибудь мадамка!» Эти слова сказаны были безъ малѣйшей улыбки и весьма хладнокровно, что возбудило въ насъ смѣхъ, отъ котораго едва мы воздержались; но онъ, не измѣняя физіономіи, съ тѣмъ же хладнокровіемъ, подошелъ къ столу, уставленному закусками, налилъ рюмку водки, выпилъ однимъ глоткомъ, и такъ плотно принялся завтракать, что любо.

Спустя нѣсколько времени, отецъ мой пригласилъ его за обѣденный столъ. Всѣ размѣстились. Подали щи кипячія, какъ Суворовъ обыкновенно кушалъ: онъ часто любилъ ихъ хлебать изъ самаго горшка, стоявшаго на огнѣ. Я помню, что почти до половины обѣда онъ не занимался ничѣмъ, кромѣ утоленія голода и жажды среди глубокаго молчанія; онъ обѣими операціями занялся ревностно и прилежно. Около половины обѣда пришла чередъ и разговорамъ. Но болѣе всего остались у меня въ памяти частыя насмѣшки его надъ пожилою госпожей, что насъ, дѣтей, очень забавляло, да и старшихъ едва не увлекало къ смѣху. Въ теченіи всего обѣда, Суворовъ, при самыхъ интересныхъ разговорахъ, не забывалъ ловить каждое движеніе ея, какъ скоро она обращалась въ противную отъ него сторону, и мгновенно бросалъ какую нибудь шутку на ея счетъ. Когда она, услышавъ его голосъ, оборачивалась на его сторону, онъ, подобно школьнику-повѣсѣ, потуплялъ глаза въ тарелку, не то обращалъ ихъ къ бутылкѣ или стакану, показывая, будто занимается питьемъ или ѣдою, а не ею. Такъ, на примѣръ, взглянувъ однажды на нее тогда, какъ она всматривалась въ гостей, сидѣвшихъ въ концѣ стола, онъ сказалъ въ полголоса, но довольно явственно: «Какая тетеха!» И едва успѣла она обратиться въ его сторону, какъ глаза его уже были опущены на рыбу, которую онъ кушалъ весьма внимательно. Въ другой разъ, замѣтивъ, что она продолжаетъ слушать разговоры тѣхъ же гостей, Суворовъ сказалъ: «Какъ вытаращила глаза!» Въ третій разъ, уви-

дѣвъ то же, онъ произнесъ: «Они тамъ говорятъ, а она сидитъ да глядитъ!»

Тищенко сказывалъ послѣ, что изъ одного только уваженія къ моей матери, Суворовъ ограничилъ подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что онъ, обыкновенно, чтобы избавиться отъ присутствія противной ему особы, при первой встрѣчѣ съ нею восклицалъ: «Воняетъ! воняетъ! Курите! курите!» И тогда привычные къ нему чиновники, зная уже, до кого рѣчь касается, тайно подходили къ той особѣ и просили ея выдти изъ комнаты. Тогда только прекращались его восклицанія.

Послѣ обѣда онъ завелъ рѣчь о лошади, на которой ѣздилъ на маневрахъ и пріѣхалъ къ намъ на обѣдъ; онъ хвалилъ ея прыткость и силу, и увѣрялъ, что никогда не ѣзжалъ на подобной, кромѣ одного раза, въ сраженіи подъ Козлуджи. «Въ этомъ сраженіи,» сказалъ онъ, «я былъ отхваченъ и преслѣдуемъ Турками очень долго. Зная турецкій языкъ, я самъ слышалъ уговоръ ихъ между собою, чтобы не стрѣлять по мнѣ и не рубить меня, а стараться взять живаго: они узнали, что это былъ я. Съ этимъ намѣреніемъ они нѣсколько разъ настигали меня такъ близко, что почти руками хватались за куртку; но при каждомъ ихъ наскокѣ, лошадь моя, какъ стрѣла, бросалась впередъ, и гнавшіеся за мною Турки отставали вдругъ на нѣсколько сажень. Такъ я спасся.»

Пробывъ у насъ около часа послѣ обѣда, онъ былъ весьма разговорчивъ, веселъ и безъ малѣйшихъ странностей; отправившись въ коляскѣ въ лагерь, онъ отдалъ тамъ слѣдующій приказъ:

- « Первый полкъ отличный;
- « Второй полкъ хорошъ;
- « Про третій ничего не скажу;
- « Четвертый никуда не годится.»

Въ приказѣ полки означались собственнымъ именемъ cadaго: я называлъ ихъ нумерами. Не могу умолчать однако,

что первый нумеръ принадлежитъ полтавскому легкоконному полку.

По отданіи этого приказа, Суворовъ немедленно сѣлъ на перекладную телѣжку, и поскакалъ обратно въ Херсонъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ мирныхъ маневровъ конницы и насмѣшекъ надъ пожилою госпожей на берегахъ Днѣпра, Польское королевство стояло уже вверхъ дномъ и, залитая кровью, Прага курилась. (*)

(*) Суворовъ, соединившись въ Кобылкахъ съ корпусомъ Дерфельдена, входившемъ до этого времени въ составъ арміи князя Репнина, двинулся къ Прагѣ. Авангардомъ этого корпуса командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, которому оторвало ногу при переправѣ чрезъ Наревъ, близъ деревни Поповки; ему пожаловали за то Андреевскій орденъ, что давало право на генералъ-лейтенантскій чинъ. Всѣ офицеры корпуса Дерфельдена должны были представляться Суворову; въ комнатахъ, гдѣ былъ назначенъ пріемъ, не взирая на холодное время года, были заблаговременно отворены всѣ окна и двери, для выкуриванія немогузнаекъ. Такъ какъ Суворовъ не любилъ чернаго цвѣта, то было строго запрещено представляться въ нижнемъ платьѣ этого цвѣта. Въ числѣ представляющихся находился Дерфельденъ, высокоуважаемый Суворовымъ, князь Лобановъ-Ростовскій (племянникъ князя Репнина, и въ послѣдствіи министр), украшенный св. Георгія 3 класса за Мачинское сраженіе, Ливенъ (въ послѣдствіи князь), капитанъ А. П. Ермоловъ, много иностранныхъ волонтеровъ, въ числѣ которыхъ находились подполковникъ графъ Кинсона и графъ Сенпри. Суворовъ, обратясь къ Лобанову, сказалъ съ усмѣшкой: „Помилуй Богъ, вѣдь Мачинское сраженіе было кровопролитно;“ смотря на Ливена, онъ сказалъ: „Какой высокій, должно быть, весьма храбрый офицеръ, отчего это я на васъ не вижу ни одного ордена?“ Сказавъ графу Сенпри: „Вы счастливо служите; въ ваши лѣта я былъ бы только поручикомъ,“ онъ вдругъ бросился его цѣловать, говоря: „вашъ дядя былъ моимъ благодѣтелемъ, я ему многимъ обязанъ.“ Эти слова не были понятны въ то время, но въ послѣдствіи узнали, что дядя Сенпри, будучи французскимъ министромъ, возбудилъ первую Турецкую войну. Обратясь къ графу Кинсона, Суворовъ спросилъ его: „За какое сраженіе получили вы носимый вами орденъ, и какъ зовутъ орденъ?“ Кинсона отвѣчалъ, что орденъ называется Мальтійскимъ, и имъ награждаются лишь члены знатныхъ фамилій.—„Какой почтенный орденъ!“ возразилъ Суворовъ, „позвольте посмотрѣть его.“ Снявъ его съ Кинсона, онъ его показывалъ всѣмъ, повторяя: „Какой почтенный орденъ!“ Обратясь потомъ къ прочимъ присутствовавшимъ офицерамъ, онъ сталъ ихъ по одиначкѣ спрашивать: „За что получили вы этотъ орденъ?“—„За взятіе Измаила, Очакова, и проч.“ было

отвѣтомъ ихъ. „Ваши ордена ниже этого,“ сказалъ Суворовъ; „они даны вамъ за храбрость, а этотъ почтенный орденъ данъ за знатный родъ.“

Всѣ представлявшіеся были приглашены къ обѣденному столу Суворова, который имѣлъ обыкновеніе садиться за столъ въ 9 часовъ утра. Приглашенные заняли мѣста по старшинству за столомъ, на которомъ была поставлена простая фаянсовая посуда; передъ обѣдомъ Суворовъ, не поморщившись, выпилъ большой стаканъ водки. Подали сперва весьма горячій и отвратительный супъ, который надлежало каждому весь съѣсть; послѣ того былъ принесенъ затхлый балыкъ на конопляномъ маслѣ. Такъ какъ было строго запрещено брать соль ножомъ изъ солоницы, то каждому слѣдовало заблаговременно отсыпать по кучкѣ соли возлѣ себя. Суворовъ не любилъ, чтобы за столомъ катали шарики изъ хлѣба; замѣченному въ подобной винѣ тотчасъ приносили рукомойникъ съ водой; А. М. Каховскій, замѣчательный по своему необыкновенному уму, избавился отъ подобнаго наказанія лишь острымъ словомъ.

Опасаясь послѣ штурма Праги быть застигнутымъ непріателемъ въ расплохъ, Суворовъ приказалъ артиллеріи сжечь большой мостъ, ведущій въ Варшаву, гдѣ въ то время находилось еще 10,000 хорошаго войска, подъ начальствомъ Вавжецкаго. Въ нашемъ лагерѣ все ликовало послѣ удачнаго штурма и пило по случаю побѣды; солдаты Фанагорійскаго полка, не будучи въ состояніи чистить свое оружіе, наняли для этого другихъ солдатъ. Погода стояла хорошая, но весьма холодная; изъ поднятыхъ палатокъ подымался паръ отъ красныхъ лицъ солдатъ, что доставляло не малое удовольствіе Суворову, говорившему: „помилуй Богъ, послѣ побѣды день пропить ничего, лишь бы начальникъ позаботился принять мѣры противу внезапнаго нападенія.“ Онъ приказалъ построить узкій мостъ для пѣшеходовъ, по которому было дозволено жителямъ приходить въ Прагу, для отыскиванія тѣлъ своихъ ближнихъ. Суворовъ справедливо разсчиталъ, что это ужасное зрѣлище должно неминуемо поколебать мужество Поляковъ; въ самомъ дѣлѣ, Варшава вскорѣ сдалась. Суворовъ торжественно отправился въ каретѣ въ королевскій дворецъ; въ каретѣ сидѣлъ противъ него дежурный генералъ Потемкинъ, человекъ замѣчательнаго ума (онъ служилъ въ послѣдствіи на Кавказѣ и сдѣлалъ на воротяхъ Екатеринограда, обращенныхъ къ сторонѣ Тифлиса, надпись: „Дорога въ Грузію“). Король встрѣтилъ его у подъѣзда. Простившись съ Е. В., Суворовъ не допустилъ его сойти съ лѣстницы. Во время выступленія польскихъ войскъ, въ числѣ 10,000 человекъ изъ Варшавы, казачьему майору, Андрею Карповичу Денисову, удалось захватить всѣхъ польскихъ начальниковъ, безпечно завтракавшихъ въ гостинницѣ; подѣхавъ послѣ того къ польскимъ войскамъ, Денисовъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, приказалъ имъ положить оружіе, что и было тотчасъ исполнено. *(Это было мнѣ сообщено А. П. Ермоловымъ.)*

Въ 1820 году этотъ самый Денисовъ, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ отданъ подъ судъ, за превышеніе власти, генераломъ А. Н. Чернышевымъ.

А. П. Ермоловъ, будучи вызванъ около этого времени въ Лайбахъ для начальствованія арміею въ Италіи, и заѣхавъ дорогой въ Новочеркасскъ, узналъ о томъ отъ Болгарскаго, правителя канцеляріи Чернышева. Убѣдившись въ невинности храбраго генерала Денисова, онъ рѣшился его спасти. Прибывъ въ Лайбахъ, Алексѣй Петровичъ увидѣлъ Чернышева, который сказалъ ему: „Я слышалъ, что вы находите мой поступокъ несправедливымъ; но я не могъ не подвергнуть суду Денисова, превысившаго власть свою.“ На это Ермоловъ возразилъ: „Во 1-хъ, я знаю положительно и докажу вамъ, что ваше обвиненіе несправедливо и совершенно неосновательно; во 2-хъ, я спрошу васъ: дерзнули ли вы бы сдѣлать малѣйшее замѣчаніе Матв. Ив. Платову, который несравненно болѣе Денисова и весьма часто превышалъ свою власть, и въ 3-хъ, я обращаю ваше вниманіе на слѣдующее: я былъ еще ничтожнымъ офицеромъ, а вы—ребенкомъ, когда этотъ храбрый Денисовъ, отличаемый Суворовымъ, заставилъ, въ 1794 году, 10,000 польскій корпусъ положить оружіе и спастъ съ двумя полками Пруссаковъ послѣ отраженія ихъ отъ Варшавы.“ Зная благосклонность императора Александра къ Ермолову, который не преминулъ бы довести это до свѣдѣнія Его Величества, Чернышевъ нашелся вынужденнымъ освободить Денисова изъ подъ суда. Возвращаясь въ Грузію, Ермоловъ проѣхалъ черезъ Аксай, куда выѣхали къ нему на встрѣчу многіе Донцы, которые весьма любили и уважали его. Въ числѣ прибывшихъ находился и Денисовъ, который пріѣхалъ благодарить за ходатайство его объ немъ. *(Мнѣ разсказалъ это самъ Болгарскій и дополнилъ А. К. Денисовъ).*

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1807 года.

Дениса Давыдова.

МАТЕРІАЛЫ

КОРРЕКЦИОННО-ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

1807 ГОДА

ВЪЗНЕСЕНА

ВСТРѢЧА

съ

ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ ГРАФОМЪ КАМЕНСКИМЪ.

1806 года іюля 4-го дня, я былъ переведенъ изъ ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка (что нынѣ полкъ принца Оранскаго) въ лейбъ-гусарскій полкъ поручикомъ (*). Въ началѣ сентября я прибылъ въ Петербургъ, и немедленно перѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ; эскадронный командиръ былъ давній другъ мой, одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію, сослуживцы же—ребята добрые. Мы жили ладно: у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго (разумѣется, въ долгъ), чѣмъ печали. . . . всегда веселье и всегда на-веселѣ.

Можетъ быть, въ настоящихъ лѣтахъ моихъ, я благословилъ бы участь мою и не желалъ бы болѣе; но мнѣ тогда было 22 года, я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни. Сверхъ того, положеніе мое было для меня

(*) 1804 года сентября 13 дня, я былъ *выписанъ* изъ поручиковъ кавалергардскаго полка въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ (что нынѣ полкъ принца Оранскаго) ротмистромъ.

истинно нестерпимо. Оставя гвардію, неслыхавшую еще боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, пришедшую изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня еще пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ! Я говорилъ о рвеніи моемъ; мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости!

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи Прусской арміи при Іенѣ (*). Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и фельдмаршалъ графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни своей для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшенный пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ адъютанты, или быть приписану къ какому нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои! Я не могъ найти не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя мало-мальски отозвалось броженіе чувствъ моихъ! Вездѣ на поэзію, кипѣвшую въ душѣ, въ глазахъ и въ словахъ моихъ, встрѣчалъ я прозаическое словцо: «Это вамъ дѣлаетъ честь!»—«Умилосердитесь! Я не похвалы прошу, но не дайте мнѣ загдохнуть, дайте подышать чистымъ воздухомъ».—«Вы знаете, что Государь не любитъ волонтеровъ». Я принималъ за клевету такое святотатственное слово на счетъ Государя Императора, почитая за сверхъестественное дѣло, чтобы Русскій Царь не любилъ тѣхъ, кои рвутся впередъ.

Между тѣмъ колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетюшекъ, какъ будто войско, принадлежащее Наполеону, лѣзли на приступъ 9-го нумера Сѣверной Гостинницы, гдѣ остановился фельдмаршалъ. Всякій просилъ его о своемъ кровномъ, всѣ просьбы были удовлетворены, и, къ большому мо-

(*) Замѣчательно то, что во время этого сраженія канонада была слышна королемъ Виртембергскимъ въ замкѣ его Лудвигслутъ; это было передано самимъ королемъ великому князю Константину Павловичу.

ему терзанію, я долженъ былъ быть свидѣтелемъ сборовъ къ отъѣзду въ армію многихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Ужасное отчаяніе овладѣло мною и внушило мнѣ отважный поступокъ: 16-го ноября, въ 4-мъ часу по полуночи, я надѣлъ мундиръ, сѣлъ въ дрожки и пріѣхалъ къ самому фельдмаршалу. Я избралъ часъ сей для того, чтобы предупредить новую колонну родственниковъ, готовившуюся вновь атаковать его. Къ тому, всякій чудакъ любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи молодаго поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго фельдмаршала, живаго, яраго и строптиваго, не былъ слишкомъ близокъ къ обыкновеннымъ правиламъ общезжитія и даже благоразумія. Все спало на дворѣ и въ гостиницѣ; 9-й нумеръ, къ которому вела крутая, тѣсная и едва освѣщенная лѣстница, находился въ третьемъ этажѣ (*). У входа въ оный былъ маленькій корридоръ, въ коемъ горѣлъ фонарь. Погода была холодная; подойдя къ дверямъ нумера, я завернулся въ шинель и прислонился къ углу, въ ожиданіи какого нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго деньщика фельдмаршала.

Однако, когда первый пылъ рѣшительности моей поубавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на корридоръ, едва освѣщаемый гаснувшимъ уже фонаремъ, и сообразилъ съ сими очевидными предметами часъ, избранный мною на *торжественное* представленіе себя высокой особѣ, и младенческое своеправіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, свойственными лично графу Каменскому. Подумавъ немного, я сбросилъ съ себя

(*) Въ самомъ этомъ нумерѣ стоялъ сынъ фельдмаршала, графъ Николай Михайловичъ Каменскій, по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи, въ началѣ 1809 года. Бывъ въ то время присланъ курьеромъ изъ Финляндіи же къ военному министру, я навѣщалъ графа въ семъ нумерѣ, и съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ видѣлъ то мѣсто, гдѣ предпринялъ первую мою попытку на боевую службу.

шинель, придававшую мнѣ видъ Абеллино или Фра-Діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего набѣга въ одномъ мундирѣ.

Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является предо мною въ халатѣ съ головою повязанною бѣлой тряпицею и съ незажженнымъ въ рукѣ огаркомъ; это былъ фельдмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился.— «Кто вы таковы?» спросилъ онъ. Я назвалъ себя.— «Къ кому вы пришли?»— «Къ вашему сіятельству». Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль по корридору, зажегъ огарокъ свой и, поровнявшись со мною, сказалъ мнѣ: «Пожалуйте сюда». Я пошелъ за нимъ; онъ молча шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ спальнею я изъ уваженія хотѣлъ остановиться, пока удостоюсь особаго зова; примѣтя сіе, онъ сказалъ довольно сердито: «Нѣтъ, пожалуйста сюда». Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столикѣ подлѣ кровати, спросилъ меня: «Что вамъ надо?» Я объявилъ желаніе мое *служить на войнѣ*. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ и говорить почти въ изступленіи: «Да что это за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту. Замучили меня просьбами! Да кто вы таковы?» Я повторилъ мое имя. «Какой Давыдовъ?» Я сказалъ имя отца моего. «Неужто? помню, помню, любилъ и очень любилъ его, да и съ дѣдушкой твоимъ мы были пріятеля.» Тутъ онъ началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды, Минчака Касаевича, родоначальника рода Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія, онъ сказалъ: «Помнится мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи? За что? Скажи мнѣ правду, какъ бы ты сказалъ ее покойному отцу своему.» Я рассказалъ приключеніе сіе со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я, какъ ястребъ, *взмы-*

вая надъ мѣстами, отъ коихъ примѣчалъ, что брови его начинали смыкаться, *надалѣ стремглавъ и уцѣплялся* за тѣ, отъ коихъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ну, хорошо, любезный Давыдовъ! Нынче же буду просить тебя съ собою, и расскажу Государю все: какъ ты ночью ворвался ко мнѣ, какъ я тебя принялъ, прости меня! за неблагонамѣреннаго человѣка. . . . Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ее, но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу; признайся!» Я извинялся, что обезпокоилъ его въ такой необыкновенный часъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ,» возразилъ онъ съ пылкостью, — «это мнѣ пріятно, это я люблю, это значить ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце. . . . я это знаю, я чувствую!» И такъ, распростясь съ нимъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалося радостію, чадъ бродилъ въ головѣ моей, уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ, уже я рѣшилъ важное сраженіе и едва ли не побѣдителемъ Наполеона бросился на постель, на коей не могъ сомкнуть глазъ отъ волненія душевнаго. Надежда въ эти лѣта такъ похожа на дѣйствительность.

Поутру заговорили въ Петербургѣ о моемъ наѣздническомъ наскокѣ на фельдмаршала, но отъ него я ничего не получалъ въ теченіи этого дня. На-завтра я пріѣхалъ къ нему въ 9 часовъ утра, чтобы узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами; я вошелъ въ горницы, полныя чиновниками, и остановился у притолки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ: «Я говорилъ о тебѣ, любезный Давыдовъ; просилъ тебя въ адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказали, подъ предлогомъ, что тебѣ надо еще послужить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ, что, по словамъ и по лицу Государя, я вижу, что не могу тебя выпросить къ себѣ. Ищи самъ

собою средства, и какія бы ты не нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и дамъ тебѣ случай отличиться.» Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопанный. Но когда потянулась мимо меня процессія избранныхъ, я взглянулъ на нихъ, пожалъ плечами и улыбнулся, какъ никогда сатана не улыбался!

Этою попыткой я не могъ удовольствоваться; закусивъ поводъ, я бросался на каждую стезю, которая, какъ казалось мнѣ, могла вести меня къ моей цѣли.

Находясь уже давно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ моимъ эскадроннымъ командиромъ, я потому былъ весьма обласканъ сестрою его, весьма значительною въ то время особой. Проводя обыкновенно время мое въ ея великолѣпномъ, роскошномъ и посѣщаемомъ вельможами, иностран-ными послами и знатными лицами домѣ, я потому имѣлъ довольно обширный кругъ знакомыхъ. Поискъ мой въ 9-й номеръ Сѣверной Гостинницы сдѣлался, какъ я уже сказалъ, предметомъ минутныхъ разговоровъ той части столицы, которая отъ тунеядства питается лишь перелетными новостями, какого бы рода онѣ ни были. Домъ Марьи Антоновны Нарышкиной, какъ домъ модный, принадлежалъ къ этому кварталу. Едва я, послѣ вышесказаннаго происшествія, вступилъ въ ея гостиную, какъ все обратилось ко мнѣ съ вопросами объ этомъ; никто болѣе ея не удивлялся смѣлому набѣгу моему на бѣшенаго старика.

Этотъ *подвигъ*, который удостоивали называть *чрезвычайнымъ*, много возвысилъ меня въ глазахъ этой могущественной женщины. Въ заключеніе всѣхъ восклицаній, которыми меня осыпали, она мнѣ наконецъ сказала: «Зачѣмъ вамъ было рисковать, вы бы меня избрали вашимъ адвокатомъ, и, можетъ быть, желаніе ваше давно уже было бы исполнено.» Можно вообразить себѣ взрывъ моей радости! Я отвѣчалъ, что время еще не ушло, что одно вниманіе и участіе ея служить вѣрнымъ залогомъ успѣха, и прочія въ томъ же вкусѣ фразы. Она обѣщала похлопотать обо мнѣ; она, можетъ быть, пола-

гала, что во мнѣ таится зародышъ чего либо необыкновеннаго, и что слава покровительствуемаго можетъ со временемъ отразиться на покровительницу; я поцѣловалъ съ восторгомъ прелестную руку и возвратился домой съ такими же надеждами на успѣхъ, какъ по возвращеніи моемъ изъ Сѣверной Гостиницы.

Чрезъ два дня я узналъ, что всѣ мои просьбы рушились о приговоръ не лишать меня изящнаго занятія *равняться во фронтъ и драть горло передъ взводомъ*.

Казалось, что приговоръ мой былъ подписанъ, и что судьба рѣшительно отказалась оживотворить меня своей улыбкой! Что же вышло? Пріѣзжаетъ курьеръ (Валуевъ) съ извѣстіемъ о болѣзни фельдмаршала и объ отбытіи его изъ арміи. Спустя три дня является другой курьеръ (графъ Васильевъ), съ донесеніемъ Беннингсена о побѣдѣ при Пултускѣ, и князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ назначается Государемъ командиромъ авангарда дѣйствующей арміи, которая ввѣряется начальству генерала Беннингсена.

Какое, повидимому, могли имѣть вліяніе на военную участь бѣднаго гусарскаго поручика, ходившаго съ бичемъ по манежу, или сидѣвшаго за круговой чашей съ товарищами, фельдмаршалъ графъ Каменскій, и Пултускѣ, и Беннингсенъ, и Багратіонъ? Первому отказали на счетъ меня тогда, когда ему ни въ чемъ не отказывали; Беннингсенъ не вѣдалъ о моемъ существованіи; о Пултускѣ я зналъ только по картѣ, а Багратіонъ знакомъ былъ со мною только мимоходомъ: здравствуй, прощай, и все тутъ! Я въ день пріѣзда графа Васильева былъ въ Петербургѣ, для свиданья съ братомъ, и весьма мало ожидалъ ходатайства обо мнѣ князя Багратіона, будучи убѣжденъ въ неудачѣ его попытокъ, если бы онъ и вздумалъ предпринять ихъ. Узнавъ о назначеніи его въ армію, мнѣ и въ голову не входило проситься къ нему въ адъютанты!

Вотъ какимъ образомъ исполнились мои желанія:

Князь, получивъ изъ устъ Государя извѣстіе о назначеніи

своемъ и о позволеніи взять съ собою нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, заѣхалъ въ тоже утро къ Нарышкиной съ тѣмъ, чтобы спросить ее, не пожелаетъ ли она, чтобы онъ взялъ съ собою брата ея (моего эскадроннаго командира); такъ какъ онъ уже служилъ при князѣ въ Аустерлицкую кампанію съ большимъ отличіемъ, былъ ему душевно преданъ, и всегда говаривалъ, что онъ ни съ кѣмъ другимъ не поѣдетъ въ армію, Нарышкина немедленно согласилась на предложеніе князя, прибавивъ къ этому, что если онъ вполнѣ желаетъ ее одолжить, то чтобы взялъ съ собою и Дениса Давыдова. Одно слово этой женщины было тогда повелѣніемъ; князь поѣхалъ на другой день къ Императору, и я по сіе время не знаю, какъ достигъ онъ до той цѣли, до коей фельдмаршалъ достигнуть не могъ, не смотря на всѣ его старанія. Ничего не подозрѣвая обо всемъ этомъ, я, въ день рѣшенія своей участи, пріѣхалъ по обыкновенію обѣдать къ Нарышкиной вмѣстѣ съ ея братомъ. Она, увидѣвъ его, поспѣшила объявить ему, что онъ ѣдетъ съ княземъ Багратиономъ, — меня бросило въ дрожь; Борисъ Четвертинскій, любившій меня какъ брата, зная, какъ велико было желаніе мое ѣхать въ армію, спросилъ ее: «А онъ?» показывая на меня, — «а онъ? нѣтъ; опять отказъ!» отвѣчала она; я поблѣднѣлъ. Замѣтивъ это, она испугалась, бросилась ко мнѣ и сказала: «Виновата, я хотѣла пошутить, и вы ѣдете». Я не помню, что въ то время со мною сдѣлалось; но меня увѣряли, что я едва не бросился къ ней на шею.

Во время обѣда я не могъ ѣсть; не кровь, но огонь пробѣгалъ по всѣмъ моимъ жиламъ, и голова была верхъ дномъ! Послѣ обѣда я бросился къ князю Багратиону, который вечеромъ долженъ былъ отправиться къ своему мѣсту. Онъ жилъ въ домѣ князя Гагарина на Дворцовой Набережной. Когда я пріѣхалъ, кибитка была уже подвезена къ его крыльцу (*).

(*) У князя я нашелъ трехъ офицеровъ. Странно, что изъ всѣхъ присутствовавшихъ въ горницѣ его я одинъ остался въ живыхъ. Во первыхъ самъ князь Багратионъ палъ подъ Бородиномъ, Голицынъ (князь Михаилъ Сергѣевичъ) убитъ подъ Ландсбергомъ въ 1807 году, графъ Грабовскій убитъ подъ Краснымъ въ 1812 году, а графъ Сенъ-При убитъ подъ Реймсомъ въ 1814 году.

Стыжусь своей слабости! я хотя былъ увѣренъ, что князь не обманулъ Нарышкину, объявивъ ей о соизволеніи Государя на отѣздъ мой въ армію, и былъ также увѣренъ, что и Нарышкина не обманула меня.... но, опасаясь разочарованія, я лучше хотѣлъ остаться въ невѣдѣніи, чѣмъ удостовѣриться въ истинѣ, можетъ быть, для меня ужасной! И что же? Вмѣсто того, чтобы спросить князя точно ли я къ нему назначенъ и когда прикажетъ мнѣ ѣхать? что необходимо слѣдовало бы сдѣлать, я, простившись съ нимъ, проводилъ до кибитки, не промолвивъ о себѣ ни слова! Когда уже онъ былъ далеко,—я, устыдясь самого себя, не безъ усилія поѣхалъ къ графу Ливену (исправлявшему тогда должность директора военно-походной Его Величества канцеляріи), который рѣшительно объявилъ мнѣ, что я назначенъ адъютантомъ къ князю Багратиону, и что на другой день будетъ о томъ отдано въ приказѣ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 3-го января, я догналъ около Пскова князя Ѳедора Гагарина (служившаго тогда корнетомъ въ кавалергардскомъ полку) и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Вильно. Тамъ нашли мы множество гвардейскихъ офицеровъ нашихъ, изъ коихъ помню только Рындина (убитаго генераль-маіоромъ при Проводахъ 1829 года), барона Дамаса, довольно основательно владѣвшаго русскимъ языкомъ, (который былъ потомъ министромъ военнымъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, а еще позднѣе наставникомъ герцога Бордоскаго), Пущина (что нынѣ генераль-маіоръ въ отставкѣ), Фридрихса (что нынѣ шталмейстеромъ при Дворѣ), Мандрыку (что нынѣ генераль-маіоръ) и пр. Всѣ эти офицеры были командированы для обученія порядку службы новопформировавшихся армейскихъ полковъ. Мы хотѣли, отдохнувъ нѣсколько дней въ Вильно, воспользоваться балами и прочими увеселеніями города, а потомъ уже скакать къ мѣсту назначенія. Но, узнавъ, что въ арміи ждуть съ часа на часъ генеральнаго сраженія, кровь моя снова закипѣла, и я поспѣшно оставилъ Вильно. Проѣздомъ чрезъ Скидель, я заѣзжалъ въ Озеркахъ къ Шепелеву, который былъ тогда полковникомъ и фор-

мировалъ Гродненскій (что нынѣ Клястицкій) гусарскій полкъ, тамъ нашель я эскадронныхъ командировъ полка его и моихъ пріятелей Степана Бибикова, Александра Давыдова, вѣчнаго маіора, но славнаго въ послѣдствіи генерала Кульнева, Горголія, познакомился съ славнымъ въ послѣдствіи О. В. Ридгеромъ, отцемъ-командиромъ моимъ въ войну 1831 года, столь справедливо его прославившую; онъ былъ тогда кажется штабъ-ротмистромъ, или ротмистромъ Гродненскаго полка. Въ Гродно я заѣзжалъ къ женѣ полковника Бороздина (что умеръ генераломъ отъ кавалеріи); онъ такъ же, какъ и Шепелевъ, окончивъ формированіе полка Финляндскаго драгунскаго, былъ уже за границей въ Ликъ.

Я никогда не забуду той радости, съ которою я первый разъ въ жизни переѣхалъ нашу границу; какъ все было для меня ново, необыкновенно! Это было бы весьма естественно, если бы я любовался чистыми и весьма красивыми городками и селеніями.... но меня радовали и аккуратные нѣмцы съ пудовыми ихъ шутками на счетъ Наполеона, отъ нашествія котораго ихъ не на шутку бросало въ дрожь, и бирь-супъ, и буттеръ-бродъ, и грубые почталіоны, обходящіеся столь учтиво съ лошадьми своими! Я ѣхалъ ня Августово, Ликъ, гдѣ ночевалъ у Бороздина, Рейнъ, Гутштадтъ, и 15-го въ 10 часовъ утра пріѣхалъ въ Либштадтъ, въ минуту выступленія главной квартиры и главной арміи въ Морунгенъ, гдѣ 13-го числа былъ атакованъ и разбитъ Бернадотомъ Евгеній Ивановичъ Марковъ, командовавшій главнымъ авангардомъ арміи.

Имѣвъ нѣсколько пакетовъ на имя главнокомандующаго, я былъ представленъ ему, и имѣлъ честь вручить ихъ лично. Мнѣ пріятно было встрѣтить въ комнатѣ его множество моихъ петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Всѣ меня обступили; всякій спрашивалъ о друзьяхъ, въ Петербургѣ оставленныхъ. Всей или большей части молодежи нашей надоѣла война, которая велась въ такое суровое время года, безъ рѣшительныхъ успѣховъ и при недостаткахъ всякаго рода; всѣ вздыхали о петербургской роскошной жизни! «Глупый

ты человекъ,» говорили мнѣ они,» «чортъ тебя сюда занесъ! Какъ дорого бы мы дали, чтобъ возвратится назадъ! Ты еще въ чаду, мы это видимъ, погоди немного, и мы услышимъ, что ты скажешь.» Я отвѣчалъ имъ, что я заранѣе зналъ, куда ѣду, туда — гдѣ дерутся, а не туда — гдѣ цѣлуются, и былъ всегда увѣренъ, что война не похлѣбка на стерляжемъ бульонѣ. И подлинно, я не думалъ тогда о трудахъ и опасностяхъ: такъ неограниченность надеждъ и новизна положенія дѣйствовали на мои чувства. Довольно сказать, что я съ дѣтства моего мечталъ только о боевой службѣ; имѣя только 23-й годъ отъ роду, я былъ честолюбивъ до крайности.

Такъ какъ я пріѣхалъ на почтовыхъ, то не было еще у меня верховой лошади, чтобы слѣдовать вмѣстѣ съ войсками; кавалергардскаго полка ротмистръ (что нынѣ генераль-адъютантъ и графъ) Левашевъ далъ мнѣ на походъ до Морунгена лошадь изъ-подъ казака своего, и мы такимъ образомъ отправились. Я ѣхалъ при Павлоградскомъ гусарскомъ полку съ шефомъ его, генераль-маіоромъ Чаплицомъ, и эскадроннымъ командиромъ, графомъ Оруркомъ (нынѣ генераль-лейтенантъ). На походѣ я познакомился съ нѣкоторыми офицерами сего полка, между коими были кн. Баратаевъ, Ясонъ и Степанъ Храповицкіе. Я не думалъ тогда, что съ послѣднимъ буду служить въ великій 1812 годъ партизаномъ, и заключу съ нимъ братскую дружбу на кровавыхъ пирахъ войны отечественной!

Не могу описать, съ какимъ восторгомъ и упоеніемъ глядѣлъ я на все, что вокругъ меня происходило, на все то, что мнѣ бросалось въ глаза! Части пѣхоты, конницы и артиллеріи, готовыя къ движенію, облежали еще возвышенія справа и слѣва, въ то время, какъ длинныя полосы черныхъ колоннъ изгибались уже по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ. Стукъ пушечныхъ колесъ, топотъ копытъ конницы, разговоръ, хохотъ или ропотъ пѣхоты, идущей по колѣно въ снѣгу, скачка адъютантовъ по разнымъ направленіямъ, генераловъ съ ихъ свитами, самая небрежность и неопрятность въ одеждѣ войскъ,

два мѣсяца не видавшихъ крышей, закопченныхъ дымомъ биваковъ и сраженій, съ усами, покрытыми оледенѣлымъ инеемъ, съ прострѣленными киверами и плащами, все это, такъ сказать, благородное безобразіе, знаменующее понесенные ими труды и опасности — все неизъяснимо электризировало, возвышало мою душу! Наконецъ я попалъ въ мою стихію!

Но сколь чувства и мысли человѣка подвластны различнымъ впечатлѣніямъ! Сейчасъ я смотрѣлъ на военное ремесло съ привлекательнѣйшей стороны; пройдя нѣсколько верстъ впередъ, оно явилось мнѣ во всей своей отвратительности.

Мы подошли къ деревнѣ Георгеншталь, къ самому тому полю, на коемъ за два дня предъ приходомъ нашимъ былъ разбитъ Марковъ. Селеніе сіе было разбираемо на костры тою частію войскъ нашихъ, которой было опредѣлено провести ночь на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей стояли внѣ селенія съ нѣмою горестію, но безъ слезъ и ропота, что всегда для меня было и есть поразительнѣе стенаній и вопля. Неопытный воинъ, я доселѣ полагалъ, что продовольствіе войскъ обезпечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей все необходимое для пищи войскъ, доставляя все въ армію, посредствомъ платы за подводы, нанимаемыя у тѣхъ же жителей; что биваки строятся для войска не изъ избъ мирныхъ поселянъ, а изъ кустовъ и деревьевъ, находящихся на корню. Словомъ, я былъ увѣренъ, что обыватели тѣхъ областей, на коихъ происходятъ военныя дѣйствія, во все не подвержены никакому несчастію и разоренію, и что они ни что болѣе, какъ спокойные зрители происшествій, подобно жителямъ Краснаго Села во время нашихъ маневровъ. Каково было мое удивленіе при видѣ противнаго! Тутъ только удостовѣрился я въ злополучіи и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною тому классу людей, который, не стяжая въ ней, подобно намъ, ни славы, ни почестей, лишается не только послѣдняго имущества, послѣдняго куска хлѣба, но жизни, чести женъ и дочерей, и, тощій и пораженный во всемъ,

что есть для него милого и святаго, умираетъ на дымящихся развалинахъ своей родины.

На этомъ же полѣ картина другаго рода потрясла мою душу. Мы вступили, какъ я сказалъ, на равнину Морунгенской битвы. «Уже», какъ говорить одинъ изъ благозвучныхъ нашихъ прозаиковъ, «уже отстонало поле, уже застыла кровь. Тысячи лежали на снѣгу. Опрокинутые трупы съ отверстыми, потусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо; но они не видали уже ни неба, ни земли. Они валялись, разбросанные, какъ сосуды драгоцѣннаго напитка, раздробленные насильственной рукой. Мрачный зимній день наводилъ какую-то синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины человѣчества, въ которыхъ за два дня предъ тѣмъ бушевали страсти, играли надежды, и свѣжія желанія кипѣли, какъ лѣта пылкой юности.»

Я изъ любопытства посѣтилъ все поле сраженія. Я прежде осматривалъ нашу позицію, а потомъ и непріятельскую. Видно было, гдѣ огонь и натиски были сильнѣе по количеству тѣлъ, лежавшихъ на тѣхъ мѣстахъ. Артиллеріею авангарда нашего командовалъ тогда уже извѣстный полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, и дѣйствіе ея было во всемъ смыслѣ слова разрушительно для пѣхотныхъ колоннъ и линій непріятельской кавалеріи, ибо цѣлыя толпы первой и цѣлые ряды послѣдней лежали у деревни Пфаресфельдшенъ, пораженные ядрами и картечью въ томъ же порядкѣ, какъ они шли или стояли во время битвы.

Въ началѣ сія равнина смерти, попираемая нами, которые спѣшили къ подобной участи, сіи лица и тѣла, искаженные и обезображенные огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, не произвели надо мною никакого особеннаго впечатлѣнія; но по мѣрѣ воли, даваемой мною воображенію своему, я, со стыдомъ признаюсь, дошелъ до той степени безпокойства относительно *самого себя*, или, по просту сказать, я ощутилъ такую робость, что, пріѣхавъ въ Морунгенъ, я во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, пугаясь подобнаго же искаженія. Если бы разсудокъ имѣлъ хотя малѣйшее участіе въ дѣйствіи

моего воображенія, я бы легко увидѣлъ, что таковая смерть не только не ужасна, но завидна,—ибо чѣмъ рана смертельнаѣе, тѣмъ страданіе кратковременнѣе, а какое дѣло до того, что послѣ смерти я буду пугать живыхъ людей своимъ искаженіемъ, самъ того не чувствуя?

Слава Богу, что съ разсвѣтомъ воспослѣдовало умственное мое выздоровленіе, и я, пришедъ въ первобытное положеніе, самъ надъ собою смѣялся; въ теченіе долговременной моей службы я уже никогда не впадалъ въ подобный пароксизмъ больного воображенія.

День дневки я пробылъ въ Морунгенѣ и обѣдалъ у главнокомандующаго, къ которому заходилъ еще и вечеромъ. Хотя я былъ весьма неопытенъ въ военномъ ремеслѣ, но помню, что меня крайне удивила нескромность Бенингсена и прочихъ генераловъ, при главной квартирѣ находившихся. Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ Бенингсенъ, К..., Г. Т..., лежа на картѣ, сообщали другъ другу о предположеніяхъ своихъ. Они объявляли свои намѣренія при множествѣ разнаго рода чиновниковъ военныхъ и статскихъ, адъютантовъ и иностранцевъ!

16-го января рано поутру я купилъ себѣ верховую лошадь и въ сопровожденіи одного казака отправился къ князю Багратиону, принявшему уже начальство надъ авангардомъ Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута; этотъ авангардъ находился тогда въ деревнѣ *Биберсвальдъ*, лежащей на дорогѣ, которая идетъ изъ Либемилля въ Дейтчъ-Эйлау. На пути моемъ я нашелъ конницу Корфа и графа Палена въ Гросъ-Готсвальде,—гдѣ купилъ еще лошадь верховую въ Сумскомъ гусарскомъ полку; слѣдуя далѣе въ Остерродскомъ лѣсу, я проѣхалъ мимо кочующей на дорогѣ окола озера Борлингъ-зе дивизіи графа Остермана. Ночью, пріѣхавъ въ Любемиль, я явился къ Н. А. Тучкову, коего дивизія находилась въ семъ городѣ, и рано поутру прибылъ къ своему мѣсту. На пути присоединились ко мнѣ, ѣхавшіе такъ же какъ и я въ авангардъ, Митавскаго драгунскаго полка поручикъ Хитровъ и одинъ казачій офицеръ, коего я забылъ имя.

Князь квартировалъ въ красивой и обширной избѣ прусскаго поселанина. Онъ занималъ большую горницу, гдѣ стояла кровать хозяйская, на которой ему была послана солома; полъ этой горницы былъ также устланъ соломою. Въ свитѣ князя находились въ это время кавалергардскаго полка полковникъ князь Трубецкой (что нынѣ генералъ-адъютантъ генералъ отъ кавалеріи), графъ де-Бальмень, гр. Грабовскій, Афросимовъ, Эйхенъ, и проч. Вскорѣ я увидѣлъ Евгенія Ивановича Маркова и Барклая, тогда еще въ генералъ-маіорскихъ чинахъ, генералъ-маіора Багговута, полковниковъ: Юрковскаго, Ермолова, Турчанинова и проч.; аванпостами командовалъ Юрковскій.

Я помню, что въ то время хотя Барклай былъ украшенъ лишь Георгіемъ и Владиміромъ 4-ой степени, и штурмовой Очаковской медалью, но уже пользовался репутаціей мужественнаго и искуснаго генерала.

Въ теченіи пятилѣтней моей службы при князѣ Багратионѣ въ качествѣ адъютанта его, я во время военныхъ дѣйствій не видалъ его иначе, какъ одѣтымъ днемъ и ночью (*). Сонъ его былъ весьма короткій—три, много четыре часа въ сутки, и то съ пробудами; ибо каждый пріѣзжій съ аванпостовъ долженъ былъ будить его, если извѣстіе, имъ привезенное, того стоило. Онъ любилъ жить роскошно: всего было у него вдоволь, но для другихъ, а не для себя. Онъ самъ же довольствовался весьма малымъ и былъ чрезмѣрно трезвъ; я не видалъ, чтобы онъ когда либо пилъ водку или вино, кромѣ двухъ рюмокъ мадеры за обѣдомъ. Въ то время одежда его была слѣдующая: сюртукъ мундирный со звѣздою Георгія 2-го класса, бурка, шпага, которую онъ носилъ въ *Италіи при Суворовѣ*, на головѣ картузь изъ сѣрой смушки, и въ рукѣ казачья нагайка.

Отъ суровости времени года въ сію кампанію, не глядѣли за формою, и мы все то носили, что болѣе другаго грѣло. Я

(*) Это мѣсто, какъ и многія другія буквально заимствованы генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ въ его описаніи войны 1806 и 1807 годовъ.

было надѣль на себя лейбъ-гусарскій ментикъ, но меня уговарили снять его, дабы избѣгнуть опасности быть ранену или убиту отъ своихъ, потому что въ корпусѣ Бернадота, который въ то время ближе другихъ находился къ намъ, былъ 10-й гусарскій полкъ, носившій красные ментики, подобно лейбъ-гусарскому полку.

МАТЕРИАЛЫ

ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЙНЪ

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЙНЪ.

...и
... ..
... ..
... ..
... ..

МАТЕРИАЛЫ

ИЗ

ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЙНЪ.

Я имѣлъ сначала намѣреніе упомянуть въ этихъ запискахъ лишь о тѣхъ случаяхъ, коихъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ, но непримѣтно и вкратцѣ набросалъ почти всю кампанію. Просматривая эти записки, и найдя ихъ слишкомъ сжатыми, я потому рѣшился дополнить недостающее краткимъ описаніемъ положенія и дѣйствія обѣихъ воюющихъ армій, начиная съ перехода чрезъ Вислу до моего прибытія къ авангарду 18-го января, день, съ котораго я начинаю свое повѣствованіе, какъ очевидецъ.

Я почитаю однако нужнымъ предупредить, что свѣдѣнія о силѣ и размѣщеніи дѣйствовавшихъ войскъ, также и о предположеніяхъ генерала Бенингсена, я извлекъ изъ словъ и изъ собственныхъ, не изданныхъ еще записокъ этого генерала. Да простятъ мнѣ строгіе наблюдатели законовъ классическаго! Изображаю событія и личности, мнѣ извѣстныя, какъ представляетъ мнѣ ихъ моя память. Если эти матеріалы достойны вниманія, то пусть мозаическій кропатель подведетъ тѣнь къ тѣни. Мнѣ некогда было этимъ заниматься, я писалъ ихъ на сѣдлѣ при блескѣ бивачныхъ огней, а переписывалъ подъ звуками мирныхъ сельскихъ работъ.

Пораженіе прусской арміи при Іенѣ и Ауерштедтѣ не убѣдили нашего Государя отказаться отъ союза, заключеннаго съ

дворомъ Берлинскимъ. Въ началѣ ноября русскія войска двинулись отъ береговъ Нѣмана на помощь остаткамъ прусскихъ войскъ (такъ называемый корпусъ Лестока, состоявшій въ то время изъ 6000 человекъ), спѣшившимъ въ старую Пруссію. Корпусъ генерала Бенингсена выступалъ изъ окрестностей Гродно къ Варшавѣ; корпусъ генерала графа Буксгевдена выступилъ изъ окрестностей Вильны по тому же направленію; корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го получилъ повелѣніе оставить окрестности Хотина и идти къ Бресту-Литовскому.

Первый состоялъ изъ дивизій

генералъ-лейтенантовъ: гр. Остермана,

— — — — — Сакена,
 — — — — — кн. Голицына,
 — — — — — Седморадскаго,

и заключалъ въ себѣ до 54 тысячъ человекъ.

Второй состоялъ изъ дивизій

генералъ-лейтенантовъ: Тучкова 1-го,

— — — — — Дохтурова,
 — — — — — Анрепа,
 — — — — — Эссена 3-го,

и заключалъ въ себѣ 36 тысячъ человекъ.

Въ эту эпоху составъ нашей арміи былъ превосходный. Она почти вся состояла изъ широкоплечихъ, усастыхъ ветерановъ вѣка Екатерины, временъ Потемкинскихъ и Суворовскихъ. Многіе солдаты, прослужившіе слишкомъ 20 лѣтъ и имѣвшіе лишь отъ 40 до 45 лѣтъ отъ роду, участвовали въ приступахъ Очакова и Измаила, въ сраженіяхъ подъ Рымникомъ и Мачиномъ; тѣ, которыхъ служба простиралась не выше 12 лѣтъ и которымъ было отъ роду отъ 32 до 37 лѣтъ, участвовавъ въ приступѣ Праги и въ сраженіяхъ подъ Брестомъ и Маціовицами, разгромили Польшу. Наконецъ даже тѣ, которымъ считалось только 7 лѣтъ службы и которые имѣли лишь отъ 27 до 32 лѣтъ отъ роду, совершили безсмертный Италіанскій походъ съ Суворовымъ; они побѣждали Францу-

зовъ на Аддѣ, Требіи, подѣ Нови и на заоблачныхъ высотахъ и въ ущельяхъ Швейцаріи. Правда, что въ предшествовавшемъ году нѣкоторые изъ полковъ пострадали подѣ Аустерлицемъ; этотъ случай, подобно тревожному сну, поразившій лишь слегка ихъ мысли и чувства, не могъ поколебать еще высокаго ихъ о себѣ мнѣнія. Самолюбіе ихъ, вознесенное вѣковою непобѣдимостію, приписало несчастіе это несоразмѣрности числительной силы непріятеля съ силою нашей арміи и слабымъ дѣйствіямъ союзниковъ, но не генію Наполеона, еще менѣе превосходству надъ ними въ удалствѣ и храбрости французскаго войска, такъ недавно не выдержавшаго въ Италіи и въ Швейцаріи ихъ бурныхъ натисковъ. Такая армія могла смѣло состязаться съ войскомъ, покрытымъ лаврами Пирамидъ, Маренго и Ульма, и была готова поддержать всею мощью богатырской груди своей и русскаго штыка всякое отважное предпріятіе ея вождя. Все это ополченіе состояло изъ 107,000 человекъ.

Относительно генераловъ (*) всѣ эти воспоминанія были

(*) Многіе престарѣлые генералы, въ числѣ коихъ находился фельдмаршалъ князь Прозоровскій, домогались начальства надъ арміею во время войны 1806 и 1807 годовъ съ Французами. Девяностолѣтній князь Прозоровскій, одержимый хирагрой, подагрой, слѣпотой и сильнымъ трясеніемъ въ рукахъ и ногахъ, находилъ нужнымъ, для поддержанія своего здоровья, натираться ежедневно мадерой. Этотъ старецъ, не лишенный мужества, былъ человекъ ограниченный и въ высшей степени самонадѣянный; въ его понятіяхъ всѣ генералы, въ особенности князь Потемкинъ, о коемъ онъ имѣлъ самое невыгодное мнѣніе, за исключеніемъ одного Румянцева, были люди ничтожные и бездарные. Услыхавъ въ 1807 году о дѣйствіяхъ Бенингсена противу Французовъ, князь Прозоровскій сказалъ о немъ слѣдующее: „весьма удивительно, что Бенингсенъ ничего не знаетъ о томъ, что дѣлается въ тылу арміи Бонапарте; будь я на его мѣстѣ, я бы выслалъ свои разѣзды до самаго Рейна.“ Желая убѣдить всѣхъ, что онъ всегда пользовался репутаціею отличнаго генерала, онъ часто повторялъ слова: „отъ Суворова до Прозорова;“ хитрый М. И. Платовъ объяснилъ однажды всѣмъ, что эта поговорка была сказана въ первый разъ по слѣдующему поводу: великій Суворовъ, находившійся близъ Анапы, узнавъ о пораженіи, понесенномъ кн. Прозоровскимъ на Салгирѣ, и поспѣшномъ отступленіи его къ Перекопу, послалъ курьера въ Крымъ, дабы собрать обстоятельныя объ этомъ свѣдѣнія. Будучи назначенъ въ 1807 году главнокомандующимъ арміею въ Молдавіи и

къ несчастію глубоко потрясены поражениемъ при Аустерлицѣ. Ни одинъ генераль этой арміи, за исключеніемъ кн. Багратіона, не служилъ подъ знаменами великаго Суворова въ Италіи; нѣкоторые изъ нихъ видѣли непріатели лишь въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, прочіе же слышали выстрѣлы лишь на маневрахъ близъ Гатчины и Краснаго села.

Армія наша была раздѣлена на дивизіи, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ всѣ роды войска, отъ кирасиръ или драгунъ до казаковъ, отъ гренадеръ до егерей, артиллерію конную и пѣшую. Такъ какъ дивизія при полномъ комплектѣ не превышала 13,000 человекъ, то каждый родъ войска, входившій въ составъ ея, былъ чрезвычайно дробень; этѣ дробныя части, не будучи въ состояніи образовать тѣла плотнаго, что необходимо для оборонительнаго и наступательнаго дѣйствія, были слишкомъ слабы для оказанія взаимнаго содѣй-

Валахія, князь Прозоровскій, питавшій глубокую ненависть къ Потемкину, и потому избѣгавшій позицій, нѣкогда занимаемыхъ княземъ Тавриды, избиралъ нерѣдко для своихъ войскъ мѣста, гдѣ свирѣпствовали губительныя болѣзни. Хотя его войска совершали свои переходы въ теченіи цѣлаго дня, но они не дѣлали болѣе 12 верстъ въ сутки. Причина того заключалась въ построеніи арміи: обозы слѣдовали въ срединѣ огромнаго карре, которое, подвигаясь весьма медленно, должно было перестраиваться при переправахъ чрезъ каждую рѣчку. Фельдмаршала, сопровождавшаго армію на маленькомъ клеверѣ ссаживали съ него у каждаго кургана. Къ нему былъ назначенъ въ качествѣ помощника 60-ти лѣтній, но безсмертный въ послѣдствіи М. И. Кутузовъ, страдавшій отъ полученныхъ прежнихъ ранъ и разслабленіемъ въ ногахъ, отчего онъ подвигался какъ будто на лыжахъ; не взирая на палящія жары, Кутузовъ отправлялся ежедневно въ полной формѣ съ паролемъ къ фельдмаршалу, который, говоря съ нимъ, называлъ его всегда молодымъ человекомъ. Въ торжественные дни фельдмаршалъ давалъ парадныя обѣды, къ коимъ бывали приглашаемы всѣ генералы; Кутузовъ, не любившій присутствовать на этихъ обѣдахъ, прибѣгалъ даже нерѣдко къ лѣкарствамъ, чтобы избавиться отъ этой тягостной для него обязанности. Однажды обѣдалъ у фельдмаршала, въ концѣ 1807 года, въ Яссахъ, проѣзжавшій изъ Константинополя въ Парижъ генераль Себастіани; этотъ генераль, послѣ продолжительнаго фанфаронства и исчисленія монарховъ, покорныхъ волѣ Наполеона, разговорился о атаманѣ Платовѣ. Обратившись вдругъ къ Кутузову, онъ спросилъ его: „Qu'est ce que c'est qu'un hettman de cosaques?“ — „C'est une espèce de roi Westphalie,“ отвѣчалъ весьма хладнокровно Михаилъ Иларіоновичъ. Этотъ вполне остроумный отвѣтъ вынудилъ Себастіани закусить губы.

ствія. Кромѣ того, у насъ не существовало особенныхъ резервовъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артиллерійскихъ, столь полезныхъ во время веденія войны.

Устройство непріятельской арміи не могло не обратить на себя всеобщаго вниманія; французская армія состояла изъ корпусовъ, изъ которыхъ каждый представлялъ армію малаго размѣра, въ которую входили пѣхота, артиллерія и кавалерія.

Я почитаю необходимымъ, для полнаго уразумѣнія этой второй борьбы императора Александра съ Наполеономъ, ознакомить моихъ читателей съ характерами нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ дѣятелей. Вполнѣ сознавая свое безсиліе и неумѣніе обрисовать съ достаточною яркостью эти личности, изъ коихъ нѣкоторыя прославились въ послѣдствіи знаменитыми подвигами, я предоставляю каждому судить, въ какой мѣрѣ я достигъ желаемой цѣли. Я имѣю въ виду представить въ настоящемъ свѣтѣ лишь нѣкоторыя характеристическія черты изъ жизни замѣчательнѣйшихъ вождей нашихъ войскъ и, быть можетъ, заблуждаюсь въ оцѣнкѣ ихъ характеровъ и дѣйствій, а потому не только не опасаюсь противорѣчій, но приму съ истинною признательностью всякое возраженіе, основанное не на фактахъ, умышленно искаженныхъ и подверженныхъ сомнѣнію.

16-го ноября фельдмаршалъ, графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею. Престарѣлый лѣтами, но еще бодрый духомъ и тѣломъ, этотъ полководецъ, будучи одаренъ быстрымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ, обладалъ блистательными способностями и основательными разносторонними свѣдѣніями. Къ несчастію, эти качества были омрачены своенравіемъ, доходившимъ до бѣшенства, злобнымъ до безчеловѣчія сердцемъ, и нравомъ весьма строптивымъ; малѣйшее возраженіе или противорѣчіе, ошибка подчиненнаго, движеніе непріятеля, не соотвѣтствующее его предположенію, лихоимство какого нибудь чиновника, все это могло возбудить въ немъ страшный гнѣвъ, въ пылу котораго онъ все забывалъ. Онъ до глубочайшей старости

изучалъ математику и повѣрялъ часто вновь выходившіе курсы, дѣлая самъ по нимъ математическія выкладки.

Графъ Буксгевденъ, бывшій въ послѣдствіи главнокомандующимъ въ Финляндіи, былъ человекъ весьма храбрый, но надменный, упрямый и неодаренный способностями. Онъ былъ извѣстенъ письмомъ своимъ, писаннымъ въ 1809 году графу Аракчееву; дѣйствительный же авторъ этого письма былъ полковникъ квартирмейстерской части, Говардовскій, замѣчательный необыкновенными способностями, и убитый въ Бородинскомъ сраженіи.

Генералъ Бенингсенъ былъ извѣстенъ блистательными кабинетными способностями, рѣдкимъ безкорыстіемъ и вполне геройскою неустрашимостью; не взирая на превосходныя и основательныя свѣдѣнія, онъ былъ одаренъ малою предприимчивостью, доходившею въ немъ иногда до чрезмѣрной робости. Онъ служилъ долго и всегда отлично подъ начальствомъ другихъ; рѣшаясь весьма рѣдко предупредить непріятеля, онъ большею частію лишь отшибалъ удары его, но почти никогда не отваживался его наказать. Къ несчастію, онъ былъ подверженъ падучей болѣзни, которая часто проявлялась въ немъ въ то время, когда ему слѣдовало бы наиболѣе обнаружить умственные способности и дѣятельность, въ которыхъ природа ему не отказала; извѣстно, что эта страшная болѣзнь обнаружилась у него въ самую критическую минуту гибельнаго для насъ Фридландскаго сраженія. Чрезмѣрное добродушіе сего генерала, относительно своихъ подчиненныхъ, много вредило исполненію самыхъ лучшихъ его предначертаній. Вообще Бенингсенъ, которому, есть весьма основательныя причины полагать, принадлежитъ мысль о знаменитомъ фланговомъ маршѣ нашихъ армій послѣ отступленія ихъ изъ Москвы, былъ также весьма замѣчателенъ по своему ласковому безъ короткости обращенію, благородству рѣчей и степенности, свойственной лишь вождю вождей могущественной арміи. Бенингсенъ, ненавидимый Кутузовымъ, съ которымъ его окончательно разсорилъ Толь въ Тарутинѣ, питалъ къ нему столь

же малое сочувствіе; письма его въ 1812 г. къ государю наполнены, къ сожалѣнію, недостойными противъ фельдмаршала выходками. Однако записки его объ отечественной войнѣ, изъ коихъ онъ мнѣ читалъ нѣкоторые отрывки, замѣчательны по справедливости сужденій и вѣрному военному взгляду.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, столь знаменитый по своему изумительному мужеству, высокому безкорыстію, рѣшительности и дѣятельности, не получилъ, къ несчастью, никакого образованія. Поступивъ унтеръ-офицеромъ въ одинъ изъ егерскихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, онъ служилъ въ батальонѣ полковника Пъери. Принявъ участіе въ несчастномъ дѣлѣ близъ Чеченскаго аула Агды, молодой князь былъ обязанъ своимъ спасеніемъ преданному намъ мусульманину, извѣстившему маіора Мансурова о истребленіи отряда Пъери Чеченцами, завлекшими его въ густой лѣсъ. Высокія природныя его дарованія, мужество, дѣятельность и неподражаемая бдительность, замѣнившія ему свѣденія, обратили на него вниманіе великаго Суворова, котораго онъ, можно сказать, былъ правою рукой въ безсмертной Италіанской кампаніи. Суворовъ, подобно всѣмъ геніальнымъ людямъ, будучи выше зависти, любилъ готовить себѣ сотрудниковъ, достойныхъ его великихъ предначертаній. Заслуживъ дружбу сего великаго представителя всей нашей военной славы, князь Багратіонъ на берегахъ Адды, Требіи, у подошвы Апеннинскихъ горъ и на заоблачныхъ высяхъ Альповъ, исполняя въ точности его приказанія, прославилъ себя чудесами мужества, дѣятельности и великодушія. Онъ почерпнулъ въ этой безсмертной войнѣ ту быстроту въ дѣйствіяхъ, то искусство въ изворотахъ, ту внезапность въ нападеніяхъ, то единство въ натискѣ, которыя пріобрѣли ему полную довѣренность, неограниченную любовь и глубокое уваженіе всей арміи. Во время войны 1805 года (*), князь Багратіонъ, раздѣливъ славу безпри-

(*) Имѣвъ случай узнать отъ кн. Багратіона, Ермолова и другихъ участниковъ войны 1805 г. многія, относящіяся къ ней, подробности, я не могу не сказать здѣсь о томъ нѣсколькихъ словъ. Во время движенія нашей арміи въ Ба-

мѣрнаго отступленія съ нашимъ Фабіемъ—Кутузовымъ, обрекшимъ его съ 6000 человекъ войска на вѣрную гибель, для спа-

варію, Австрійцы снабдили ее форшпанами, на коихъ помѣщалось половинное число людей, что доставило нашимъ войскамъ возможность дѣлать ежедневно по 2 перехода; артиллерійскихъ лошадей вели въ поводу. Хотя герцогъ Баварскій обѣщалъ намъ свое содѣйствіе, но, опасаясь, чтобы Наполеонъ не задержалъ находившагося во Франціи сына его, онъ былъ вполне преданъ Французамъ. Однажды во время обѣда Кутузова въ Браунау къ нему явился незнакомый генералъ съ повязанною головою, который объявилъ, что онъ имѣетъ сообщить ему весьма важныя извѣстія. На вопросъ Кутузова, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить, незнакомый отвѣчалъ: „Я генералъ Маккъ; армія моя уничтожена; я самъ отпущенъ Наполеономъ, которому обѣщался честнымъ словомъ не служить противу него въ теченіи этой войны“. Пораженный этимъ извѣстіемъ, Кутузовъ спросилъ его: „Вы вѣроятно носите повязку въ слѣдствіе полученной раны?“—„Нѣтъ,“ отвѣчалъ Маккъ, „я ушибъ сильно голову, сидя въ своей каретѣ.“ Не взирая на представленія австрійскихъ генераловъ, въ особенности грубаго Мерфельда, Кутузовъ, превосходно оцѣнивъ опасность своего положенія, рѣшился тотчасъ отступить. Давъ отойти отправленнымъ заблаговременно госпиталямъ и разнымъ запасамъ на довольно значительное разстояніе, Кутузовъ съ арміею началъ свое отступленіе лишь три дня спустя. Дурныя дороги замедлили движеніе обозовъ, значительно задержавшихъ армію, которая во время своего обратнаго слѣдованія была предоставлена лишь собственнымъ своимъ средствамъ. Намъ спасало лишь слѣдующее: главная непріятельская армія, находясь значительно назади, не могла настойчиво преслѣдовать наши войска, имѣвшія противу себя лишь небольшой авангардъ. Кутузовъ, не взирая на всѣ свои увѣренія и офиціальныя донесенія, расположивъ армію за рѣкою Эсомъ, не устроилъ здѣсь ни шанцовъ, ни укрѣпленій. На смѣну арріергарда кн. Багратіона, понесшаго близъ Амштетена сильное пораженіе, былъ высланъ корпусъ Милорадовича. Войска наши, слѣдовавшія по шоссе вдоль праваго берега Дуная, видѣли движеніе корпуса Мортъе, медленно пробиравшагося лѣвымъ берегомъ рѣки по весьма дурнымъ дорогамъ. Перейдя на лѣвую сторону Дуная, наши войска расположились въ Кремсѣ и его окрестностяхъ, гдѣ они воспользовались богатыми складами винограднаго вина. Непріятель былъ отбитъ отъ Кремса, при чемъ, вслѣдствіе удачнаго дѣйствія двухъ пушекъ роты Ермолова, спасавшіеся на лодкахъ французскіе генералъ Грендоржъ и два полковника сдались военно-плѣнными. Внезапная смерть генералъ-квартирмейстера Шмита, превосходно знавшаго окрестную мѣстность, не позволила намъ окруживъ корпусъ Мортъе, истребить его. По кончинѣ Шмита, убитаго выстрѣлами непріятельскаго пикета, наши генералы, не будучи знакомы съ свойствами мѣстности, крайне пересѣченной, рѣшились отступить. Этому лишь обстоятельству обязанъ Мортъе своимъ спасеніемъ. Если бы Мюратъ прибылъ на пересѣченіе дорогъ изъ Вѣны и Кремса нѣсколькими часами ранѣе, вся артиллерія наша сдѣлалась бы добычей Французовъ. Отдавая полную справедливость великимъ заслугамъ кн. Багратіона въ теченіи этой войны и въ

сенія главной арміи, пробился съ величайшей честью сквозь 30,000 непріятелей. Во время войны 1806 и 1807 годовъ,

особенности въ знаменитомъ Голлабрюнскомъ дѣлѣ, я не могу не указать на подвиги нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, о коихъ умалчиваютъ наши военные историки. Князь Багратіонъ, заключивъ съ непріателемъ перемиріе съ условіемъ не покидать занимаемыхъ позицій, приказалъ однако заднимъ эшелонамъ своихъ войскъ начать отступательное движеніе, но вслѣдствіе требованій Французовъ, онъ нашелся вынужденнымъ возвратить ихъ на прежнія позиціи. Князь сдѣлалъ немаловажную ошибку, ввѣривъ начальство надъ своимъ лѣвымъ флангомъ генералу Сомову, котораго неосмотрительность имѣла гибельное вліяніе на исходъ дѣла; приказавъ людямъ составить ружья въ козлы, Сомовъ отпустилъ ихъ въ лѣсъ за дровами. Когда наступилъ срокъ перемирія, Французы, извѣстивъ насъ о томъ боевымъ пушечнымъ выстрѣломъ, овладѣли безъ сопротивленія ружьями и 12 пушками нашего лѣваго фланга; хотя отпущенные въ лѣсъ люди, услышавъ перестрѣлку, не замедлили прибѣжать на поле сраженія, но они не были въ состояніи возвратить отбитыхъ ружей и пушекъ. Отлично умный и образованный полковникъ Уланіусъ, занимая съ своимъ полкомъ выдавшійся мысъ земли и блистательно отражая сильныя колонны Французовъ, тщетно взбравшихся на него, надолго задержалъ ихъ здѣсь. Во время главной непріятельской атаки, маіоръ Кіевскаго гренадерскаго полка Экономовъ, занявъ своимъ баталіономъ деревню, находившуюся въ тылу нашей позиціи при спускѣ въ крутой оврагъ, оказалъ тѣмъ всему отряду величайшую заслугу. Непріатель, подойдя къ ней, былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ; если бы ему удалось овладѣть этою деревней, весь отрядъ кн. Багратіона былъ бы неминуемо истребленъ. Въ послѣдствіи наша армія занимала превосходную позицію подъ пушками Ольмюцкой крѣпости, гдѣ она могла безопасно ожидать присоединенія войскъ эрцъ-герцога Карла, который молилъ Бога лишь о томъ, чтобы Русскіе не давали сраженія въ Моравіи. Въ то время какъ войска его спѣшили на соединеніе съ арміей Кутузова, отрядъ эрцъ-герцога Фердинанда занималъ Унаймскій путь, по которому Наполеону надлежало бы отступать, и поспѣшно вооружавшаяся Пруссія предъявляла ему новыя требованія. Если бы мы сумѣли выждать развитія обстоятельствъ, Наполеонъ нашелся бы вынужденнымъ, не давъ намъ генеральнаго сраженія, поспѣшно очистить австрійскія владѣнія. Занятіе Австрійцами Унаймской дороги могло имѣть весьма гибельныя для него послѣдствія. Движеніе нашей арміи къ Аустерлину не можетъ быть ничѣмъ оправдано; оно не было послѣдствіемъ лишь недостатка въ продовольствіи, какъ то старались разглашать многіе. Кутузовъ, предлагавшій не покидать самой Ольмюцкой позиціи, не обнаружилъ здѣсь большой твердости характера; ему слѣдовало отказаться отъ начальствованія надъ арміей, явно стремившейся къ своей гибели, и гдѣ отдавали приказанія не столько онъ, сколько генералъ Вейротеръ и многія другія лица. Дѣйствія Вейротера возбудили всеобщее подозрѣніе; Наполеонъ зналъ положительно наканунѣ сраженія о мѣстѣ расположенія каждой колонны союзной арміи; Вейротеръ, отданный послѣ сраженія подъ судъ, говорятъ, отравилъ себя.

князь былъ неизмѣннымъ начальникомъ авангарда нашей арміи; имѣя дѣло съ неутомимымъ и энергическимъ Наполеономъ, князь долженъ былъ обнаружить здѣсь много хладнокровія, мужества, бдительности и искусства, для охраненія отступающей нашей арміи и отраженія настойчивыхъ наступленій Французовъ. Тотъ, котораго почитали лишь богатыремъ, но не тактикомъ, авангарднымъ начальникомъ, но не полководцемъ, доказалъ въ началѣ отечественной войны, что онъ соединялъ въ себѣ неустрашимость съ опытностью искуснаго военачальника. Желая однако остаться вѣрнымъ истинѣ, я не могу потому не указать на двѣ грубыя ошибки, сдѣланныя въ эту эпоху княземъ, не имѣвшимъ впрочемъ вѣрныхъ свѣдѣній о численности непріятельскихъ войскъ. Онъ долженъ былъ предупредить непріятеля въ занятіи Минска или, по крайней мѣрѣ, вытѣснить оттуда слабый его авангардъ. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ Ермолову: «Не ожидалъ я этого отъ Багратіона; не Барклай, — а что дѣлалъ!» Въмѣсто безостановочнаго слѣдованія къ Смоленску, гдѣ мы могли легко быть предупреждены Французами, князь дозволилъ своей арміи отдыхать почти сутки близъ Старога Быхова, во время кровопролитнаго дѣла подъ Дашковкой. Нельзя однако не согласиться, что князь загладилъ все это быстротою въ дѣйствіяхъ, рѣшительностью, изумительнымъ мужествомъ и умѣньемъ возвышать духъ въ своихъ подчиненныхъ. Назначеніе Барклая главнокомандующимъ 1-ю арміею и подчиненіе ему князя Багратіона немало оскорбило сего послѣдняго. Съ этого времени оба полководца начали питать взаимное недовѣріе, которое усилилось въ слѣдствіе различія ихъ характеровъ и одинаковости ихъ положенія. Пламенный, рѣшительный и нетерпѣливый князь Багратіонъ не могъ сочувствовать холодному, расчетливому и методическому Барклаю. Блестящія качества, открытый характеръ и ласковое со всѣми обращеніе князя привлекали къ нему всѣ сердца его подчиненныхъ, изъ которыхъ самые слабые и робкіе, воодушевляемые его примѣромъ, становились героями. Напротивъ того, безстрашный, неутоми-

мый, но мало привѣтливый Барклай, не взирая на высокія свои достоинства, не умѣлъ привязать къ себѣ войскъ. Такимъ образомъ Барклай, будучи несравненно моложе князя, столкнулся съ нимъ въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ. Князь Багратіонъ, не знавшій положительно о численности непріятельскихъ силъ, былъ весьма мало свѣдущъ въ правилахъ высшей военной науки; ненавидя, подобно великому Суворову, малѣйшее отступленіе, онъ глубоко скорбѣлъ при видѣ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ нашимъ отечествомъ. Называя Барклая методикомъ, Давустомъ, князь, не знавшій матеріальныхъ средствъ Россіи, кои были лучше извѣстны военному министру, былъ убѣжденъ, что одна наступательная война могла отвратить бѣдствія, постигшія Россію; онъ потому непрестанно твердилъ: «если мы не перейдемъ въ наступленіе, я сниму съ себя мундиръ; вѣдь мы Французовъ шапками закидаемъ». Вотъ истинная причина того, почему онъ тяготился зависимостью своею отъ Барклая, обнаружившаго въ этомъ случаѣ несравненно большую проницательность. Въ эту минуту, когда недовѣріе между главнокомандующими перешло во вражду, выступилъ на сцену начальникъ штаба 1-й арміи Ермоловъ, который, пользуясь большимъ расположеніемъ и довѣріемъ князя Багратіона, рѣшился установить, по возможности, согласіе между нимъ и Барклаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно было извлечь большія выгоды изъ самой противоположности ихъ характеровъ; холодная разсудительность одного въ соединеніи съ предприимчивостью и рѣшительностью другаго могли дать огромные результаты. Смягчая выраженія Барклая, при передачѣ приказаній его князю, и поступая такимъ же образомъ, когда надлежало докладывать первому донесенія втораго, ему удалось возстановить согласіе между ними. Но это не продолжалось долго; къ сожалѣнію, послѣ выздоровленія благороднаго и мужественнаго графа Сенпри, подчинившагося, къ несчастію, интриганту Jean Bage, внушившему ему мысль принять на себя, подобно Ермолову, роль посредника, что далеко превосходило его способности, возникли новыя

распри, гибельныя послѣдствія которыхъ могли быть отвращены лишь назначеніемъ князя Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій. Способный къ увлеченіямъ, пылкій и запальчивый князь могъ заблуждаться, но онъ не могъ быть обвиненъ въ недостаткѣ искренности и благородства; недостойныя клеветы оскорбленнаго и раздраженнаго Барклая на князя и многихъ нашихъ славныхъ дѣятелей отечественной войны не заслуживаютъ довѣрія. Желая однако остаться вѣрнымъ истинѣ, я, съ глубокимъ сожалѣніемъ, нахожусь вынужденнымъ упрекнуть, въ свою очередь, моего знаменитаго и несравненнаго благодѣтеля за страшныя и неосновательныя обвиненія его противъ Барклая, оказавшаго Россіи безсмертныя заслуги. Исполненный самою пламенною любовью къ нашему отечеству, князь, съ свойственною всѣмъ азіатцамъ неудержимою пылкостью, питалъ какое-то озлобленіе противъ Барклая; это чувство, проистекавшее лишь изъ глубокой непріязни его къ нѣмецкой партіи, значительно усилилось, въ слѣдствіе постоянного отступленія нашихъ войскъ, великіе результаты котораго князь не успѣлъ предугадать. Подобныя обвиненія сего рыцарски-благороднаго, нетерпѣливаго, вулканическаго и нерѣдко крайне запальчиваго героя встрѣчаются, къ несчастію, даже и въ нѣкоторыхъ его частныхъ письмахъ. Въ Бородинскомъ сраженіи сей доблестный исполинъ, отстаивавшій, какъ гранитная скала, занимаемую имъ позицію, получилъ смертельную рану; скорбя болѣе о гибели Россіи, чѣмъ о своей жизни, онъ пренебрегъ леченіемъ своей раны и умеръ, горько оплаканный своими подчиненными, находившими всегда у него отеческій привѣтъ и участіе, и съ которыми онъ нерѣдко дѣлилъ послѣдній кусокъ хлѣба. Не взирая на свое невѣжество, этотъ Ахиллъ Наполеоновскихъ войскъ, въ числѣ первыхъ оцѣнившій пользу партизанской войны, постигъ силою одного своего генія основныя правила военнаго искусства; не смотря на значительное превосходство въ свѣдѣніяхъ своихъ подчиненныхъ, онъ умѣлъ всегда сохранить преимущество своего сана, безъ оскорбленія чьего бы то ни было самолюбія. Величественная

поступь и осанка князя, орлиный взгляд его производили обаятельное на всѣхъ дѣйствіе. Имѣвъ неоцѣненное счастье служить въ теченіи 5-ти лѣтъ адъютантомъ при князѣ, который былъ всегда весьма взыскательнымъ начальникомъ, я сохранилъ и сохраню до конца дней моихъ къ памяти этого высокаго героя и неподражаемо-заботливаго, добраго и снисходительнаго генерала чувства глубочайшаго благоговѣнія и самой искренней душевной признательности.

Генералъ Н. А. Тучковъ, не видавшій непріятеля со времени Польской войны 1794 года, былъ отлично храбрый воинъ; имѣя поверхностныя обо всемъ свѣдѣнія, онъ никогда не обнаруживалъ блистательныхъ дарованій.

Графъ Остерманъ не видалъ непріятеля со времени послѣдней Турецкой войны. Онъ былъ замѣчателенъ неимовернымъ хладнокровіемъ и рѣдкою непоколебимостію въ защитѣ ввѣреннаго ему пункта; хотя онъ въ минуты величайшихъ опасностей обнаруживалъ высокое и ничѣмъ не возмутимое присутствіе духа, но, не отличаясь большими свѣдѣніями и замѣчательнымъ умомъ, онъ иногда не умѣлъ пользоваться благоприятными обстоятельствами. Въ немъ нѣсколько разъ обнаруживалось разстройство ума; отъ этой болѣзни пользовалъ его въ 1812 году баронетъ Сиръ Вилье.

Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ есть въ полномъ смыслѣ слова благородный и доблестный русскій вельможа, отличавшійся всегда замѣчательною неустрашимостью. Участвовавъ въ Польской войнѣ въ качествѣ волонтера, онъ также съ этого времени не видалъ непріятеля; во время отечественной войны, этотъ безстрашный рыцарь исполнялъ всѣ возлагаемыя на него обязанности съ полнымъ самоотверженіемъ. Занимая въ настоящее время мѣсто московскаго военнаго генералъ-губернатора, почтенный князь, весьма мало знакомый съ рускимъ языкомъ, принимая городскія сословія, держитъ часто рѣчи, написанныя на полурусскомъ и говоренныя имъ на четверть-русскомъ нарѣчій.

Генералъ Сакенъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь,

служилъ долго въ штабъ-офицерскихъ чинахъ. Будучи раненъ въ Цюрихскомъ сраженіи, Сакенъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, былъ взятъ Французами въ плѣнъ. Дерзкій на словахъ, отлично-умный, острый, злой, желчный, Сакенъ много читалъ и умѣлъ все понять и сохранить въ своей памяти. Хотя дѣйствія его въ войну 1806 и 1807 годовъ не отличались, какъ мы увидимъ ниже, большою добросовѣстностью, но онъ вполне искупилъ эти ошибки блистательными заслугами въ войну 1812 и 1814 годовъ. Грубые ошибки Сакена въ описываемую нами войну 1806 и 1807 годовъ происходили, къ несчастію, лишь изъ личныхъ, непріязненныхъ отношеній его къ генералу Беннингсену.

Дохтуровъ отличался еще въ чинѣ капитана гвардіи въ войнѣ противъ Шведовъ; командуя частью войскъ во время знаменитой ретирады изъ Баваріи, въ 1805 году, онъ выказалъ большое мужество подъ Кремсомъ и Лустерлицами. Будучи весьма храбръ, добродушенъ до слабости, онъ вовсе не имѣлъ военныхъ дарованій и въ особенности рѣшительности. Въ послѣдствіи, этотъ неустрашимый воинъ предложилъ на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ уступить Москву безъ боя, по слѣдующей причинѣ: армія, лишившаяся большаго количества генераловъ и офицеровъ, не была уже, по его мнѣнію, въ состояніи принимать какого-либо сраженія.

Седморацкій и П. К. Эссенъ 3-й были лишь хорошіе Гатчинскіе парадеры. Это были люди честные, но бездарные, тупые, несвѣдушіе, обнаружившіе однако большое хладнокровіе, при встрѣчѣ съ непріателемъ, котораго они до того времени еще никогда не видывали.

Генераль Эссенъ 1-й командовалъ корпусомъ, послѣ пораженія въ Голландіи и взятія въ плѣнъ генерала Гермонси; онъ въ своемъ кабинетѣ простиралъ свою распорядительность до самой изящной аккуратности. Хотя Эссенъ не былъ лишень замѣчательнаго ума и рѣшительности, но правила, которыми онъ руководствовался, были иногда болѣе пагубны для своихъ, чѣмъ вредны для противниковъ.

Барклай де Толли и Багговутъ служили съ достоинствомъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, первый въ Шведской и Турецкой войнахъ, а послѣдній въ Польской; они оба съ того времени не принимали участія ни въ одной войнѣ.

Барклай де Толли, съ самаго начала своего служенія, обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ изумительнымъ мужествомъ, невозмутимымъ хладнокровіемъ и отличнымъ знаніемъ дѣла. Эти свойства внушили нашимъ солдатамъ пословицу: *погляды на Барклая, и страхъ не беретъ*. Находясь послѣ войны 1807 г. на западныхъ границахъ, онъ ежедневно упражнялъ войска свои въ маневрированіи, при чемъ онъ обращалъ большое вниманіе на то, чтобы они успѣли приноравливаться къ мѣстности. Это повторялось ежедневно, послѣ смѣны карауловъ. Возвращавшіяся на свои квартиры части войскъ встрѣчали на пути своемъ препятствія, кои имъ надлежало преодолѣть. Желая приучить своихъ подчиненныхъ быть всегда готовыми къ отраженію самаго неожиданнаго непріятельскаго нападенія, Барклай нерѣдко производилъ внезапныя атаки на квартиры своихъ подчиненныхъ. Однажды, одинъ изъ его баталіонныхъ командировъ овладѣлъ неожиданно квартирой Барклая, при чемъ его самого взяли въ плѣнъ; это доставило ему величайшее удовольствіе. Эта высокая личность, какъ бы привыкшая съ самаго дѣтства своего повелѣвать, имѣла однако слѣдующія слабыя стороны: незнаніе русскаго языка, необходимаго для основательнаго изученія характера нашихъ солдатъ, и для того, чтобы привязать къ себѣ войска, излишнее пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ, и малую природную привѣтливость къ окружающимъ и подчиненнымъ. Въ сумрачномъ, постоянно угрюмомъ, хотя и скромномъ, безстрашномъ, неутомимомъ и холодномъ, какъ мраморная статуя, Барклаѣ, проявилась въ послѣдствіи сильная раздражительность, недовѣрчивость и несправедливость въ оцѣнкѣ чужихъ заслугъ; начало этихъ недостатковъ должно искать въ тѣхъ ужасныхъ гоненіяхъ и непріятностяхъ, коимъ онъ подвергся въ 1812 г. Рядъ оскорбленій, испытанныхъ Барклаемъ,

послѣ прїѣзда кн. Кутузова въ армію, и всеобщія неосновательныя клеветы въ измѣнѣ, коими его преслѣдовали послѣ отъѣзда изъ арміи, имѣли огромное вліяніе на его характеръ. Глубоко огорченный всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, Барклай искалъ смерти въ Бородинскомъ сраженіи; онъ въ этомъ со слезами на глазахъ признался Ермолову. На знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ Барклай, въ качествѣ военнаго министра, отлично знакомый съ матеріальными средствами Россіи, указалъ на необходимость уступленія Москвы безъ боя. По мнѣнію Ермолова, все сказанное при этомъ случаѣ этимъ славнымъ, но злополучнымъ мужемъ, заслуживаетъ того, чтобы быть отпечатано золотыми буквами; (*) весьма замѣчательно то, что Барклай вовсе не упоминаетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ обстоятельстве, приносящемъ ему величайшую честь и славу. Кутузовъ, объявившій, что непріятель вступить въ Москву лишь чрезъ его трупъ, возрадовался предложенію Барклая, избавлявшему его отъ необходимости предлагать мѣру, противъ которой онъ, по видимому, такъ возставалъ, и которая, по его мнѣнію, была лишь послѣдствіемъ паденія Смоленска. Барклай, испившій до дна чашу самыхъ горькихъ, незаслуженныхъ испытаній, въ то самое время, какъ дѣятельность его была посвящена благу Россіи, для спасенія которой онъ не разъ жертвовалъ своею жизнью, есть въ полномъ смыслѣ слова та величественная личность, о которой нашъ незабвенный А. С. Пушкинъ сказалъ:

„Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣнѣхъ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.“

Къ сожалѣнію, *Изображенія военныхъ дѣйствій 1-й арміи въ 1812 г.*, написанныя Барклаемъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ

(*) Хотя Ермоловъ, подавшій на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ въ 1812 году однимъ изъ первыхъ свое мнѣніе, не сомнѣвался въ томъ, что оно будетъ отвергнуто большинствомъ; но тѣмъ не менѣе нельзя не сожалѣть о томъ, что имъ сдѣлано было противное предложеніе, вопреки собственнаго убѣжденія и съ намѣреніемъ сохранить лишь пріобрѣтенную любовь въ войскахъ.

увствѣ, съ явнымъ намѣреніемъ оправдать свое поведеніе въ эту бѣдственную для Россіи эпоху, недостойны сего славнаго мужа. Многія событія невѣрно описаны и даже искажены, многимъ замѣчательнымъ личностямъ приписаны недостойныя и несвойственныя имъ дѣла; однимъ словомъ, имѣя въ виду выставить въ нихъ лишь свои собственные заслуги, высокое значеніе которыхъ, конечно, никто не дерзнетъ оспаривать, онъ слишкомъ пристрастно и несправедливо судить о дѣйствіяхъ и заслугахъ другихъ лицъ.

Мужественный и благородный генераль Багговутъ, убитый ядромъ въ началѣ Тарутинскаго сраженія, отличался своимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и способностями, которыя не были однако первостепенными. Багговутъ былъ отличнымъ корпуснымъ командиромъ и былъ весьма любимъ товарищами за свое рыцарское благородство и постоянно веселый нравъ. Находясь однажды съ своимъ полкомъ, во время войны 1806 г., въ цѣпи, онъ увидѣлъ приближившагося, въ качествѣ парламентаря, французскаго офицера Сегюра; хотя Багговутъ приказалъ прекратить перестрѣлку, но вдругъ раздался съ нашей стороны выстрѣлъ, который, къ счастію, не причинилъ никому вреда. Сегюръ, оскорбившись этимъ, потребовалъ объясненія: Багговутъ не замедлилъ представить ему, что этотъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ молодымъ и неопытнымъ рекрутомъ, который однако не останется безъ наказанія. Такъ какъ Сегюръ не хотѣлъ этимъ удовольствоваться, Багговутъ, изорвавъ на себѣ рубашку, и обнаживъ предъ нимъ свою грудь, сказалъ ему «если вамъ этого недостаточно, то вотъ вамъ моя грудь; стрѣляйте въ нее»; надменный и хвастливый Французъ поспѣшилъ успокоиться.

Марковъ участвовалъ въ чинѣ штабъ-офицера въ Польской войнѣ, гдѣ онъ, послѣ перваго дѣла, взятъ былъ въ плѣнъ; онъ также съ того времени не видалъ непріятеля. Этотъ умный, весьма хитрый и храбрый генераль не обнаруживалъ никогда большихъ военныхъ способностей. Я объ немъ сказалъ однажды: «Думаютъ, что онъ геній, но онъ лишь Евгеній».

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, сынъ фельдмаршала, былъ человѣкъ пылкій, вулканическій, одаренный замѣчательными способностями и свѣдѣніями; но, подобно отцу своему, онъ отличался невѣроятною жестокостью, Графъ Каменскій, послѣ блистательныхъ подвиговъ своихъ въ Финляндіи, былъ возведенъ 32-хъ лѣтъ отъ роду на степень главнокомандующаго арміею въ Молдавіи, гдѣ, одержавъ нѣкоторые успѣхи, онъ скоропостижно умеръ. Онъ, говорятъ, былъ отравленъ на одномъ вечерѣ.

Графъ Карлъ Ламбертъ, сынъ генераль-инспектора французской кавалеріи еще до революціи, былъ одаренъ рѣдкими личными достоинствами: отличное образованіе, замѣчательныя способности, изумительное мужество, высокія благородство и безкорыстіе привлекли къ нему всеобщую любовь и уваженіе. Графъ Ламбертъ, распоряжавшійся на полѣ сраженія съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ, и бывшій всегда врагомъ суетливости во время боя, напоминалъ собою благороднаго рыцаря среднихъ вѣковъ, въ которомъ пламенное мужество не уступало прочимъ доблестямъ истиннаго героя. Участвовавъ въ походѣ графа Зубова въ Персію, онъ съ этого времени до конца дней своихъ былъ въ весьма близкихъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Ермоловымъ. Этому блистательному во всѣхъ отношеніяхъ генералу, мы обязаны сохраненіемъ послѣ гибельнаго Фридландскаго сраженія 29 орудій, съ которыми онъ ночевалъ на непріятельскомъ берегу рѣки Алле. Въ отечественную войну графъ Ламбертъ, одержавъ рѣшительную побѣду надъ войсками Домбровскаго, овладѣлъ Борисовымъ, гдѣ получилъ жестокую рану, отъ которой онъ долгое время не могъ оправиться. Вообще блистательныя и вполнѣ рыцарскія свойства графа Ламберта не могли не плѣнить всѣхъ, знавшихъ его; оказанные имъ славные подвиги, кои онъ запечатлѣлъ своею кровью, не могли не возбудить въ каждомъ Русскомъ чувство высокаго уваженія къ этому доблестному чужеземцу, искренно и вполнѣ преданному своему второму отечеству.

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ, далеко уступающій въ обра-

зованіи графу Ламберту, участвовалъ, въ качествѣ волонтера, въ походѣ графа Зубова въ Персію. Этотъ вполне доблестный воинъ, называемый Ермоловымъ, еще въ 1812 г., восходящимъ свѣтиломъ на военномъ горизонтѣ, есть въ полномъ смыслѣ слова Баярдъ безъ страха и упрека. Отличительныя свойства этого знаменитаго дѣятеля великихъ Наполеоновскихъ войнъ суть: необычайныя мужество и хладнокровіе, замѣчательная распорядительность, полное присутствіе духа въ минуты величайшихъ опасностей, высокое благородство и отмѣнная скромность. Характеръ этого безстрашнаго и безупречнаго генерала сходствуетъ во многомъ съ характеромъ безсмертнаго князя Багратіона, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первый, отличаясь врожденною наружною холодностію, не обладалъ способностью привязать къ себѣ войска въ одинакой степени. Подобно ему, графъ Паленъ, отличаясь всегда неимовѣрною бдительностью, былъ пламенный, рѣшительный и неудержимый воинъ, когда предстояла возможность, перейдя въ наступленіе, смѣло опрокинуть непріятеля, яростно преслѣдовать его, и нанести ему окончательный ударъ; когда же надлежало твердо отстаивать занимаемую позицію, онъ поражалъ враговъ и подчиненныхъ своимъ величественнымъ, ничѣмъ непоколебимымъ хладнокровіемъ. Въ обстоятельствахъ, наиболѣе важныхъ и опасныхъ, изъ которыхъ, казалось, не было никакого исхода и могущихъ привести въ смущеніе самаго опытнаго и неустрашимого полководца, графъ Паленъ, подобно князю Багратіону, обнаруживалъ высокое и всѣхъ изумлявшее присутствіе духа. Я всегда съ чувствомъ глубокаго уваженія смотрю на графа Петра Петровича, въ которомъ высокія природныя дарованія замѣняли образованіе, которымъ онъ не успѣлъ заняться. Отецъ сего почтеннаго и славнаго воина, находившагося всегда въ весьма пріятельскихъ съ Ермоловымъ сношеніяхъ, говаривалъ о немъ: «Es ist viel zu ehrlich.»

Мужественный и добрый князь А. Г. Щербатовъ, пылкій, храбрый и даровитый графъ Кутайсовъ, никогда еще не слышали боеваго выстрѣла.

Графъ Кутайсовъ былъ племянникомъ генерала Рѣзваго, начальника артиллеріи арміи, который постоянно заботился о томъ, чтобы выставить заслуги сего молодого генерала, прекрасно писавшаго прозой и стихами.

Полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, оказавшій своему отечеству знаменитыя заслуги въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, высоко чтимый Россійскою арміею и въ особенности на Кавказѣ, былъ очень молодъ при вступленіи своемъ на служебное поприще. Обнаруживъ съ самаго юнаго возраста замѣчательныя способности, онъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи всѣ качества отличнаго воина. Онъ представляетъ рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большою проницательностью, неутомимою дѣятельностью и непоколебимымъ безкорыстіемъ; замѣчательный даръ слова, гигантская память и неимовѣрное упрямство составляютъ также отличительныя его свойства. Будучи одаренъ необыкновенною физическою силою и крѣпкимъ здоровьемъ, при замѣчательномъ ростѣ, Ермоловъ имѣетъ голову, которая, будучи украшена сѣдыми, въ безпорядкѣ лежащими волосами, и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминаетъ голову льва. Ермоловъ, будучи весьма смѣлъ съ старшими, явно выказывалъ, подобно кн. Багратіону, малое сочувствіе свое къ нѣмецкой партіи, въ главѣ которой находились въ то время Барклай, Витгенштейнъ и многіе другіе. Такъ, на примѣръ, въ началѣ отечественной войны онъ отзывался слѣдующимъ образомъ о штабѣ Барклая: «Здѣсь всё Нѣмцы, одинъ Русскій, да и тотъ безродный»; въ то время служилъ тутъ чиновникъ Безродный. (*) Одаренный характеромъ твердымъ и самостоятельнымъ, онъ былъ всегда замѣчателенъ по отмѣнной привѣтливости и обходительности съ своими подчиненными, сердцами которыхъ онъ всегда вполне владѣлъ. Находясь еще въ чинѣ полковника, его обращеніе, относительно нѣкоторыхъ генераловъ, было таково, что они говорили: «Когда-то его произведутъ въ генералы? Онъ

(*) Онъ умеръ сенаторомъ и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

тогда, конечно, перестанетъ выказывать такое къ намъ пренебреженіе.» Отличаясь всегда примѣрною скромностью, онъ не только не стараясь возвышать заслугъ своихъ порицаніемъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ, но напротивъ изыскивалъ всѣ способы, чтобы представить въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія ихъ; они всегда находили въ немъ самага ревностнаго, смѣлаго и правдиваго защитника своихъ правъ (*). Не дозволяя себѣ никогда малѣйшей дерзости или невниманія относительно младшихъ по себѣ, особливо провинившихся, онъ ограничивался замѣчаніями, уподобленіями, кои, не заключая въ себѣ ничего оскорбительнаго, производили тѣмъ не менѣе на нихъ магическое дѣйствіе. Выслушивая снисходительно всѣ справедливыя возраженія своихъ подчиненныхъ, хотя бы они были иногда облечены въ формы нѣсколько рѣзкія, онъ усугублялъ вниманіе и снисходительность, когда обстоятельства, о коихъ ему доносили, принимали серьезный характеръ. Но добродушіе, какимъ отличаются разговоры его съ младшими, совершенно исчезаетъ, когда ему надлежитъ прибѣгать къ перу; мысли и сужденія, излагаемыя имъ, хотя не совсѣмъ правильно, но съ мужественною силою и энергической простотою, облекаются часто въ формы крайне рѣзкія; впрочемъ самый разговоръ его носить обыкновенно на себѣ отпечатокъ большаго остроумія и язвительной насмѣшки. Ёдкая иронія его рѣчей, которою онъ разилъ враговъ своихъ, пріобрѣла ему весьма много недоброжелателей. Прочитавъ однажды одно изъ его писемъ, я не могъ воздержаться, чтобы ему не написать: «во чтó обмакиваете вы перо ваше, потому что съ него стекаетъ не чернила, а желчь?» Это можетъ быть причиною того, что онъ, кромѣ Записокъ объ отечественной войнѣ, почти ничего другаго не писалъ. Оставаясь во многихъ отношеніяхъ образцемъ избранныхъ людей прошедшаго времени, онъ стоитъ выше толпы, которая, видя въ немъ живой про-

(*) Я кромѣ случаевъ, приведенныхъ мною въ моихъ запискахъ, могъ бы еще упомянуть о многихъ другихъ, въ коихъ многія лица нашей арміи имѣли въ Ермоловѣ самага неустрашимаго ходатая, нерѣдко высказывавшаго своимъ начальникамъ весьма сильныя и не совсѣмъ для нихъ пріятныя истины.

тестъ, безпощадно преслѣдуетъ его своею завистью. Бездарная и неблагонамѣренная посредственность, оскорбленная его ѣдкими насмѣшками, и не будучи въ состояніи обвинить его въ неспособности, изоцрѣла и изоцрѣетъ умъ свой для изобрѣтенія всевозможныхъ противу него клеветъ: его называли интригантомъ, пьяницей, безбожникомъ, хотя положительно извѣстно, что онъ почти не употреблялъ и не употребляетъ вина, и нерѣдко взыскивалъ съ своихъ приближенныхъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ (*). Ермоловъ, пріобрѣтшій обширныя свѣдѣнія, особливо въ военныхъ наукахъ и исторіи, снималъ большею частью самъ мѣстность на бумагу и дѣлалъ весьма скоро *сгоquis*. Вынужденный часто диктовать въ одно время нѣсколькимъ лицамъ письма разнороднаго содержанія, онъ обыкновенно собственноручно и прямо набѣло писалъ значительнымъ особамъ офиціальныя бумаги и письма; эти посланія, писанныя часто подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, и проникнутыя потому самой ѣдкой ироніей, отличались вполне смѣлымъ и рѣзкимъ тономъ. Я знавалъ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ, кои просили Ермолова; избавивъ ихъ отъ офиціальной съ нимъ переписи, излагать свои просьбы и требованія въ частныхъ письмахъ. Пользуясь благоволеніемъ императора Александра, находившаго большое удовольствіе читать его письма къ П. А. Кикину, П. И. Меллеръ—Закомельскому и другимъ пріятелямъ, Алексѣй Петровичъ, ненавидѣвшій просить о чемъ либо для себя, нерѣдко исходатайствовалъ этимъ путемъ аренды и разнаго рода денежныя награжденія достойнымъ лицамъ, о недостаточности состоянія которыхъ никто не рѣшался доводить до свѣдѣнія Его Величества. Хотя Ермоловъ испыталъ въ теченіи своей жизни весьма много непріятнаго, но это не оказало никакого вліянія на его неизмѣнно-

(*) Во время пребыванія своего въ Грузіи Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобы окружающіе его чиновники и офицеры постились на страстной недѣль и посѣщали бы церковь въ праздничные дни; въ великій четвергъ во время чтенія о страстяхъ Господнихъ присутствовали даже и нѣкоторые мусульмане.

веселый нравъ. Взоръ мой не можетъ не остановиться на этой свѣтлой личности, нерѣдко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, безъ сомнѣнія, большихъ недостатковъ и слабостей, но вполне искупившей все это теплотою души и замѣчательною любовью къ общественному благу. Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась въ столь высокой степени, какъ во время вторженія Персіянъ въ наши Закавказскія владѣнія; Алексѣй Петровичъ находился въ это время въ обстоятельствахъ, которыя, болѣе чѣмъ когда нибудь, требовали съ его стороны особыхъ подвиговъ, чтобы удержаться на той высотѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Все и всѣ говорили, что ему надо было лично нанести рѣшительный ударъ Персіянамъ; но онъ, зная сомнительное состояніе умовъ въ Закавказскихъ провинціяхъ, встревоженныхъ приближеніемъ многочисленныхъ полчищъ Аббаса-Мирзы, и сознавая чрезмѣрную слабость нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, пожертвовалъ своими личными выгодами; онъ послалъ на вѣрную побѣду Паскевича, ввѣривъ ему начальство надъ небольшимъ количествомъ превосходныхъ войскъ, коими онъ могъ лишь въ то время располагать. Ермоловъ, давъ ему своихъ лучшихъ сподвижниковъ: Вельяминова и князя Мадатова, коимъ Паскевичъ былъ вполне обязанъ своей первой побѣдой надъ Персіянами, остался лично въ Тифлисѣ съ самыми ничтожными силами, которыя могли быть сильны лишь его именемъ, потому что одно присутствіе его въ этомъ городѣ и пріобрѣтенное имъ необычайное нравственное вліяніе въ краѣ могли не допустить всеобщаго противу насъ взрыва (*). Это

(*) Маіоръ князь Григорій Челокаевъ, принимавшій нѣкогда участіе въ возстаніи противъ насъ, пріѣзжалъ въ это время изъ Кахетіи въ Тифлисъ съ порученіемъ узнать о положеніи дѣлъ; найдя не только спокойнымъ, но даже въ весьма веселомъ расположеніи духа Ермолова, ежедневно расхаживающаго по городу и производящаго пальбу по окрестнымъ горамъ изъ единственной батареи, остававшейся въ Тифлисѣ и вскорѣ также отосланной въ дѣйствующія войска, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно истинныхъ средствъ, коими мы могли въ то время располагать.

безпримѣрное самоотверженіе, переносящее насъ въ лучшія времена великаго Рима, было оцѣнено лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство ставитъ этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, не смотря на многіе другіе, совершенные имъ въ теченіи жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣнцѣ. Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ, наперекоръ многочисленнымъ врагамъ своимъ, рѣдкую популярность человѣка, въ коемъ нынѣ никто не нуждается для какихъ либо своекорыстныхъ цѣлей. Будучи всегда поклонникомъ красоты, онъ тѣмъ не менѣе всегда чуждался дамскаго общества, предпочитая мужскую компанію, и будучи современникомъ всего совершавшагося въ Россіи въ теченіи болѣе полустолѣтія, Алексѣй Петровичъ, употреблявшій нѣкогда свой замѣчательный даръ слова на одушевленіе воиновъ, увлекаетъ имъ нынѣ многочисленныхъ стекающихся къ нему посѣтителей. Литература и поэзія составляли всегда истинное наслажденіе Алексѣя Петровича, знающаго наизусть много стихотвореній. Надо присовокупить, что Алексѣй Петровичъ, не могшій не сознавать въ себѣ способностей, былъ всегда одаренъ большимъ честолюбіемъ, что не укрылось отъ проницательнаго князя М. И. Кутузова, который сказалъ о немъ въ концѣ 1812 года слѣдующее: «Il vise au commandement des armées.» Не почитая себя администраторомъ, онъ никогда не былъ преисполненъ того ложнаго и неумѣстнаго самолюбія, которое не позволяетъ признаваться въ ограниченномъ кругѣ своихъ познаній и прибѣгать за совѣтами къ болѣе свѣдущимъ подчиненнымъ; напротивъ того, чистосердечно признавая въ себѣ отсутствіе административныхъ свѣдѣній и совершенное непониманіе финансовыхъ вопросовъ, онъ любилъ поучаться у специалистовъ, хотя бы они были его подчиненные, къ коимъ онъ иногда и при всѣхъ своихъ способностяхъ и большомъ умѣ нерѣдко простиралъ свою довѣренность слишкомъ далеко; вѣрно оцѣнивая умомъ своимъ способности другихъ людей, онъ не рѣдко заблуждался насчетъ нравственныхъ качествъ окру-

жавшихъ его лицъ. (*) Не получая почти ничего отъ отца своего, особенно со времени производства своего въ полковники, и вынужденный довольствоваться весьма не многимъ, онъ привыкъ вести жизнь весьма умѣренную и неприхотливую. Чтобы изобразить его характеръ еще выпуклѣе и ярче, я вкратцѣ упомяну о важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, столь тѣсно связанной съ великими воспоминаніями нашего вѣка. Будучи выпущенъ въ 1792 году капитаномъ въ Ниже-

(*) Въ бумагахъ Д. В. Давыдова мы нашли слѣдующій вариантъ: „Не принадлежа къ числу тѣхъ, кои безусловно восторгаются всѣмъ, что дѣлалось на Кавказѣ во времена Ермолова, я почитаю однако нужнымъ сказать, что, не взирая на извѣстную любовь къ общественному благу и способности этого генерала, система гражданскаго управленія, коей онъ слѣдовалъ, не будучи лишена большихъ недостатковъ, требовала не мало улучшеній и преобразованій; причину этого надо искать въ личныхъ свойствахъ Ермолова, который, будучи исключительно отличнымъ военнымъ челоувѣкомъ, не былъ никогда приготовленъ къ административной дѣятельности. Не имѣя ни опытности, ни спеціальныхъ по этой части свѣдѣній, Ермоловъ, не взирая на замѣчательную заботливость о благоденствіи ввѣреннаго края, не могъ однако быть ему полезенъ въ той мѣрѣ, какъ бы онъ того желалъ. Алексѣй Петровичъ, вполне сознававшій въ себѣ недостатокъ свѣдѣній и опытности, и почитавшій себя всегда невѣждой въ административномъ отношеніи, скромно относилъ все сдѣланное въ гражданскомъ отношеніи во время своего правленія краемъ лишь совѣтамъ и дѣятельности нѣкоторыхъ отличныхъ чиновниковъ, коими онъ успѣлъ себя окружить. Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ по ихъ достоинству, и никогда не престававшій свидѣтельствовать о нихъ, внушилъ имъ тѣмъ къ себѣ безграничную любовь и преданность. Получивъ однажды повелѣніе изложить свое мнѣніе на счетъ управленія Калмыками, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ, въ слѣдствіе нѣсколькихъ подтвердительныхъ о томъ приказаній, не дождавшись отзыва астраханскаго губернатора Бухарина, коему нужды этого народа были ближе извѣстны, послать въ С.-Петербургъ свое о томъ заключеніе. Прочитавъ вскорѣ послѣ того замѣчанія на этотъ счетъ почтеннаго и отлично-умнаго Н. Я. Бухарина, коему онъ исходатайствовалъ въ послѣдствіи аренду, и отправивъ ихъ также въ С. Петербургъ, онъ не преминулъ донести, что почитаетъ мнѣніе сего послѣдняго несравненно основательнѣе и полезнѣе своего. Хотя безпокойства въ Дагестанѣ, Чечнѣ и другихъ областяхъ отрывали часто Ермолова отъ гражданскихъ занятій, но нельзя, безъ явнаго нарушенія справедливости, не сказать, что его девятилѣтняя административная дѣятельность, при всѣхъ ея несовершенствахъ и большихъ недостаткахъ, была благотворна для Кавказскаго края; это могутъ подтвердить всѣ безпристрастные очевидцы и самые туземцы.“ *Прим. Изд.*

городскій драгунскій полкъ, молодой Ермоловъ, коего отецъ былъ правителемъ канцеляріи у генераль-прокурора графа Самойлова, состоялъ при семъ послѣднемъ въ качествѣ адъютанта; онъ былъ по нѣскольку разъ въ годъ посылаемъ графомъ съ грузомъ эполетъ и эксельбантовъ единственной въ то время фабрики Роговикова, къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, занимавшейся парфилажемъ. Выдержавъ экзаменъ съ особеннымъ отличіемъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію; участвовавъ въ войнѣ 1794 года съ Поляками, онъ заслужилъ лестные отзывы славнаго генерала Дерфельдена, мнѣніемъ котораго онъ всегда очень дорожилъ. Ермоловъ, отличившись въ особенности при штурмѣ Праги, былъ награжденъ знакомъ св. Георгія 4-го класса, полученнымъ по назначенію самаго великаго Суворова. Будучи посланъ въ Италію, вмѣстѣ съ чиновникомъ Вюрстомъ, коему было поручено окончить коммерческія дѣла съ Генуезскимъ банкомъ, онъ посѣтилъ главнѣйшіе пункты Италіи и между прочимъ Неаполь, гдѣ видѣлъ, знаменитую по своей красотѣ, Леди Гамильтонъ; въ слѣдствіе ходатайства графовъ Самойлова и Безбородки, снабдившихъ его письмами къ всесильному барону Тугуту, Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ состоять при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ, питавшемъ къ Русскимъ величайшее уваженіе, послѣ сраженія при Рымникѣ, въ коемъ онъ участвовалъ. Вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ съ Австрійцами принималъ участіе въ разныхъ стычкахъ противъ Французовъ, Ермоловъ, въ проѣздѣ свой чрезъ Берлинъ, присутствовалъ при бракосочетаніи знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскорѣ по своемъ возвращеніи въ походъ противъ Персидскаго шаха, Ермоловъ, послѣ бомбардированія Дербента, вѣковыя стѣны котораго разрушались съ страшнымъ трескомъ, двинулся далѣе; переправившись съ прочими войсками графа Зубова чрезъ Самуръ, онъ слѣдовалъ къ Куръ на встрѣчу безчеловѣчнаго Аги-Магомедъ-Хана, спѣшившаго съ огромнымъ войскомъ и 80-ю слонами. Прибывшій курьеромъ, подполковникъ графъ Витгенштейнъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ) привезъ

повелѣніе императора Павла о поспѣшномъ возвращеніи войскъ въ предѣлы Россіи *для полезнѣйшаго арміи употребленія*. Хотя, на основаніи полученнаго повелѣнія, надлежало каждому полку отступать порознь, что могло подвергнуть каждую часть совершенному пораженію, но по рѣшенію военного совѣта весь отрядъ отступилъ вмѣстѣ до Терека, гдѣ его ожидалъ военравный графъ Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему было ввѣрено начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе, и въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астрахань. Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ составъ баталіона Иванова, изъ коего въ послѣдствіи образовался 4-й артиллерійскій полкъ, въ которомъ, по мнѣнію графа Аракчеева, «у семи офицеровъ былъ лишь одинъ мундиръ.» Во время заточенія своего въ Костромѣ, гдѣ онъ имѣлъ товарищемъ знаменитаго М. И. Платова, Алексѣй Петровичъ, одаренный необыкновенными способностями, изучилъ весьма основательно латинскій языкъ и военныя науки. Обогативъ въ то время свой умъ разнообразными свѣдѣніями,⁵ любознательный Ермоловъ являлся ежедневно рано утромъ къ учителю своему, соборному протоіерею и ключарю Егору Арсеньевичу Груздеву, котораго будилъ словами: «пора вставать, Титъ Ливій насъ уже давно ждетъ.» (*) Блистательное участіе роты Ермолова въ кампаніи 1805 года обратило на него вниманіе высшаго начальства; въ Аустерлицкомъ сраженіи рота его, въ слѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго отступленія графа Витта съ кирасирскимъ полкомъ, была окружена непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, прислуга 4-хъ орудій была мгновенно изрублена, другія три орудія, увязшія въ грязи, были также взяты Французами, и самъ Ермоловъ, подъ которымъ была убита лошадь, захваченъ въ плѣнъ. Но наша кавалерія, опомнившись, и усмотрѣвъ малочисленность непріятели, опрокинула его, при чемъ подполковники, графъ Оруркъ и Шау, выручили Ермолова изъ рукъ Французовъ. Бу-

(*) Это мнѣ сообщено Костромскими старожилами.

дучи произведенъ въ полковники, по ходатайству почтеннаго и доблестнаго Θ . П. Уварова, воспользовавшагося отсутствіемъ графа Аракчеева, Ермоловъ заслужилъ, въ теченіи войны 1806 и 1807 годовъ, отличную репутацію. Князь Багратіонъ, письменными дѣлами котораго Ермоловъ завѣдывалъ въ теченіи этой войны, исходатайствовалъ ему за блистательное мужество, выказанное близъ Гутштата, знаки св. Георгія 3-го класса, и обратилъ на него вниманіе Цесаревича, коего особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ Алексѣй Петровичъ пользовался до самой его кончины. Слава, пріобрѣтенная имъ въ теченіи этой войны, была такова, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ св. Георгія; такимъ образомъ получили Георгіевскіе кресты 3 штабъ-офицера (*), отличившіеся въ глазахъ Ермолова, подъ Гейльсбергомъ. Когда солдаты наши замѣчали роту Ермолова, выѣзжавшую на позицію и въ особенности его самого, они громко кричали: «Напрасно Французъ горячку поретъ, Ермоловъ за себя постоитъ;» я былъ очевидцемъ всего этого. Графъ Аракчеевъ, почитая Ермолова прежнимъ фаворитомъ, преслѣдовалъ его весьма долго; оставаясь въ чинѣ подполковника въ продолженіи 9-ти лѣтъ, Ермоловъ думалъ одно время, перейдя въ инженеры, сопровождать генерала Анрепа на Іоническіе острова. Когда генераль Бухмейеръ объяснилъ графу его ошибку, этотъ послѣдній рѣшился вознаградить Ермолову за все прошлое. Послѣ этой войны Ермоловъ, не взирая на малый чинъ свой, удостоился получить весьма милостивый рескриптъ (**) Государя, препроводившаго къ нему 1000 рублей для награжденія нижнихъ чиновъ командуемой имъ роты. Будучи произведенъ въ 1808 году въ генераль-маіоры, Ермоловъ, состоя въ дивизіи молодого и пылкаго князя Суворова, наблюдалъ за Ав-

(*) То были подполковникъ Конно-Польскаго полка Буяковскій и маіоры: Лифляндскаго драгунскаго Римскій-Корсаковъ и Финляндскаго Фитингофъ.

(**) Весьма замѣчательно то, что во все время царствованія императора Александра ни одинъ почти штабъ-офицеръ не удостоивался получать Высочайшихъ рескриптовъ.

стрийской Галиціею и Радзивилловской таможеню; энергическія дѣйствія его и строгій надзоръ за контрабандистами едва не навлекли ему большихъ непріятностей со стороны коммерцъ-коллегіи, но благодаря покровительству графа Аракчеева, онъ не подвергся взысканію за то, что, по незнанію правилъ таможеннаго устава, онъ безкорыстно уступалъ всѣ конфискованные предметы казакамъ, отличившимся при поимкѣ контрабандистовъ; онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать своему предмѣстнику Бауеру, который высылалъ цѣлыя эскадроны для конвоирова-нія контрабанды. Получивъ вскорѣ послѣ того предписаніе графа Аракчеева наблюдать за польскими уроженцами западныхъ губерній, коимъ наше правительство не хотѣло дозволить вступать въ слишкомъ тѣсныя сношенія съ войсками князя Понятовскаго, дѣйствовавшими въ то время противъ Австріи, и будучи имъ уполномоченъ ссылатъ виновныхъ, Алексѣй Петровичъ успѣлъ въ этомъ случаѣ сочетать разумную строгость съ рѣдкимъ великодушіемъ. Услыхавъ, что почетный попечитель Кременецкой гимназіи, тайный совѣтникъ графъ Чапскій держалъ въ этомъ городѣ непозволительныя рѣчи, Алексѣй Петровичъ прибылъ изъ Житомира въ Кременецъ; сообщивъ ему о своемъ полномочіи, онъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей грозно сказалъ ему: (*) «Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы повидимому убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, но я обязанъ предупредить васъ, что впредь малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія.» Это краткое, но ясное увѣщаніе не осталось безъ желанныхъ послѣдствій. Не взирая на ходатайство графа Николая Михайловича Каменскаго, имѣвшаго въ виду, вызвавъ Ермолова изъ резервной арміи генерала Мило-радовича, назначить его къ себѣ либо дежурнымъ генераломъ, либо начальникомъ верхне-Валахскаго отряда,—Государь, на-

(*) Мнѣ подробно рассказывали о вышесказанныхъ происшествіяхъ многіе жители Кіева, Подоліи и Волыніи, бывшіе очевидцами всего этого.

мѣревавшійся дать ему другое назначеніе, не соизволилъ утвердить представленіе молодаго главнокомандующаго, которому доселѣ ни въ чемъ не отказывалъ. Между тѣмъ Ермоловъ, не участвовавшій ни въ Шведской, ни въ Турецкой войнахъ, сломилъ себѣ въ Кіевѣ руку; Государь простеръ свое къ нему вниманіе до того, что повелѣлъ присылать къ себѣ чрезъ каждые двѣ недѣли бюллетени о его здоровьѣ (*). Ермоловъ былъ вскорѣ противъ своего желанія назначенъ сперва командиромъ гвардейской артиллерійской, а потомъ и гвардейской пѣхотной бригады; онъ имѣлъ въ это время, по порученію барона П. И. Меллера-Закомельскаго, сильныя стычки съ военнымъ министромъ Барклаемъ; Михаилъ Богдановичъ еще болѣе вознегодовалъ на него, узнавъ, что Алексѣй Петровичъ, объяснивъ Государю устройство прицѣловъ, отдалъ предпочтеніе инструменту Кабанова предъ тѣмъ, который былъ изобрѣтенъ его племянникомъ Фицтумомъ. Супруга Барклая Елена Ивановна не разъ говорила мужу о Ермоловѣ: «lass ihn ruhig, das ist ja ein schrecklicher Mensch.» Государь, оставшись весьма доволенъ распорядительностью Ермолова, который уже командовалъ гвардейской дивизіей, въ окрестностяхъ Вильны, рѣшился назначить его начальникомъ главнаго штаба (**) 1-й арміи; не взирая на ходатайство графа Аракчеева о старѣйшемъ генералъ-лейтенантѣ арміи Н. А. Тучковѣ и

(*) Все, мною здѣсь сказанное, основывается на официальныхъ документахъ, хранящихся у генерала Ермолова.

(**) Во все время отступленія арміи отъ Дриссы до Царева-Займища, Ермоловъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Барклая, отдавалъ по цѣлымъ недѣлямъ приказы по арміи. Когда Барклаю хотѣлось внести что нибудь въ приказъ, онъ увѣдомлялъ его записками. Ермоловъ, оцѣнившій способности Толя, съ которымъ онъ находился въ послѣдствіи далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ, ходатайствовалъ о немъ не разъ у Барклая, который, какъ извѣстно, выслалъ его однако изъ арміи въ Москву. Ермоловъ подавалъ даже Барклаю записку, въ которой онъ свидѣтельствовалъ объ усердіи и дарованіяхъ Толя, пріобрѣтшаго въ послѣдствіи огромное вліяніе на Кутузова, который привезъ его съ собою въ армію.

просьбы самого Ермолова (*) не оставлять фронтовой службы это назначеніе состоялось. Графъ Аракчеевъ, узнавъ о томъ, сказалъ Ермолову: «вамъ, какъ человѣку молодому, предстоитъ много хлопотъ; Михаилъ Богдановичъ весьма дурно изъясняется и многого не досказываетъ, а потому вамъ надо стараться понимать его, и дополнять его распоряженія своими собственными.» Алексѣй Петровичъ, будучи 410-мъ генералъ-маіоромъ по старшинству, былъ произведенъ за сраженіе при Заболотьѣ въ генералъ-лейтенанты (**). Письма, писанныя имъ Государю въ началѣ отечественной войны, въ слѣдствіе особаго повелѣнія Его Величества и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось въ то время наше отечество, послужили, какъ извѣстно, поводомъ его врагамъ къ изобрѣтенію всевозможныхъ на него клеветъ; его обвиняли въ томъ, что онъ писалъ Государю письма, въ коихъ будто бы старался поколебать довѣріе Его Величества къ лицамъ, казавшимся для не-

(*) Извѣстно, что въ Тарутинѣ Коновницынъ, назначенный дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, отказывался отъ своей новой должности подъ предлогомъ, что она была выше его силъ; Кутузовъ думалъ дать ему въ помощники Ермолова, который, не желая служить секретаремъ Коновницыну, настоятельно просилъ перевода своего во фронтъ. Фельдмаршалъ потребовалъ ихъ обоихъ къ себѣ; передразнивая ихъ, онъ сказалъ имъ: „одинъ увѣряетъ, что не можетъ, а другой все можетъ, да не хочетъ, я о васъ обоихъ напишу Государю.“ Ермоловъ, не пользовавшійся въ то время довѣріемъ Кутузова, будучи нѣкогда самъ начальникомъ главнаго штаба арміи, и вполне сознававшій свое значительное превосходство въ умственномъ отношеніи надъ Коновницынымъ, возымѣлъ твердое намѣреніе перейти во фронтъ, что, какъ извѣстно, не состоялось, ибо для этого необходимъ былъ въ то время указъ Сената.

(**) Хотя Ермоловъ былъ представленъ за сраженіе при Заболотьѣ въ генералъ-лейтенанты, но, видя себя всѣми обойденнымъ, потому что въ приказахъ не было объявлено о его производствѣ, онъ вошелъ о томъ съ рапортомъ къ кн. Кутузову, который оставилъ это безъ всякаго вниманія. Во время вступленія нашихъ войскъ въ Прусскія владѣнія, Государь былъ столь милостивъ къ Ермолову, что приказалъ гр. Аракчееву узнать: не почитаетъ ли себя Алексѣй Петровичъ чѣмъ нибудь оскорбленнымъ; когда найденъ былъ рапортъ его кн. Кутузову, послѣдовалъ Высочайшій приказъ о его производствѣ со старшинствомъ со дня сраженія при Заболотьѣ, и по этому поводу состоялось Высочайшее постановленіе о томъ, что старшинство въ чинѣ должно полагаться со дня оказаннаго отличія.

го опасными. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ таковыхъ; но сколько мнѣ извѣстно, письма его, большую часть которыхъ я имѣлъ возможность прочесть, заключаютъ въ себѣ лишь довольно рѣзкія указанія на нѣкоторыя ошибки Барклая, на малое довѣріе, внушенное имъ къ себѣ войскамъ, на необходимость въ единоначаліи и на дѣйствія генерала Эртеля. Эти письма были даны въ оригиналахъ Государемъ Кутузову, при отправленіи сего послѣдняго въ армію. Кутузовъ, всегда любившій, особенно во время отступленія своего изъ Баваріи, Ермолова, называемаго потому *l'enfant gâté du général*, сталъ съ этого времени обнаруживать къ нему холодность и недовѣрчивость, которая еще болѣе усилились во время отечественной войны, благодаря окружающимъ свѣтлѣйшаго; извѣстны старанія сихъ послѣднихъ не допускать Ермолова, коему они завидовали, дѣйствовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о немъ въ реляціяхъ. По смерти Кутузова, эти письма перешли къ Барклаю; его окружающіе, принадлежавшіе большею частью къ партіи, которую Ермоловъ жестоко преслѣдовалъ своими насмѣшками, и потому ненавидѣвшіе его, воспользовались этими письмами, чтобы окончательно возстановить противъ него Михаила Богдановича, который не упускалъ въ послѣдствіи случая ему, по возможности, вредить (*). Вотъ истинная причина, почему Барклай невыгодно отзывался въ своемъ изображеніи военныхъ дѣйствій 1-ой арміи о Ермоловѣ, который, будучи глубоко преданъ кн. Багратиону, никогда, впрочемъ, не выказывалъ большаго сочувствія Михаилу Богдановичу. Такимъ образомъ, обязанность, возложенная Государемъ на Ермолова, обязанность трудная, опасная, на которую отваживались немногія историческія лица, потому что она ни-

(*) Послѣ Кульмскаго сраженія, Барклай, старавшійся приписать всю славу побѣды, одержанной въ 1-й день боя, поручику Діесту, имѣлъ въ виду сдѣлать непріятность не столько гр. Остерману, сколько Ермолову, который былъ обязанъ лишь ходатайству Его Высочества Цесаревича тѣмъ, что его не обходили наградами во время войны 1813 и 1814 годовъ.

когда не оканчивалась въ пользу тѣхъ, на которыхъ возлагалась, была выполнена Ермоловымъ съ рѣдкою добросовѣстностію. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтобы Ермоловъ написалъ что нибудь другое Государю, кромѣ какъ о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая, всему свѣту извѣстныхъ, и давно уже оцѣненныхъ, о вредѣ, который происходилъ отъ отсутствія единства въ командованіи арміями, и о маломъ довѣріи, питаемомъ войсками къ главнокомандующему, что было, къ сожалѣнію, вполнѣ справедливо. Изъ участниковъ же современной эпохи Ермоловъ отзывался невыгодно лишь объ одномъ Эртелѣ. Предоставляю на судъ cadaго, у кого есть капля здраваго смысла, сказать самому себѣ: много ли было на свѣтѣ людей, которые бы, взявъ на себя такую трудную роль передъ Государемъ и отечествомъ, исполнили ее болѣе честно и болѣе скромно? Между тѣмъ, это подало поводъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ Ермолова, людямъ, большею частью, бездарнымъ и завистливымъ, упрекать его въ томъ, что онъ интригантъ, обязанный своимъ возвышеніемъ проискамъ и искательству у начальниковъ; весьма трудно согласить подобнаго рода обвиненія съ смѣлыми, рѣзкими и никому не безъизвѣстными возраженіями Ермолова своимъ начальникамъ и старшимъ генераламъ, коимъ онъ часто, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, высказывалъ горькія истины. Возбудивъ этимъ противъ себя многихъ генераловъ, въ числѣ коихъ находилось не мало бездарныхъ, корыстолюбивыхъ и алчущихъ власти лицъ, онъ пріобрѣлъ тѣмъ весьма сильныхъ враговъ, которые, распространяя о немъ самые неблагопріятные слухи, могли значительно повредить ему, если не въ понятіяхъ прозорливаго правительства, то въ общественномъ мнѣніи. Вообще, если достоинства человека измѣряются числомъ его враговъ, никто болѣе Ермолова не имѣлъ столь большаго количества ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, но безгранично преданныхъ почитателей въ своихъ подчиненныхъ. Такъ какъ дѣятельность Ермолова въ войнѣ 1812

года и въ началѣ войны 1813 года уже извѣстна, я перехожу прямо къ сраженію при Люценѣ. Графъ Витгенштейнъ, не отличающійся большими умственными способностями, потерпѣлъ здѣсь пораженіе; онъ приписалъ, какъ извѣстно, свою неудачу недостатку зарядовъ въ артиллеріи. Это несправедливое обвиненіе, повторяемое позднѣе нашими военными историками, опровергается слѣдующимъ: во 1-хъ, положительно извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, кои нѣкоторые наши военные историки не хотѣли принять во вниманіе, что Ермоловымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ армій, было приготовлено зарядовъ несравненно болѣе, чѣмъ было ихъ выпущено въ Бородинскомъ сраженіи; а во 2-хъ, парки, наполненные зарядами, оставаясь не тронутыми въ теченіи боя, находились во все время лишь въ 6-ти верстахъ отъ поля сраженія (*). Ермоловъ, лишившійся, въ слѣдствіе этого вполнѣ недобросовѣстнаго обвиненія, мѣста, былъ замѣненъ мужественнымъ, дѣятельнымъ и остроумнымъ княземъ Яшви-лемъ (бывшимъ начальникомъ артиллеріи Полоцкаго корпуса, къ коему особенно благоволилъ Витгенштейнъ), который, будучи старѣе его въ чинѣ, находился однако подъ его начальствомъ въ этомъ сраженіи. Ермолову было кромѣ того приказано главнокомандующимъ доложить нашему Государю и королю Прусскому о неблагопріятномъ исходѣ этого сраженія; такимъ образомъ Витгенштейнъ (**), желая еще болѣе повредить ему въ глазахъ Его Величества, избралъ его вѣстникомъ неудачи. Послѣ сраженія при Бауценѣ, Ермоловъ, находясь въ арріергардѣ, блистательно выдержалъ главные натиски Французовъ, коими близъ Рейхенбаха предводительство-

(*) Все мною здѣсь сказанное основано на документахъ, хранящихся въ артиллерійскихъ архивахъ.

(**) Этотъ поступокъ Витгенштейна, столь благороднаго и великодушнаго въ другихъ случаяхъ, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ и прочія лица его партіи глубоко ненавидѣли Ермолова за его язвительныя насмѣшки; не будучи въ состояніи возражать ему съ успѣхомъ, они старались вредить ему по возможности по службѣ. Они при этомъ случаѣ достигли своей цѣли, что

валъ самъ Наполеонъ. Дойдя до знаменитой позиціи, нѣкогда занятой великимъ Фридрихомъ послѣ Гохкирхенскаго сраженія, Ермоловъ отразилъ здѣсь всѣ натиски непріятеля. Графъ Витгенштейнъ, отдавая ему здѣсь полную справедливость, доложилъ по этому случаю Государю: «я оставилъ на полѣ сраженія на 4¹/₂ часа Ермолова, но онъ, удерживаясь на немъ съ свойственнымъ ему упрямствомъ гораздо долѣе, сохранилъ тѣмъ В. В. около 50 орудій.» Ермоловъ пользовался во все время особымъ расположеніемъ князя Шварценберга, рекомендовавшаго его императору и императрицѣ Австрійскимъ. Слѣдуя въ 1814 году въ городъ Мо по мосту черезъ Сену, Ермоловъ не хотѣлъ пропустить впереди гвардіи обоза генералиссимуса, сопровождаемаго однимъ изъ его адъютантовъ. Такъ какъ сей послѣдній сталъ надменно и дерзко настаивать въ своемъ намѣреніи, Ермоловъ, въ присутствіи почтеннаго и отлично способнаго И. В. Сабанѣева, объявилъ ему, что онъ его не пропуститъ; онъ грозилъ даже сбросить его въ воду. Эта рѣшительность Ермолова заставила адъютанта уступить; Шварценбергъ, узнавъ вскорѣ послѣ того объ этомъ обстоятельстве и увидавъ Ермолова, сказалъ ему: «J'ai appris, général, les impertinences faites par un de mes aides-de-camp en votre présence, aussi je viens de le renvoyer de chez moi à l'armée.»—Проходя съ гвардіею мимо памятника великаго Тюреня, находящагося близъ Засбаха въ Баденскомъ герцогствѣ, Ермоловъ, не взирая на то, что мы въ то время были въ войнѣ съ Французами, рѣшился отдать честь памяти этого полководца; напомнивъ въ приказѣ, что права великихъ людей на уваженіе народовъ вездѣ равны, онъ приказалъ войскамъ слѣдовать мимо памятника въ полной парадной формѣ и съ музыкой. Прибывъ въ 1814 году къ городу Баръ-Сюръ-Объ, въ которомъ проживалъ Удино у престарѣлаго отца своего, Ермо-

подтвердилъ оберъ-гофмаршалъ гр. Н. А. Толстой, сказавшій о Ермоловѣ: „ему деревня Гёршенъ“ (въ которой ночевали Ихъ ВВ., и куда прибылъ Ермоловъ съ донесеніемъ) „много повредила въ глазахъ Государя.“

ловъ, знавшій сколь много этотъ маршалъ обласкалъ плѣннаго его адъютанта фонъ-Визина, рѣшился оказать ему съ своей стороны вниманіе; къ его квартирѣ былъ приставленъ почетный караулъ, что весьма тронуло Удино, отклонившаго однако отъ себя эту честь. Во время сраженія подъ Парижемъ, Ермоловъ, увидавъ, что солдаты дивизіи генерала Пышницкаго, коему онъ былъ нѣкогда въ войну 1794 года поручень, нагибаются послѣ cadaго пушечнаго выстрѣла, воодушевилъ ихъ слѣдующими словами: «Стыдно, ребята, вамъ кланяться, вѣдь вы ядра рѣже видите, чѣмъ сухари.» Хотя всѣ Прусаки, поздравляя Ермолова съ успѣхомъ, говорили ему, что «сегодня вашъ Красный Орелъ почернѣетъ;» но прусскій король, оставшись недовольнымъ потерей, понесенной Прусской гвардіей, которую Ермоловъ, по его собственному выраженію, вывелъ въ расходъ, не пожаловалъ ему этого ордена. Послѣ взятія Парижа въ 1814 году, командиръ Прусской гвардейской пѣхотной бригады генералъ Альвенслебенъ, бывшій свидѣтелемъ мужества и искусства одного русскаго артиллерійскаго офицера, принадлежавшаго къ гренадерскому корпусу генерала Раевского, близъ деревни Rautin, ходатайствовалъ чрезъ Ермолова о его награжденіи. Этотъ благородный Прусакъ оканчиваетъ письмо свое, писанное по этому поводу Ермолову, слѣдующими словами: «Es ist mir leid seinen Namen nicht angeben zu können; Euer Excellenz bekannte gütige Fürsorge: das verborgene Verdienst zu heben, wird aber diesen Offizier bald erkennen lassen.» (Мнѣ жаль, что я не могу сказать имени этого офицера, но извѣстная заботливость В. П. возвышать скрытыя заслуги ручается за то, что имя этого офицера будетъ скоро извѣстно). Этотъ офицеръ, имя котораго я забылъ, былъ отысканъ и награжденъ. Командуя въ 1815 г. авангарднымъ корпусомъ въ Краковѣ, Ермоловъ получилъ двѣ диспозиціи Барклая и кн. Шварценберга для движенія войскъ къ предѣламъ Франціи, куда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. Такъ какъ маршрутъ Барклая во многомъ различествовалъ отъ маршрута кн. Шварценберга, Ермоловъ отпра-

вилъ въ Вѣну адъютанта своего Граббе, который явился къ нашему Государю. На вопросъ Е. В. какъ поступить въ этомъ случаѣ Алексѣй Петровичъ? Граббе отвѣчалъ: «Онъ мнѣ приказалъ доложить В. В., что это его нисколько не затруднить, но онъ будетъ лишь сообразоваться съ обстоятельствами.»—Австрійцы, желавшіе задержать наши войска по возможности долѣе, требовали, чтобы во время марша они располагались не въ городахъ, но въ пріуготовленныхъ лагеряхъ, куда заблаговременно долженъ былъ быть свезенъ весь фуражъ и провіантъ. Ермоловъ грозно объявилъ австрійскому комиссару фельдмаршалу лейтенанту Роткирху, что онъ съ 40,000 человекъ вездѣ найдетъ себѣ провіантъ и квартиры; онъ до того устрасилъ сего послѣдняго, что комиссаръ, согласившись на все, снабдилъ его большимъ противъ положенія количествомъ подводъ. Такимъ образомъ нашъ авангардъ прибылъ къ берегамъ Рейна гораздо ранѣе прочихъ войскъ. Войска гр. Ланжерона и Раевского, находившагося въ то время въ отпуску, расположенныя близъ Галиціи, остались далеко назади по той лишь причинѣ, что онъ подчинился требованіямъ Австрійцевъ. Ермоловъ, слѣдуя чрезъ Германію къ Рейну, поручилъ адъютанту своему Штрандману благодарить отъ своего имени жителей городовъ, кои оказывали нашимъ войскамъ радушный пріемъ. Въ этомъ году фельдмаршалъ Барклай, находившійся съ Ермоловымъ въ весьма холодныхъ отношеніяхъ, инспектировалъ близъ Гейдельберга завѣдываемый имъ 6-й корпусъ; во время осмотра Маріупольскаго гусарскаго полка, въ коемъ числился раненый въ 1812 году ротмистръ Горичъ, не получившій, не взирая на оказанныя имъ отличія, никакой награды, Ермоловъ, не предупредивъ Барклая, вызвалъ его изъ фронта и сказалъ ему: «благодарите фельдмаршала за жалуемый вамъ слѣдующій чинъ.» Барклай, не уважившій, быть можетъ, въ другое время ходатайства Ермолова, нашелся вынужденнымъ подтвердить это въ приказѣ.

Графъ Аракчеевъ, бившійся съ Ермоловымъ въ 1815 году

въ Парижѣ объ закладѣ о томъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ, сказалъ въ томъ же году въ Варшавѣ Государю слѣдующія замѣчательныя слова (*): «армія наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ министрѣ; я могу указать В. В. на двухъ генераловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ большою пользою: гр. Воронцова и Ермолова. Назначенію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ, и нелишеннаго дѣятельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но В. В. вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость его бы вполнѣ въ послѣдствіи оправдали.» Когда въ 1816 году гр. Аракчеевъ учредилъ первыя военныя поселенія близъ Могилева, рѣшено было заблаговременно перевести мѣстныхъ жителей въ Новороссійскій край, и потому послѣдовало повелѣніе выстроить имъ въ этомъ краѣ избы и засѣять хлѣбъ, который они могли бы сжать тотчасъ же по ихъ туда прибытіи. Извѣстно, что герцогъ Ришелье не успѣлъ ничего приготовить; отчаяніе жителей, не хотѣвшихъ оставить родины, было неописанно. Ермоловъ, получившій приказаніе осмотрѣть поселенія и будучи свидѣтелемъ всего здѣсь совершившагося, донесъ обо всемъ лично Государю; напомнивъ Е. В. знаменитыя слова фельдмаршала гр. Чернышева, по мнѣнію котораго устройство военныхъ поселеній внутри государства было очень опасно, онъ присовокупилъ: «если воля В. В. неотвратима, то въ военномъ отношеніи полезнѣе иногда учреждать поселенія внутри государства, чѣмъ на границахъ». Онъ приводилъ въ примѣръ жителей Саволакской области, которые въ послѣднюю Швед-

(*) Этотъ разговоръ былъ переданъ знаменитымъ нашимъ гр. М. И. Платовымъ, въ присутствіи котораго онъ происходилъ.

скую войну, боясь лишиться своего имущества, не оказали намъ почти никакого сопротивленія (*). Въ послѣдствіи, недостатокъ женщинъ на Кавказѣ, въ особенности въ мусульманскихъ провинціяхъ, вынудилъ его просить о присылкѣ туда женатыхъ ротъ, кои стали извлекать большія выгоды изъ разведенія винограда и сарачинскаго пшена. Въ 1816 году, при отправленіи Ермолова посломъ въ Персію, Государь предоставилъ на его благоусмотрѣніе согласиться на просьбу шаха, требовавшаго уступку нѣкоторыхъ областей, присоединенныхъ къ Закавказскимъ владѣніямъ, на основаніи Гюлистанскаго договора, или отвергнуть её. Находя невозможнымъ удовлетворить это желаніе шаха, онъ не безъ большаго труда успѣлъ склонить его отказаться отъ этихъ областей. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ командиромъ Грузинскаго корпуса, переименованнаго въ послѣдствіи въ видѣ особой награды въ Кавказскій; этотъ корпусъ, состоя почти изъ 100,000 человѣкъ, въ число которыхъ входили астраханскія, линейныя, черноморскія войска, занималъ пространство, заключавшее въ себѣ болѣе 1000 верстъ длины и 500 ширины и раздѣленное еще Кавказскимъ хребтомъ. Онъ былъ расположенъ отъ берега Чернаго моря до Каспійскаго, отъ Кубани и Терека до Карадага, озера Гохги и горы Алагёза; на всемъ этомъ пространствѣ господствовала его воля, которая торчала какъ желѣзное остріе. Возвратившись изъ Персіи, онъ занялся устройствомъ края; его попеченіями была улучшена, при всевозможномъ соблюденіи казеннаго интереса, военно-грузинская дорога, и созданы Имеретинская и Кахетинская линіи, и положено основаніе Сунженской. Придвинувъ правый флангъ къ предгоріямъ Кавказа, онъ воздвигъ укрѣпленія у подошвы горъ и переселилъ сюда казаковъ, которые жили до того времени между Георгіевскимъ и Черноморіемъ. До 1820 года въ Черноморіи, зависившей отъ герцога Ришельё и преемника его

(*) Ермоловъ, не принимавшій, какъ извѣстно, участія въ войнѣ противъ Шведовъ, основывалъ вѣроятно свое мнѣніе на переданныхъ ему разсказахъ

графа Ланжерона, устроены были конные заводы, для которых покупались богатые англійскія заводскія лошади, существовалъ огромный штатъ конюховъ и возведены были племянникомъ Ришельё флигель-адъютантомъ Roche-Chouage нѣсколько малыхъ крѣпостей въ болотахъ. Ермоловъ, уничтоживъ бесполезные и крайне дорогіе конные заводы и упразднивъ все ненужное, распустилъ конюховъ; имъ были возведены укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлисъ тамъ, гдѣ были лишь кучи саклей и два Караванъ-Сарая. Шелководство и винодѣліе были также предметами его особенной заботливости; не согласившись на просьбу иностранца Кастелла, требовавшего большую сумму для выписанія изъ Франціи женщинъ, привыкшихъ разматывать шелкъ, онъ приказалъ заняться этимъ солдатскимъ женамъ подъ наблюденіемъ корпуснаго дежурнаго штабъ - офицера; онъ былъ обязанъ, приложивъ печать къ моткамъ, пересылать ихъ въ мѣсто нахождения Ермолова. Когда въ послѣдствіи выданы были Кастеллѣ, по приказанію графа Паскевича, 8000 рублей бумажками, онъ бѣжалъ за границу. Желая также пріучить туземцевъ къ подражанію нѣмецкому хозяйству, онъ водворилъ нѣмецкія колоніи. Ермоловъ былъ человекъ такой, какой былъ необходимъ для Кавказа. Смирная желѣзною рукою дикихъ хищниковъ, онъ мудрою справедливостью привлекалъ различные народы къ признанію надъ собою власти нашего Государя. Его продолжительному и славному управленію обязанъ былъ Кавказъ своимъ устройствомъ, спокойствіемъ и безопасностью; не взирая на большіе расходы, не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одинъ или два милліона экономіи. Тифлисскій госпиталь и комиссаріатскія зданія были имъ построены на счетъ суммъ, оставшихся послѣ его посольства въ Персію, и которыя онъ имѣлъ право оставить у себя (*). Грозный для враговъ и ослушниковъ своихъ велѣній, Алексѣй Петровичъ, будучи постоянно весьма при-

(*) Все мною сказанное основано на официальныхъ документахъ; я могу даже присовокупить, что бережливость Ермолова въ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ была часто весьма тягостна для его подчиненныхъ.

вѣтливъ относительно своихъ подчиненныхъ, позволялъ себѣ во время похода короткое съ ними обращеніе; но кажущаяся фамиллярность этого энергическаго человѣка не была въ состояніи поколебать дисциплины, столь необходимой въ военномъ сословіи. Онъ этимъ путемъ ознакомился со всѣми почти офицерами своего корпуса, и когда до его свѣдѣнія доходило, что полезный офицеръ намѣревался оставить службу, онъ не почиталъ для себя униженіемъ или слабостью письменно просить его отказаться отъ того. Мы болѣею частью видимъ, что начальники, щедро разсыпающіе вокругъ себя награды, болѣе любимы своими подчиненными. Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ всеобщую любовь совершенно инымъ путемъ; онъ награждалъ офицеровъ лишь послѣ нѣсколькихъ отличій, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, цѣнилась весьма высоко. Жестокое, повидимому, обращеніе его съ туземцами было лишь слѣдствіемъ необходимости и глубокаго пониманія духа и характера народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло(*). Приведя однажды въ трепетъ непокорныхъ горцевъ, онъ могъ въ послѣдствіи лишь изрѣдка прибѣгать къ мѣрамъ строгости(**). Онъ зналъ, что одна строгость безсильна, если ее не сопровождаютъ неуклонное правосудіе и безкорыстіе. Эти качества, идя рука объ руку, обильны по своимъ послѣдствіямъ; — вотъ истинная причина того благоговѣнія и необычайной преданности, питаемыхъ къ

(*) Хотя плодами его грозной и энергической всенной системы было обузданіе горцевъ, но ему не удалось однако вполне возбранить одинокимъ наѣздникамъ вторгаться въ наши предѣлы. При всемъ томъ хищническіе набѣги, кои имѣли всегда мѣсто даже при знаменитомъ князѣ Циціановѣ, сумасбродномъ гр. Гудовичѣ, благородномъ и изящно-одѣтомъ Тормасовѣ и слабомъ Ртищевѣ, значительно уменьшились. Никто, даже пастырскія увѣщанія не совсѣмъ нравственнаго К. Г. не были въ силахъ обратить къ мирной жизни отважныхъ всадниковъ, алчущихъ лишь добычи, и у коихъ разбой возведенъ на степень добродѣтели.

(**) Весьма замѣчательно то, что А. П. Ермоловъ, вопреки увѣреній многочисленныхъ его недоброжелателей, весьма рѣдко наказывалъ виновныхъ въ послѣдніе годы своего командованія; эта система прямо противоположна образу дѣйствій многихъ филантроповъ, кои, начиная баловствомъ, находятся вскорѣ вынужденными слишкомъ часто обращаться къ мѣрамъ строгости, которыя уже не могутъ оказыватьжелаемаго дѣйствія.

нему жителями края. Народы Азіи, еще незнакомые съ филантропическимъ воззрѣніемъ Европейцевъ, уважаютъ лишь начальника, умѣющаго сочетать строгость съ справедливостью; отсутствіе строгости почитается ими лишь признакомъ слабости. Весьма часто, когда Ермолову не хотѣлось карать незначительныхъ преступниковъ, онъ заблаговременно предупреждалъ о томъ своего неразлучнаго и вѣрнаго начальника штаба, Алексѣя Александровича Вельяминова (*), чтобъ онъ

(*) А. А. Вельяминовъ, имя котораго займетъ безъ сомнѣнія блестящую страницу въ Кавказскихъ военныхъ лѣтописяхъ, и слишкомъ рано похищенный смертью для пользы и благоденствія Кавказа и славы нашего оружія, обращалъ на себя справедливое вниманіе своими замѣчательными способностями, рѣдкою самостоятельностью въ характерѣ, необыкновенно—вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, обширными свѣдѣніями и умѣньемъ превосходно излагать на бумагѣ свои мысли. Вельяминовъ, будучи еще штабсъ-капитаномъ 1-й вардейской артиллерійской бригады, обратилъ на себя съ 1811 года вниманіе Ермолова, при которомъ онъ состоялъ въ послѣдствіи въ званіи начальника штаба въ теченіи почти 13-ти лѣтъ. Хотя характеръ его былъ совершенно противоположенъ характеру Ермолова, но эти двѣ личности, отлично понимавшія другъ друга, находились постоянно въ самыхъ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Вельяминовъ, любившій и почитавшій Ермолова какъ отца, приноравливался, во время продолжительнаго своего при немъ служенія, къ его гумѣренному образу жизни. Сдѣлавшись самостоятельнымъ начальникомъ Вельяминовъ, любившій давать всему тому, что онъ ни предпринималъ, огромные размѣры, сдѣлался крайне расточителемъ въ отношеніи къ собственному своему состоянію; такъ, на примѣръ, во всемъ, что онъ ни покупалъ или заказывалъ, онъ бралъ за единицу дюжину. Нынѣшній Государь отозвался о немъ въ слѣдующихъ лестныхъ для него словахъ: „Съ нимъ весьма пріятно работать и послѣдовать его мнѣнію.“ Ермолловъ имѣлъ въ немъ и нѣкоторыхъ вругихъ генералахъ и штабъ-офицерахъ превосходныхъ сотрудниковъ. Въ числѣ генераловъ находился и нынѣшній доблестный наказный атаманъ войска Донскаго Власовъ, прославившійся на Кавказѣ знаменитой побѣдой надъ Закубанцами; Ермолловъ, отдававшій всегда полную справедливость его рѣдкимъ военнымъ и гражданскимъ достоинствамъ, но знавшій любовь его къ крайне длиннымъ донесеніямъ, былъ однажды вынужденъ просить его „воздержаться отъ страсти къ многописанію.“ Отправивъ къ нему листъ бумаги, обрѣзанный форменнымъ образомъ, онъ просилъ его не выходить изъ этого предѣла; хотя донесенія Власова умѣщались послѣ того лишь на одномъ форменномъ листѣ бумаги, но къ этимъ листамъ привязывались снизу довольно полныя тетради съ подробнѣйшимъ изложеніемъ всего хода дѣлъ. Между гражданскими чиновниками канцеляріи Ермолова, число коихъ никогда не превосходило 19-ти, находились также отлично-способныя и благонамѣренныя лица.

о нихъ ходатайствовалъ; уступая, повидимому, его убѣжденіямъ, Алексѣй Петровичъ смягчалъ приговоры свои и даже нерѣдко совершенно прощалъ виновныхъ. Вотъ почему слава о его справедливости и безкорыстіи распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Правитель дѣлъ Аббаса-Мирзы, нѣкто Мирза-Сале, извѣстный по своему уму, образованію и знанію многихъ языковъ, заказывавшій нѣкогда для Персіи оружіе въ Англіи и Франціи, и потому значительно разбогатѣвшій, навлекъ на себя гнѣвъ принца, который, желая овладѣть всѣмъ его имуществомъ, вознамѣрился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный объ этомъ заблаговременно, бѣжалъ въ Грузію, гдѣ прибѣгнулъ подъ покровительство Ермолова; онъ съ полною довѣренностью передалъ ему на сохраненіе всѣ свои сокровища, въ числѣ коихъ находились богатые подарки отъ короля Англійскаго и Лудовика XVIII-го. Въ слѣдствіе требованія Аббаса-Мирзы выдать бѣжавшаго сановника, Ермоловъ совѣтывалъ ему удалиться сперва въ Астрахань, а потомъ далѣе. Въ послѣдствіи, онъ, возвратившись въ свое отечество, сопровождалъ Хозрева-Мирзу въ Петербургъ. Ермоловъ, желая ознаменовать чѣмъ нибудь свое вступленіе въ командованіе Грузинскимъ корпусомъ, исходатайствовалъ у Государя прощеніе 40 Грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь, въ слѣдствіе несправедливыхъ навѣтовъ генералъ-лейтенанта, князя Орбеліани. Еще до назначенія Ермолова командиромъ корпуса, открыта была по всей Россіи подписка для собранія суммы, необходимой для выкупа взятаго близъ Кизляра въ плѣнъ храбраго въ послѣдствіи командира Куринскаго полка, полковника Швецова. Ермоловъ предписалъ командовавшему войсками на линіи генералу Дельпоццо посадить въ Кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ туземныхъ князьковъ, чрезъ земли которыхъ слѣдовали хищники, коимъ они явно содѣйствовали въ плѣненіи этого офицера, и содержать ихъ дотолѣ, пока не будетъ собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспѣшно собрали 7000 рублей, вмѣсто требуемыхъ сперва 15000 руб.; Швецовъ былъ вскорѣ освобожденъ.

день, а потому приказано было выпустить изъ-подъ ареста и князей. До 1820 года назначалась изъ военного министерства сумма для выкупа плѣнныхъ въ Черноморіи, гдѣ до времени Ермолова было строго воспрещено нашимъ войскамъ переходить черезъ Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ Чеченцовъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за Имеретянъ, а прочихъ продалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на Чеченцовъ и прочихъ горцевъ, что они съ этого времени лишь изрѣдка захватывали нашихъ въ плѣнъ, и то не иначе какъ по одиначкѣ; пользуясь тѣмъ, Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Въ 1820-хъ годахъ было прислано изъ Ахена на имя Ермолова Высочайшее повелѣніе объ уступленіи Турціи областей, лежащихъ близъ Чернаго моря; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщенъ, что послу нашему въ Константинополь, барону Строгонову, было приказано обѣщать султану скорое возвращеніе этихъ земель, жители которыхъ уже обратились въ христіанскую вѣру. Ермоловъ, написавъ Государю всеподданнѣйшее письмо, въ коемъ были изложены гибельныя послѣдствія столь несвоевременной уступки, окончилъ его слѣдующими словами: «Если воля В. В. неотвратима, то прошу прислать мнѣ преемника, для приведенія ея въ исполненіе.» Государь, милостиво оцѣнивъ представленіе Ермолова, тотчасъ повелѣлъ барону Строгонову не давать вышесказаннаго обѣщанія; если оно было уже сдѣлано, то присовокупить, что это будетъ приведено въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, когда дружественныя сношенія между Россією и Турцією не измѣнятся въ теченіи 15 лѣтъ. Ермоловъ, находившійся въ С. Петербургѣ въ 1821 году, послѣ возвращенія своего изъ Лайбаха, куда онъ былъ вызванъ для начальствованія арміей въ Италію, отказался отъ Высочайше пожалованной ему аренды въ 40,000 рублей бумажками на 12 лѣтъ, въ пользу бѣдныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ ему: «Хотя я знаю, что у тебя ничего нѣтъ; но я благодарю тебя за твой вполне деликатный и без-

корыстный поступокъ.» Посѣтивъ однажды Шушу, и увидавъ близъ великолѣпнаго дворца безнравственнаго Мехти-Кули-Хана Карабахскаго маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ упадокъ, Ермоловъ грозно сказалъ ему: «Я требую, чтобы къ моему будущему пріѣзду, на мѣсто этой развалившейся мечети, была выстроена другая, которая бы соотвѣтствовала великолѣпію вашего дворца.» Эти слова, сказанныя на татарскомъ языкѣ, произвели чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на туземное населеніе, которое еще болѣе усилилось, въ слѣдствіе построенія самимъ Ермоловымъ мечетей въ нѣкоторыхъ аулахъ. Во время пребыванія барона Дибича въ Тифлисѣ, Лезгины взяли въ плѣнъ молодаго офицера, барона Фиркса; узнавъ о томъ Ермоловъ потребовалъ немедленной его выдачи, грозя въ противномъ случаѣ страшно наказать виновныхъ. Лезгины поспѣшили доставить не только плѣннаго, но и всѣ принадлежавшія ему вещи, какъ то: лошадь и часы. Ермоловъ, не желая потворствовать незаконнымъ дѣйствіямъ многихъ хановъ и продолжать выдачу получаемыхъ ими большихъ содержаній, изгналъ ихъ и замѣнилъ ханскія управленія народными судами. Извѣстившись, въ 1818 году, о набѣгѣ въ наши предѣлы генераль-маіора Ахметъ-Хана Аварскаго, получавшаго 5000 руб. содержанія, онъ издалъ прокламацію, въ силу которой этотъ ханъ былъ объявленъ измѣнникомъ, съ лишеніемъ чина и содержанія; онъ возбудилъ противу него, хотя не способнаго, но принадлежавшаго къ ханскому дому Сурхая. Жена Ахметъ-Хана, жестокосердая Гейлиге-Бике, злодѣйски умертвившая жениха своего, прислала къ Ермолову муллу, съ предложеніемъ отравить мужа за извѣстную сумму; но онъ отвѣчалъ, что жизнь такого презрѣннаго негодяя не стоить ничего. Теща преданнаго намъ шамхала Тарковскаго, значительно содѣйствовавшая къ возстанію Акушинцевъ, коихъ она просила доставить ей возможность выпить стаканъ крови своего зятя, была сослана сперва въ Черный Яръ, а потомъ въ Красный Яръ, гдѣ и умерла; владѣтельный князь аула Брагуны, умертвившій са-

мымъ измѣнническимъ образомъ своего отца и брата, былъ сосланъ въ Сибирь. Такъ какъ Уцмій Кайтахскій былъ духовная особа, которая могла быть намъ опасна, то званіе это было уничтожено. Ермоловымъ были также изгнаны подъ разными предлогами: ханъ Талышинскій, умный, но коварный генераль-лейтенантъ Мустафа-Ханъ Ширванскій, котораго нашъ знаменитый атаманъ Платовъ тщетно старался захватить еще въ 1796 году, и безнравственный Мехти-Кули-Ханъ Карабахскій. Учреждены были народные суды, на коихъ собирались представители бековъ и другихъ сословій, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ, при чемъ татарскій подлинникъ сопровождался русскимъ переводомъ. Ермоловъ написалъ, по совѣту маіора Якубъ Шардарова, уставъ для Кабардинцевъ, коимъ они руководствуются доселѣ; у нихъ въ судахъ предсѣдательствуетъ эфенди. Ермоловъ, вполне убѣжденный, что миръ между Россіею и сосѣдними восточными государствами не могъ быть продолжителенъ, въ особенности съ Персіею, гдѣ старшій сынъ шаха, умный и расположенный къ намъ Мамадъ-Али-Мирза, родившійся отъ христіанки, былъ лишенъ престола въ пользу постоянно-враждебнаго намъ Аббаса-Мирзы, коего мать принадлежала къ фамиліи Каджаръ, старался пріобрѣсти себѣ тамъ союзниковъ на случай войны. Онъ потому сблизился съ Мамадъ-Али-Мирзой, который не хотѣлъ добровольно уступить престола брату своему, непризнанному еще Россіей наслѣдникомъ его. Ермоловъ, не взирая на увѣренія многочисленныхъ его враговъ, утверждавшихъ, что онъ давно искалъ повода къ войнѣ и возбудилъ ее лишь изъ честолюбивыхъ видовъ, избѣгалъ ее однако, сколько было возможно; онъ, напротивъ, совѣтовалъ нетерпѣливому Мамадъ-Али-Мирзѣ выжидать благопріятнаго времени для явнаго возстанія противъ брата, тѣмъ болѣе, что, въ силу статьи Гюлистанскаго договора, мы были обязаны помогать шаху въ случаѣ междоусобной войны въ Персіи; этотъ принцъ, приносившій даже жалобу въ Петербургъ на Ермолова, который, по его мнѣнію, слишкомъ медлилъ объявленіемъ Персіи войны,

былъ, къ сожалѣнію, скоро отравленъ. Ермоловъ, узнавъ, что Турецкій султанъ, подъ предлогомъ смѣны гарнизона въ Трапезунтѣ, посылаетъ войско для наказанія умнаго и самостоятельнаго паши Тутчи-Оглу, рѣшился предупредить его о томъ и тѣмъ пріобрѣсти вѣрнаго союзника, на случай войны Россіи съ Турціей. Онъ отправилъ къ нему письмо, наполненное лишь привѣтствіями въ восточномъ вкусѣ, съ довѣреннымъ Армяниномъ, бывшимъ нѣкогда дядькой знаменитаго князя Багратіона; ему было приказано изустно извѣстить объ угрожавшей опасности пашу, который принялъ всѣ необходимыя мѣры; двѣ турецкія арміи, потерявъ всѣ свои орудія, были имъ на голову разбиты. Тутчи-Оглу прислалъ, въ свою очередь, послѣ того въ Тифлисъ довѣренное лицо, которое, передавъ Ермолову письмо въ привѣтствіяхъ, сказало ему: «Паша обязанъ жизнью своему отцу, но тебѣ гораздо болѣе, а потому разумѣй его, какъ самага преданнаго къ тебѣ человѣка.» Онъ былъ, къ несчастію, вскорѣ измѣннически задушенъ. Ермоловъ пріобрѣлъ также большое вліяніе въ окрестностяхъ Багдада и Бассоры; двое сыновей пожилой крѣпостной женщины князя Луарсаба, сдѣлавшись Багдадскимъ и Бассорскимъ пашами, просили Ермолова препроводить къ нимъ ихъ мать. Ермоловъ, убѣдивъ князя Луарсаба отпустить на волю эту старуху, приказалъ одѣть ее въ богатые парчевыя платья и передать съ почетомъ посланнымъ, которые вручили значительную сумму ея прежнему владѣльцу. Эти оба паши просили въ послѣдствіи позволенія перейти въ Россію съ сохраненіемъ своихъ правъ. Отправленный Ермоловымъ въ Хиву Муравьевъ (*) былъ сперва посаженъ подъ арестъ ханомъ, намѣревавшимся предать его жестокой казни, но въ слѣдствіе распространеннаго астраханскими Армянами слуха, будто бы Ермоловъ хочетъ мстить Хивинцамъ за истребленіе отряда Бековича еще во времена Петра Великаго, его отпустили съ подарками въ Тифлисъ; онъ прибылъ туда въ сопровожденіи двухъ знатныхъ Хивинцевъ, которые оставались тамъ доволь-

(*) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, генералъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантъ.

но долгое время. Ермоловъ приобрѣлъ также вліяніе въ землѣ Туркменцевъ; владѣтель острова Черекеме Кіать-Ханъ Туркменскій прислалъ даже сына своего, который поступилъ къ намъ на службу въ Эриванскій полкъ. Всѣ эти случаи, которыми я здѣсь ограничиваюсь, вполнѣ абрисовываютъ характеръ Алексѣя Петровича и свидѣлствуютъ о степени нравственного вліянія его на подчиненныхъ; но главная его заслуга состояла въ неутомимой дѣятельности и умѣньѣ возвышать духъ своихъ подчиненныхъ (*). Прослуживъ въ теченіи 25 лѣтъ и участвовавъ во многихъ кампаніяхъ, я, положа руку на сердце, могу по истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова: *ребята, походъ!* возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50 верстъ въ сутки, въ особенности, когда ею предводительствовалъ самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ. Ермоловъ, убѣжденный въ неизбежности близкой войны съ Персіанами и желая упрочить спокойствіе и порядокъ между невѣжественными и фанатическими жителями Дагестана, прибылъ сюда въ 1823 году. Онъ провелъ въ аулѣ Казанищи всю зиму съ 1823-го на 1824-й годъ, гдѣ имѣлъ при посредничествѣ умнаго и вполнѣ преданнаго намъ Шахмала Тарковского ночныя свиданія съ Саидомъ-Эффенди, ученымъ наставникомъ значительнѣйшихъ туземныхъ муллъ, пользовавшимся въ горахъ огромнымъ вліяніемъ.

(*) Заботы Ермолова о войскѣ, нужды котораго онъ хорошо зналъ, были примѣрны; неуклонно наблюдая за хорошимъ содержаніемъ войскъ, онъ строго запретилъ изнурять ихъ фронтовыми ученьями и дозволилъ имъ носить вмѣсто касокъ—папахи, а вмѣсто ранцевъ—холщевые мѣшки съ сухарями. Это, къ сожалѣнію, подало многимъ поводъ обвинить въ либеральномъ образѣ мыслей Ермолова, явно, по ихъ мнѣнію, баловавшаго войска, въ коихъ чрезъ то будто бы обнаружился упадокъ дисциплины, и осмѣливавшагося постоянно нарушать установленныя формы и правила службы. Лучшимъ опроверженіемъ тому служатъ слова барона Дибича генералу Сабанѣеву, по возвращеніи своемъ изъ Грузіи: „Я нашелъ тамъ войска, одушевленные духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ“, и наши успѣхи въ войнахъ съ Персіанами и Турками.

Во время этих свиданий, о коих не знали многія изъ самыхъ приближенныхъ къ Ермолову лицъ, ему удалось склонить Саида-Эффенди употреблять въ нашу пользу свое вліяніе въ горахъ и принять на себя наблюденіе за своими единовѣрцами; этому ученому мужу была обѣщана значительная сумма денегъ, которая выплачивалась до 1827 года. Извѣстившись въ 1824 году о явномъ ослушаніи одного изъ дагестанскихъ муллъ, Ермоловъ приказалъ Асланъ-Хану Кюринскому захватить виновнаго и переслать его въ Тифлисъ. Не взирая на то, что этотъ Ханъ привыкъ, подобно прочимъ туземнымъ властителямъ, къ безпрекословному повиновенію волѣ Ермолова, но онъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, пытался на сей разъ его обмануть и медлилъ приведеніемъ въ исполненіе его приказанія. Вскорѣ Ермоловъ, не знавшій объ этомъ обстоятельстве, подтвердилъ свое повелѣніе Хану, который, опасаясь раздражить его, захватилъ виновнаго и принялъ уже всѣ мѣры къ немедленному отправленію его въ Тифлисъ. Но въ это время было получено извѣстіе объ оставленіи Ермоловымъ Кавказа, и Асланъ-Ханъ воспользовался тѣмъ, чтобы освободить своего плѣнника, который, удалившись въ Табасаранъ, сталъ привлекать къ себѣ многихъ послѣдователей (*). Войны съ Персіянами и Турками, но въ особенности малое знакомство ближайшихъ преемниковъ Ермолова съ характеромъ туземцевъ, дали этой шайкѣ мятежниковъ полную возможность пріобрѣсть большое значеніе; имъ даже скорѣ удалось придать своему дѣлу религіозный характеръ, коего онъ въ началѣ вовсе не имѣлъ. Такимъ образомъ это броженіе умовъ, послѣдствіемъ котораго—настоящая упорная на Кавказѣ война, не было затушено въ самомъ его началѣ по причинамъ, вовсе независимымъ отъ воли Ермолова. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ дѣятельность Ермолова не была прервана столь внезапнымъ образомъ, ему, котораго отлично-умный митрополитъ Грузіи Теофилактъ называлъ мудрымъ правителемъ, удалось бы затушить мятежъ

(*) Это было мнѣ сообщено А. А. Вельяминовымъ и подтверждено многими безпристрастными очевидцами.

въ самомъ его зародышѣ. Но обстоятельства, среди которыхъ Ермоловъ находился въ это время, не дозволили ему совершить этого, а потому всякій безпристрастный человѣкъ остережется поставить ему это въ вину. Я еще разъ повторяю, что Ермоловъ, какъ замѣчательный дѣятель современной ему эпохи, далеко не чуждъ многихъ упрековъ, но въ этомъ дѣлѣ они не могутъ имѣть мѣста. Ермоловъ, не имѣвшій ни малѣйшаго повода опасаться военныхъ дарованій Аббаса-Мирзы, съ которымъ онъ весьма коротко познакомился еще въ 1817 году, и его безпорядочнаго, хотя и многочисленнаго войска, въ коемъ было лишь нѣсколько 6-ти фунтовыхъ пушекъ и много пушечекъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, которыхъ огонь не могъ быть опаснымъ, отправилъ противъ Персіянъ генерала Паскевича; онъ снабдилъ его всѣми нужными наставленіями: самъ начертилъ диспозицію войскъ, на случай встрѣчи съ главными непріятельскими силами, и совѣтовалъ ему, за неимѣніемъ значительнаго количества пѣхоты, строить ее въ двухъ-ротные карре, при чемъ самъ нарисовалъ таковыя на своемъ предписаніи, которое, вѣроятно, и нынѣ хранится въ Кавказскомъ штабѣ. Избравъ въ Карабахѣ опор нымъ пунктомъ Шушу, куда были заблаговременно свезены довольно большіе запасы всякаго рода, Ермоловъ усилилъ гарнизонъ этой крѣпости, которая, будучи сильна своимъ положеніемъ, могла оказать персидскимъ толпамъ довольно продолжительное сопротивленіе. Не взирая на то, что солдаты гарнизона, не будучи еще тревожимы непріателемъ, безопасно спускались съ горы, на коей возвышалась крѣпостца, въ лощину, гдѣ они спокойно мололи себѣ муку, и вооружившіеся жители Армяне готовы были мужественно встрѣтить непріателя, комендантъ послалъ къ Ермолову маіора Кюки, съ донесеніемъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: «мы люди добрые, за что вы насъ покинули? Мы не въ состояніи долго сопротивляться непріателю.» Маіоръ Кюки, захваченный Персіянами, былъ приведенъ въ лагерь Аббаса-Мирзы, который, прочитавъ съ удовольствіемъ это донесеніе, отпустилъ посланнаго въ Тифлисъ. Такъ какъ въ персидскомъ войскѣ были Англичане и Фран-

цузы, Ермоловъ написалъ шушинскому коменданту сильный выговоръ, который былъ переведенъ на польскій языкъ; онъ послалъ его съ нарочнымъ Аджихановымъ, взятымъ въ плѣнъ Персіянами и убитымъ ими послѣ Елисаветпольскаго сраженія. Между тѣмъ Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ послѣ блестящаго Шамхорскаго дѣла, гдѣ былъ убитъ Аминъ-Сардаръ, и въ которомъ князь Мадатовъ разсѣялъ сильный непріятельскій авангардъ, донесъ Ермолову, что все пространство отъ Шамхора до Елисаветполя было устлано непріятельскими трупами. Я положительно знаю отъ многихъ участниковъ Елисаветпольскаго сраженія, что Паскевичъ, увидавъ предъ собою всю персидскую армію, не рѣшался принимать сраженія, но Вельяминовъ и Мадатовъ убѣдили его неотлагательно атаковать непріятеля, который, послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны, началъ поспѣшно отступать. Но непріятельская пѣхота, будучи довольно хорошо обучена иностранцами, выславъ своихъ стрѣлковъ, открыла по насъ сильный огонь; смѣлое наступленіе нашей пѣхоты, въ особенности неустрашимого Ширванскаго баталіона, заставило однако непріятеля обратиться въ поспѣшное бѣгство. Персидскій саркангъ, или полковникъ, съ своими сарбазами, или регулярной пѣхотой, нѣкогда стоявшій въ караулѣ у Ермолова во время пребыванія сего послѣдняго въ Султаніи, гдѣ онъ у него часто обѣдывалъ, и вообразившій, что самъ Ермоловъ предводительствовалъ нашими войсками, сдался лишь потому въ плѣнъ Мадатову. Извѣстно уже, что особенныя обстоятельства, въ коихъ былъ въ то время поставленъ Ермоловъ, требовали новыхъ, блестящихъ съ его стороны подвиговъ; онъ вполне сознавалъ это; но благоденствіе края, коимъ онъ такъ долго и славно управлялъ, и въ особенности глубокое убѣжденіе въ томъ, что отъѣздъ его изъ Тифлиса, гдѣ оставалось лишь 400 человекъ гарнизона и гдѣ жители, опасавшіеся скорого появленія Аббаса-Мирзы, спѣшили зарывать въ землю свои сокровища,—неминуемо повлечетъ за собою всеобщее противъ насъ возстаніе,—все это побудило его не выступать лично противъ непріятеля, но предоставить Паскевичу случай украсить свѣ-

жими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сдѣланная въ ущербъ всѣмъ своимъ личнымъ выгодамъ и вполне доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, не знакомыми съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи, и преимущественно тѣми, кои руководствуются лишь мелочными и эгоистическими цѣлями,—величайшею съ его стороны ошибкой. Нельзя душевно не скорбѣть о томъ, что этотъ высокій подвигъ Ермолова, имѣвшій для него столь неблагоприятныя послѣдствія, лишилъ Россію глубоко преданнаго и извѣстнаго по своимъ доблестямъ и дарованіямъ слуги. Но Ермоловъ, столь высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, не могъ и не долженъ былъ поступить иначе. Оставя Кавказъ вскорѣ послѣ изгнанія Персіянъ изъ нашихъ предѣловъ, онъ могъ утѣшаться мыслию, что ему была Россія обязана сохраненіемъ края, стоившаго ей уже много крови и усилій. Таково было поприще одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей великой наполеоновской эпохи; хотя судьба не дозволила ему, совершивъ рядъ кампаній, одержать самому большія побѣды; но рѣшительность и проницательность, выказанныя имъ въ самыя критическія минуты великихъ войнъ, и коимъ наша армія была не одинъ разъ обязана своимъ спасеніемъ, примѣрная и столь рѣдко встрѣчающаяся бережливость относительно казенныхъ денегъ и людей, умѣнье увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать ихъ къ благотворной дѣятельности, справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уваженіе современниковъ. Ни одинъ почти начальникъ не внушалъ, подобно А. П. Ермолову, своимъ подчиненнымъ такого глубокаго уваженія, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаній (*). Я сохранилъ у себя нѣсколько копій съ

(*) Если мы, современники и очевидцы магическаго дѣйствія, производимаго въ нашихъ войскахъ однимъ именемъ Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностью, коею онъ всегда пользовался, то наши потомки будутъ въ правѣ думать, что извѣстіе о томъ если не вымыслено, то по крайней мѣрѣ весьма преувеличено; самые враги его, бывшіе не разъ свидѣтелями необыкновенной любви и преданности, питаемыхъ къ нему войсками, не могутъ отрицать этого обстоятельства. Достоинно удивленія то, что, хотя Ермо-

писемъ, писанныхъ Ермолову нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ предъ самою ихъ кончиною, когда они не имѣли уже нужды говорить ничего другаго, кромѣ истины. Всѣ они оканчиваются молитвою къ Богу: да продлитъ и благословитъ Онъ его жизнь и командованіе. Я бы самъ тому не повѣрилъ, если бы не былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ случаевъ и не имѣлъ бы у себя въ рукахъ письменныхъ документовъ, подтверждающихъ это; а потому все мною здѣсь сказанное не есть лишь восторженный панегирикъ чловѣка, коему судьба столь рано преградила путь къ вѣщимъ заслугамъ отечеству и который могъ бы образовать много истинно полезныхъ военныхъ людей.

Одно мое искреннее убѣжденіе, основанное на неопровержимыхъ фактахъ, въ рѣдкихъ и доселѣ мало оцѣненныхъ достоинствахъ А. П. Ермолова, сдѣлавшаго безъ сомнѣнія въ теченіи своего поприща не одну немаловажную ошибку, и намѣреніе опровергнуть, по возможности, взводимыя на него клеветы, вызвали этотъ довольно полный очеркъ его служебной дѣятельности.

Полковникъ Юрковскій, Венгерецъ родомъ, былъ превосходный аванпостный начальникъ; очень неглупый отъ природы, храбрый до невѣроятія, онъ пріобрѣлъ въ школѣ знаменитаго князя Багратіона то знаніе дѣла, ту опытность, которая въ послѣдствіи его прославили. Всѣ эти качества отличнаго воина были, къ сожалѣнію, омрачены непомѣрнымъ корыстолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ прибѣгалъ къ разнымъ противозаконнымъ мѣрамъ. Онъ находился въ чинѣ маіора подѣ Очаковымъ; извѣстно, что во время осады этого города Потемкинъ (*), посѣщавшій по нѣскольку разъ въ день госпиталь, расположенный близъ его землянки, нерѣдко катался подѣ

ловъ уже давно не стоитъ въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи, но доселѣ одно появленіе его среди нашихъ войскъ и въ особенности среди своихъ старыхъ подчиненныхъ возбуждаетъ по прежнему неимовѣрный и безграничный восторгъ.

(*) Все, мною сказанное о Потемкинѣ и другихъ представителяхъ славнаго Екатерининскаго вѣка, заимствовано изъ рассказовъ графа А. И. Самойлова А. М. Каховскому и кн. Андрея Ивановича Горчакова.

выстрѣлами крѣпости въ коляскѣ, запряженной шестерикомъ, при чемъ сопровождавшему его однажды Херсонскому губернатору Синельникову оторвало ядромъ ногу. Не получивъ за взятіе этой крѣпости георгіевскаго креста, оскорбленный Юрковскій явился съ жалобой къ Потемкину. Гордый съ вельможами, но добродушный и снисходительный къ своимъ подчиненнымъ, Потемкинъ сказалъ ему, что онъ этого креста не получитъ; на отвѣтъ Юрковскаго, что онъ выйдетъ въ отставку, князь Тавриды отвѣчалъ, смѣясь, что онъ его не выпуститъ; когда же Юрковскій объявилъ ему, что онъ будетъ настоятельно просить о своемъ увольненіи, на что онъ какъ дворянинъ имѣетъ полное право, Потемкинъ расхохотался. Уѣзжая изъ-подъ Очакова въ Петербургъ, Потемкинъ, увидавъ изъ своей кареты въ числѣ сопровождавшаго его конвоя Юрковскаго, закричалъ ему: «а креста ты все-таки не получишь». — Во время войны 1806—1807 годовъ Юрковскій, кричавшій казакамъ въ минуты атакъ на непріятеля: «рубай ихъ въ песи», покрылъ себя славой; онъ въ то же время занимался по ночамъ съ своимъ писаремъ сочиненіемъ вѣдомостей объ утраченныхъ будто бы казаками и гусарами вещахъ. Тщетно Ермоловъ, жившій одно время вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, доказывалъ ему всю безразсудность и противозаконность подобныхъ вѣдомостей, но Юрковскій не хотѣлъ внять его представленіямъ. Юрковскій, часто восклицавшій: «о мати Господа», былъ украшенъ еще за войну 1807-го года знаками св. Георгія 3-го класса. Будучи въ чинѣ генераль-маіора шефомъ Александрійскаго гусарскаго полка, онъ, подобно многимъ, захватилъ богатую добычу подъ Краснымъ; сидя на дорогой лисьей шубѣ, Юрковскій, окруживъ себя мѣшками, наполненными отбитыми драгоценностями, не преставалъ, указывая на нихъ, говорить Александрійцамъ: «Вѣдь это все вамъ, хузары», но, не взирая на эти увѣренія, Юрковскій приберегъ всю добычу для себя. Пустивъ въ послѣдствіи свой капиталъ въ оборотъ, онъ совершенно его лишился въ слѣдствіе неблагопріятныхъ коммерческихъ операцій.

Въ послѣдствіи многіе изъ вышепомянутыхъ генераловъ и

штабъ-офицеровъ, которые въ то время лишь начинали свое военное поприще, обнаруживъ замѣчательныя дарованія, оказали отечеству важныя заслуги, но въ то время они, по неопытности и незнанію дѣла, бродили еще ощупью. Вотъ лица, коимъ было ввѣрено начальство надъ нашими войсками; они должны были бороться съ маршалами, закаленными въ битвахъ и побѣдахъ, коими предводительствовалъ величайшій изъ полководцевъ.

Беннингсенъ расположилъ близъ Пултуска войска слѣдующимъ образомъ:

6-ти тысячный обломокъ прусской арміи подъ командою Лестока въ Торунѣ и его окрестностяхъ до Врацлавска.

Дивизию Сакена, между Млавой и Сольдау.

Авангардъ, подъ командою Барклая, между Плонскомъ и Плоцкомъ.

Дивизию Остермана въ Цѣхановѣ.

Дивизию Седморацкаго въ Прагѣ, предмѣстіи Варшавскомъ; авангардъ этой дивизіи, подъ командою полковника Юрковскаго, въ Блони.

Главную квартиру и дивизию кн. Голицына въ Пултускѣ.

Корпусъ гр. Буксегвдена только что подходилъ къ окрестностямъ Млавы.

Между тѣмъ французская армія подвигалась къ Вислѣ, она состояла:

	тыс.	сот.
изъ гвардіи	12	800
корпуса Бернадота	16	800
изъ корпуса Лефевра . . .	12 (*)	—
— — Ожеро	11	400
— — Даву	34	—
— — Сульта	30	600
— — Ланна	23	400
— — Нея	22	200
— резерва кавалеріи . . .	20	400
— дивизіи гренадеръ . . .	8 (**)	—

Итого 191 тыс. 600 челов.

(*) Во всю войну оставался за Вислою и былъ употребленъ для осады Данцига.

(**) Еще не прибылъ въ армію.

Направленіе этихъ корпусовъ было слѣдующее:

Корпусъ Нея, подкрѣпленный корпусомъ Бернадота и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Бессьера (*), на *Торунь*; корпусъ Сульта на *Плоцкъ*.

Корпусъ Ожеро и 3-й кавалерійскій корпусъ (**) на *Закрочимъ*.

Гвардія, корпуса Даву, Ланна и кавалерійскія дивизіи Бомонта и Бекера на *Варшаву*.

16-го ноября непріятель вступилъ въ послѣдній городъ Седморацкій остался въ *Прагъ*.

19-го этотъ генералъ, не испросивъ предварительно разрѣшенія Беннингсена и не бывъ атакованъ непріятелемъ, перешелъ за *Наревъ* *подъ предлогомъ*, что Французы совершаютъ переправу въ *Мнишевъ* и намѣреваются обойти его лѣвый флангъ чрезъ Австрійскую Галицію; эта земля была въ то время нейтральною, слѣдовательно непроходимою.

За этотъ поступокъ Седморацкій былъ лишенъ командованія лѣвымъ флангомъ арміи, который ввѣренъ былъ начальству неустрашимаго графа Остермана.

Вскорѣ послѣ этого, т. е. 22 числа, самъ Беннингсенъ предпринялъ общее отступленіе къ *Омuleвъ* для соединенія съ *Буксгевденомъ*, *подъ предлогомъ*, что непріятель намѣревается перейти *Наревъ* и атаковать его въ *Пултускъ* и силы его недостаточны для воспрепятствованія этому движенію. Беннингсенъ прибылъ уже лично въ *Остроленку*, гдѣ встрѣтилъ фельдмаршала, пріѣхавшаго изъ Петербурга (***). Встрѣча эта была не весьма пріятная: разговоръ длился не долго. Причина отступленія Беннингсена была столь же мало извинительна, какъ и та, которая была приведена Седморацкимъ. Фельдмар-

(*) Сей корпусъ состоялъ изъ одной дивизіи кирасиръ Гошюльта, изъ двухъ дивизій драгунъ Груши и Сагюка, изъ одной дивизіи легкой кавалеріи Тиллія.

(**) Сей корпусъ состоялъ изъ кирасирской дивизіи Нансути, изъ драгунскихъ дивизій Клейна и Мильго и изъ дивизіи легкой кавалеріи Ласаля.

(***) Уѣзжая въ армію, фельдмаршалъ испросилъ у Государа соизволеніе взять съ собою гр. Петра Алексѣевича Палена; проѣзжая ночью чрезъ Ригу, онъ разбудилъ Палена и, сидя на его кровати, сообщилъ ему о Высочайшемъ повелѣніи, которое должно было скоро послѣдовать на его имя; но Его Вели-

шалъ приказалъ ему немедленно возвратиться къ Вислѣ и стараться препятствовать переходу непріятеля на правый берегъ рѣки.

Беннингсенъ повелъ свои войска назадъ, но уже было поздно! Французскіе корпуса, пользуясь нашимъ отступленіемъ, не замедлили перейти рѣку. 25-го Ней, Бернадотъ и Бессьеръ, вступивъ въ *Торунь*, немедленно занялись укрѣпленіемъ сего города.

28-го Сультъ перешелъ Вислу при Плоцкѣ. Того же числа Ожеро съ своимъ корпусомъ и 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перешелъ ее между *Закрочима* и *Модлиномъ*, и приступилъ къ укрѣпленію послѣдняго селенія.

Главныя непріятельскія силы, приведя въ оборонительное положеніе Варшавское предмѣстье, *Прагу*, расположились въ углу, образуемомъ Вислою, Наревою и Австрійскою Галиціею, и, переправивъ за Нареву бригаду Готье у сел. *Оконина*, также занялись возведеніемъ укрѣпленія при устьѣ Вкры и Наревы.

Около 7-го декабря лѣвое крыло и центръ французской арміи двинулись къ Вкрѣ.

Ней преслѣдовалъ прусскій корпусъ къ *Лаутенбургу*.

Бессьеръ подходилъ къ *Безуню*.

За нимъ слѣдовалъ Бернадотъ.

Сультъ шелъ чрезъ *Плонскъ* къ Колосомбу.

Ожеро и Мюратъ (*) слѣдовали чрезъ Плонскъ туда же.

Я уже говорилъ, что фельдмаршалъ, прибывъ въ *Пултускъ* и усиливъ 8-го декабря авангардъ двѣнадцатью баталіонами, по-

чество вскорѣ перемѣнилъ свое намѣреніе. Разсердившись однажды на сына своего гр. Николая Михайловича, который, въ чинѣ премьеръ-маіора, состоялъ при немъ въ должности адъютанта, гр. Каменскій снялъ съ него галуны и отдалъ его въ ученіе одному профессору; этому обстоятельству гр. Николай Михайловичъ былъ обязанъ пріобрѣтенными свѣдѣніями. Въ послѣдствіи гр. Николай Михайловичъ увѣдомлялъ отца своего, проживавшаго въ селѣ Сабуровѣ, Орловской губерніи, о дѣйствіяхъ своихъ противъ Турокъ въ войнѣ 1810 года.

(*) Мюратъ командовалъ всею кавалеріею вообще, но въ это время лично присутствовалъ при 3-мъ корпусѣ.

ручилъ Беннингсену начальство надъ нимъ. Между тѣмъ, принявъ во вниманіе пространство, занимаемое французскою арміею, которая только что начала сокращать его посредствомъ сосредоточеннаго движенія лѣваго фланга къ Вкрѣ,—онъ рѣшился идти на встрѣчу Сульту, Ожеро и Мюрату, и, прогнавъ ихъ за Вислу, обратиться вправо на корпуса Нея, Бернадота и Бессьера. Эта мысль была достойна соперника Суворова, но одной мысли недостаточно: молнія безъ удара—лишь зарница. Чтобы нанести ударъ, надлежало сдѣлать многое, чего не было сдѣлано: во 1-хъ, такъ какъ разстояніе между самою отсталою дивизіею нашей арміи до *Плонска* не превышало 55 верстъ, то надлежало его пройти *не въ трое сутокъ*, а гораздо поспѣшнѣе. Не взирая на распутицу, полагая 12 часовъ марша въ сутки и по 3 версты на часъ (что весьма умеренно для усиленнаго движенія), мы могли перейти это разстояніе въ полторы сутки, слѣдовательно имѣли возможность прибыть къ Плонску 9-го числа въ полдень. Надо еще замѣтить, что 9-го и 10-го самъ Наполеонъ находился еще въ Варшавѣ, изъ чего должно заключить, что главные его силы (войска праваго крыла) не тронулись бы съ мѣста во время нашего напора на средину его арміи, ибо онѣ, вѣроятно, вступили бы въ дѣйствіе лишь въ его присутствіи.

Если бы онѣ, по полученіи извѣстія объ нашей атакѣ, приняли сами собою движеніе къ *Плонску*, и тогда бы оно не могло быть опаснымъ для насъ. Находясь въ 30 верстахъ отъ этого города, онѣ не прежде могли быть извѣщены о нашемъ нападеніи, какъ къ вечеру 9-го числа; слѣдовательно онѣ могли прибыть на помощь войскамъ, атакованнымъ лишь на другой день послѣ полудня, т. е. въ то время, когда присутствіе ихъ было бы для нихъ болѣе вредно, чѣмъ полезно; онѣ потерпѣли бы пораженіе подобно тому, какое могли бы уже испытать Сультъ, Мюратъ и Ожеро. Во 2-хъ, если уже фельд-маршалъ рѣшился немедленно двинуться къ цѣли, имъ избранной, то, по крайней мѣрѣ, ему не слѣдовало разбрасывать арміи отъ *Макова* до *Вкры* и отъ *Сохочина* на Вкрѣ до *Новадвора* на Наревѣ. Напротивъ, ему надлежало двигаться всею

массою для того, чтобы, въ случаѣ движенія праваго непріятельскаго крыла къ *Насельску*, имѣть подъ рукой все войско и потому быть въ возможности задержать непріятельское правое крыло до окончательнаго пораженія Сульта, Ожеро и Мюрата. Дивизія Анрепа была расположена въ селѣ *Поповъ*, что на Бугѣ, но отъ *Попова* до *Чернова*, гдѣ находился Остерманъ, 25 верстъ; дивизія эта находилась при *Поповѣ* лишь для наблюденія за непріятелемъ. Кардиналь Ришельё говаривалъ: «прежде нежели я рѣшаюсь на что нибудь, я оглядываюсь на право и на лѣво, и когда справа и слѣва мнѣ не угрожаетъ опасности, я бросаюсь на предметъ, ломаю все то, что передо мною, и покрываю развалины своею красною епанчею.» Не худо было бы помѣщать эти слова во всякую инструкцію лицамъ, коимъ предназначается дѣйствовать самостоятельно. Какъ бы то ни было, около 11-го оба корпуса выступили къ Вкрѣ; каждая дивизія, не заботясь о другихъ, шла сама собою, какъ будто въ Россіи. Главная квартира перенесена была изъ *Пултуска* въ *Новомѣсто*.

Въ этотъ день, въ 5-мъ часу по полудни, Наполеонъ открылъ канонаду со всѣхъ баттарей, устроенныхъ на правомъ берегу Вкры и на островѣ при устьѣ этой рѣки и Нарева. Колонны его двинулись на противоположный берегъ; хотя Остерманъ геройски защищалъ переправу, но, будучи тѣснимъ дивизіею Морана (корпуса Давуста) и кавалерійскою дивизіею Бомонта, за коими слѣдовали остальные двѣ дивизіи Даву, кавалерійская дивизія Бекера, корпусъ Ланна и гвардія, онъ нашелся вынужденнымъ отступить къ *Чернову*. Вотъ минута, когда Анрепу слѣдовало перейти изъ *Попова* въ *Сироцкъ* (*) или примкнуть къ арміи при *Насельскѣ*. Генералъ Анрепъ, расположенный на рѣкѣ, впадающей въ Нареву, на берегу коей происходило сраженіе, не могъ не слышать пушечныхъ вы-

(*) Сироцкъ отъ *Попова* въ 7 верстахъ на правомъ берегу Наревы, на дорогѣ отъ *Чернова* къ *Пултуску*, и имѣетъ свободное сообщеніе съ *Насельскомъ*. Село *Дембе* находится въ 9 верстахъ отъ *Чернова* и отъ *Сироцка*. Изъ *Дембе* идутъ двѣ дороги: одна въ *Насельскъ*, а другая чрезъ *Сироцкъ* на *Пултускъ*.

стрѣловъ; дальнѣйшее пребываніе его въ Поповѣ было тѣмъ болѣе бесполезно, что онъ былъ положительно извѣщенъ о рѣшительной переправѣ непріятеля при Черновѣ. Не взирая на то, онъ остался на своемъ мѣстѣ; надо полагать, что на это онъ имѣлъ, вѣроятно, особое повелѣніе, ибо, по мнѣнію всѣхъ, онъ былъ рѣшительный, отважный и знающій свое дѣло генералъ. Въ ночь на 12-е число, отрядъ Остермана достигъ села *Дембе*, гдѣ и раздѣлился: самъ Остерманъ пошелъ къ *Насельску*, а Багговутъ, для сохраненія связи Анрепа съ арміею и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрытія нашего единственного пути сообщенія, обратился къ *Пултуску*. Въ слѣдствіе этого Наполеонъ, продолжая двигаться къ *Насельску*, отрядилъ изъ Дембе корпусъ Ланна и драгунскую дивизію Бекера вслѣдъ за Багговутомъ. Между тѣмъ Сультъ, Ожеро и Мюратъ подходили къ *Колосомбу*, напирая на Беннингсена и Барклая, которые, отражая ихъ на каждомъ шагу, отступали къ *Новомъльсту*.

Вся армія получила повелѣніе отойти къ *Стрегочину*. Надлежало, оставивъ Беннингсена и Барклая противъ Сульта, Ожеро и Мюрата для защиты Вкры при *Колосомбѣ* и Сонны при *Новомъльстѣ*, устремиться со всѣми силами не къ Стрегочину, а къ Насельску, гдѣ, соединясь съ Остерманомъ, немедленно атаковать преслѣдовавшаго его непріятеля. Можно было тѣмъ безопаснѣе рѣшиться на это предпріятіе, что по этому направленію у непріятеля было только 50 тысячъ человѣкъ съ небольшимъ количествомъ легкой артиллеріи, растянутыхъ по причинѣ неудобной дороги почти до самаго *Чернова*. Мы могли сосредоточить въ *Насельскѣ* 70 тысячъ человѣкъ и всю нашу артиллерію и должны были драться здѣсь съ величайшимъ ожесточеніемъ. Всѣ обстоятельства побуждали насъ къ тому: самое географическое положеніе этого пункта, гдѣ сходятся дороги, идущія отъ Варшавы, отъ *Закрочима*, отъ *Плонска*, отъ *Цѣханова*, отъ *Голомина* и *Пултуска*; стратегическое положеніе нашей арміи, находящейся между двумя разобщенными частями непріятельской арміи,—и наконецъ самое превосходство въ числѣ войскъ надъ главными силами Напо-

леона! Къ несчастію, какъ уже извѣстно, армія наша была разсѣяна, и ее невозможно было собрать ранѣе двухъ сутокъ, тогда какъ всякая минута была для насъ крайне драгоцѣнна.

Фельдмаршалъ, не сосредоточивъ во-время своей арміи, лишился единственнаго случая нанести при началѣ кампаніи сильный ударъ непріятелю; онъ бы могъ, перейдя въ наступленіе, дать совершенно иной оборотъ всей войнѣ — и какой оборотъ! Наполеонъ, опрокинутый за Нареву; Ланнъ, отрѣзанный отъ него въ Пултускѣ; Ожеро, Сультъ и Мюратъ, безъ подпоры при *Новомѣстѣ*; Ней, Бессьеръ и Бернадотъ внѣ круга рѣшительныхъ происшествій.

Но казалось, что арміи нашей опредѣлено было перенести всякаго рода испытанія; 12-го фельдмаршалъ внезапно уѣхалъ въ *Остроленку* и *Ломзу*, оставивъ армію въ минуту рѣшительной опасности подъ командою двухъ генераловъ, издавна враждовавшихъ между собою (*).

(*) Весьма немногимъ извѣстна истинная причина предосудительнаго поступка графа Каменскаго. Многіе полагаютъ, что фельдмаршалъ, не видя возможности спасти армію, покинулъ ее лишь изъ робости. Я этого не могу допустить, во 1-хъ потому, что онъ никогда не обнаруживалъ робости во все время 50-ти лѣтняго своего служенія, и во 2-хъ, въ минуту отъѣзда его изъ Новомѣста, арміи не угрожала еще большая опасность, ибо Остерманъ сражался, отступая къ Насельску; силы же непріятеля были раздѣлены Вкрою и нашею арміей. Разсказъ адъютанта его Валуева, неотлучно при немъ находившагося, нѣсколько правдоподобенъ.

11-го вечеромъ пришла петербургская почта; чемоданы, какъ обыкновенно это дѣлалось, были принесены прямо къ фельдмаршалу; адъютантъ долженъ былъ отбирать письма, адресованные на имя графа Каменскаго, остальные же надлежало разослать по принадлежности. Когда фельдмаршалъ велѣлъ подать себѣ пакеты, Валуевъ отвѣчалъ: „Нѣтъ полученнаго на имя вашего сіятельства.“ Тогда графъ спросилъ: „На чье же имя есть пакеты?“ — „На имя многихъ, кромѣ вашего сіятельства,“ отвѣчалъ Валуевъ. Тогда графъ, придя въ изступленіе, сталъ кричать: „Что это значитъ? Такъ-то поступаютъ со мной: презрѣніе! недовѣрчивость! Распечатывай всѣ безъ исключенія пакеты, какъ казенные, такъ и партикулярные.“ Валуевъ повиновался, и изъ первыхъ писемъ графъ увидѣлъ, что нѣкоторые окружавшіе его чиновники привяли на себя благородную обязанность увѣдомлять графа Ливена о поступкахъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ его. Сверхъ того на одного изъ значительнѣйшихъ лицъ главной квартиры Г. Т. возложена была обязанность наблюдать за нимъ; онъ былъ снабженъ бланкетами, подобно тѣмъ, какіе были даны самому фельдмар-

И такъ 12-го вечеромъ, Наполеонъ, не имѣя противъ себя никого, кромѣ Остермана, вступилъ безпрепятственно въ Насельскъ; онъ направилъ Даву вслѣдъ за Остерманомъ къ Стрегочину.

Въ ночь на 13-е число, Беннингсенъ, Барклай и Остерманъ, соединясь въ Стрегочинѣ и будучи преслѣдуемы дивизіею Гюдена (корпуса Даву), выступили по направленію къ Пултуску. Самъ Даву, оставшись съ двумя дивизіями въ *Стрегочинѣ*, пресѣкъ путь къ Пултуску дивизіи кн. Голицына и отрядамъ гр. Палена и Чаплица (*), выступившимъ того же

шалу при отправленіи его въ армію. Человѣкъ хладнокровный, затаивъ на время оскорбленіе, удалилъ бы мало-по-малу изъ арміи лица, которыя онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать. Человѣкъ энергическій, арестовавъ ихъ, выслалъ бы ихъ немедленно изъ арміи; человѣкъ бѣшенный, необузданный, поступилъ бы подобно графу Каменскому. Написавъ донесеніе Государю и отношеніе Ливену, исполненныя выраженіями непристойными, и отправивъ ихъ въ тотъ же вечеръ съ Валевымъ, онъ оставилъ армію съ повелѣніемъ каждой дивизіи отступать особо къ нашимъ границамъ.

Этимъ поступкомъ графъ Каменскій запятналъ 50-ти лѣтнюю свою славу, которую могъ удесятерить одной кампаніей; онъ едва не погубилъ армію, чѣмъ вполне оправдалъ недовѣрчивость правительства.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ арміи, графъ Каменскій сказалъ графу Буксгевдену: „Ваши распоряженія такъ бессмысленны, что мы неминуемо будемъ разбиты.“

Въ 1809 году генералъ-маіоръ А. П. Ермоловъ, находясь въ отпуску въ Орловской губерніи, отправился съ своимъ отцомъ въ имѣніе графа Каменскаго за тѣмъ, чтобы поздравить его со днемъ рожденія. Они застали фельдмаршала, занимавшагося алгебраическими выкладками по вновь вышедшему курсу аббата *Сори*. При этомъ фельдмаршалъ сказалъ между прочимъ генералу Ермолову: „Всѣмъ извѣстно, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена для добыванія себѣ пищи и откапыванія въ огородахъ картофеля; прибывъ въ армію, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ; мнѣ къ концу моего долгаго поприща показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Бугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіи 56 лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію. Я съумасшедшій.“ Онъ погибъ жертвою своей жестокости.

(*) Фельдмаршалъ, оставляя армію, не могъ не замѣтить ошибочныхъ распоряженій графа Буксгевдена, которому, какъ мы уже видѣли, онъ сдѣлалъ сильное замѣчаніе. Отряды графа Палена и Чаплица, окруженные многочисленнымъ непріателемъ, подвергались совершенному истребленію. Но, къ счастью,

числа изъ *Слубова* и окрестностей *Лопатина*. Они были принуждены обратиться къ *Голомину*, куда могли прибыть не прежде 14-го по утру. Тамъ застали они дивизію *Дохтурова*, подкрѣпленную дивизіею *Тучкова*, стоявшею въ *Маковѣ* въ 15 верстахъ отъ поля сраженія.

Вникая въ движенія непріятеля, мы видимъ, что намѣренія Наполеона состояли въ томъ, чтобы, сосредоточившись при *Насельскѣ*, ударить на центръ нашей арміи, которую онъ полагалъ между *Млавой* и *Бугомъ*, и, прорвавъ ее, разбить наши войска по частямъ. Если бы во время движенія его къ *Насельску*, мы успѣли стянуть свои силы и заключить фланги наши между *Голоминомъ* и *Пултускомъ* или расположиться всѣми силами на дорогѣ къ *Голомину*, тогда бы онъ сталъ дѣйствовать главными силами на *Цѣхановѣ* и *Маковѣ*; онъ этимъ, охвативъ нашъ правый флангъ, могъ бы припереть армію нашу къ *Наревѣ*, *Бугу* и *Австрійской Галиціи*. Наконецъ, если бы, по занятіи имъ *Насельска*, наша армія успѣла бы сосредоточиться при *Цѣхановѣ*, тогда онъ, напирая всѣми силами на *Цѣхановѣ*, охватывалъ бы своимъ лѣвымъ крыломъ нашъ правый флангъ и этимъ оказалъ бы значительное содѣйствіе корпусамъ *Бернадота*, *Нея* и *Бессьера*. Мысль эта была превосходна, но приведеніе ея въ исполненіе зависѣло отъ соединенія при *Насельскѣ* войскъ, преслѣдовавшихъ *Остермана* отъ *Чорнова*, съ войсками, преслѣдовавшими *Бенингсена* и *Барк-д-ла* отъ *Колосомба*. Я уже сказалъ, что, по моему мнѣнію, фельд-маршалъ могъ бы весьма легко опрокинуть непріятеля, если бы армія его не была разсѣяна между *Оржицей*, *Вкрой* и *Наревой*, а потому нельзя не удивляться, почему Наполеонъ еще до прибытія въ *Насельскѣ* не сосредоточилъ всѣхъ своихъ корпусовъ при *Борковѣ* и не перешелъ здѣсь *Вкры*, вмѣсто того, чтобы

отважный и рѣшительный графъ *Паленъ*, совершивъ весьма смѣлое и быстрое движеніе посреди французскихъ корпусовъ, успѣлъ предупредить *Чаплица* объ угрожавшей ему опасности. *Чаплицъ* быстро отступилъ изъ *Цеханова* къ *Голомину*; пробившись здѣсь сквозь легкіе французскіе отряды, *Чаплицъ* благополучно примкнулъ къ главнымъ нашимъ силамъ.

переходить ее въ двухъ мѣстахъ, среди которыхъ могла находиться наша армія. Дабы скрыть это движеніе стоило только сдѣлать ему сильныя, но фальшивыя атаки при *Помиховѣ* и при *Колосомбѣ*; это задержало бы войска, защищавшія оба пункта, и ввело бы фельдмаршала въ недоумѣніе касательно переправы. Это недоумѣніе могло бы продолжаться нѣсколько времени, а между тѣмъ непріятель успѣлъ бы сосредоточить свои силы и двинуться кратчайшимъ путемъ отъ Боркова къ Насельску.

Не смотря на это бесполезное и слишкомъ отважное движеніе Наполеона, которое могло бы стоить ему дорого, счастье благопріятствовало ему; колонны французской арміи соединились при *Насельскѣ* такъ легко, какъ будто бы они противъ себя не имѣли непріятеля.

Что касается до Бенингсена, онъ никакимъ образомъ не могъ вывернуться изъ этого положенія; ему оставалось лишь раздѣлить участь своего корпуса! При всемъ томъ нельзя было видѣть безъ душевнаго благоговѣнія поведеніе сего генерала, особенно, когда представимъ себѣ, въ какое внезапное и безнадежное положеніе онъ былъ увлеченъ обстоятельствами! И подлинно, онъ былъ оторванъ отъ корпуса, имъ завѣдываемаго, для командованія авангардомъ, и былъ покинутъ фельдмаршаломъ во время наступательнаго движенія всей арміи; онъ не имѣлъ права распоряжаться корпусомъ Буксгевдена, коего былъ моложе по службѣ и находился въ невозможности просить его содѣйствія по причинѣ взаимной ихъ непріязни. Онъ зналъ, что каждый дивизіонный начальникъ получилъ особенное повелѣніе фельдмаршала, состоявшее въ томъ, чтобы отступать къ границамъ нашимъ. Онъ самъ получалъ неоднократно о томъ подтвержденія, въ то самое время, какъ онъ былъ тѣснимъ сильнымъ непріателемъ, и когда обозы, транспорты, парки и баттарейная артиллерія обоихъ корпусовъ перемѣшались съ отступавшими колоннами пѣхоты и кавалеріи. Надо было имѣть истинно высокую душу, чтобы жертвовать трудами цѣлой жизни и пріобрѣтенною репутаціею отлич-

наго генерала для исправленія чужихъ ошибокъ; тогда какъ, сказавшись больнымъ, онъ имѣлъ средство избѣжать этого гибельнаго для себя положенія и вновь вступить въ командованіе лишь по минованіи опасности. На другой день послѣ занятія Насельска Наполеонъ, узнавъ отъ Даву, что Бенингсенъ съ большею частію корпуса своего обратился къ *Пултуску* и предполагая, что корпусъ Буксгевдена находится между *Голоминомъ* и *Маковымъ*, двинулъ Даву, Ожеро и Мюрата съ нѣкоторою частію кавалеріи на *Голоминъ*; самъ же онъ съ гвардіею и со всею резервною кавалеріею двинулся на *Цѣхановъ* для соединенія съ Сультомъ, слѣдовавшимъ туда отъ *Сохочина*. Не могу понять, для какой цѣли сей превосходный полководецъ отрядилъ Бернадота къ *Эльбингу* и два сильные корпуса: Нея и Бессьера, противъ 6-ти тысячнаго прусскаго корпуса, отступавшаго отъ Алутербурга внизъ по Алле. Быть можетъ, здѣсь скрывались политическіе виды, какъ то: занятіе Кёнигсберга, которымъ онъ хотѣлъ угрожать границѣ нашей, или истребленіе остатка Прусской арміи, чтобы чрезъ то еще болѣе подѣйствовать на умы жителей Пруссіи. Разсматривая это движеніе въ стратегическомъ отношеніи, трудно было отыскать причину въ этомъ слишкомъ дерзкомъ и бесполезномъ удаленіи 45,000 человѣкъ отъ пункта, гдѣ надлежало встрѣтиться съ главными нашими силами.

13-го въ ночь дивизія Остермана, авангардъ Барклая и часть кавалеріи соединились съ отрядомъ Багговута (*) при *Пултускѣ*, что составило около 35,000 человѣкъ. Бенингсенъ рѣшился здѣсь отразить нападеніе непріятельскихъ войскъ. Въ слѣдствіе этого онъ приказалъ князю Голицыну употребить всѣ старанія, чтобы удержаться при *Голоминѣ*; онъ также просилъ Дохтурова (ибо онъ принадлежалъ къ корпусу Буксгевдена) поддержать Голицына и Анрепа (также корпуса

(*) Я положительно знаю, что Багговуть отступилъ къ Пултуску самъ по себѣ, но вовсе не по приказанію графа Остермана.

Буксгевдена) двинуться отъ *Попова* на *Сироцкѣ* и тѣмъ угрожать тылу непріятеля, слѣдовавшаго на *Пултускѣ*. По истинѣ, если бы главныя силы Наполеона дѣйствительно стремились къ этому пункту, то намѣреніе Бенингсена увѣнчалось бы несомнѣннымъ успѣхомъ; ибо, принявъ на себя всю тяжесть удара, онъ чрезъ это спасъ бы огромные караваны съ жизненными и боевыми потребностями, тянувшіеся по дорогѣ къ *Остроленкѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчилъ бы отступление арміи къ этому пункту. Но мы выше видѣли, что главныя силы непріятеля двигались не на *Пултускѣ*, а на *Цѣхановѣ* къ *Макову*; слѣдовательно, если бы Бенингсенъ и одержалъ совершенную побѣду при *Пултускѣ*, и тогда бы онъ никакимъ образомъ не могъ бы ею воспользоваться; чѣмъ далѣе онъ подвигался вдоль *Наревы* для преслѣдованія войскъ, имъ побѣжденных, тѣмъ болѣе онъ облегчалъ бы дѣйствія главныхъ силъ Наполеона. Французы могли бы легко обойти нашъ правый флангъ, припереть наши войска къ *Наревѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣть въ тылу его тѣми предметами, для спасенія которыхъ Бенингсенъ принялъ битву при *Пултускѣ*. По всему видно, что извѣстія, получаемыя Бенингсеномъ о силахъ различныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся отъ *Вкры* по разнымъ дорогамъ, были неосновательны, и что онъ, не успѣвъ еще достаточно изучить образъ дѣйствій Наполеона, былъ убѣжденъ, что главныя силы его направляются на *Пултускѣ* (*).

14-го по утру войска наши, расположенныя при этомъ городѣ и при *Голоминѣ*, были атакованы въ одно время. Я умолчу объ этихъ сраженіяхъ, которыхъ я не былъ свидѣтелемъ. Довольно знать, что оба поля сраженія были оставлены нашими

(*) Близъ *Пултуска* Бенингсенъ устроилъ мостъ чрезъ *Наревѣ* слѣдующимъ образомъ: на перекинутые канаты была положена солома; ее полили водой, которая замерзла. Самъ Бенингсенъ съ оставшимся въ резервѣ *Тульскимъ* полкомъ ударилъ въ концѣ сраженія на непріятеля и удержалъ поле битвы. Послѣ этого сраженія мы потеряли 56 орудій, которыя увязли въ грязи и замерзли. Жители, вырубивъ орудія, доставили ихъ Французамъ.

войсками: Голоминское—по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ и потому, что самъ Наполеонъ съ главными силами шелъ отъ *Цьханова* на *Маковъ*; а Пултуское—отъ того, что уже Ожеро, Даву и Мюратъ, овладѣвъ Голоминомъ, подвигались также къ *Макову*.

15-го декабря Бенингсенъ, оставивъ *Пултускъ*, двинулся къ *Остроленкѣ*. Онъ имѣлъ намѣреніе пробраться правымъ берегомъ Наревы до Кольны; но переправы чрезъ рѣчки Розогу и Писсу, также болотистыя мѣста, здѣсь находящіяся, заставили его, измѣнивъ направленіе, обратиться отъ *Остроленки* къ *Новогруду*. Тамъ встрѣтилъ онъ новыя препятствія: тонкій ледъ, коимъ тогда былъ покрытъ Нарева, и недостатокъ въ способахъ для переправы принудили его предпринять чрезмѣрное обходное движеніе на Тикочинъ, Ганіондзъ, Щучинъ, Баялу и Рейнъ, гдѣ 6-го января онъ соединился съ дивизіями, отступавшими правымъ берегомъ Наревы изъ окрестностей *Голомина* и *Макова*. Дивизія Анрепа, слѣдовавшая отъ *Попова*, соединилась съ нимъ на походѣ.

Во время этого перемѣщенія силъ, Бенингсенъ былъ возведенъ на степень главнокомандующаго, а генералъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію.

Новый главнокомандующій подвинулъ корпусъ Эссена 1-го въ Высоко-Мазовецкъ, оставилъ Седморацкаго въ *Ганіондзѣ*, *Иоганнисбургѣ* и *Николайкинѣ* для связи арміи съ этимъ корпусомъ.

Наполеонъ съ своей стороны, перейдя Омулеву, расположилъ часть своей арміи на кантонирь-квартирахъ и лично возвратился въ Варшаву.

Порядокъ размѣщенія корпусовъ былъ слѣдующій: корпусъ Ланна между *Брокъ* и *Остроленкою* противъ Эссена. Сей корпусъ, въ слѣдствіе болѣзни маршала Ланна, поступилъ въ команду генерала Савари.

Даву въ *Мишеницахъ*.

Сультъ въ *Вилленбергѣ*.

Ожеро въ *Нейденбургѣ*.

Вся резервная кавалерія подъ начальствомъ Мюрата въ окрестностяхъ *Вилленберга*.

Между тѣмъ Бернадотъ находился въ *Эльбингъ*; Ней и Бессьеръ, продолжая преслѣдованіе прусскаго корпуса внизъ по Алле, вступили въ *Шипенбейль* 4-го января.

Прусскій корпусъ Лестока отступилъ къ *Фридланду*.

Бенингсенъ, прибывъ въ Рейнъ, засталъ въ такомъ положеніи непріятельскіе корпуса, дѣйствовавшіе въ Старой Пруссіи. Пользуясь случайнымъ положеніемъ своимъ относительно двухъ послѣднихъ и зная, что главная французская армія на кантониръ-квартирахъ, онъ рѣшился отрѣзать ихъ отъ нея. Въ слѣдствіе этого всѣ его силы обратились на *Россель* и *Бишофштейнъ*. Но и здѣсь онъ не имѣлъ успѣха: Ней и Бессьеръ, извѣстясь объ этомъ движеніи въ *Шипенбейль*, выступили на *Прейсшиц-Эйлау*, а оттуда, пока армія наша двигалась на *Гейльсбергъ*, *Аренсдорфъ* и *Либштатъ*, они пробрались между Алле и Пасаргою на перерѣзъ нашему движенію къ Либштату и безпрепятственно достигли *Гильгенбурга*; они здѣсь вступили на линію главныхъ силъ своей арміи. Въ это же время Бернадотъ, узнавъ о фланговомъ движеніи нашемъ на перерѣзъ Нею и Бессьеру, и понявъ опасность, которой могъ подвергнуться при дальнѣйшемъ пребываніи своемъ на берегу Вислы между крѣпостями Данцигомъ и Грауденцомъ, еще занятыми тогда прусскими войсками, двинулся 9-го января со всѣмъ своимъ корпусомъ чрезъ *Голландъ* на соединеніе съ отступавшими корпусами.

11-го числа 8-й линейный полкъ съ частью конницы заняли Либштатъ, дабы подать руку Нею и Бессьеру; дивизіи Риво и Друэ вступили въ *Морунгенъ*, а дивизія Дюпона остановилась на дорогѣ, лежащей отъ *Голланда* къ *Морунгену*.

13-го числа генералъ Марковъ слѣдовалъ съ авангардомъ арміи отъ Эльдитена; узнавъ, что *Либштатъ* уже занятъ непріателемъ, онъ поспѣшилъ къ этому городу, которымъ и овладѣлъ безъ большаго усилія. Армія слѣдовала за нимъ къ *Либштату*.

13-го по утру Марковъ продолжалъ движеніе свое къ *Морунгену*.

При селѣ *Георгеншталя* онъ встрѣтилъ бригаду Пакто, которую оттѣснилъ къ *Пфаресфельдшену*. Селеніе сіе, подобно *Георгеншталю*, было занято нашими войсками, но тутъ прекратилось наступленіе. Дивизіи Риво и Друэ, явившись изъ *Морунгена* на помощь войскамъ Пакто, вступили въ бой, который, усиливаясь по мѣрѣ прибытія полковъ нашего авангарда, сдѣлался общимъ; главная схватка была въ *Пфаресфельдшенѣ*. Въ рѣшительный моментъ резервъ Бернадота (дивизія Дюпона), двинувшись изъ деревни *Визз* къ *Георгеншталю*, ударилъ на правый флангъ и тылъ нашихъ войскъ; этотъ ударъ смялъ нашихъ и заставилъ ихъ очистить большую *Либштатскую* дорогу; все обратилось къ *Либштату*, частью полями, частью окружными дорогами. Бернадотъ, пользуясь побѣдою, наступалъ всѣми силами до самой глубокой ночи. Вечеромъ прибылъ къ намъ Анрепъ съ кавалеріею; этотъ генералъ, желая лично осмотрѣть движеніе непріятеля, наскочилъ на французскихъ стрѣлковъ, при чемъ его убили выстрѣломъ изъ ружья; уронъ нашъ былъ весьма великъ. Многіе полки дрались съ ожесточеніемъ, въ особенности *Екатеринославскій* гренадерскій, въ которомъ оставалось еще до 100 человекъ такъ называемыхъ *Потемкинскихъ*, — обломки вѣка побѣдъ и славы. Извѣстно, что одинъ изъ баталіоновъ этого полка громко захохоталъ, когда Французы вздумали было идти на штыки; артиллерія наша дѣйствовала отлично, ею командовалъ полковникъ *Алексѣй Петровичъ Ермоловъ*, который уже съ этого времени началъ обращать на себя всеобщее вниманіе своею рѣшительностью, знаніемъ дѣла и быстрымъ соображеніемъ. Ермолову, заслужившему въ эту войну огромную репутацію, принадлежитъ первому мысль собирать большое количество полевыхъ конныхъ орудій и направлять сосредоточенный огонь на извѣстный какой нибудь пунктъ.

Я не могу умолчать здѣсь о партизанскомъ подвигѣ, тѣмъ болѣе замѣчательномъ по вѣрности соображенія и отличному

исполненію, что въ это время дѣйствія этого рода были совершенно неизвѣстны въ нашей арміи. Самъ Платовъ никогда не отваживался на подобный подвигъ. Когда Бернадотъ оставилъ *Морунгенъ* и выступилъ съ корпусомъ своимъ вслѣдъ за разбитымъ авангардомъ Маркова, тогда генераль-маіоръ графъ Паленъ и полковникъ князь Михаилъ Долгорукій, находившіеся съ полками Сумскимъ гусарскимъ и Курляндскимъ драгунскимъ въ *Лоокенъ*, предприняли сами собою поискъ на Морунгенъ чрезъ *Экерсдорфъ*, *Швекендорфъ* и *Гимельфортъ*. Прибывъ подъ вечеръ къ городу, они съ пятью эскадронами гусаръ и драгунъ, оглашая воздухъ криками и производя стрѣльбу, ворвались въ средину улицъ; оставшійся тамъ небольшой аррьергардъ вздумалъ было защищаться, но онъ былъ вскорѣ разсѣянъ. Въ Морунгенѣ оставались всѣ корпусныя тяжести и собственный обозъ Бернадота, спокойно отдыхавшіе здѣсь въ убѣжденіи, что, будучи прикрыты своимъ корпусомъ со стороны отступавшаго непріятеля, — имъ нечего было опасаться; вся эта сволочь попалась въ руки Палену и Долгорукову. Бернадотъ, возвратясь въ Морунгенъ, нашелъ улицы заваленными разломанными повозками и изорванными бумагами. Городъ былъ пустъ: похитители и похищенное исчезли!

Послѣ Морунгенскаго дѣла армія наша раздѣлилась на четыре колонны: 1-я Лестока (прусскія войска) 6 тысячъ, съ соединеніемъ двухъ русскихъ полковъ доходившая до 10 тысячъ.

2-я Тучкова—авангардъ праваго фланга и отрядъ Багговута.

3-я князя Голицына—авангардъ и кавалерія лѣваго фланга, и двѣ пѣхотныя дивизіи.

4-я резервъ Сакена, 3, 4 и 14 дивизіи.

Въ такомъ порядкѣ армія наша направлялась къ *Грауденцу*, въ намѣреніи освободить его отъ блокады (*).

(*) Изъ записокъ генерала Бенингсена.

Около 20-го она находилась въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Лестокъ въ *Ризенбургъ*.

Тучковъ въ *Либемилъ*, авангардъ праваго фланга и отрядъ Багговута, при которыхъ былъ князь Багратіонъ въ *Дейчь-Эйлау*: аванпосты подъ командою Юрковского за Стразбургомъ.

Голицынъ въ *Алленштейнъ*, Сакенъ въ *Зебургъ*, главная квартира въ *Морунгенъ*.

21-го генераль Юрковскій прислалъ къ князю Багратіону перехваченнаго казаками нашими французскаго курьера, ѣхавшаго къ Бернадоту съ повелѣніемъ стараться заманивать насъ къ *Торуню*; въ этомъ повелѣніи было сказано, что Наполеонъ со всею арміею слѣдуетъ чрезъ *Виттенбергъ*, *Пасейгеймъ* и *Алленштейнъ*, куда прибудетъ 22 января (*). Князь Багратіонъ мгновенно проникъ опасность, угрожавшую арміи; онъ отправилъ эту бумагу въ главную квартиру и, не ожидая повелѣнія, немедленно отступилъ съ авангардомъ и съ отрядомъ Багговута частью чрезъ *Остероде*, а частью чрезъ *Биберсвальдъ*, куда мы прибыли въ полночь. Отдохнувъ два часа, мы пошли далѣе, не взирая на темную ночь, сильную вьюгу и тѣсную дорогу.

22-го за два часа предъ сумерками князь Багратіонъ прибылъ самъ въ *Янково*, гдѣ мы нашли главнокомандующаго за обѣдомъ, а непріятельскую армію на высотахъ *Эсткендорфа*, тыломъ къ *Алленштейну*; къ ночи прибылъ и весь нашъ авангардъ.

Передъ вечеромъ маршалъ Сультъ атаковалъ деревню *Бергфридъ*, къ которой примыкалъ лѣвый флангъ нашей арміи, и овладѣлъ мостомъ чрезъ *Алле*, а генераль Гюгъ отбилъ въ *Гутштатъ* большую часть обозовъ, ей принадлежавшихъ.

И такъ, хотя быстрымъ сосредоточеніемъ всей арміи при

(*) Сія бумага была послана маршаломъ Бертье изъ *Присница* отъ 18/30 января (изъ записокъ Бенингсена).

Янковъ, мы сохранили сообщеніе наше съ Россіею, но послѣднимъ движеніемъ французской арміи мы снова поставлены были въ крайне опасное положеніе.

При этихъ обстоятельствахъ намъ нельзя уже было оставаться въ *Янковъ*, а потому въ ту же ночь вся наша армія предприняла отступленіе къ Вольфсдорфу.

Я въ продолженіи службы моей былъ свидѣтелемъ многихъ отступленій, но никогда не видалъ ничего подобнаго! Пѣхотныя и кавалерійскія колонны, перемѣшанные съ обозами, артиллеріею и парками обгоняли одинъ другаго. Люди падали отъ голода и утомленія! орудія и повозки зацѣплялись за деревья, что вынуждало канонировъ рубить ихъ! ночь! лѣсъ! снѣгъ по колѣно! непріятель на флангъ и на разстояніи пушечнаго выстрѣла!

23-го числа армія расположилась близъ Вольфсдорфа. Генералъ Барклай, прикрывавшій отступленіе, былъ сильно атакованъ подъ *Депеномъ*, но отступилъ съ честью.

Къ вечеру я былъ посланъ въ главную квартиру за приказаніями; я засталъ Бенингсена, дремавшаго въ большихъ креслахъ; близъ него находился генералъ Кноррингъ, говорившій съ другими генералами.

Вдругъ прибыли генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, Кретовъ и австрійскій полковникъ Кроссаръ съ извѣстіемъ, что генералъ Барклай въ великой опасности, и что чрезъ часъ непріятель неминуемо будетъ въ *Вольфсдорфъ*; все въ главной квартирѣ пришло въ смятеніе! всѣ забыли, что день уже клонится къ вечеру, что армія была уже сосредоточена въ двухъ верстахъ отъ *Вольфсдорфа*, и что фланги ея были свободны. Я упоминаю объ этомъ случаѣ для того только, чтобы доказать, что духъ робости овладѣлъ даже и тою частью арміи, которая менѣе другихъ подвергается опасности, и которая во всякомъ случаѣ должна выказывать болѣе твердости.

Оставивъ въ аррьергардѣ князя Багратіона при Вольфсдорфѣ, армія двинулась далѣе.

24-го въ 10-мъ часу непріятель сталъ тѣснить наши пикеты подѣ *Варлакомъ*.

Князь Багратіонъ выступилъ изъ *Вольфсдорфа* и занялъ позицію позади этой деревни на высотахъ. Юрковскій съ Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ и 4-мя орудіями отступалъ чрезъ *Вольфсдорфъ* къ правому флангу, за лѣсъ, лежащій на дорогѣ къ Эльдитену и занятый ротою егерей 5-го Егерскаго полка; часть гусаръ и казаковъ, разсыпанныхъ фланкерами, перестрѣливались съ непріателемъ и отступали отъ *Варлака* чрезъ *Вольфсдорфъ* мимо опушки лѣса, а малый кавалерійскій отрядъ наблюдалъ за непріателемъ со стороны *Шарника*. Между тѣмъ непріятель подвигался; густыя пѣхотныя и кавалерійскія колонны его видны были со стороны *Варлака*, и дѣло начиналось.... Это дѣло было первымъ въ моей жизни; преисполненный самой невѣжественной, рыцарской отвагой, и желаніемъ украсить лаврами чело свое, я едва не сдѣлался жертвою моего непростительнаго сумасбродства. Я умолчу здѣсь объ этомъ приключеніи, которое было уже описано въ особой статьѣ.

Между тѣмъ непріятель тѣснилъ насъ со стороны *Вольфсдорфа* и сильныя колонны его показывались около *Сомерфельда*; хотя князь намѣревался отступать, но большіе обозы арміи слѣдовали по дорогѣ, по которой намъ надлежало двигаться, а потому мы были принуждены защищаться около *Аренсдорфа* до наступленія ночи, дабы дать тѣмъ арміи время выдти на большую дорогу.

Въ теченіи всей кампаніи обозы неоднократно бывали причиною бесполезнаго урона въ аррьергардѣ; это однако не могло сравниться съ подвигами женоподобныхъ, военныхъ чиновниковъ, кои, лежа въ повозкахъ, ѣхали впереди своихъ частей въ то время, какъ ихъ прямая обязанность состояла въ томъ, чтобъ наблюдать за порядкомъ въ маршѣ и быстротой движенія. Когда близъ *Аренсдорфа* утихъ бой, и обозы очистили дорогу арміи, тогда аррьергардъ, оставивъ небольшую часть противъ непріятеля, поднялся вслѣдъ за арміею, но не ранѣе

двухъ часовъ послѣ ея отступленія. Въ продолженіи нѣсколькихъ верстъ дорога была свободна, но передній полкъ, дойдя до *мнимаго* хвоста арміи, лежавшаго и отдыхавшаго на дорогѣ, остановился, а за нимъ остановились и прочіе полки аррьергарда. Всѣ полагали, что, ускоривъ слишкомъ выступленіемъ, мы потому наткнулись на всю армію. Одинъ артиллерійскій полковникъ, находясь съ своей ротою въ головѣ аррьергарда, спокойно ожидалъ, пока армія продвинется, но она съ полчаса и даже съ часъ не поднималась.... Полковникъ, выйдя изъ терпѣнія, поѣхалъ впередъ, чтобы освѣдомиться о причинѣ этой неподвижности; проѣхавъ небольшое разстояніе, онъ увидѣлъ слѣдующее: два баталіона, не будучи въ состояніи обойти какія-то сани, на коихъ кто-то спалъ сномъ невинности, нашлись также вынужденными расположиться на ночлегъ. Молодой и смѣлый полковникъ, пользуясь темнотою ночи, разбудилъ нагайкой спящаго въ саняхъ и поспѣшно возвратился къ своему мѣсту. Все пришло въ движеніе, и мы этимъ двумя ударами нагайки были обязаны тѣмъ, что къ утру войска были уже на полперехода отъ Ландсберга! Въ полночь аррьергардъ прибылъ чрезъ деревни *Опенъ*, *Талбашъ* и *Кашауненъ* въ *Бюргерсвальдъ*. Положеніе воюющихъ армій было слѣдующее:

Главная наша армія въ *Фрауендорфъ*. Главная французская армія около *Аренсдорфа*; прусскій корпусъ, преслѣдуемый *Неемъ*, почти на одной чертѣ съ нашей арміею близъ *Вордмита*. *Бернадотъ*, не знавшій ничего о движеніяхъ обѣихъ армій, оставался около *Вислы* близъ *Торуни*.

Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что быстрымъ сосредоточеніемъ нашей арміи при *Янковѣ* и отступленіемъ ея къ *Вольфсдорфу*, мы, сохранивъ хотя боковое сообщеніе съ Россіею, не могли уже быть подавленными въ углѣ, образуемомъ *Вислою* и *Фришгафомъ*. При всемъ томъ выборъ линіи отступленія къ *Кёнигсбергу* былъ не совсѣмъ удаченъ, ибо, при малѣйшемъ замедленіи нашемъ, мы снова могли быть атакованы во флангъ всей непріятельской арміею, если бы она уда-

рила на лѣвое крыло наше, мы были бы снова поставлены въ первоначальное положеніе. Еслибъ даже непріятель не успѣлъ насъ атаковать во флангъ, и тогда бы рядомъ ошибокъ, какъ на примѣръ: обнаженіемъ отъ войскъ всей границы нашей отъ Ковно до Гродно, принятіемъ сраженія, имѣя въ тылу Прегель, а на правомъ флангѣ—море и наконецъ разобщеніемъ съ Эссеномъ и Седморацкимъ, мы себя добровольно ставили въ положеніе крайне опасное.

При обзорѣ театра войны этого времени, мы видимъ, что онъ граничилъ съ сѣвера Балтійскимъ моремъ, съ юга Австрійскою Галиціею (*) (землею въ то время нейтральною), съ запада Вислою, а съ востока Нѣманомъ, что составляло около 300 верстъ длины. На этомъ тѣсномъ пространствѣ обѣ воюющія арміи должны были избѣгать сосѣдства съ Галиціею и моремъ, ибо, при движеніи своемъ впередъ вдоль одной изъ этихъ естественныхъ преградъ, каждая армія могла быть подавлена другою либо къ морю, либо къ Австрійской Галиціи; потерявъ чрезъ это сообщеніе съ источникомъ своихъ средствъ и запасовъ, одна изъ армій могла быть либо припертою къ морю, либо быть вынужденною нарушить нейтралитетъ *могущественнаго* государства. Это, вѣроятно, и побудило генерала Бенингсена оставить *Пултускъ* и перенести дѣйствіе въ старую Пруссію; малѣйшее замедленіе въ этомъ случаѣ могло быть гибельнымъ для нашей арміи, ибо главные силы Французовъ находились не противъ *Пултуска*, а въ направленіи отъ *Цѣхано-ва* къ *Макову*; чрезвычайная ростопись того времени, не дозволить Наполеону достигнуть своей цѣли, облегчала намъ перемѣщеніе на берега Алле; но при этомъ мы не должны были переступить за эту рѣку, ибо, продолжая двигаться къ Вислѣ по сѣверной части старой Пруссіи, мы могли снова подвер-

(*) Часть Австрійской Галиціи того времени, лежащая на лѣвомъ берегу Вислы и прилегавшая къ театру военныхъ дѣйствій, шла отъ *Мнишева* вдоль праваго берега Вислы почти до *Праги*; тамъ она склонялась вправо къ *Сироцку*, продолжая идти вдоль лѣваго берега Буга мимо *Брокъ*, *Бреста* и далѣе до *Хотина*.

гнуться такой же опасности, какъ и въ *Пултускѣ* (*), а потому, въ случаѣ наступательнаго дѣйствія со стороны Бенингсена все понуждало его обратиться къ первоначальной мысли фельдмаршала Каменскаго: избравъ среднюю линію и пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ между источниками Омулева и Пасарги, стараться разрѣзать на двое непріятеля, растянутаго отъ Буга до Эльбинга. Въ случаѣ оборонительной съ его стороны войны, перенеся основаніе свое не на берега Прегеля, а на линію, лежащую отъ *Цьхановца* до Гродно, расположиться за Наревой въ окрестностяхъ Остроленки—между непроходимыми болотами *Пуи-Брухъ* и *Бьела-Брухъ*. Первое изъ сихъ направленій требовало неутомимой дѣятельности и рѣшительности, качествъ, коими отличаются лишь великіе полководцы; а второе, болѣе доступное посредственности, возбудило бы не малое удивленіе и всеобщее негодованіе, ибо полководецъ, его избравшій, уступая безъ малѣйшаго сопротивленія остальную часть Пруссіи, открывалъ пути къ Вильнѣ и далѣе. Такъ какъ судьба Пруссіи была уже рѣшена при Іенѣ, то неужели, для спасенія остатка прусскихъ войскъ, мы должны были подвергать опасности собственныя свои границы? Извѣстно, что лучшій способъ защищать страну противъ непріятеля состоитъ не въ параллельномъ, а перпендикулярномъ или косвенномъ положеніи арміи относительно протяженія страны, если только глубина пути сообщенія этой арміи допускаетъ подобное положеніе. И потому я полагаю, что отступленіемъ нашимъ за Нареву всѣ покушенія непріятеля, простирающіяся за черту отъ *Брокъ* до *Эльбинга*, были бы неудачны, ибо можно было легко угрожать ему фланговымъ движеніемъ; впрочемъ для отраженія поисковъ къ *Тильзиту* и *Вильнѣ* можно было составить вспомогательный корпусъ; замѣтимъ однако, что главныя силы должны были занимать мѣсто вспомогательнаго корпуса Эссена, а вспомогательный

(*) А именно движеніемъ Наполеона отъ *Вилленберга* на *Пасенгеймъ* и *Алленштейнъ* во время слѣдованія нашей арміи къ *Грауденцу*.

корпусъ—мѣсто, занимаемое главною арміею. Дабы привести сіе въ дѣйствіе, я полагаю, что, при быстромъ движеніи всей нашей арміи изъ Вольфсдорфа къ Гутштату и расположеніи за Алле въ *Зебуръ*, подъ прикрытіемъ наблюдательныхъ отрядовъ, оставленныхъ въ *Гейльсбергъ*, *Алленштейнъ* и *Гутштатъ*, мы принудили бы Наполеона остановиться и даже зимовать за Пасаргою. Но мы этимъ не могли удовольствоваться; намъ надлежало, оставивъ противъ него означенные наблюдательные отряды (изъ коихъ составилъ бы вышеупомянутый вспомогательный корпусъ), обратиться на корпусъ Ланна, расположенный у Остроленки и вмѣстѣ съ дивизіею Седморацкаго и корпусомъ Эссена, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, уничтожить его. Тогда уже надлежало двинуться противъ Наполеона и атаковать его съ надеждой на успѣхъ.

Но обратимся къ движеніямъ обѣихъ воюющихъ армій:

25-го два полка пѣхоты и 5 эскадроновъ кавалеріи были отряжены изъ *Фрауенсдорфа* къ *Гейльсбергу*. Армія отступила къ *Ландсбергу* двумя колоннами: 1-я слѣдовала большою дорогою, а 2-я, Сакена, на *Спервартенъ* и *Петерсгагенъ*.

Аррьергардъ генерала Барклая, выдержавшій сильный непріятельскій натискъ, прикрывалъ движеніе 1-й колонны, а аррьергардъ кн. Багратіона, также преслѣдуемый непріателемъ, шелъ чрезъ *Клаузигенъ*, *Пауенъ* и *Паппертенъ*.

Подходя къ *Паппертену*, мы слышали за горою сильную перестрѣлку и канонаду; поднявшись на гору, мы увидѣли отступающій аррьергардъ Барклая, атакованный сильными непріятельскими колоннами. Главнокомандующій приказалъ намъ расположиться на правомъ крылѣ арміи около *Ватерлака* и *Паустерна*, и послалъ въ помощь Барклаю нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи; но уже было поздно, потому что непріятель сильно тѣснилъ Барклая прежде прохода его чрезъ *Гофское* дефиле. Въ это время два гусарскіе полка (*Ольвіопольскій* и *Изюмскій*), двинувшись сами собою впередъ, оставили позади Костромской пѣхотный полкъ, а вправо въ лѣсу 1-й егерскій. Гусары были опрокинуты французскими кирасирами, которые,

перемѣшавшись съ ними, ворвались въ нашу пѣхоту. Костромской полкъ почти весь легъ на мѣстѣ, потерявъ знамена и орудія; 1-й егерскій полкъ, будучи отрѣзанъ, пострадалъ не менѣе его; но остатки его, пользуясь лѣсистой и пересѣченной мѣстностью, успѣли ночью собраться. Весь аррьергардъ Барклая былъ чрезвычайно разстроенъ, но, не взирая на то, онъ при наступленіи ночи выставилъ всѣ свои пикеты, хотя почти не имѣлъ патроновъ. Онъ ночевалъ на ближайшемъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятеля. Огни непріятельскихъ биваковъ запылали на высотахъ Гофа, и все погрузилось въ сонъ.

Такъ какъ на другой день надлежало кн. Багратіону смѣнить Барклая, то главнокомандующій позвалъ его къ себѣ и, снабдивъ его наставленіями касательно отступленія, сказалъ ему: «я сейчасъ велѣлъ арміи подыматься; по всѣмъ моимъ «разсчетамъ, въ два часа по полуночи она должна вся вытя-
«нуться и даже быть въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда: если
«въ три часа по полуночи останется еще здѣсь какая нибудь
«дивизія, то пусть она прикрываетъ отступление, и вы съ
«аррьергардомъ слѣдуйте за арміею; мнѣ уже надоѣли опазды-
«ваніе и медленность въ движеніи!» Во время ночи аррьер-
гардъ нашъ былъ переведенъ съ праваго фланга на большую
дорогу и поставленъ по обѣимъ ея сторонамъ, дабы не мѣ-
шать арміи слѣдовать къ Прейсишъ-Эйлау.

Квартира кн. Багратіона была въ *Ландсбергѣ* на большой улицѣ, по коей проходили войска, близъ вѣзда, обращен-
наго къ сторонѣ непріятеля. Князь (*) хладнокровно диктовалъ
оберъ-квартирмейстеру полковнику Эйхену 2-му приказъ по
аррьергарду; мы всѣ лежали на полу, и хотя ни одинъ изъ
насъ не смыкалъ глазъ въ теченіи 4-хъ дней, но я не ви-
далъ ни одного спящаго. Причина нашей безсонницы и тре-

(*) При князѣ Багратіонѣ состоялъ одно время Оберъ-Аудиторъ Маев-
скій, который отличался замѣчательнымъ умомъ и невѣроятнымъ мужествомъ;
онъ состоялъ въ послѣдствіи при князѣ Кутузовѣ, и достигъ генералъ-лейте-
нантскаго чина.

вознаго состоянія нашего духа заключалась въ томъ, что намъ было извѣстно, что вся непріятельская армія прибыла уже на высоты Гофа, такъ что главныя ея массы находились лишь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ цѣпи нашего слабаго аррьергарда, предоставленнаго собственнымъ средствамъ арміею, поспѣшно отступающею къ Прейсишъ-Эйлау. Къ тому же непріятель, овладѣвъ уже дорогою отъ *Гейльсберга* къ Пр.-Эйлау, могъ либо предупредить насъ въ этомъ городѣ, либо отрѣзать насъ отъ него. Ночью нѣсколько дивизіонныхъ генераловъ, какъ-то: гр. Остерманъ и кн. Дм. Вл. Голицынъ заѣзжали къ Багратиону и соболѣзновали объ его участи; но князь казался не только не смущеннымъ, но онъ шутилъ болѣе обыкновеннаго, что всегда дѣлывалъ въ минуты величайшей опасности. Въ 5-мъ часу онъ послалъ меня узнать, какая проходитъ дивизія? Вскорѣ онъ былъ извѣщенъ о порядкѣ марша и о томъ, что еще остается выжидать прохожденія двухъ дивизій, ибо дивизія Тучкова, тщетно старавшаяся пробраться прямымъ путемъ, должна была вернуться на большую дорогу, а потому нашъ аррьергардъ сталъ выдвигаться по дорогѣ къ П.-Эйлау лишь въ осьмомъ часу; графъ Ламбертъ прикрывалъ его отступленіе. Мы видѣли, что густыя непріятельскія колонны стали спускаться съ высотъ *Гофа*; дѣло завязалось, и скорѣ весь почти аррьергардъ вступилъ въ бой. Мы подошли къ открытой полянѣ, а потому стали нуждаться въ кавалеріи; князь послалъ за нею въ главную квартиру Офросимова и меня. Я нашелъ штабныхъ за завтракомъ, а г. Т., глотая котлету, кричалъ Офросимову: «Да что надобно князю? Онъ хочетъ вытребовать всю армію въ аррьергардъ; если онъ съ тѣмъ, что имѣетъ, не можетъ удерживать непріятеля, то что это за генералъ?»

Я нашелся вынужденнымъ прямо обратиться къ Бенингсену, и онъ приказалъ мнѣ взять съ собой первые два конные полка, которые я встрѣчу; жребій палъ, кажется, на полки С.-Петербургскій драгунскій и Литовскій уланскій, которые прибыли къ аррьергарду уже при *Грингофшенской* мызѣ.

Между тѣмъ непріятель напиралъ сильнѣе и сильнѣе на аррьергардъ, который, не выказывая ни малѣйшей торопливости, отступалъ въ величайшемъ порядкѣ. Онъ былъ усиленъ нѣсколькими полками 8-й дивизіи; такъ какъ армія еще не вся расположилась на избранной для нея позиціи, то надлежало удержать непріятеля еще нѣкоторое время. Князь, стоя на большой дорогѣ и осыпаемый ядрами и картечью, отдавалъ приказанія съ величественнымъ хладнокровіемъ. Вскорѣ воюющія стороны столкнулись; С -Петербургскіе драгуны, ударивъ на 18-й линейный непріятельскій полкъ, слѣдовавшій отъ *Грингофшена* между озеромъ и высотой означенной мызы, разсѣяли его и взяли одного орла; Ермоловъ съ конно-артиллерійскою ротою своею, находясь въ переднихъ рядахъ, отражалъ картечью атаковавшія его непріятельскія колонны. Хотя Псковскій и Софійскій пѣхотные полки лишились весьма многихъ людей, но они сохранили порядокъ какъ на ученьѣ. Словомъ, казалось, всѣ полки, составлявшіе аррьергардъ, одушевляемые примѣромъ безстрашнаго князя Багратіона, состязались одинъ передъ другимъ въ рвеніи и мужествѣ; но, не взирая на это, нашъ аррьергардъ былъ оттѣсненъ къ городу превосходными непріятельскими силами, и огонь усилился. Около этого времени Барклай былъ жестоко раненъ; наши, будучи вынуждены продолжать свое отступление къ сторонѣ позиціи, избранной арміею, увидѣли главнокомандующаго въ жесточайшемъ огнѣ. Онъ приказалъ кн. Багратіону снова овладѣть, во что бы то ни стало, городомъ, причемъ подкрѣпилъ его 4-ю пѣхотною дивизіею. Князь, сошедшій съ лошади, сталъ въ главѣ колоннъ; онъ съ свойственнымъ ему величественнымъ хладнокровіемъ направился пѣшкомъ къ городу. Войска послѣдовали за нимъ спокойно и безъ шума, но при вступленіи въ улицы, они, съ криками *ура!* ударили въ штыки и снова заняли городъ. Ночь прекратила битву и городъ остался за нами. Князь, оставивъ въ Прейсишъ-Эйлау 4-ю дивизію, находившуюся тогда подъ командою генераль-маіора Сомова, и давъ ему наставленія, распустилъ аррьергардъ, на основаніи данной ему

диспозиціи; не имѣя уже команды, онъ поѣхалъ въ главную квартиру, занимавшую тогда мызу *Ауклапенъ*.

Чтобы добраться до горницы, занимаемой главнокомандующимъ, нужно было проходить чрезъ рядъ большихъ комнатъ, заваленныхъ ранеными и умирающими; стонъ и вопли страдальцевъ, не имѣвшихъ здѣсь покоя, производили тягостное впечатлѣніе на непрестанно входившихъ и выходившихъ адъютантовъ и ординарцевъ, изъ коихъ нѣкоторые шагали чрезъ нихъ безъ малѣйшей осторожности. При входѣ же въ горницу главнокомандующаго на лѣво была видна кровать, на которой лежалъ Барклай; (я взглянулъ на сего почтеннаго и знаменитаго въ послѣдствіи полководца, у котораго глаза были закрыты; я не замѣтилъ однако на блѣдномъ лицѣ его ни малѣйшаго признака страданія); среди комнаты стояло большое кресло, занятое главнокомандующимъ, около котораго сидѣли: ген. Кноррингъ, Платовъ, недавно пріѣхавшій съ Дона, и многіе другіе генералы. Предъ ними стоялъ большой столъ съ тарелками, и горница была наполнена множествомъ генераловъ и адъютантовъ. Когда старшіе генералы занялись очищеніемъ легкаго ужина, поставленнаго предъ ними, мы же съ горя, не имѣя никакой закуски, легли на полъ; каждый изъ насъ положилъ свою голову на ляшку товарища и готовился отдохнуть. Вдругъ входитъ въ горницу офицеръ, сколько помню, въ драгунскомъ мундирѣ, и доноситъ главнокомандующему, что генераль Сомовъ приказалъ увѣдомить его высокопревосходительство о подошедшей къ воротамъ города непріятельской колоннѣ, которая *хочетъ сдаваться*; генераль Сомовъ приказалъ ему потому узнать, какъ надлежитъ поступить съ нею. Это важное извѣстіе всѣхъ подняло на ноги, но каждый мыслилъ по-своему; иные видѣли въ этомъ лишь военную хитрость, другіе, какъ Г. Т. съ своими друзьями, ни малому не удивлялись, говоря, что Французамъ надоѣло уже служить артиллерійскому поручику; большая же часть изъ насъ, по обыкновенію своему, *ничего не думала*. Главнокомандующій приказалъ принять колонну не иначе, какъ предвари-

тельно обезоруженную у воротъ города. Еще толки о томъ не умолкли, какъ вдругъ торопливо вбѣжалъ Ставицкій (тогда полковникъ и флигель-адъютантъ, а нынѣ сенаторъ) съ донесеніемъ, что онъ, предполагая городъ занятымъ нами, спокойно ѣхалъ къ Сомову съ квартирмейстерскимъ полковникомъ Вистицкимъ. За нѣсколько шаговъ до города, они, къ крайнему ихъ удивленію, были окликаны французскими пикетами, которые, выстрѣливъ, ранили Вистицкаго, и они лишь тогда убѣдились, что городъ уже во власти непріятеля (*); это извѣстіе привело всѣхъ въ страшное отчаяніе: начались новыя предположенія, предсказанія одно другаго мрачнѣе, но вскорѣ былъ привезенъ раненый Вистицкій.

Тогда главнокомандующій послалъ къ городу генерала Чаплица и подполковника гр. Орурка, поручивъ имъ узнать обстоятельнѣе объ этомъ непонятномъ для всѣхъ дѣлѣ. Чрезъ нѣкоторое время они оба возвратились и подтвердили донесеніе Ставицкаго, прибавивъ, что они искали генерала Сомова, но не могли его найти, и что, по причинѣ глубокой ночи, никто не знаетъ гдѣ онъ (**). Вскорѣ всѣ удостовѣрились въ занятіи города, находившагося лишь въ 700 шагахъ отъ нашей боевой линіи, которой онъ служилъ доселѣ военнымъ прикрытіемъ; наша армія, не имѣя уже предъ собою сильно занятого пункта, могла легко подвергнуться внезапному ночному нападенію. Бенингсенъ, поручивъ Багратіону приведеніе въ порядокъ этой части арміи, приказалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ основательно развѣдать о причинахъ донесенія Сомова

(*) Такъ какъ войска Сомова разбрелись по городу, этотъ генералъ велѣлъ ударить сборъ въ сторонѣ противоположной непріятелю; по мѣрѣ того, какъ эта часть города очищалась, городъ стали занимать Французы, которые укрѣпились въ немъ.

(**) Такъ какъ французскимъ офицерамъ удалось уже снять планъ нашей позиціи, то Бенингсенъ, не взирая на глубокой снѣгъ, покрывавшій поля, приказалъ войскамъ избрать въ теченіи ночи другую позицію, что вынудило на другой день Наполеона измѣнить въ свою очередь направленіе своихъ колоннъ. Это обстоятельство было причиною того, что сраженіе началось гораздо позднѣе, чѣмъ предполагали.

и внезапнаго занятія города непріятелемъ. Князь, подъѣхавъ къ бивакамъ арміи, разослалъ адъютантовъ своихъ разыскивать Сомова; я нечаянно наѣхалъ на Тульскій пѣхотный полкъ, коего шефомъ былъ Сомовъ, и узналъ, что этотъ генералъ спитъ посреди полка. Князь, подъѣхавъ къ полку, велѣлъ разбудить генерала, и спросилъ его: «присылалъ ли онъ офицера съ донесеніемъ о томъ, что одна французская колонна, подошедшая къ воротамъ города, имѣла намѣреніе сдаться?» Сомовъ отвѣчалъ, что никакая колонна непріятельская не изъясляла желанія сдаваться. Тогда князь спросилъ его: «какъ онъ смѣлъ оставить городъ безъ дозволенія главнокомандующаго и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла?» На сіе Сомовъ представилъ ему отговорки, «что французскія колонны обходили его фланги; что непріятель былъ сильнѣе» и проч. Тутъ князь, сдѣлавъ ему ужасный выговоръ, велѣлъ подняться 4-й дивизіи и занять мѣсто предъ боевою линіей у самаго входа въ городъ. Непріятельскіе пикеты, услыхавъ шумъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но вскорѣ все умолкло. Князь возвратился въ главную квартиру, и, отдавъ отчетъ Бенингсену, легъ съ нами отдыхать въ сараѣ. На разсвѣтѣ мы поѣхали къ арміи, которая становилась въ ружье; правымъ ея флангомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1, серединою—генералъ-лейтенантъ Сакенъ, лѣвымъ—генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ, резервомъ—генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, кавалеріею—кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ; такъ какъ кн. Багратиону, какъ младшему, не было уже мѣста, то онъ поступилъ подъ команду Дохтурова (!!!!). Линія наша, примыкая правымъ флангомъ къ *Шлодитену* и направляясь косвенно къ городу, образовала уголъ; она упиралась лѣвымъ флангомъ къ *Клейнъ-Саусгартену*.

Дер. Серпаленъ, находившаяся впереди *Клейнъ-Саусгартена*, была занята слабымъ отрядомъ ген. Багговута; резервы, построенные въ двѣ колонны, были расположены вправо и влево отъ мызы *Ауклапенъ*, а кавалерія, разставленная вдоль всей линіи малыми отрядами, не представляла нигдѣ доста-

точной силы либо для удержанія стремленія непріятеля, либо для нанесенія рѣшительнаго удара. Независимо отъ легкой артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи, 1-я батарея, изъ 40 орудій батарейныхъ и 20 легкихъ, была заложена у *Шлодигена*; 2-я изъ 70 батарейныхъ въ 700 шагахъ предъ *Ауклапеномъ*, а 3-я изъ 40 батарейныхъ, между этой батареею и *Клейнъ-Саусгартенемъ*. Прусскій корпусъ, преслѣдуемый Неемъ, былъ еще далеко и направлялся къ *Альтдорфу*, то есть къ правому флангу нашей линіи. Въ ночь съ 26-го на 27-е января французская армія была расположена слѣдующимъ образомъ:

За городомъ по Ландсбергской дорогѣ кавалерійская дивизія *Груши* и *Клейна*; ближе къ *Амтъ-Эйлау* гвардейская кавалерія; за *Амтомъ* дивизія *Гопульта*, имѣя впереди себя легкія бригады: *Брюера*, *Гюю* и *Кольберта*, коихъ флангъ былъ прикрываемъ легкою бригадою *Дюронеля*, у *Альтдорфа* расположенною; за *Гопультомъ* пѣхотный корпусъ маршала *Ожера*. Городъ былъ занятъ частью корпуса маршала *Сульты*, расположеннаго на кладбищѣ за городомъ.

Къ *Сульту* примыкала пѣхотная дивизія *Сентъ-Иллера*, а у *Зетцена* стояла кавалерійская дивизія *Мильо*.

Наполеонъ съ гвардіею—на бивакахъ у мызы *Грингофшенъ*: корпусъ *Даву* на походѣ по дорогѣ, идущей отъ *Бартенштейна* къ *Прейсшицъ-Эйлау*, верстахъ въ двадцати отъ поля сраженія.

По всему видно, что Наполеонъ, привыкшій къ ночнымъ отступленіямъ нашей арміи, не ожидалъ генеральнаго сраженія при *Прейсшицъ-Эйлау*; онъ думалъ дать его передъ *Кёнигсбергомъ*, или полагалъ, что цѣль нашего отступленія состояла лишь въ занятіи зимнихъ квартиръ за *Прегелемъ*. Основываясь на этомъ и желая избѣжать затрудненія во время слѣдованія своего за нами по узкой и неудобной дорогѣ, онъ отдѣлилъ отъ себя корпуса *Нея* и *Даву* на довольно значительное разстояніе; еслибъ *Бенингсенъ* перешелъ въ рѣшительное наступленіе со всѣми своими силами, простиравши-

мися до 80,000 человекъ, едва ли бы Наполеонъ, до прибытія своихъ корпусовъ Нея, Даву, Бернадота, избѣжалъ пораженія. Времени было много. Сраженіе, начатое въ полдень 26-го, продолжалось до полудня 27-го числа съ тою же несоразмѣрностью въ силахъ, ибо Даву лишь въ полдень 27-го прибылъ на лѣвый флангъ нашъ, а Ней подошелъ къ правому нашему флангу ночью и то съ малою частью своего корпуса. Мы могли нанести сильный ударъ французской арміи, а въ случаѣ неудачи—отступить, подобно тому какъ отступили послѣ этого сраженія.

Наполеонъ, увидя поутру вмѣсто аррьергарда всю нашу армію, готовую принять бой, послалъ повелѣніе къ Даву и Нею спѣшить къ *Прейсшицъ-Эйлау*; онъ самъ рѣшился предупредить Бенингсена, направивъ Сульта къ переднимъ домамъ города; Ожеро, примкнувъ къ правому его флангу и выставивъ 150 баттарейныхъ орудій на высотахъ, простирающихся отъ города до *Ротенена*, открылъ жестокой противъ насъ огонь. Дивизія Сент-Иллера, имѣя въ резервѣ двѣ кавалерійскія дивизіи Клейна и Мильго, стала на правомъ флангѣ Ожеро. Легкія дивизіи Дюронеля, Брюера, Гюю и Кольберта остались около Амтъ-Эйлау; дивизіи же Гопульта и Груши примкнули къ правому флангу гвардіи, пришедшей къ кладбищу, гдѣ во весь день находился самъ Наполеонъ. Канонада съ обѣихъ сторонъ загоралась по мѣрѣ развертыванія французской арміи; вскорѣ она, сдѣлавшись общею, усилилась и въ окрестностяхъ города. Густой снѣгъ скрывалъ движеніе непріятеля; корпусъ Ожеро незамѣтно подошелъ къ центральной баттарей нашей, скрытой и еще доселѣ безмолвствовавшей. Едва усмотрѣли мы его колонны, какъ огонь съ 70-ти орудейной баттарей осыпалъ картечью стѣсненные ряды атакующихъ. Остановленные въ своемъ стремленіи, непріятельскія колонны были приняты нашими въ штыки; пѣхотные полки Московскій гренадерскій и Шлиссельбургскій, имѣя позади себя резервы арміи, опрокинули, разсѣяли непріятеля, который, потерявъ нѣсколько знаменъ и орудій, оставилъ

поле сраженія и отступилъ въ безпорядкѣ къ главной своей батарее (*). Эта минута была столь рѣшительна для обѣихъ армій, что Наполеонъ, коего проницательность и энергія возвышались по мѣрѣ увеличенія опасности, приказалъ всему кавалерійскому резерву ударить на подвигавшуюся впередъ нашу линію. Мы между тѣмъ преслѣдовали Французовъ столь яростно и стремительно, что одинъ баталіонъ нашъ достигъ даже кладбища, гдѣ находился самъ Наполеонъ, едва не попавшійся здѣсь въ плѣнъ. Но непріятельская кавалерія успѣла разстроить наши переднія войска; наскочавъ въ свою очередь на колонны резерва, она, будучи встрѣчена сильнымъ огнемъ, обратилась въ бѣгство. Нѣсколько нашихъ эскадроновъ преслѣдовали ее даже почти до *Ротенема*. Еслибъ генералъ Бенингсенъ имѣлъ въ срединѣ арміи громады кавалеріи, построенныя въ дивизіонныя колонны, и направилъ бы ихъ вслѣдъ за нашими эскадронами, преслѣдовавшими непріятеля; еслибъ онъ поддержалъ эту кавалерію пѣхотными резервами, которые могли бы достигнуть *Ротенена*; еслибъ онъ велѣлъ лѣвому флангу арміи слѣдовать дивизіонными колоннами къ *Серпалену*, что составило бы резервъ для вступившаго уже въ бой резерва: тогда бы эта кровопролитная драма разыгралась бы въ нашу пользу еще до прибытія войскъ Даву, и мы не имѣли бы нужды увѣрять свѣтъ, что отступаемъ лишь въ слѣдствіе побѣды, дабы заимѣть необходимыя заряды. Ничего не было сдѣлано! Когда корпусъ Даву около 4-го часа по полудни сталъ показываться на *Бартештейнской* дорогѣ, тогда побѣда уже видимо ускользнула изъ рукъ нашихъ, и непріятель значительно ободрился. Но вскорѣ Даву, подкрѣпленный пѣхотною дивизіею Сентъ-Ил-

(*) Корпусъ сей былъ совершенно разстроенъ; въ доказательство этого служить слѣдующее: 4-й линейный полкъ лишился всѣхъ своихъ офицеровъ, а въ 24-мъ осталось въ живыхъ только 5 человѣкъ. Самъ маршалъ Ожеро былъ раненъ и всѣ генералы убиты. Въ послѣдствіи остатокъ этого корпуса поступилъ на укомплектованіе другихъ корпусовъ, менѣе его пострадавшихъ.

лера и конною Мильго, занялъ *Серпаленъ*; устроивъ на высотахъ этой деревни батарею изъ 40 орудій, онъ продолжалъ тѣснить лѣвый флангъ нашей арміи. Въ то время остатки корпуса Ожеро, вся кавалерія и часть корпуса Сульта косвенно потянулись вправо для поддержанія атаки Даву, который быстро подвигался въ тылъ нашей линіи. Вскорѣ дивизія Сентъ-Иллера расположилась въ *Ауклапенъ*, и самое селеніе *Кушитенъ* было занято пѣхотою Даву; огонь усиливался ежеминутно, и поле отъ *Кушитена* до *Шмодитена* было покрыто разсѣянными нашими войсками, въ которыхъ безпорядокъ сталъ замѣтно усиливаться. Въ эту грозную для насъ минуту, Кн. Багратіонъ, вынужденный обстоятельствами принять главное начальство надъ этимъ крыломъ, выстроилъ войска предъ деревней *Ауклапеномъ*, лицомъ обращеннымъ къ Даву.

Около этого времени конныя роты полковника Ермолова и Богданова находились на правомъ флангѣ арміи, предъ которымъ простиралось обширное, ровное поле, на коемъ, по видимому, могла съ успѣхомъ дѣйствовать многочисленная кавалерія; но непріятель, знавшій, что оно было весьма болотисто, избѣгалъ его. Наступленіе корпуса Даву, сильно встревожившее всѣхъ, заставило графа П. А. Толстаго (*) приказать двумъ

(*) Я не безъ намѣренія подробно описалъ этотъ подвигъ нашей конной артиллеріи, прибывшей на помощь нашего лѣваго фланга. Мое повѣствованіе, основанное на словахъ и свидѣльствѣ многихъ артиллеристовъ, кн. Багратіона, гр. Толстаго, Богданова, наконецъ самого Бенингсена, явно противорѣчитъ вымышленнымъ рассказамъ слишкомъ усердныхъ почитателей гр. Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большія надежды и о слишкомъ рановременной кончинѣ котораго справедливо сожалѣла вся наша армія, ни Ермолову, не принадлежитъ мысль подкрѣпить 36-ю конными орудіями нашъ лѣвый флангъ, который не выдерживалъ уже натисковъ Даву; будучи отправленъ кн. Багратіономъ къ ротамъ Ермолова и Богданова вскорѣ послѣ присылки ихъ къ нашему лѣвому флангу, я не нашелъ здѣсь гр. Кутайсова, о скоромъ прибытіи котораго съ одною ротою никто еще здѣсь ничего не зналъ. Прибывъ сюда позднѣе и приказавъ приведенной имъ ротѣ поступить такъ же, какъ уже сдѣлали роты Ермолова и Богданова, гр. Кутайсовъ не дозволилъ бы себѣ, безъ сомнѣнія, того, что дозволяютъ себѣ его почитатели, а именно—приписать себѣ главную честь быстрого появленія конной артиллеріи къ угрожаемому пункту. Мнѣ положительно извѣстно, что кн.

этимъ коннымъ ротамъ подъ командою Ермолова спѣшить на лѣвый флангъ. Прибывъ туда, Ермоловъ, снявшись съ передковъ, и оставивъ при себѣ самое необходимое количество зарядовъ, отправилъ всѣхъ лошадей, равно какъ и передки назадъ. Графъ Кутайсовъ, прибывъ позднѣе сюда съ 1-й конной ротой, сдѣлалъ то же самое. Бенингсенъ, возвращаясь изъ корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки безъ орудій, вообразилъ въ первую минуту, что они сдѣлались добычей непріятеля. Противъ нашихъ орудій находилось возвышеніе, вооруженное непріятельскими орудіями весьма большаго калибра, вѣроятно, захваченными въ прусскихъ крѣпостяхъ. Послѣ cadaго выстрѣла, наши артиллеристы, по приказанію Ермолова, пользуясь дымомъ, скрывавшимъ ихъ на время отъ непріятеля, подвигали впередъ на рукахъ по глубокому снѣгу свои орудія, по направленію къ возвышенію. Деревня Ауклапенъ, зажженная брандскугелями роты Ермолова, была потому очищена непріателемъ. Когда корпусъ Лестока сталъ приближаться, всѣ непріятельскіе выстрѣлы обратились противъ него; французскія войска, покушавшіяся двинуться между возвышеніями и нашими ротами, противъ Лестока, выстрѣлами изъ нашихъ 36 конныхъ орудій потерпѣли жестокой уронъ. Могилевскій и Выборгскій полки, входившіе въ составъ корпуса Лестока, перебѣжали рысью по снѣгу большое пространство, чтобы стать въ главѣ этого корпуса. Хотя графъ П. П. Паленъ и говорилъ, что Ермоловъ вполне заслужилъ Св. Георгія 3 класса, и Бенингсенъ былъ совершенно съ этимъ согласенъ, но этотъ орденъ былъ лишь пожалованъ мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Рѣзвого, а Ермоловъ получилъ Владиміра 3 класса. Такъ какъ генералъ Рѣзвый приказалъ составить списки объ отличившихся,

Багратіонъ, которому никто, безъ сомнѣнія, не дерзнетъ отказать въ безпристрастіи при оцѣнкѣ заслугъ своихъ подчиненныхъ, почелъ личнымъ для себя оскорбленіемъ то обстоятельство, что Ермоловъ, имѣвшій, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, по крайней мѣрѣ равныя права съ гр. Кутайсовымъ на знаки св. Георгія 3 класса, не получилъ ихъ; князь жаловался даже на то Е. В. Цесаревичу.

то графъ Кутайсовъ потребовалъ ихъ отъ Ермолова. Представляя ихъ, Ермоловъ сказалъ: «Благодарю, ваше сіятельство, что вамъ угодно извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы.»

Между тѣмъ какъ графъ Остерманъ съ свойственной ему неустрашимостью, графъ Паленъ съ геройскимъ хладнокровіемъ отражали на лѣвомъ флангѣ нападеніе непріятеля, сраженіе казалось не только проиграннымъ, но всей нашей арміи угрожала совершенная гибель, ибо единственный путь, по которому намъ надлежало отступать, могъ быть занятъ непріателемъ. Въ эту рѣшительную минуту, такъ давно ожидаемый прусскій корпусъ Лестока показался у *Альтдорфа*; отвлекши большую часть корпуса Нея къ *Крейцбургу*, онъ вдругъ обратился на *Лейсенъ*, *Гравентіенъ* и *Альтдорфъ*, откуда немедленно двинулся чрезъ *Шмодитенъ* къ *Кушитену*. Онъ мужественно атаковалъ непріятельскія колонны, которыя были принуждены отступить къ *Клейнъ-Саусгартену*. Спустя часъ времени, два полка корпуса Нея, шедшіе за прусскимъ корпусомъ со стороны *Альтдорфа*, овладѣли *Шлодитеномъ* и принудили нашъ правый флангъ, упиравшійся къ сему селенію, передвинуться къ *Шмодитену*; будучи однако сами вскорѣ атакованы, они, оставивъ *Шлодитенъ*, отступили къ *Альтдорфу*.

Наступившая ночь прекратила битву.

Многіе упрекаютъ генерала Бенингсена въ томъ, что онъ отступилъ послѣ этого нерѣшительнаго сраженія; но ему трудно было, послѣ понесенныхъ потерь, вновь сразиться съ непріателемъ, подкрѣпленнымъ въ теченіи ночи Неемъ, а на другой день Бернадотомъ. Хотя уронъ Даву былъ немаловаженъ, но это не разстроило *единства корпуса*; сверхъ сего, прибывъ на мѣсто сраженія 24 часа послѣ начатія боя, онъ, слѣдовательно, не могъ потерпѣть столько, сколько потерпѣли прочія войска. Пѣшая гвардія, легкія дивизіи: *Дюронеля*, *Брюера*, *Гюю* и *Кольберта*, также и корпусъ *Сульты* (прикрытый каменнымъ строеніемъ города) мало пострадали, и все бремя этой битвы пало на корпусъ *Ожера*

и резервную кавалерію Мюрата. Напротивъ того, наша армія, не прикрытая никакими укрѣпленіями, сражавшаяся на всѣхъ пунктахъ, ввела въ дѣло всѣ свои резервы, которые понесли такой же уронъ, какъ и боевая линія, ибо находилась въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи. У насъ оставался одинъ 10-ти тысячный прусскій корпусъ, но и онъ не былъ полонъ, ибо одна бригада его, отдѣлившись къ *Крейцбургу*, соединилась съ нами только подъ *Кёнигсбергомъ*. Наконецъ свидѣтели сего ужаснаго дѣла знаютъ, въ какомъ положеніи была наша армія! они видѣли поспѣшное отступленіе этой густой, разстроенной массы до самыхъ береговъ Прегеля, совершенный недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ и уныніе, овладѣвшее всѣми чинами арміи. Хотя французская армія (*) ночевала на полѣ сраженія, а самъ Наполеонъ въ тотъ же вечеръ перенесъ свою главную квартиру въ *Прейсишъ-Эйлау*, но все то, что было въ послѣдствіи писано объ отступленіи Французовъ, не успѣвшихъ даже похоронить своихъ убитыхъ, вполне справедливо. Однако если слѣдовать слову великаго человѣка: «упрямѣйшій побѣждаетъ», то можно было бы, собравшись у *Шмодитена*, двинуться на *Кушитенъ*, *Лампашъ* и на разсвѣтъ атаковать всѣми силами Даву въ *Клейнъ Саусгартенъ*, но эту крайне смѣлую атаку нужно было привести въ исполненіе со всею рѣшительностію и въ случаѣ неудачи избрать путь отступленія на *Домнау* къ *Велау*, а не на *Мильгаузенъ* къ *Кёнигсбергу*. По мѣрѣ движенія Даву отъ *Клейнъ-Саусгартена* къ *Прей-*

(*) По показанію плѣнныхъ, у Французовъ послѣ этого сраженія оставалось лишь по семи зарядовъ на орудіе; это самое подтвердилъ намъ житель гор. Ландсберга, въ домѣ котораго квартировалъ послѣ сраженія начальникъ французской артиллеріи генералъ Сорбье. Наполеонъ бросилъ на полѣ сраженія 60 большихъ прусскихъ пушекъ и много другихъ, кои онъ въ послѣдствіи всѣ вывезъ. Если бы Бенингсенъ рѣшился вновь атаковать непріятеля, какъ-то предлагали нѣкоторые генералы, онъ могъ бы захватить слишкомъ 200 пушекъ, но въ слѣдствіе совершеннаго недостатка въ сухаряхъ, прибытія свѣжаго корпуса Бернадота и войскъ Нея, онъ не рѣшился возобновить боя, въ которомъ мы уже безъ того потеряли убитыми и ранеными—26,000 человекъ.

сишъ-Эйлау и слѣдовательно, по мѣрѣ очищенія путей къ *Шипенбейлю* и *Бартенштейну*, надлежало избрать оборонительную линію не на *Прегель*, а на *Алле* отъ *Бартенштейна* до *Фридланда*. Кто помнитъ мое сужденіе о театрѣ войны этой эпохи, тому не нужно повторять пользу сего движенія.

28-го числа армія, отдохнувъ нѣсколько часовъ въ *Миллаузенъ*, продолжала отступленіе свое къ *Кёнигсбергу*, близъ котораго остановилась, оставивъ аррьергардъ кн. Багратіона въ *Людвигсвальде*; прусскій же корпусъ отошелъ чрезъ *Алленбургъ* въ *Велау*. Вся наша армія состояла тогда изъ 46,800 человекъ и 2,500 казаковъ.

На другой день французскіе аванпосты заняли пространство отъ *Буркерсдорфа* до *Мансфельда*; армія же осталась на *Прейсишъ-Эйлауской* равнинѣ до 5-го февраля.

Возникшія распри и тайныя интриги въ главной квартирѣ противъ главнокомандующаго вынудили его просить благороднаго кн. Багратіона, какъ не принадлежащаго ни той ни другой сторонѣ, лично объяснить Государю Императору все происходившее. Противники генерала Бенингсена были: генераль Кноррингъ, человекъ извѣстный во время Польской войны по своимъ свѣдѣніямъ въ военномъ дѣлѣ; онъ уже устарѣлъ, но поведеніе его въ Вильнѣ и Пулавѣ надолго осталось въ памяти всѣхъ. Этотъ старикъ не былъ лишенъ дарованій, и при начатіи кампаніи, его опредѣлили въ качествѣ генераль-квартирмейстера къ фельдмаршалу графу Каменскому. При назначеніи же главнокомандующимъ Бенингсена Кноррингъ, не смотря на то, что онъ былъ старѣе его въ чинѣ, остался при арміи и казался не только пріателемъ, но совѣтникомъ этого генерала; послѣдствія доказали, что поведеніе его было основано на познаніи характера Бенингсена и на надеждѣ послѣ первой неудачи заступитъ его мѣсто. Онъ думалъ, получивъ за сраженіе награду, лишитъ Бенингсена званія главнокомандующаго; Кноррингъ, О..... и г. Т. предложили ему отправить курьеромъ одного изъ своихъ приверженцевъ, Б....., которому были вручены

денеши для передачи Государю Императору. Ему было приказано чрезъ нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при дворѣ, и графа Ливена употребить всѣ способы къ оклеветанію главнокомандующаго въ глазахъ Государя. Онъ долженъ былъ доложить Его Величеству о неспособности Бенингсена продолжать командованіе арміею и даже о *бѣгствѣ его съ поля сраженія* (*), прибавивъ къ этому, что армія обязана побѣдою (?) Кноррингу, г. Т. и О..... Генераль Бенингсенъ, узнавъ о семъ гнусномъ поступкѣ по отправленіи уже Б....., немедленно послалъ за княземъ Багратиономъ, которому поручилъ лично отправиться къ Государю для представленія ему въ настоящемъ видѣ коварства Кнорринга и его товарищей, и испрошенія высылки его изъ арміи; князь, вышедъ отъ Бенингсена и взявъ съ собою адъютанта своего Грабовскаго и полковника кн. Трубецкаго, сѣлъ въ бричку и поскакалъ въ С. Петербургъ, куда прибылъ немедленно послѣ Б..... Вскорѣ Кноррингъ былъ отозванъ изъ арміи, а прочіе клеветы его получили другія назначенія.

Между тѣмъ хотя въ главной квартирѣ все успокоилось, но духъ арміи ни мало не возвысился. Вспоминая о положеніи арміи въ эту эпоху, нельзя не удивляться долговременному противоборству нашему съ Наполеономъ, приносящему, безъ всякаго сомнѣнія, величайшую честь Бенингсену. Не взирая на немаловажныя его ошибки, неопытность и неспособность многихъ частныхъ начальниковъ, мы еще не потерпѣли до этого времени рѣшительнаго пораженія; къ тому же большая часть начальниковъ была до такой степени озабочена стараніемъ избѣгать сраженія, что, при нападеніи непріятеля на какую либо отдѣльную часть нашей арміи, ближайшія къ

(*) Излишнее добродушіе, неустрашимость и дарованія Бенингсена были всѣмъ извѣстны; если этотъ генераль ѣздилъ во время сраженія за правый флангъ арміи, то онъ былъ къ тому вынужденъ необходимостью ускорить движеніе Пруссаконъ, которые, не взирая на приказанія, переданныя имъ чрезъ многихъ адъютантовъ, подвигались такъ медленно, что врядъ ли, безъ личнаго приказанія Бенингсена, они пришли бы на поле сраженія.

ней дивизіи, вмѣсто того, чтобы поддержать ее, быстро отступали въ сторону противоположную. Въ нижнихъ чинахъ убѣжденіе въ неизмѣнномъ отступленіи такъ усилилось, что, при начатіи дѣла, они, мало по малу выходя изъ фронта, толпою уходили въ ту сторону, куда, по ихъ мнѣнію, не замедлятъ отступать. Уже въ срединѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія толпы бѣглецовъ стали такъ многочисленны, что главнокомандующій былъ принужденъ послать къ Кѣнигсбергу отрядъ подъ командою полковника и флигель-адъютанта Жилинскаго, съ приказаніемъ, занявъ заставы города, не пропускать въ него никого, кромѣ раненыхъ. Къ стыду нашему весьма много лицъ увлеклось этимъ примѣромъ; можно смѣло сказать, что въ это время многіе штабные чиновники прослыли героями потому только, что они, опасаясь быть взятыми въ плѣнъ во время странствованія своего съ бродягами, не покидали рядовъ арміи.

До 5-го февраля все было спокойно; я не упоминаю о счастливомъ поискѣ Сумскаго гусарскаго полка со стороны *Буркерсдорфа* до *Мильгаузена*, приписанномъ Платовымъ казакамъ своимъ, но коего истинными героями были слѣдующіе: Сумскаго гусарскаго полка поручики, Генкель и Обозненко.

Успѣхъ графа Ламберта противъ Бернадота при *Мансфельдѣ* былъ значительнѣе, но такъ какъ это было частное дѣло, котораго я не былъ свидѣтелемъ, то оно также не можетъ войти въ эти записки.

Наконецъ мы узнали объ отступленіи французской арміи 8 февраля; атаманъ Платовъ, занявъ *Эйлау*, выступилъ 9-го къ Ландсбергу; 10-го Ермоловъ объѣзжалъ со мною *Прейсишъ-Эйлауское* поле сраженія, которое предстало во всей красотѣ своей, ибо ни одно тѣло не было еще убрано.

12-го генералъ Марковъ, командовавшій регулярными войсками авангарда, и къ которому я присталъ по отбытіи кн. Багратіона изъ арміи, занялъ селеніе *Ронау*. Графъ Паленъ съ отрядомъ, принадлежащимъ авангарду, вступилъ въ Лонау,

а генер. Корфъ (егерскій)—въ *Петерсвальдъ*. Любопытно знать истинную причину отступленія французской арміи, усиленной свѣжими корпусами Нея и Бернадота; она могла однимъ натискомъ на лѣвый флангъ нашей арміи (кочующей въ великомъ растройство предъ улицами города и обращенной тыломъ къ Прегелю) окончить войну, еще продолжавшуюся цѣлое лѣто. Для совершеннаго успѣха въ этомъ предпріятіи надлежало ей переправиться по льду противъ *Вальдау* или *Taniau*, дабы въ случаѣ отступленія предупредить насъ на пути къ *Лабіау* и запереть въ уголъ, описанный Прегелемъ и моремъ. Нѣкоторые полагали, что причиною этого былъ недостатокъ въ пищѣ и боевыхъ снарядахъ, также и отдаленіе ея отъ основанія, расположеннаго на Вислѣ; другіе же объясняли его наступательнымъ движеніемъ Эссена къ Омулеву, принятомъ 22-го января. На это можно возразить, что область, занятая непріателемъ, была еще въ то время въ состояніи прокормить французскую армію по крайней мѣрѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; артиллерія, прибывшая съ корпусами Нея и Бернадота, и парки были достаточно снабжены на нѣсколько сраженій; если Наполеона не смущало значительное отдаленіе его отъ Франціи и сосѣдство съ ненадежной Австріей, то еще менѣе долженъ былъ онъ опасаться за сообщенія свои съ Вислою, угрожаемая движеніемъ Эссена къ *Остроленкѣ*. Это движеніе могло бы быть опаснымъ, если бы оно было предпринято генераломъ, могшимъ располагать большими силами, но оно было произведено весьма слабымъ корпусомъ, разбитымъ на пять колоннъ, изъ которыхъ каждая имѣла особое направленіе.

13-го по утру пріѣхалъ къ Маркову офицеръ съ извѣстіемъ, что на разсвѣтѣ Французы атаковали *Петерсвальдъ*, что ген. Корфъ захваченъ ими въ плѣнъ, и что егеря наши, поступившіе въ команду полковника Вуича (*), вытѣснены изъ

(*) Полковникъ Вуичъ, украшенный знаками св. Георгія 3-го класса, былъ человекъ не лишенный ума и одаренный замѣчательною храбростью. Не вы-

Петерсвальда. Марковъ послалъ адъютанта своего Мандерштерна въ Лонау съ повелѣніемъ графу Палену спѣшить на помощь егерямъ въ Петерсвальде; я вскорѣ былъ туда же посланъ съ тѣмъ же порученіемъ; но ни Мандерштернъ, ни я не застали уже въ Лонау графа Палена, ибо этотъ вполне достойный генералъ, едва услыхалъ выстрѣлы со стороны расположенія Корфа, не увлекаясь заразительнымъ примѣромъ своихъ товарищей, самъ по себѣ быстро двинулся въ Петерсвальдъ; подкрѣпивъ егерскій отрядъ болѣе своимъ появленіемъ, чѣмъ количествомъ приведенныхъ войскъ, онъ вытѣснилъ непріятеля.

По окончаніи дѣла и по возвращеніи моемъ въ *Ронау*, генералъ Марковъ послалъ меня въ главную квартиру съ донесеніемъ объ очищеніи непріателемъ Петерсвальда. Ночь была туманная, ростополь ужасная, и я едва могъ добраться къ ночи до *Ландсберга*, куда вечеромъ прибыла главная квартира, которую я засталъ за ужиномъ.

14-е я пробылъ въ *Ландсбергъ* и былъ свидѣтелемъ возвращенія Б..... изъ *Петербурга*. Генералъ Бенингсенъ принялъ его очень ласково, но онъ, явившись въ большомъ смущеніи, подалъ ему собственноручное письмо Государя на французскомъ языкѣ. Б..... былъ наказанъ даннымъ порученіемъ и тѣми благодѣяніями, которыми Бенингсенъ осыпалъ его послѣ этого происшествія.

15-го я отправился обратно въ авангардъ къ Платову и нашелъ его 16-го въ Гутштадтѣ. 17-го князь Четвертинскій, Левашевъ и я ѣздили въ Амтъ-Гутштадтъ, къ князю Щербатову, гдѣ ночевали.

полнивъ однажды близъ Кёнигсберга приказаній кн. Багратиона, онъ навлекъ тѣмъ на себя справедливый гнѣвъ этого генерала; князь въ пылу негодованія своего, которое еще болѣе усилилось въ слѣдствіе нежеланія Вуича сознаться въ своей винѣ, хотѣлъ строго взыскать съ него. Когда Вуичъ увидалъ это, то повинился, послѣ чего отлично-добрый князь, не могшій не цѣнить достоинствъ сего штабъ-офицера, смягчился и сказалъ ему: „давно бы вы такъ сказали.“

Французская армія отступила на *Либштадтъ*, *Морунгенъ* и *Остероде* къ нижней Вислѣ; оставивъ корпусъ Савари на *Омулевѣ*, мы должны были, пользуясь разстройствомъ и ошибочнымъ направлениемъ французской арміи къ нижней Вислѣ, поспѣшно занять центральное положеніе между разобщенными ея двумя частями. Намъ надлежало предпринять сосредоточенное движеніе на *Гутштадтъ*, *Алленштейнъ*, *Гогенштейнъ* и далѣе, и угрожать постоянно правому флангу главной французской арміи, стараясь по возможности оттѣснить ее къ *Данцигу*, занимаемому тогда прусскими войсками. Вмѣсто того, мы, возрадовавшись отступленію французской арміи, такъ убѣдились въ томъ, что она занимаетъ зимнія квартиры за Вислою, что подвинули Пруссаковъ съ 5-ю дивизіею между *Гейлленбейлемъ* и *Мельзакомъ*, авангардъ къ *Либштадту*, главную армію къ *Гейльсбергу*, другія войска въ *Бартенштейнъ*, а большую часть кавалеріи въ *Бенернъ*.

18-го на разсвѣтѣ Платовъ выступилъ въ *Либштадтъ*, оставивъ въ *Гутштадтѣ* 5-й егерскій полкъ и нѣкоторую часть своихъ обозовъ. По выступленіи Платова, маршалъ Ней внезапно воротился изъ *Алленштейна* въ село *Шлитъ*, а изъ *Шлита* двинулся на *Гутштадтъ*; атаковавъ городъ и овладѣвъ имъ, онъ слѣдовалъ всѣми силами по *Гейльсберской* дорогѣ на *Амтъ-Гутштадтъ* и *Альткирхенъ*.

Оставивъ Щербатова въ *Амтъ-Гутштадтѣ*, мы поскакали къ городу. Нѣсколько десятковъ казаковъ, скакавшихъ оттуда съ своими *кашами*, увѣдомили насъ, что непріятель подвигается въ большихъ силахъ; выскакавъ на высоту, мы сами увидѣли его колонны и полковника Гогеля, отступавшаго съ 5-мъ егерскимъ полкомъ въ превосходномъ порядкѣ. Между тѣмъ Щербатовъ, собравъ отрядъ свой, двинулся на помощь Гогелю. Этотъ отрядъ, не превышавшій и 1000 человекъ, состоялъ изъ полковъ Старооскольскаго и Костромскаго пѣхотныхъ и Ольвѣопольскаго гусарскаго полка, подъ командою маіора Колышкина. Можно было предвидѣть, что съ такою горстью людей не сдѣлаешь многого. Однако Щербатовъ выказалъ здѣсь рѣдкую неустраши-

мость; расположивъ свои войска на высотѣ, и подавъ руку Гогелю, онъ держался на своей позиціи до тѣхъ поръ, пока непріятель, дождавшисьъ главныхъ своихъ войскъ, не двинулъ ихъ рѣшительно и прямо на его линію; наши картечь и пули, перелетая чрезъ головы его, не причиняли ему никакого вреда. Щербатовъ приказалъ отряду вытягиваться на дорогу; — но едва вступили мы на нее, какъ непріятель открылъ по насъ жесточайшій огонь: ядра и картечь осыпали толпившуюся по одному протяженію пѣхоту нашу. Къ счастью, нельзя было свернуть съ дороги, по причинѣ большой грязи, и потому разстройство наше не было замѣтно непріятелю. Преслѣдованіе продолжалось до Амтъ-Гутштадта, откуда Щербатовъ отступилъ къ *Цехерну*; непріятель, пройдя *Амтъ-Гутштадтскій* лѣсъ, остановился на опушкѣ его, оставивъ *Цехернъ*, *Петерсвальдъ* и *Мавернъ*, которые мы заняли егерями. Послѣ этого дѣла, Щербатовъ послалъ меня въ главную квартиру съ донесеніемъ. Тамъ такъ мало ожидали нападенія со стороны непріятеля, что, не доѣзжая до *Гейльсберга*, я принужденъ былъ воротить князя Д. В. Голицына, ѣхавшаго въ саняхъ съ адъютантомъ своимъ княземъ Павломъ Голицынымъ къ кавалеріи своей, расположенной въ селѣ *Бенернъ*, находившемся уже тогда за непріятельской линіей.

Войдя въ квартиру главнокомандующаго, я засталъ его за обѣдомъ, за которымъ сидѣли и недавно прибывшіе: Н. Н. Новосильцевъ и благородный и почтенный Ф. П. Уваровъ, съ адъютантами своими Чернышевымъ (что нынѣ графъ и военный министръ), Балабинымъ и кн. Любомирскимъ.

Я увидѣлъ по лицамъ, что всѣ ожидали извѣстія о какомъ нибудь успѣхѣ авангарда; когда я объявилъ, что непріятель въ большихъ силахъ овладѣлъ *Гутштадтомъ*, и что авангардъ нашъ отступилъ въ *Лонау*, тогда всѣ встали изъ-за стола и главнокомандующій, подошедъ съ Штейнгелемъ и со мною къ картѣ, приказалъ указать на ней направленіе непріятеля, причемъ удостоилъ меня спросить, что я о томъ думаю. Я отвѣчалъ, «что полагаю для него весьма важнымъ занятіе Гутшта-

та, что было необходимо для прикрытія Пассарги, за которою онъ намѣренъ расположиться на зимнія квартиры, и что отъ атаки этой я не ожидаю никакого дальнѣйшаго послѣдствія.» Но мои мысли были совершенно противоположны мыслямъ всей главной квартиры. Всѣ полагали, что генеральное сраженіе неизбежно. Адъютанты поскакали по всѣмъ направленіямъ съ приказаніемъ собраться у *Гейльсберга*; даже войска изъ *Бартенштейна* были придвинуты къ арміи.

Главнокомандующій, получивъ на другой день извѣстіе о занятіи *Брауенберга* *Бернадотомъ* и возобновленіи нападенія на *Лонау*, еще болѣе убѣдился въ томъ. Надобно было видѣть впечатлѣніе, произведенное этимъ обстоятельствомъ въ главной квартирѣ, чтобы предсказать бѣдствія, постигшія насъ чрезъ 3 мѣсяца.

19-го авангардъ нашъ, усиленный 15-ю тысячами человѣкъ, сражался въ *Лонаускомъ* лѣсу. На 20-е генераль *Сакенъ* предпринялъ ночную атаку, которая осталась безуспѣшною. Каждое войско, особенно русское, сильно порядкомъ и устройствомъ своимъ; какого же устройства можно было ожидать, когда никто другъ друга ночью не видитъ, а отъ стрѣльбы никто другъ друга не могъ слышать. 20-го, послѣ малой перестрѣлки, непріятель, отступивъ, снова занялъ опушку *Амтъ*, *Гутштадтскаго* лѣса; аванпосты наши отступили въ *Цехернъ-Петерсвальдъ*, *Гронау* и *Мавернъ*, а авангардъ расположился въ *Лонау*. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ изъ С. Петербурга князь *Багратіонъ* и принялъ снова начальство надъ авангардомъ, коего составъ замѣчателенъ.

Начальникъ авангарда былъ князь *Багратіонъ*.

Пѣхотной линіей командовалъ генераль *Марковъ*.

Егерями г. *Багговуть* и *Раевскій*.

Полковые командиры пѣхотныхъ полковъ были:

5-го егерскаго *Гогель* (что нынѣ командиръ 27-й дивизіи).

20-го егерскаго *Бистромъ* (что нынѣ командиръ гвардейской пѣхоты).

28-го егерскаго *Эриксонъ* (умеръ генераль-маіоромъ).

24-го егерскаго Властовъ (бывшій командиръ 6-й дивизіи).
3-го егерскаго Сабанѣевъ (бывшій командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса).

Московскаго гренадерскаго Филисовъ (бывшій командиръ 10-й дивизіи).

25-го егерскаго Вуичъ (бывшій командиръ 24-й пѣхотной дивизіи), Лошкаревъ и другіе отличные офицеры.

Кавалеріею начальствовалъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ.

Артиллеріею полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Въ это время прусскій корпусъ, подкрѣпленный 5-й дивизіею, занялъ *Мельзакъ*.

6-я дивизія расположилась въ окрестностяхъ *Зебурга*.

Платовъ съ казаками простиралъ набѣги свои отъ *Пассенгейма* до *Вилленберга*.

Армія заняла берега рѣки Алле, а главная квартира перешла 2-го марта въ Бартенштейнъ; основаніемъ служилъ все Прегель.

Нѣтъ выраженія достаточно сильнаго, чтобы описать гибельное состояніе нашей арміи! Оправданія въ ея неподвижности заключались въ недостатокъ провіанта и фуража и въ истощеніи магазиновъ, устроенныхъ вдоль Алле и Прегеля. Но развѣ пребываніе на одномъ мѣстѣ и совершенное изнуреніе области, занятой нашей арміею, могло умножать наши способы?

Какъ поставлялись провіантъ и фуражъ въ дивизіи? Какъ наблюдали за этимъ? Начальники дивизіи оспаривали одинъ у другаго изрѣдка проявляющіеся транспорты, и потому они до авангарда почти не доходили.

Въ то время какъ въ главной квартирѣ все было въ изобиліи, кавалерійскія лошади наши, прокармливаясь лишь соломою съ домовъ, устилали своими трупами путь отъ авангарда до *Бартенштейна*; жители, скитавшіеся подобно тѣнямъ, отказывались отъ горсти червонцевъ, предлагаемыхъ сострадательными людьми; они просили хлѣба и падали мертвыми по улицамъ!..... Я былъ свидѣтелемъ смерти ребенка на изсох-

шей отъ голода груди его матери! Когда ропотъ доходилъ до Бенингсена, и когда онъ намѣревался вооружиться противъ виновныхъ, тогда его увѣряли, что всѣ слухи эти лишь басни; генераловъ, жаловавшихся на бѣдственную участь солдатъ, называли безпокойными; представляемыя пробы хлѣба, овса, сѣна, доставляемыхъ въ дивизіи, скоро успокоивали его. Я самъ видѣлъ у него на окнѣ хлѣбъ, составленный изъ частей: гороха, картофеля и ржаной муки, прекрасно испеченой! Показывая его всѣмъ, онъ увѣрялъ и былъ увѣренъ, что армія довольствуется такимъ хлѣбомъ, тогда какъ солдаты бывали не разъ вынуждены отыскивать шомполами зарытое жителями послѣднее ихъ пропитаніе; обезсилѣвшіе же валялись иногда на бивакахъ въ виду непріятеля.

Я обращаюсь къ свидѣтелямъ этой эпохи съ вопросомъ: преувеличено ли это описаніе бѣдствій, испытанныхъ нашими войсками?

Пора обратить на эту важную отрасль военного хозяйства полное вниманіе; правильное, добросовѣстное и своевременное снабженіе войскъ всѣмъ необходимымъ, поддерживая и возвышая физическую и нравственную силу войскъ, служить вѣрнѣйшимъ залогомъ къ одержанію успѣховъ на войнѣ. Главнокомандующій, вполнѣ благонамѣренный и распорядительный, озабоченный пріисканіемъ средствъ для противодѣйствія непріятелю, не въ состояніи въ одно и то же время вникать во всѣ распоряженія провіантскихъ и комиссаріатскихъ властей и утверждать ихъ своею подписью. Зачѣмъ требовать невозможнаго отъ военачальника, хотя бы онъ обнаруживалъ способности геніальныя и примѣрную добросовѣстность, тѣмъ болѣе, что соединеніе этихъ двухъ неоцѣненныхъ качествъ есть явленіе слишкомъ рѣдкое. Пусть хозяйственные власти, дѣйствуя самостоятельно, вполнѣ сами отвѣтствуютъ за все ими совершенное; при этомъ надлежитъ подчинить ихъ контролю главнокомандующихъ, которые, усмотрѣвъ безпорядокъ и упущенія въ ихъ частяхъ, имѣли бы возможность тотчасъ удалить ихъ отъ должности съ преданіемъ суду. Такимъ

только образом репутація многихъ главнокомандующихъ, коею не можетъ не дорожить правительство и армія, могла бы остаться чистою и незапятнанною. Выгоды подобнаго устройства не замедлили бы обнаружиться для самаго правительства и особенно для войска и военачальниковъ, которые не могли бы подвергаться, какъ это часто случается, незаслуженнымъ нареканіямъ и неосновательнымъ обвиненіямъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Бенингсенъ, который отличался замѣчательными умственными способностями, обширными свѣдѣніями и рѣдкимъ безкорыстіемъ. Отвѣтственность за всѣ упущенія и недостатки, кои терпѣли войска въ настоящей кампаніи, должна была пасть лишь на лица, завѣдывавшія хозяйственною частью арміи. Клеймо проклятія горитъ на всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли изъ своекорыстныхъ видовъ печься о благѣ и довольствѣ тысячей храбрыхъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Да будетъ полное презрѣніе ихъ соотечественниковъ наградою имъ за ихъ вполнѣ преступныя и предосудительныя дѣйствія. Да послужитъ неумолимое правосудіе къ изобличенію этихъ злодѣевъ рода человѣческаго, и пусть примѣрная кара предостережетъ людей слабыхъ, не вполнѣ еще безчувственныхъ къ страданіямъ ближняго, но безсильныхъ, чтобы устоять противъ искушеній сего міра.

Пока главная квартира наша предавалась удовольствіямъ на берегахъ Алле, Наполеонъ, расположивъ армію свою въ окрестностяхъ *Остероде*, обратилъ вниманіе свое на *Данцигъ*, осадю котораго завѣдывалъ маршалъ Лефевръ, усиленный Баварцами, Поляками и гренадерами Удино. Около 8-го марта князь Щербатовъ былъ посланъ съ отрядомъ чрезъ *Кёнигсбергъ* и *Пиллау* въ *Данцигъ* для подкрѣпленія тамошняго гарнизона. Въ началѣ апрѣля прибыла въ *Шипенбейль* и *Бартенштейнъ* гвардія и Его Императорское Величество.

30-го апрѣля армія наша собралась у *Гейльсберга*; 1-го мая авангардъ ея, подходя въ боевомъ порядкѣ къ сел. *Гронау*, бывъ удостоенъ посѣщеніемъ Государя Императора, возвратился обратно въ *Лонау*.

Безъ сомнѣнія, это сосредоточиваніе силъ имѣло цѣлью освобожденіе *Данцига*, но неизвѣстно, что было причиною возвращенія авангарда въ *Лонау* и распущенія арміи по занимаемымъ ею прежде сего квартирамъ. Всѣ эти приготовленія ограничились отряженіемъ генераль-маіора графа Каменскаго чрезъ *Кёнигсбергъ* и *Пиллау* къ Данцигу и возвращенія главной квартиры къ временно покинутымъ увеселеніямъ.

3-го мая Каменскій, атаковавъ непріятеля со стороны *Вейхсельмюнде*, былъ отбитъ и отступилъ съ урономъ. Въ семъ дѣлѣ отличился покойный графъ Дебальмень.

13-го, командовавшій въ *Данцигъ* генераль Калкрейтъ сдался Лефебру на капитуляцію; Каменскій сѣлъ на суда и 16-го былъ высаженъ у *Пиллау*, гдѣ оставивъ два пѣхотныхъ полка для защиты *Нерунга*, отступилъ въ *Кёнигсбергъ*.

Во время этихъ прискорбныхъ происшествій, въ главной арміи господствовало такое, по видимому, равнодушіе, что, доходившій изъ Данцига грохотъ орудій не былъ въ состояніи вывести ее изъ этого усыпленія. *Бартенштейнъ*, будучи полонъ министрами, путешественниками, женами генераловъ, генералами и любезными, но бесполезными ихъ адъютантами, казался счастливымъ оазисомъ въ этой пустынѣ.

Наконецъ, когда взятіе Данцига упрочило обладаніе Вислой за Наполеономъ и 40 тысячный осадный корпусъ двинулся на усиленіе французской арміи, когда всѣ выгоды были уже на сторонѣ непріятеля, мы лишь тогда вздумали перейти въ наступленіе!

Французская армія была расположена вдоль *Пассарги*; *Бернадотъ* около *Спандена*, *Сультъ* около *Ломитена*, гвардія и резервная кавалерія около *Остероде*, а *Даву* въ *Алленштейнъ*, *Гогенштейнъ* и *Остероде*; корпусъ *Нея*, составляя авангардъ арміи, занималъ *Гутштадтъ* и *Альткирхенъ*; онъ состоялъ изъ 12,385 человекъ.

23-го мая наши расположились слѣдующимъ образомъ:

Авангардъ князя Багратіона оставался въ *Лонау* и не принималъ никакого движенія, дабы не встревожить этимъ корпусъ Нея.

7-я и 8-я дивизіи подъ командою Дохтурова у сел. *Нейгофъ*, близъ *Вормдита*.

Корпусъ князя Горчакова на рѣкѣ *Алле*, противъ *Минстерберга*.

Влѣво отъ него у *Бергфрида* Платовъ съ казачьими полками и отрядомъ генералъ-маіора Кнорринга.

Главная армія въ *Аренсдорфъ*, резервный корпусъ въ *Бенернъ*.

Замѣчательно то, что при наступленіи 80-ти тысячной арміи на 12-ти тысячный корпусъ, даны были отдѣльнымъ начальникамъ приказанія въ противоположномъ духѣ! Вотъ на примѣръ: «Прусскому корпусу, подкрѣпленному 5-ою дивизією, атаковать *Бернадота* при *Спанденъ*, дабы воспретить соединеніе его съ *Сульт*омъ; генералу Дохтурову атаковать находившіеся на сей сторонѣ рѣки *Пассарги* передовые непріятельскіе посты, и, прогнавъ ихъ за рѣку, занять всѣ переправы небольшими постами, самому же идти по правому берегу сей рѣки и взять позицію между *Швентомъ* и *Ельдитеномъ* напротивъ *Питененскаго* моста, дабы тѣмъ воспрепятствовать *Сульту* соединиться съ *Неемъ* (про сію статью нечего говорить). Главной арміи, состоящей изъ кавалеріи, и 3-й, 14-й и 2-й дивизій, направить движеніе свое отъ *Аренсдорфа* въ деревню *Вольфсдорфъ*, дабы подкрѣпить оттуда отрядъ Дохтурова и авангардъ Багратіона; и въ то же время угрожать нападеніемъ (за чѣмъ лишь угрожать только, когда можно было уничтожить) корпусу Нея.

«Авангарду князя Багратіона, оставивъ свой резервъ между *Петерсвальдомъ* и *Цехерномъ*, и не нападая на непріятельскія укрѣпленія и засѣки передъ лѣсомъ, идти чрезъ *Гронау* на *Альткирхенъ*; выгнавъ оттуда непріятеля, стараться отрѣзать находившихся въ *Петерсвальдскомъ* лѣсу непріятельскихъ еге-

рей. Резерву же сего авангарда двинуться на подкрѣпленіе главной колонны не прежде очищенія лѣса (излишняя предосторожность). Между тѣмъ авангарду, не задерживаясь занятіемъ *Гуттштадта*, продолжать маршъ свой чрезъ *Нейсдорфъ* и атаковать непріятельскія войска, находившіяся между *Глонау* и *Кнопеномъ*.

«Генералу Горчакову, переправившись чрезъ *Алле*, напасть на правый флангъ тѣхъ же самыхъ непріятельскихъ войскъ, оставивъ казачьи полки для наблюденія за непріятелемъ со стороны *Стернберга*, *Стольценгагена* и *Шенвизе*» (непріятель долженъ былъ опасаться за свои фланги, и потому чортъ его понесетъ къ *Гуттштадту* къ намъ въ руки? Лучше открывать подобныя дороги, чѣмъ прикрывать ихъ!).

«Генералу Платову, выставивъ также форпосты противъ непріятельскихъ, стоявшихъ около *Вилленберга* и *Едвигно*, чтобы скрыть движеніе свое отъ *Массены*, съ командуемымъ имъ легучимъ корпусомъ (*corps volant*) и отрядомъ *Кнорринга* перейти *Алле* между *Гуттштадтомъ* и *Алленштейномъ*, дабы тѣмъ способствовать нападенію прочихъ войскъ нашихъ.»

Что касается оставленія форпостовъ противъ *Массены*—эта мѣра была излишнею; нельзя также не согласиться, что все вышесказанное заключало въ себѣ много бесполезнаго; для чего были мы растянуты отъ *Вормдита* до *Алленштейна*? За тѣмъ, чтобы окружить 12-ти тысячный корпусъ Нея, занимавшій *Гуттштадтъ*, *Альткирхенъ* и *Глонау*?

На другой день, то есть 24-го числа, въ три часа по полуночи войска двинулись къ атакѣ; Лестокъ атаковалъ *Бернадота* при *Спанденъ*, гдѣ не произошло ничего важнаго.

Дохтуровъ, вытѣснивъ съ великимъ усиліемъ непріятеля изъ *Ломитенскаго* лѣса, остановился близъ этого селенія. Въ этомъ дѣлѣ отличились гвардейскіе егеря; авангардъ, оставивъ 26-й егерскій полкъ въ *Петерсвальдѣ*, подошелъ лѣсомъ къ *Гронау*, и, по данному предписанію, двинулся мимо *Алтъ-Гуттштадтскаго* лѣса прямо на *Альткирхенъ*.

Я здѣсь былъ свидѣтелемъ сколь свято исполнялись правила воинскаго устава во французской арміи; часовые и пикеты, занимавшіе *Алтъ-Гутштадтскій* лѣсъ, видѣли ясно наше движеніе и свою гибель (ибо утро было ясно и колонны наши обходили ихъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла), но ни одинъ изъ нихъ не оставлялъ своего мѣста, и часовые исполняли свои обязанности съ величайшимъ хладнокровіемъ, какъ будто имъ не угрожала ни малѣйшая опасность! Атака на селеніе *Альткирхенъ* была произведена съ такою стремительностію, что оно было мгновенно занято; въ красивыхъ шалашахъ, выстроенныхъ непріателемъ между *Альткирхеномъ* и *Гутштадтомъ*, все пришло въ движеніе. Вскорѣ открылась канонада съ обѣихъ сторонъ.

Князь, не слыша выстрѣловъ ни со стороны главной арміи, ни со стороны *Горчакова*, которые должны были вступить въ бой по крайней мѣрѣ за часъ до атаки авангарда, дабы успѣть до того пресѣчь дорогу непріятелю, остановился. Ней, не видя никакого движенія съ фланговъ, принялъ, по видимому, эту атаку за *усиленное обозрѣніе*; ибо, выстроивъ колонны, онъ самъ атаковалъ *Альткирхенъ*. Холмистая мѣстность между нами и непріателемъ была неудобна для дѣйствія противъ его центра; князь *Багратіонъ* повелъ атаку на фланги: на правый отрядомъ генераль-маіора *Багговута*, состоявшимъ изъ полковъ: 3, 4, 7 и 24-го егерскихъ и *Тенгинскаго* пѣхотнаго; а на лѣвый 5, 20 и 25-го егерскихъ подъ начальствомъ генераль-маіора *Раевского*; въ центрѣ же онъ поставилъ батареи, размѣстивъ въ отдаленіи за ними всю линейную пѣхоту, дабы, смотря по обстоятельствамъ, подкрѣпить атакующіе отряды. Сраженіе уже продолжалось болѣе 6 часовъ, но князь *Багратіонъ*, не имѣя извѣстій о дивизіи генерала *Сакена*, который долженъ былъ содѣйствовать ему со стороны главной арміи, ни о корпусѣ *Горчакова*, не могъ и не долженъ былъ рѣшиться вытѣснить непріателя изъ занимаемой имъ позиціи и тѣмъ подвергать напрасной потерѣ свои войска; но когда *Горчаковъ* и *Сакенъ* стали показываться, Ней немедленно пред-

принялъ отступленіе, которое было имъ совершено въ блистательномъ порядкѣ. Въ послѣдствіи Сакена отдали подъ судъ за невыполненіе даннаго ему приказанія, которое заключалось въ томъ, чтобы отрѣзать Нея отъ *Депенской* переправы. Сакенъ объявилъ во время суда, что онъ остановился въ слѣдствіе особаго повелѣнія главнокомандующаго, который никогда подобнаго приказанія не давалъ (*). Однако достовѣрно то, что это случилось вблизи непріятеля, и Сакену, при его вполнѣ замѣчательныхъ способностяхъ, легко было удостовѣриться собственными глазами въ томъ огромномъ вредѣ, какой онъ могъ нанести непріятелю своимъ наступленіемъ; если бы даже онъ дѣйствительно и получилъ подобное повелѣніе, онъ виновенъ, какъ генералъ, пріобрѣтшій уже нѣкоторую опытность, и какъ отлично умный и способный человѣкъ, который не могъ не постичь великихъ послѣдствій движенія его дивизіи. Маршалъ Ней не удовольствовался этимъ побѣдоноснымъ отступленіемъ предъ 80-ти тысячной арміей, которою онъ могъ быть окруженъ; замѣтивъ, что генералъ Бенингсенъ ограничивается лишь овладѣніемъ канцелярскихъ ящиковъ генерала Роге, 1000 ч. плѣнныхъ, онъ, остановившись при сел. *Квецъ* (хотя до вечера оставалось не болѣе двухъ часовъ), расположился на высотахъ сел. *Анкендорфа*, на пушечномъ выстрѣлѣ отъ нашего авангарда. Это было съ его стороны не только дерзко, но нагло; онъ видимо насмѣхался надъ нами! Армія наша расположилась для ночлега правымъ флангомъ къ озеру Савану, а лѣвымъ къ сел. *Глотау*. Горчаковъ, занявъ Гутштадтъ, неизвѣстно по какой причинѣ не продолжалъ своего наступательнаго движенія. Дохтуровъ остановился также предъ Ломитеномъ, а авангардъ подвинулся за селеніе *Квецъ*.

25-го на разсвѣтѣ вмѣсто того, чтобы намъ поспѣшно отправить всю кавалерію съ частью конной артиллеріи къ *Де-*

(*) Сакенъ утверждалъ, что это повелѣніе было передано ему черезъ одного кавалерійскаго офицера; Бенингсенъ, не помышлявшій посылать ему этого приказанія, мнѣ рассказывалъ это самому.

пенской переправѣ и, двинувшись густыми колоннами на не-
 пріятеля, заставить его раскаться въ томъ, что онъ, будучи
 окруженъ арміею, превосходившей его въ шесть разъ, такъ
 явно пренебрегалъ нами,—мы стали вытягивать линію на мѣстѣ
 нашего ночлега и занимать позицію (сердце разрывается при
 воспоминаніи о сихъ эволюціяхъ!!). Одинъ авангардъ предпри-
 нялъ настоящую атаку. Правый непріятельскій флангъ приле-
 галъ къ утесистой горѣ, на вершинѣ которой была постав-
 лена батарея; гора поросла частымъ лѣсомъ, занятымъ стрѣл-
 ками; отъ подошвы простиралась отлогая и открытая долина,
 на которой также были поставлены батареи; лѣвый же флангъ,
 прикрытый обширнымъ болотомъ, былъ внѣ пушечнаго вы-
 стрѣла. Князь Багратіонъ обратилъ потому всѣ свои силы на
 правый его флангъ и приказалъ усилить дѣйствіе нашей ар-
 тиллеріи, особенно на батарею, находившуюся у подошвы
 горы, дабы, сбивъ ее, очистить долину. Генералъ Раевскій
 съ 5, 20, и 26-мъ егерскими полками атаковалъ лѣсъ, къ ко-
 ему примыкалъ правый флангъ непріятеля, и очистилъ его
 послѣ кровопролитной битвы. Ней защищался упорно, но,
 усмотрѣвъ нашу кавалерію, направлявшуюся на лѣвый флангъ
 его, онъ предпринялъ отступленіе свое къ *Денену*. Князь Баг-
 ратіонъ, замѣтившій это, двинулся съ приготовленными двумя
 колоннами по большой дорогѣ къ *Анкендорфу*; отдѣливъ ге-
 нерала Багговута на подкрѣпленіе Раевскому, онъ хотѣлъ
 оттѣснить непріятеля отъ лѣваго нашего крыла, и тѣмъ при-
 нудивъ его направиться на дорогу, ведущую вправо, навести
 его на кавалерію, обходившую его лѣвый флангъ. Ней сохра-
 нилъ полное присутствіе духа; оставивъ *Анкендорфъ*, онъ
 воспользовался позиціею при селѣ *Гейлигенталь*, для отраже-
 нія нашего авангарда. Замѣтивъ неровное и покрытое лѣсомъ
 мѣстоположеніе со стороны обходившей его нашей кавалеріи,
 онъ выдвинулъ противъ нея три густыя пѣхотныя колонны съ
 артиллеріею, чѣмъ уничтожилъ ея покушеніе. Выигравъ та-
 кимъ образомъ время для переправы тяжестей своего корпуса,
 онъ продолжалъ свое отступленіе, пользуясь каждой высотой,

каждой рытвиной и каждым кустарником для задержанія наступавшихъ войскъ нашихъ.

Я былъ здѣсь свидѣтелемъ двухъ приключеній.

1-е) При началіи канонады, непріятельское ядро прикатилось рикошетомъ на четверть отъ ноги князя Багратіона, который съ самаго начала хотя и видѣлъ вмѣстѣ съ нами направленіе его, но не тронулся съ мѣста. Когда оно остановилось возлѣ ноги его, Офросимовъ поднялъ его и отдалъ въ-стовому. Князь спросилъ: «зачѣмъ?»—«Это ядро легло слишкомъ близко отъ васъ, чтобы не сохранить его.»—«Э! братецъ!» отвѣчалъ князь, «если этимъ заниматься, такъ ихъ возъ наберешь. А поѣзжай лучше къ Багговуту и скажи ему *пора*».

2-е) Кромѣ другихъ предосудительныхъ привычекъ, нижніе чины дозволяли себѣ разряжать ружья (не только послѣ дѣла, но и во время самой битвы). Во время своего движенія чрезъ сел. *Анкендорфъ*, князь едва не сдѣлался жертвою подобнаго обычая. Егеръ, не видя насъ, выстрѣлилъ изъ-за угла дома, находившагося не болѣе двухъ сажень отъ князя; выстрѣлъ его былъ прямо направленъ въ него. Князь Багратіонъ давно уже отдалъ на этотъ счетъ строгое приказаніе и всегда сильно взыскивалъ съ ослушниковъ. Но здѣсь направленіе выстрѣла спасло егеря; ибо князь, полагая, что наказаніе въ этомъ случаѣ имѣло бы видъ личности, проскакалъ мимо. Но никогда не забуду я орлинаго взгляда, брошеннаго имъ на виновнаго.

По занятіи *Анкендорфа*, полковникъ Ермоловъ выскакалъ съ конной артиллеріей своей влѣво отъ селенія, откуда онъ успѣшно поражалъ непріятельскія колонны, отступавшія чистымъ полемъ къ позиціи при *Гейлигенталъ*. Разстройство непріятели было весьма замѣтно, но за неимѣніемъ на этомъ пунктѣ кавалеріи, мы не могли этимъ воспользоваться: командующій ею графъ Паленъ не былъ въ этомъ случаѣ виноватъ; его взоръ проникалъ вездѣ и всюду, и онъ уже при первомъ движеніи впередъ отрядилъ Польскій уланскій полкъ для прикрытія артиллеріи Ермолова. Но шефъ этого полка гене-

ралъ Каховскій, пріобрѣтшій въ штабѣ много друзей чрезъ свое богатство, не только не подвигался, но скорѣе пресмыкался по направленію къ *Анкендорфу*. При всемъ томъ онъ показался еще въ время. Увидя голову его колонны, нѣкоторые изъ насъ, находившіеся на батарее Ермолова, подсказавъ къ Каховскому, просили его ударить поспѣшнѣе на рассыпавшуюся и бѣгущую пѣхоту французскаго аррьергарда; но онъ, отвѣтивъ намъ, что его лошади устали (тогда какъ полкъ его подвинулся не далѣе двухъ сотъ сажень отъ мѣста ночлега), остановился. Убѣдившись въ невозможности отрѣзать Нея отъ *Депена*, армія наша заняла позицію предъ *Гейменталемъ*, гвардія при *Анкендорфѣ*, Горчаковъ у *Кнопена*; онъ долженъ былъ открывать дорогу къ *Минстербургу*.

Къ вечеру прибылъ къ арміи корпусъ Дохтурова и гусарскій полкъ Шепелева; не взирая на слова Шепелева: «*je m'en vais faire avec mon régiment une trouée dans l'armée ennemie*», полкъ его, къ крайнему огорченію графа Палена, разсѣялся отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи. Въ заключеніи дѣла, Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ Кульневъ (тотъ славный Кульневъ, который въ послѣдствіи отличался въ Финляндіи и Турціи и положилъ жизнь свою въ 1812 году подъ Клястицами), съ двумя эскадронами Гродненскихъ гусаръ, прогнавъ непріятеля за рѣку, наскочилъ на большой французскій транспортъ больныхъ и раненыхъ; несчастные ожидали себѣ смерти, но Кульневъ, подѣхавъ къ нимъ, закричалъ по французски: «Ободритесь! Русскіе воюютъ только съ тѣми, которые въ состояніи состязаться съ ними, а раненымъ и больнымъ нечего бояться!» Сказавъ это и забравъ въ плѣнъ прикрытіе, онъ овладѣлъ каретами, обозомъ, артиллерійскимъ паркомъ, при чемъ всѣ ящики съ снарядами были взорваны; прочія войска приняли это за канонаду. Близъ Цехерна на Пассаргѣ, Ермоловъ сталъ стрѣлять изъ единороговъ 12 ф. ядрами. Мы перехватили курьера съ донесеніемъ маршала Нея, который въ слѣдствіе этого писалъ Наполеону:

«Les Russes veulent probablement tenir ici, car ils ont amené «des pièces de position».

Казаки, съ коими скакалъ сенаторъ графъ Строгоновъ, переправившись за *Пассару*, лѣвѣе Кульнева, отбили небольшой обозъ.

Однако корпусъ Нея, бывъ преслѣдуемъ однимъ авангардомъ, перешелъ рѣку безъ большаго урона. Кн. Багратионъ, подвинувъ егерей Раевского къ берегу рѣки противъ *Депена*, поставилъ на отлогости горы артиллерію Ермолова, позади которой въ лѣсу была расположена вся пѣхота авангарда. Наскучивъ безполезною перестрѣлкою чрезъ рѣку, князь посылалъ меня два раза къ стрѣлкамъ съ приказаніемъ прекратить стрѣльбу, но задоръ ихъ былъ таковъ, что они не слушали ни чьяго повелѣнія. Я лишь въ третій разъ могъ убѣдить сихъ непреклонныхъ героевъ отступить; едва успѣлъ я донести князю, что стрѣлки воротились къ своимъ полкамъ и что все утихло, какъ вдругъ подъ горою огонь вновь загорѣлся съ большею противъ прежняго силою. Въ это время генералъ Сакенъ (*), подъѣхавъ верхомъ къ князю, просилъ у него закуски. Князь, приказавъ подать обѣдать, спросилъ его, откуда онъ явился? Сакенъ отвѣчалъ ему, что отъ *Депенскаго* сожженнаго моста, куда привелъ пѣхотный полкъ, которому велѣлъ вытѣснить оставшихся на сей сторонѣ Французовъ: «хочу, продолжалъ онъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался на этой сторонѣ!» На это князь ему отвѣчалъ, что если онъ пріѣхалъ къ нему въ качествѣ начальника, то пусть приказываетъ, и онъ, по его указанію, двинетъ весь авангардъ; но, какъ равному генералъ-лейтенанту, онъ позволяетъ себѣ сказать, что здѣсь не его мѣсто, что до авангарда ему дѣла нѣтъ, что было бы гораздо лучше исполнить *наканунъ въ точности приказаніе главнокомандующаго*, чѣмъ завязывать пустыя дѣла для прикрытія своихъ погрѣшностей и терять чрезъ то безъ всякой пользы людей, столь необхо-

(*) Въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь.

димыхъ и полезныхъ Государю и отечеству!... Слова эти были выговорены со всею пылкостью азіатскаго характера, причемъ князь дѣлалъ движенія рукою. Сакенъ отвѣчалъ, хотя не робко, но слабо. Багратіонъ, пылая гнѣвомъ, не могъ простить и этого; бросившись къ Сакену, онъ забылся до того, что предложилъ ему дуэль на такомъ мѣстѣ, которое могло бы лучше напомнить ему, что кровь его принадлежитъ отечеству. Тогда гр. Паленъ и покойный князь М. Долгорукій, подойдя къ князю, тихо сказали ему: «ваше сіятельство, какой примѣръ подаете вы подчиненнымъ вашимъ?» Это мгновенно охладило пылъ князя, который сказалъ Сакену: «мы можемъ и послѣ войны кончить это дѣло, какъ водится между благородными людьми!» (*) Послѣ этого князь удалился въ свой шалашъ, а Сакенъ, уѣхавъ чрезъ нѣсколько минутъ, увелъ съ собою полкъ, потерявшій уже многихъ, въ слѣдствіе прихоти своего начальника. Такимъ образомъ внутренняя и внѣшняя вражда прекратились.

(*) Во время суда надъ Сакеномъ, графу М. Воронцову удалось оправдать этого генерала, не взирая на то, что презусъ судной комиссіи баронъ Меллеръ-Закомельскій (артиллерійскій) и прочіе члены нашли его вполне виновнымъ. Отвѣты генерала Сакена, исполненные ума и желчи, не могли однако убѣдить членовъ комиссіи въ его невинности. Въ послѣдствіи Сакенъ, загладившій этотъ проступокъ блистательными подвигами въ 1812 и 1814 годахъ, доказалъ свою признательность графу Воронцову, доставивъ ему случай прославиться въ знаменитомъ Краонскомъ сраженіи, которое могло бы имѣть самые блестящіе результаты, если бы Винценгероде зашелъ съ своею кавалеріею въ тылъ непріятелю; но онъ, не желая содѣйствовать Воронцову, остановился, приказавъ людямъ варить кашу. Въ этомъ сраженіи отличился какъ волонтеръ, не принадлежавшій къ этимъ войскамъ, благородный и мужественный гр. Оруркъ, который, по окончаніи дѣла, вложивъ саблю въ ножны, никому ничего о томъ не говорилъ. Въ послѣдствіи, послѣ сраженія при Ларотьерѣ, Государь, вспомнившій жалобы Бенингсена на дѣйствія Сакена въ 1807 году, сказалъ Ермолову: „Алексѣй Петровичъ, бывалъ ли ты съ Сакеномъ въ огнѣ?“—„Никогда, В. В., я служилъ подъ его начальствомъ лишь въ мирное время.“ Государь сказалъ на это: „Онъ въ моихъ глазахъ дрался какъ левъ; напрасно Леонтій Леонтьевичъ (Бенингсенъ) его такъ сильно обвинялъ въ 1807 году.“

26-го числа армія наша оставалась до полудня въ прежнемъ положеніи, и, кромѣ небольшой перестрѣлки на аванпостахъ, ничего не происходило. Многіе утверждали въ то время, что намѣреніе главнокомандующаго заключалось въ томъ, чтобы, истребивъ корпуса Нея при *Гутштадтѣ*, немедленно обратиться къ *Алленштейну* и *Гоенштейну*, между рѣками *Алле* и *Пассаргою*, на перерѣзъ корпуса *Даву*; они думали, что *Бенингсенъ* намѣревался, послѣ пораженія Нея, атаковать, при содѣйствіи войскъ графа *Толстаго*, 45,000-й корпусъ *Массены*. Если все вышесказанное было справедливо, то соображеніе атаки дѣлаетъ великую честь ген. *Бенингсену*; но исполненіе ея доказываетъ то, что онъ былъ лишенъ той силы воли, которая, не довольствуясь половиннымъ успѣхомъ, борется съ препятствіями до полного достиженія единожды избранной цѣли. Чтò остановило его на берегахъ *Пассарги* при начатіи наступательнаго движенія? Неудачное предпріятіе противъ корпуса Нея. Неужели мы могли бездѣйствіемъ своимъ загладить нашъ проступокъ? Ужели медленностью въ исполненіи нашего плана мы не оказывали великой услуги *Наполеону*? Французская армія двинулась впередъ 28-го мая; ей ранѣе этого числа нельзя было предпринять чего либо, ибо она не была еще въ сборѣ; дѣйствуя 24-го числа рѣшительнѣе, мы были бы покрайней мѣрѣ въ состояніи принудить Нея отступить за *Пассаргу*; мы тогда должны были оставить противъ него нѣкоторую часть войскъ съ повелѣніемъ, въ случаѣ наступленія непріятеля, отступать къ *Гутштадту*. Мнѣ кажется, что намъ надлежало слѣдовать 25-го къ *Алленштейну*, и 26-го атаковать *Даву*, быть 27-го въ *Нейденбургѣ*, а 28-го въ *Хорцелѣ* (день, въ который *Наполеонъ* предпринялъ переправу чрезъ *Пассаргу*) и подойти къ *Присниццу*; 30-го она вступила бы въ *Маковъ*, а 31-го мая или 1-го іюня могла бы атаковать съ тылу *Массену*. По занятіи же *Остроленки* и по присоединеніи войскъ графа *Толстаго*, состоявшихъ изъ 17 тысячъ человѣкъ, она могла даже двинуться на встрѣчу самому *Наполеону*.

Непріятель, начавъ, послѣ полудня 26-го, движеніе у деревни *Эльдитенъ*, переправился чрезъ Пассаргу и направился къ Вольфсдорфу. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, главнокомандующій приказалъ слѣдовать туда кавалеріи праваго фланга, находившейся тогда подъ командою генералъ-лейтенанта Уварова; послѣ нѣсколькихъ удачныхъ атакъ этой кавалеріи, непріятель отступилъ отъ *Вольфсдорфа*, и правый флангъ нашъ остался покойнымъ. 27-го на разсвѣтѣ увѣдомили князя Багратіона, командовавшаго авангардомъ арміи, расположеннымъ на самомъ берегу Пассарги противъ дер. Деппена, что непріятель, построенный въ боевой порядокъ на противолежащихъ высотахъ, подходитъ къ опушкѣ лѣса, занятаго нами. Это сосредоточеніе близъ Деппена и появленіе разнаго рода войска, особенно большаго количества латниковъ, радостныя восклицанія войскъ убѣдили насъ въ прибытіи сюда всей французской арміи, и съ нею самого Наполеона. Вскорѣ нѣсколько колоннъ пѣхоты спустилось съ горы къ самой переправѣ; стрѣлки же ихъ появились даже на этой сторонѣ рѣки; Раевскій, вступивъ въ дѣло съ 25-мъ и 26-мъ егерскими полками, отразилъ непріятеля, но канонада, продолжавшаяся два часа, наконецъ утихла. Вскорѣ большая часть войскъ, занимавшая на разсвѣтѣ противоположныя высоты, разошлась по окружнымъ деревнямъ и расположилась биваками на кантониръ-квартирахъ.

Въ продолженіи этого дня мы получили извѣстія чрезъ разъѣздныхъ, посланныхъ къ *Эльдитену*, что непріятель переходитъ въ большихъ силахъ Пассаргу. Въ слѣдствіе этого князь отрядилъ въ ту сторону ген.-маіоровъ Иловайскаго 2-го и 4-го съ казачьими полками, какъ для подкрѣпленія аванпостовъ праваго фланга, такъ и для наблюденія за непріателемъ. Иловайскіе, встрѣтивъ уже кавалерію его при дер. *Клейнсфельдъ*, атаковали ее съ успѣхомъ, такъ что вся атакованная часть обратилась къ *Эльдитену* и нашла убѣжище лишь за своею пѣхотою. Между тѣмъ прочія непріятельскія войска продолжали двигаться къ *Вольфсдорфу*—то былъ корпусъ Суль-

та, еще отдѣленный рѣкою отъ главной арміи. Какой представлялся случай наказать предводителя, осмѣлившагося отдѣлять часть своей арміи на такое дерзкое предпріятіе! Но Наполеону все сходило съ рукъ. Для чего намъ не предпринять было атаки противъ непріятеля? Въ случаѣ успѣха съ нашей стороны мы могли отрѣзать его отъ корпуса Массены и отъ единственнаго его пути сообщенія. Взятіе *Данцига* далеко не представляло Наполеону тѣхъ выгодъ, которыя были объявлены имъ въ своихъ бюллетеняхъ. Положеніе Данцига было слишкомъ отдалено отъ истиннаго основанія дѣйствій и слишкомъ смежно съ моремъ, чтобы служить хорошимъ пунктомъ, на которомъ можно было бы ему опереться въ случаѣ неудачи. Къ тому же никакія крѣпости никогда не спасали разбитой арміи. Генераль Жомини справедливо сказалъ, что еслибъ армія Меласа имѣла въ Тортонѣ продовольствія на десять лѣтъ, то и тогда бы она была отрѣзана отъ Австріи однимъ положеніемъ французской арміи при *Маренно*. Все зависитъ отъ выбора наивыгоднѣйшаго пути сообщенія и умѣнія пресѣчь непріятелю этотъ путь. Въ этомъ отношеніи наша армія была въ завиднѣйшемъ положеніи. Въ случаѣ неудачи мы имѣли, какъ я уже сказалъ, свободное отступление къ корпусу нашему, расположенному противъ *Остроленки*, на естественномъ основаніи нашемъ для защиты сѣверной части Пруссіи; къ тому же стоило лишь выиграть нѣсколько маршей и истребить превосходными силами корпусъ Массены, занимавшій берега Омулевы. Я прошу читателя не терять изъ виду сего предположенія моего, ибо взаимное положеніе воюющихъ армій было все то же отъ 27-го мая до 2-го іюня; слѣдовательно, во все продолженіе сего времени мы не только не должны были ужасаться пресѣченія сообщенія нашего съ *Кѣнисбергомъ*, но напротивъ должны были пользоваться ошибкою великаго полководца, направлявшаго свою армію между моремъ и нашими войсками. Разобщеніе его арміи съ корпусомъ Массены и удаленіе ея отъ естественнаго ея основанія были слишкомъ для насъ выгодны, чтобы намъ

не стараться извлечь изъ того наибольшей выгоды. Не взирая на то, намъ казалось, что генераль Беннингсенъ принялъ на себя обязанность исправлять ошибки Наполеона; мы, по видимому, перенеслись въ семнадцатое столѣтіе, когда военное искусство находилось еще въ состояніи младенчества и когда армія, внезапно появившаяся на флангъ непріятеля, спѣшила перемѣнить позицію и занимать другую параллельно непріятельской. Получивъ извѣстіе о слѣдованіи Сульта къ Вольфсдорфу, главнокомандующій приказалъ князю Горчакову отступить къ *Гутштадту*, а генералу Дохтурову занять селеніе *Лингенау*; за Дохтуровымъ двинулась вскорѣ и вся армія. Авангардъ же остался на мѣстѣ, имѣя повелѣніе отступать на другой день къ *Гутштадту*, что онъ началъ приводить въ исполненіе въ ночь.

Предъ разсвѣтомъ я былъ посланъ въ этотъ городъ за приказаніемъ: гдѣ и какъ расположиться авангарду? Пріѣхавъ въ замокъ, занимаемый главной квартирой, я нашелъ всѣхъ чиновниковъ спящими, и увидѣлъ въ галлерей одного только Его Высочество Великаго Князя Константина Павловича, который спрашивалъ меня о непріятелѣ. Удовлетворивъ его желаніе, я просилъ Его Высочество *исходатайствовать* мнѣ повелѣніе о томъ, гдѣ расположить аррьергардъ, ибо мнѣ некогда было долго ждать. Онъ взялъ меня подъ руку, повелъ къ генералу Штейнгелю, котораго разбудилъ, и заставилъ взглянуть на карту; онъ немедленно назначилъ аррьергарду селеніе *Нейендорфъ*. Между тѣмъ онъ спросилъ меня, видѣлъ ли я армію? Я сказалъ Его Высочеству, что видѣлъ ее отдыхающую въ хаотическомъ состояніи, баталіонъ на баталіонѣ и пушка на пушкѣ. Тогда онъ еще спросилъ: будетъ ли она имѣть время до прибытія непріятеля стать въ боевой порядокъ? Я отвѣчалъ, что если сей часъ начнутъ ее устраивать, то, конечно, каждая часть успѣетъ занять свое мѣсто до прибытія Французовъ, но что время дорого, ибо я самъ видѣлъ, что многочисленный непріятель начиналъ уже переходить рѣку. Тогда Его Высочество приказалъ будить всѣхъ офице-

ровъ квартирмейстерской части, разослалъ ихъ по дивизіямъ арміи, и, бросивъ косвенный взоръ на одежду мою, казавшуюся ему крайне не форменною, простился со мною очень милостиво, приказавъ кланяться отъ себя князю Багратиону. Выѣзжая изъ замка, я встрѣтилъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, которые увѣряли меня, что главнокомандующій *рѣшился принять* сраженіе предъ Гутштадтомъ. Я возвратился къ князю и засталъ аррьергардъ, который непріятель еще слабѣ тѣснилъ, уже въ полномъ отступленіи. Вскорѣ онъ, по данному повелѣнію, остановился у *Нейендорфа*, оставивъ близъ *Анкендорфа* казачьи полки для перестрѣлки съ непріателемъ. Командующіе казаками аррьергарда Павелъ и Иванъ Дмитріевичи Иловайскіе отражали сначала передовыя войска непріятеля съ успѣхомъ, но, будучи сильно тѣснимы превосходными силами, они отступили, требуя подкрѣпленія; мало по малу большая часть кавалеріи аррьергарда вступила въ дѣло, и даже пѣхота его стала въ ружье. Князь находился впереди кавалеріи и обозрѣвалъ расположеніе непріятеля. Имѣя изъ главной квартиры извѣстіе о намѣреніи принять сраженіе при Гутштадтѣ и видя большое число рабочихъ, занятыхъ строеніемъ редутовъ и баттарей, онъ такъ въ томъ убѣдился, что распоряженія его клонились лишь къ занятію мѣста, назначеннаго ему въ боевой линіи. Уже было 9 часовъ утра и авангардъ Французовъ чрезвычайно усилился; князь получилъ повелѣніе удерживать непріятеля до совершенія переправы чрезъ Алле нашей арміею, которая начала уже свое *отступательное движеніе къ Гейльсбергу*. Князь, знавшій число войскъ въ арміи, знавшій, что, въ слѣдствіе намѣренія главнокомандующаго принять сраженіе предъ *Гутштадтомъ*, вся баттарейная артиллерія находилась при арміи, и что только четыре моста были устроены чрезъ Алле, разсчелъ, сколько нужно было времени для совершенія переправы арміею, обремененною парками, всею баттарейною артиллеріею, а главное—обозами главной квартиры! Если бы онъ былъ заблаговременно извѣщенъ объ отступленіи, тогда вмѣсто слабой за-

щиты оставленныхъ имъ позицій при *Гейлигенталь*, *Анкендорфъ* и *Квецъ*, онъ могъ бы здѣсь удержать гораздо долѣе непріятельскую армію; но, имѣя повелѣніе оставить только казаковъ при *Анкендорфѣ*, а самому слѣдовать прямо къ *Гутштадту*, дабы выиграть время для вступленія въ линію арміи, готовой встрѣтить непріятеля, онъ не могъ уже оказать сильнаго сопротивленія на позиціи, слишкомъ обширной для авангарда и атакованной бѣльшею частью непріятельской арміи.

Я предоставляю читателю судить о негодованіи князя Багратіона при полученіи сего повелѣнія! Но дѣло шло о спасеніи арміи, время было дорого, и потому князь занялся устроеніемъ въ боевой порядокъ войскъ, ему ввѣренныхъ, усиленныхъ частію кавалеріи главной арміи. Между тѣмъ наша кавалерія спѣшила переправляться чрезъ *Алле*; корпусъ *Горчакова* былъ поспѣшно отправленъ въ *Гейльсбергъ*, откуда имѣлъ назначеніе посылать партіи къ *Лонау*; части отряда атамана *Платова* велѣно было прикрывать при *Аренсдорфѣ* и *Зоммерфельдѣ* движеніе графа *Каменскаго* и *Лестока*, слѣдовавшихъ чрезъ *Мельзакъ* и *Бюргерсвальдъ* къ арміи.

Князь Багратіонъ, выдержавшій четырехъ-часовой упорный бой, занялъ конною ротою *Ермолова* высоты, господствовавшія надъ *Гутштадтомъ*(*). Онъ оставилъ при ней 3-й и 7-й егерскіе полки, прочимъ же приказалъ отступать къ городу, а отряду генераль-маіоровъ *Маркова* и *Багговута* по очищеніи мостовъ перейти на другую сторону рѣки. Въ этомъ дѣлѣ генераль-маіоры графъ *Паленъ* и *Раевскій*, ар-

(*) Близъ *Гутштадта* полковникъ *Ермоловъ*, въ присутствіи кн. Багратіона и генерала *Θ. П. Уварова*, не дождавшись прикрытія, стремительно и молодецки атаковалъ своею ротою непріятельскую пѣхотную колонну, при которой находилась небольшая часть кавалеріи, одѣтая въ кители, отчего она была сперва принята нашими за *Елисаветградскихъ гусаръ*; не взирая на сильный ружейный огонь, открытый непріятелемъ, рота *Ермолова*, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, разсѣяла эту колонну; прикрытіе же подоспѣло къ ней гораздо позднѣе. За этотъ подвигъ *Ермоловъ* удостоился получить знаки *Св. Георгія 3 класса*, заслуженные имъ, какъ уже извѣстно, еще въ *Прейсишъ-Эйлаускомъ* сраженіи.

тиллеріи полковникъ Ермоловъ и егерскіе полковники: Бистромъ, Гогель, Сабанѣевъ, Вуичъ, Эриксонъ и подполковникъ Живковичъ покрыли себя славою. Уронъ авангарда былъ не маловаженъ, ибо и послѣ переправы нашей непріятель, отбившій мосты и перешедшій рѣку въ бродъ, справа и слѣва преслѣдовалъ и тѣснилъ его не малое время.

По отступленіи за рѣку, мы видѣли громады кавалеріи, двигавшіяся близь предмѣстія *Гутштадта*, и нѣсколько сильныхъ колоннъ пѣхоты, тянувшихся чрезъ *Амтз-Гутштадтз* и *Альткирхенз* по дорогѣ къ *Лонау*.

Къ вечеру аррьергардъ расположился между *Рейхенбергомъ* и *Гейльсбергомъ*; армія, перейдя на правый берегъ *Алле*, вступила въ позицію, которую избирали почти въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ.

Платовъ остался въ *Либенбергъ*, *Штольценгагенъ* и *Фреиденбергъ*, а генералъ-маіоръ Бороздинъ съ отрядомъ, составленнымъ изъ Финляндскаго драгунскаго, 2-хъ бат. Низовскаго и Ревельскаго полковъ, 6 орудій и 2 казачьихъ полковъ, занялъ селеніе *Лонау*.

Стратегическія выгоды заставляли непріятеля, перейдя *Алле* подъ *Гутштадтомъ*, дѣйствовать на оконечность лѣваго фланга нашей арміи, но тактическія выгоды влекли его на правый ея флангъ. Наполеонъ, противъ своего обыкновенія, избралъ послѣднее. Въ слѣдствіе этого, 29-го числа около полудня, французская армія двинулась на *Лонау*. Бороздинъ, будучи атакованъ превосходными силами, отступалъ къ селенію *Беверникену*; Бенингсенъ, увѣдомленный о семъ отступленіи, отрядилъ на подкрѣпленіе къ Бороздину генералъ-маіора Львова съ Кіевскимъ драгунскимъ, 2-мъ егерскимъ, Кексгольмскимъ пѣхотнымъ полками, баталіономъ милиціи и 2-мя орудіями артиллеріи; онъ приказалъ тоже князю Багратіону слѣдовать туда же.

Между тѣмъ армія стала въ ружье, она размѣстилась слѣдующимъ образомъ:

2-я дивизія на высотахъ праваго берега: гвардія, построенная въ густыя колонны на правомъ же берегу, у самаго *Амтъ-Гутштадта*; главныя силы заняли позицію, простирающуюся отъ селенія *Конегена* до Амтъ-Гутштадтскаго моста; 1-й и 3-й баталіонъ каждого полка были построены въ линію, имѣя 2-е свернутыми въ колонну, позади интервала 1-го и 3-го баталіона; три резерва, по 4 баталіона каждый, были поставлены позади фланговъ, а третій позади середины арміи. Кавалерія прусская и Уварова примкнули къ правому флангу арміи, а резервъ кавалеріи подъ командою князя Голицына, построенный колоннами, расположился позади ея, имѣя правый флангъ прикрытый казаками Платова, коихъ линія простиралась до *Конегена*.

Бросивъ взглядъ на планъ сраженія, мы увидимъ, что армія наша была расположена едва не тыломъ къ рѣкѣ Алле, чрезъ которую, въ случаѣ неудачи, переправа была не только затруднительна, но даже крайне опасна. Ослѣпленіе или пристрастіе къ этой позиціи главнокомандующаго преодолѣло, по видимому, разсужденіе, и онъ рѣшился принять бой на столь невыгодномъ мѣстоположеніи.

Между тѣмъ кн. Багратіонъ, тѣснимый превосходными силами, требовалъ подкрѣпленія. Кавалерія Уварова, состоявшая изъ 25 эскадроновъ, двинулась къ с. *Лавдену* и достигла опредѣленнаго ей пункта. Когда князь Багратіонъ готовился переходить ручей, протекающій у означеннаго селенія, Уваровъ, подскакавъ къ князю, сказалъ ему: «ежели вы удержите вашу позицію, тогда я удержусь *два дня* на моемъ мѣстѣ!» Вотъ слова его, я ихъ самъ слышалъ. Князь объявилъ Уварову, что онъ имѣетъ повелѣніе отражать непріятеля до совершеннаго построенія арміи въ боевой порядокъ; а такъ какъ уже онъ получилъ извѣстіе отъ кн. Горчакова, что она уже въ ружьѣ и готова принять бой, то ему надо лишь исполнить данное повелѣніе; впрочемъ, зная долгъ чинопослушанія, онъ готовъ ему повиноваться. Послѣ этого Уваровъ возвратился къ своему мѣсту, и мы увидѣли его кавалерію въ

схваткѣ съ непріятельскою. Между тѣмъ князь, остановивъ аррьергардъ у *Лауденскаго* ручья, снова возобновилъ битву. Однако атака Уварова продолжалась недолго; вскорѣ разстроенные полки его стали поспѣшно отступать и открыли дорогу, идущую отъ *Лаудена* къ *Гейльсбергу* (*), въ слѣдствіе чего аррьергардъ могъ легко быть отрѣзанъ отъ арміи. Князь, желая исправить ошибку своего временнаго начальника, бросился въ самый пылъ огня, гдѣ потерялъ лошадь; я предложилъ ему свою, но такъ какъ онъ не любилъ ѣздить на казачьемъ сѣдлѣ, то, оставшись пѣшкомъ среди пѣхоты, онъ приказалъ мнѣ дать знать объ этомъ Его Высочеству и просить у него его собственную лошадь. Я поскакалъ къ *Амтз-Гутштадту* и уже позади пѣхоты, гдѣ я оставилъ князя, наткнулся на Малороссійскій кирасирскій полкъ, преслѣдуемый французскою кавалеріею. Эта кавалерія такъ занеслась далеко, что, кромѣ пѣхоты, нѣкоторые конные полки наши оставались у нея въ тылу. Между прочими былъ какой-то уланскій полкъ (кажется, польскій), который, сдѣлавъ лѣвое плечо впередъ, двинулся было въ атаку, но при крикѣ *ура!* остановился и пропустилъ обратно на рысяхъ и въ разстройствѣ проѣзжавшую мимо его означенную непріятельскую кавалерію.

Прискакавъ на гору *Амтз-Гутштадтскую*, я, такъ сказать, очутился въ совершенно иномъ мірѣ. Въ то время, какъ пѣ-

(*) Когда во время Гейльсбергскаго сраженія князь Багратіонъ, тѣснимый съ фронта Мюратомъ, и обходимый Сультомъ, началъ отступать, прибылъ къ нему посланный Бенингсеномъ съ приказаніями генералъ Фокъ; мужественный, остроумный, но неразсудительный Фокъ передалъ ему приказаніе удерживать позицію. Когда князь объявилъ ему, что изнуреннымъ его войскамъ невозможно долѣе выдерживать непріятельскихъ натисковъ, не подвергаясь опасности быть вовсе отрѣзаннымъ, Фокъ осмѣлился закричать ему: „никогда не бывало, чтобы приказанія главнокомандующаго не были бы исполняемы“. Князь, схвативъ Фока за руку, сказалъ ему: „я вамъ покажу, что такое выдерживать огонь непріятельскій.“ Съ этими словами онъ повелъ къ сторонѣ непріятеля Фока, получившаго здѣсь тяжелую рану, отъ которой онъ долго и жестоко страдалъ.

хота нашего аррьергарда, испытанная въ ежедневныхъ битвахъ, вступала и переносила упорнѣйшіе бои съ какимъ-то непоколебимымъ равнодушіемъ, все мною здѣсь встрѣченное не обнаруживало большаго мужества и хладнокровія. Спросивъ о Его Высочествѣ, я поскакалъ вдоль рядовъ гвардіи на квартиру главнокомандующаго, гдѣ находился въ то время Великій Князь.

Не доѣзжая до города, я встрѣтилъ генерала Бенингсена и Великаго Князя Константина Павловича, ѣхавшихъ къ гвардіи. Бенингсенъ спросилъ меня, какъ идетъ дѣло? Я ему отвѣчалъ, что онъ, выѣхавъ нѣсколько впередъ, самъ можетъ удостовѣриться въ ходѣ дѣла; обратясь же къ Великому Князю, я передалъ ему просьбу князя Багратиона. Приказавъ тотчасъ дать мнѣ свою собственную верховую лошадь подъ уланскимъ чепракомъ, онъ отправилъ меня обратно къ князю. Я нашелъ сего послѣдняго между малымъ озеромъ, близъ дороги находящимся, и редутомъ № 1-го; князь сѣлъ на приведенную мною ему лошадь и направился къ редуту. Аррьергардъ, выдержавшій сильный и продолжительный огонь, приходилъ уже въ видимое разстройство; находившійся при князѣ на ординарцахъ Гродненскаго гусарскаго полка корнетъ Остроградскій предложилъ ему просить главнокомандующаго расположить нѣсколько орудій на правомъ берегу Алле и этимъ стараться удержать непріятеля, двигавшагося вдоль лѣваго ея берега. Хотя князь не всегда любилъ принимать совѣты, но отвергнуть подобный было бы непростительно; въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе поставленныхъ здѣсь орудій значительно облегчило отступление аррьергарда. Хотя Остроградскій, представленный за это къ награжденію, не получилъ его, но князь сталъ ему оказывать съ этого времени особенное благоволеніе.

Между тѣмъ непріятель подвигался къ боевой нашей линіи; Мюратъ, подкрѣпленный корпусомъ маршала Ланна и частью гвардіи, шелъ на редуты 1-й и 2-й, прикрывая тѣмъ движеніе арміи на *Речь* и *Гроссендорфъ* и слѣдовательно на око-

нечность нашего праваго фланга. Эта атака была превосходно соображена, ибо при малѣйшей удачѣ со стороны непріятеля, армія наша, припертая къ рѣкѣ, не могла совершить отступленія въ порядкѣ, но предпріятіе это должно было быть приведено въ исполненіе гораздо ранѣе. Я не понимаю отчего Наполеонъ не возобновилъ его на другой день, ибо ген. Бенингсенъ не только не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы избѣжать этого несчастія, но перевелъ на лѣвый берегъ гвардію; онъ только на 31-е число перешелъ на правый берегъ Алле, отрядивъ гр. Каменскаго съ 5000 союзнаго войска къ *Кёнигсбергу* для защиты сего города и береговъ Прегеля. Онъ самъ слѣдовалъ со всею арміею на *Бартенштейнъ* и *Шипенбейль*, съ намѣреніемъ достигнуть чрезъ *Фридландъ* и *Домнау* *Кёнигсберга* ранѣе непріятеля, который описывалъ полукружіе въ то время, какъ мы намѣревались слѣдовать по хордѣ.

Къ сожалѣнію, съ самаго 27-го мая всѣ движенія нашей арміи клонились лишь къ спасенію приготовленныхъ на Прегелѣ кулей овса и муки, существовавшихъ большею частью только въ рапортахъ провіантскихъ чиновниковъ!—но истинный предметъ войны былъ упущенъ изъ виду. Вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ центральнымъ положеніемъ и ошибочнымъ направленіемъ Французовъ между моремъ и нашею арміею, мы употребляли всѣ усилія, чтобы отдалиться отъ корпуса, оставленнаго на Наревѣ, и расположиться тыломъ къ морю. Къ тому же, что дѣлали въ арміи многочисленные казачьи полки? Надо было занять ими *Гутштадтъ*, куда прибыли всѣ подвижные парки, гдѣ учреждались новые госпитали и гдѣ находились всѣ непріятельскіе обозы. По занятіи же сего города, раздѣливъ казачье войско на партіи, не выгодно ли было бы дѣйствовать вдоль Пассарги, частью на *Вормдигтъ*, *Мельзакъ* и *Браунсбергъ*, а частью на *Либштадтъ*, *Прейсшицъ-Голландъ* и *Эльбинъ*, вмѣсто того, чтобы употреблять это войско для однѣхъ пустыхъ перестрѣлокъ?

Между тѣмъ армія наша продолжала слѣдовать къ *Фридланду* четырьмя колоннами и правымъ берегомъ Алле.

1-я колонна состояла изъ гвардейскихъ полковъ.

2-я изъ кавалеріи лѣваго фланга и 7-й и 8-й дивизіи.

4-я изъ 2-й, 3-й и 14-й дивизіи; сія колонна слѣдовала за 3-ею.

Аррьергардъ князя Багратіона и летучій отрядъ Платова прикрывали отступленіе, и отражали слѣдовавшую за ними кавалерійскую дивизію генерала Ласаля.

Прибывъ къ *Бартенштейну*, главнокомандующій извѣстился о появленіи малой части непріятеля при деревнѣ *Тольскъ*; онъ отрядилъ противъ нея часть кавалеріи праваго фланга и генерала Дохтурова съ 1-ю и 9-ю дивизіями. Непріятельскій отрядъ былъ такъ слабъ, что прибывшій князь Михаилъ Долгоруковъ съ Курляндскимъ драгунскимъ и 3-мя казачьими полками успѣлъ съ нимъ управиться еще до прибытія войскъ, противъ него направленныхъ.

Армія выступила къ слѣдующемъ порядкѣ:

1-я колонна по правому берегу рѣки Алле, чрезъ *Мокіенъ* и *Рюкгарбенъ*.

2-я, состоявшая изъ корпуса Горчакова, 2-й и 3-й дивизіи и кавалеріи лѣваго фланга, по лѣвому берегу чрезъ *Вервинтенъ*, *Гросъ-Золенъ* и *Ротененъ*.

3-ей колоннѣ изъ 7-й и 8-й дивизіи и съ кавалеріею праваго фланга велѣно было идти по одной дорогѣ со второй колонной.

Изъ сего видно, что не только 7-я и 9-я дивизіи, но и вся армія (исключая гвардіи) подвергалась во время своего движенія большой опасности; къ сожалѣнію, атаманъ Платовъ, который долженъ былъ зорко слѣдить за непріятелемъ и извѣщать насъ о его движеніяхъ, не дѣлалъ на сей разъ своего дѣла.

Такимъ образомъ главныя наши силы прибыли къ *Шипенбейлю* 1-го іюня вечеромъ; ген. князь Голицынъ, командовавшій кавалеріею лѣваго фланга и гвардейскою, предпринялъ обозрѣніе *Фридланда* съ полками: кирасирскимъ военнаго ордена и уланскимъ Его Высочества, при 4 орудіяхъ. Въ городѣ

находились 4 неприятельскіе эскадрона 9-го гусарскаго полка, которые, увидя нашу кавалерію, отступили къ *Георгенау*, но не прежде однакожь, какъ опрокинувъ подскакавшій въ безпорядкѣ къ городу нашъ уланскій полкъ. Князь Голицынъ, занявъ *Сортлакъ*, *Постененъ* и *Гейнрихсдорфъ*, остановился и расположилъ свои войска на бивакахъ. Въ ночь на 2-е число 1-й эскадронъ гвардейской конницы занялъ *Вонсдорфъ*, 2 кавалергардскихъ съ 2-мя орудіями были отправлены въ *Велау*, а Преображенскій полкъ былъ расположенъ въ *Алленбургъ*. Узнавъ о пребываніи за *Постененомъ* гренадерской дивизіи Удино, главнокомандующій вознамѣрился истребить ее прежде прибытія къ ней главныхъ французскихъ силъ. Онъ потому приказалъ на разсвѣтѣ большей части арміи переходить рѣку, но вмѣсто того, чтобы пользоваться превосходствомъ силъ своихъ въ сравненіи съ корпусомъ Удино, и удаленіемъ его отъ главной арміи, генералъ Бенингсенъ остановился предъ *Фридландомъ* и расположилъ армію боевымъ порядкомъ тыломъ къ рѣкѣ, на коей находилось только четыре моста: три понтонныхъ и одинъ деревянный, принадлежащій городу. Самая боевая линія раздѣлялась кромѣ того глубокимъ ручьемъ *Мюкенъ-флисъ*, текущимъ въ высокихъ берегахъ, чрезъ который сообщеніе было чрезвычайно затруднительно. Армія имѣла два особые построенія; правая часть, состоявшая изъ войскъ графа Толстаго: 7-й 8-й и 2-й дивизіи и корпуса Горчакова, выдвигала всѣ 1-е и 3-и баталіоны въ линію, а 2-е въ колоннѣ между означенными баталіонами; лѣвая часть, составленная изъ авангарда князя Багратиона, имѣла всѣ 2-ые баталіоны развернутыми въ линію, а 1-е и 3-и построенными въ колонны. Кавалерія, по древнему правилу, прикрывала оба фланга, гвардія находилась въ резервѣ, а 14-я дивизія за рѣкою по *Шипенбейльской* дорогѣ. Излишне было бы входить въ подробности этого сраженія. Достаточно сказать, что, переправившись почти всѣми силами за рѣку съ намѣреніемъ истребить корпусъ Удино, мы не только не атаковали его, но сами сдерживали до 7-го часа утра его напа-

деніе, не двигаясь съ мѣста и давши тѣмъ всей французской арміи полную возможность прибыть къ нему на помощь. Въ началѣ этого гибельнаго для насъ сраженія, наши гвардейскіе егеря едва не овладѣли всѣми знаменами такъ называемой адской дивизіи Удино, которыя были всѣ собраны въ лѣсу на площадкѣ. Одинъ изъ состоявшихъ при князѣ Багратіонѣ офицеровъ ротмистръ Рыцарь, сойдя съ лошади, сталъ на правомъ флангѣ Измайловскаго полка, который праздновалъ въ этотъ день свой полковой праздникъ—Троицынъ день. Вскорѣ прибылъ къ этому полку князь Багратіонъ и поздравилъ его съ полковымъ торжествомъ. Около полудня для войскъ, которыми командовалъ кн. Багратіонъ, наступилъ краткій отдыхъ; въ то время, какъ на прочихъ пунктахъ кипѣла битва, здѣсь господствовала совершенная тишина. Званіе главнокомандующаго вмѣсто Бенингсена, у котораго обнаружился сильныя припадки падучей болѣзни, принялъ на себя Эссенъ 1-й, извѣстный сожженіемъ Рижскаго форштата въ 1812 году, но вслѣдствіе полученной имъ легкой контузіи онъ сдалъ начальство изнѣженному К. Ал. И. Г. Разрумяненный и украшенный соломенной шляпой, К. Г. не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія посреди мужественныхъ лицъ нашихъ и непріятельскихъ солдатъ. Между тѣмъ французская кавалерія, испытавъ неудачи при нападеніи своемъ на нашъ правый флангъ, ограничилась выставленіемъ фланкеровъ. Вдругъ Французы, занявъ опушку впереди находящагося лѣса 10 пушками огромнаго калибра, открыли по насъ губительный огонь картечью; дѣйствіе этихъ 10 пушекъ было вполнѣ ужасно для нашихъ войскъ, которыя были засыпаны страшною массою чугуна. Хотя Ермоловъ поспѣшно противопоставилъ непріятелю около 40 легкихъ орудій, но они не могли заставить молчать огромныя пушки Французовъ; къ счастью, въ слѣдствіе нашихъ выстрѣловъ, обвалившіяся деревья въ опушкѣ лѣса образовали родъ натурального бруствера, что вынудило Французовъ отступить съ занимаемой ими позиціи. Около двухъ часовъ по полудни главныя силы непріятеля, предше-

ствуемая весьма сильною артиллеріею, занявъ Сортланскій лѣсъ, устремились на нашъ лѣвый флангъ, и сильно потѣснили его къ городу; тщетно кн. Багратіонъ, Раевскій, Ермоловъ и храбрѣйшіе офицеры лѣваго нашего фланга старались привести въ устройство разсѣянные полки наши! Усиливавшіяся непріятельскія колонны и многочисленная артиллерія, кою командовалъ мужественный и рѣшительный генералъ Сенармонъ, подвигались впередъ; дѣйствіе ядеръ, гранатъ и въ особенности картечи, густо осыпавшихъ наши войска съ самаго близкаго разстоянія, было неимоვნно смертоносно. Багратіонъ со шпагою въ рукахъ, (что я во все время моего при немъ служенія лишь здѣсь видѣлъ) ободрялъ Московскій гренадерскій полкъ, коего остатки окружали его лошадь. Онъ напоминалъ имъ подвиги ихъ въ Италіи и Суворова, но все было напрасно! Даже Семеновцы и Павловцы дрогнули и значительно осадили назадъ; неустрашимые Измайловцы, пустивъ по Семеновцамъ бѣглый огонь, остановили ихъ. Вскорѣ Семеновцы и Павловцы, опомнившись послѣ 4-й минуты смущенія, мужественно встрѣтили непріятеля. Въ это грозное для насъ время, кн. Багратіонъ, желая хотя сколько нибудь пріостановить натискъ Французовъ, которые грозили намъ совершеннымъ истребленіемъ, приказалъ Ермолову привести изъ резервовъ какую нибудь батареиную роту. Встрѣтивъ 4 орудія изъ бригады храбраго Осипова, коими завѣдывалъ поручикъ Комаровъ, приказавшій уже имъ взять на передки и продолжать свое отступательное движеніе, Ермоловъ велѣлъ ему остаться на мѣстѣ; когда Комаровъ донесъ ему, что у него вовсе нѣтъ зарядовъ, Ермоловъ сказалъ ему: «Я вамъ приказываю не оставлять вашего мѣста: чрезъ ваше отступленіе образуется интервалъ, коимъ непріятель можетъ воспользоваться; если ваше начальство останется тѣмъ недовольно, доложите, что вы это сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я между тѣмъ возьму съ собою одного фейерверкера вашего, съ которымъ доставлю вамъ 4

зарядные ящика.» Но встрѣченныя Ермоловымъ на пути роты не только не снабдили его зарядными ящиками, — онѣ, исполняя чье-то повелѣніе, поспѣшно напротивъ отступали съ поля сраженія.

Между тѣмъ главныя массы Французовъ, стремившіяся къ городу, сильно тѣснили войска наши. Къ довершенію несчастія, мосты запылали прежде перехода арміи на правый берегъ, что принудило большую часть войскъ переправляться вплавъ черезъ рѣку подъ выстрѣлами сильной непріятельской артиллеріи. Одинъ графъ Ламбертъ, находившійся на правомъ флангѣ арміи, собравъ оставленныя на полѣ сраженія двадцать девять орудій, отступилъ лѣвымъ берегомъ Алле до *Алленбурга*, гдѣ благополучно перешелъ рѣку и соединился на другой день съ арміею, тянувшеюся въ безпорядкѣ къ Велау.

4-го числа эти толпы прибыли въ Ширау и послѣ малаго отдохновенія продолжали отступление свое чрезъ *Попелкенъ*. Баттарейная артиллерія и резервный корпусъ, составленный изъ гвардіи, слѣдовали впереди. Главная армія, имѣя предъ собою два конныхъ полка отъ кавалеріи праваго фланга, а позади всю тяжелую кавалерію обоихъ фланговъ, слѣдовала на *Лапуштенъ*, *Пашвентшенъ* и *Битененъ*.

Аррьергардъ кн. Багратіона, подкрѣпленный легкою кавалеріею, прикрывавшій отступление, долженъ былъ удерживать непріятеля; корпусъ прусскихъ войскъ и отрядъ гр. Каменскаго, слѣдуя отъ *Кёнигсберга* чрезъ лѣсъ *Гроссъ-Баушвальдъ* и одну плотину, простиравшуюся на полторы мили, могли быть отрѣзаны отъ арміи. Съ своей стороны Наполеонъ, отрядивъ корпусъ Нея къ *Инстербургу*, слѣдовалъ съ главными силами на *Велау*; корпусъ Сульта и часть кавалеріи Мюрата были отдѣлены еще послѣ *Гейльсбергскаго* сраженія къ *Кёнигсбергу*. По занятіи этого города, они преслѣдовали прусскій корпусъ и отрядъ Каменскаго къ *Либау*; но къ счастью этимъ послѣднимъ удалось 5-го числа соединиться съ нашею арміею при *Гекстенъ*.

Однако генералъ Бенингсенъ, не довольствуясь поражені-

емъ, понесеннымъ при *Фридландъ* въ слѣдствіе ошибочнаго выбора мѣста сраженія и оборонительнаго дѣйствія его арміи, вознамѣрился 6-го числа снова расположиться въ боевой порядкъ тыломъ къ *Нѣману*. Позиція была избрана при киркѣ, именуемой *Дранговской*, у дер. *Бендиглаукенъ*. Но, къ счастью, непріятель не слѣдовалъ за нами далеко. Сего же числа былъ посланъ маіоръ Эрнестъ Шепингъ въ авангардъ французской арміи съ письмомъ главнокомандующаго и съ предложеніемъ о перемиріи. Это предложеніе, на которое Французы согласились, позволило нашей арміи безопасно перейти *Нѣманъ* 7-го; предавъ огню мостъ, мы расположились между *Микитеномъ* и *Погекепомъ*, резервъ же отошелъ къ *Бенигкшайтенъ*; прусскій корпусъ въ *Амтъ-Вини*; 14-я дивизія расположилась противъ *Рагнита* и далѣе къ *Юрбургу*; аррьергардъ и корпусъ Платова—противъ сожженного моста впереди арміи. Въ этотъ день начались переговоры, и военныя дѣйствія прекратились.

Если мы рассмотримъ безпристрастно эту кампанію, мы увидимъ, что это слабѣйшая изъ всѣхъ кампаній Наполеона. Въ теченіи всей войны только два движенія: одно отъ *Торуня* на *Остроленку* (когда армія наша находилась у *Пултуска*), а другое отъ *Вилленберга* къ *Алленштейну* (когда она слѣдовала къ *Торуню*) могутъ быть названы превосходными! Въ послѣдствіи дѣйствія его между моремъ и нашею арміею не лучше дѣйствій *Бенингсена*, неумѣвшаго воспользоваться своимъ центральнымъ положеніемъ между *Массеною* и главными непріятельскими силами.

Я этимъ собственно оканчиваю краткое обозрѣніе войны 1806 и 1807 годовъ, которая служила, можно сказать, колыбелью для моего военного поприща; состоя въ должности адъютанта при безсмертномъ князѣ *Багратионѣ*, коего ангельскія свойства сердца стояли въ уровень съ его прочими высокими природными качествами, я имѣлъ случай видѣть и слышать весьма много любопытнаго и поучительнаго. Эти записки, исполненныя многихъ грубыхъ ошибокъ, поразятъ,

безъ сомнѣнія, моихъ читателей, а тѣмъ болѣе ученыхъ специалистовъ, тономъ самоувѣренности и, быть можетъ, рѣзкими, смѣлыми и не всегда основательными сужденіями о дѣятельности вождей нашей арміи. Да не посѣтуютъ на меня строгіе критики за смѣлость, съ которою я рѣшился представить на судъ ихъ эту статью, которую я первоначально писалъ только для себя; въ ней безсвязное и неполное повѣствованіе искупается чистымъ намѣреніемъ моимъ изложить въ краткомъ, но правдивомъ разсказѣ очеркъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій этой войны.

УРОКЪ СОРВАШУ.

УРОКЪ СОРВАНЦУ.

ЛЮБЕЦКОЕ СОБРАНИЕ.

УРОКЪ СОРВАНЦУ.

Посвящается сыновьямъ моимъ: Василью, Николаю, Денису,
Ахиллу и Вадиму.

—
1807 годъ.
—

Армія наша отступала отъ Янкова къ Прейсишъ-Эйлау.

Въ то время аррьергардъ получилъ новое образованіе: онъ раздѣленъ былъ на двѣ части.

Одной командовалъ генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли, другой—генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ.

23-го января первый изъ нихъ дрался близъ Деппена, прикрывая отступление арміи къ Вольфсдорфу.

24-го пришла очередь князю Багратіону прикрывать отступление ея отъ Вольфсдорфа къ Ландсбергу.

Сколько помню я, аррьергардъ князя Багратіона состоялъ изъ полковъ: Екатеринославскаго и Малороссійскаго гренадерскихъ, Псковскаго пѣхотнаго, нѣсколькихъ егерскихъ, Елисаветградскаго и Александрійскаго гусарскихъ, Курляндскаго драгунскаго, какого-то уланскаго, нѣсколькихъ казачьихъ и до 40 орудій артиллеріи.

Частные командиры аррьергарда были, славные въ послѣдствіи, генералъ-маіоры: графъ Петръ П. Паленъ, Марковъ, Багговутъ, графъ Ламбертъ и уже въ то время знаменитые

полковники: Ермоловъ, командовавшій всей артиллеріею аррьергарда, князь Михаилъ П. Долгоруковъ, Гогель и Юрковскій. Послѣдній командовалъ передовою цѣпью.

Вольфсдорфское дѣло было первымъ боемъ моего долгаго поприща. Не забуду никогда нетерпѣнія, съ какимъ я ждалъ первыхъ выстрѣловъ, первой сѣчи! При всемъ томъ, какъ будто сомнѣваясь въ собственномъ мужествѣ, я старался замѣститься духомъ у сподвижниковъ князя Багратіона, поглощая душой игру ихъ физіономій, ихъ взгляды, сужденія и распоряженія, которыя дышали любовью къ опасностямъ и сопровождались какою-то веселою беззаботностію о жизни. Но болѣе всѣхъ дѣйствовалъ на меня самъ князь. Я еще не видалъ его возвышеннаго духа въ полномъ развитіи; но мое воображеніе уже проникало сквозь величавое спокойствіе князя въ хранилище нравственной силы и геніальныхъ соображеній, которыя обнаруживались у него въ самомъ пылу битвы, при безнадежности положенія и по мѣрѣ возрастающей очевидности гибели.

На разсвѣтѣ непріятель началъ сбивать передовую нашу цѣпь подъ Варлакомъ, верстахъ въ четырехъ отъ Вольфсдорфа. Аррьергардъ сталъ въ ружье на мѣстѣ своего ночлега, за Вольфсдорфомъ, параллельно большой дорогѣ, ведущей изъ Гутштадта въ Либштадтъ. Позиція эта заслоняла проселочную дорогу, проходящую мимо Петерсдорфа на Дитрихсдорфъ и далѣе на Аренсдорфъ, Опенъ и Кашауенъ, по которой аррьергардъ долженъ былъ отступать вслѣдъ за арміею. Уголъ лѣса, находящійся между Вольфсдорфомъ и Эльдитеномъ, наполнился егерями 5-го егерскаго полка. Малый кавалерійскій отрядъ двинулся рысью для наблюденія за непріателемъ со стороны нашего лѣваго фланга.

Французскій авангардъ, предшествуемый фланкерами и за которымъ слѣдовала вся армія, изрѣдка стрѣлялъ изъ одного и не болѣе изъ двухъ орудій по нашей передовой цѣпи; выдвигая громады свои на снѣжные холмы, онъ спускался съ нихъ по направленію къ Вольфсдорфу.

Юрковскій, подъ прикрытіемъ ближайшихъ къ непріятелю казаковъ своей команды, то останавливался, то снова тянулся косвенно относительно боевой линіи аррьергарда, на правый флангъ 5-го егерскаго полка, за уголъ лѣса.

Будучи адъютантомъ князя Багратіона, и слѣдовательно не имѣя команды, я выпросился у него въ первую цѣпь, будто бы для наблюденія за движеніемъ непріятеля, но собственно для того, чтобы погарцовать на конѣ, пострѣлять изъ пистолетовъ, помахать саблею и, если представится случай, порубиться.

Я прискакалъ къ казакамъ, перестрѣливавшимся съ непріятельскими фланкерами. Ближайшій ко мнѣ изъ этихъ фланкеровъ, въ синемъ плащѣ и медвѣжьей шапкѣ, казался офицерскаго званія. Мнѣ очень захотѣлось отхватить его отъ непріятельской линіи и взять въ плѣнъ. Я сталъ уговаривать на то казаковъ; но они смѣялись надъ рыцаремъ, который явился къ нимъ съ такимъ безразсуднымъ предложеніемъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать за мною, а у меня, слава Богу, достало на ту пору столько благоразумія, сколько было нужно для того, чтобы не отважиться на схватку съ человѣкомъ, къ которому между тѣмъ уже присоединилось нѣсколько всадниковъ. Къ несчастію, въ моей молодости, я недолго уживался съ благоразуміемъ. Вскорѣ задоръ во мнѣ разгорѣлся, сердце вспыхнуло, и я, какъ бѣшеный, толкнувъ лошадь впередъ, подсккалъ къ офицеру довольно близко и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Онъ, не прибавивъ шагу, отвѣчалъ мнѣ своимъ выстрѣломъ, за которымъ посыпались выстрѣлы изъ нѣсколькихъ карабиновъ его товарищей. То были первыя пули, которыя просвистали мимо ушей моихъ. Я не Карлъ XII, но въ эти лѣта, въ это мгновеніе, въ этомъ упоительномъ чадѣ первыхъ опасностей я понялъ обѣтъ вѣнценоснаго искателя приключеній и гордо взглянулъ на себя, окуренного уже боевымъ порохомъ; весь міръ гражданскій и все то, что внѣ боевой службы, все понизилось въ моемъ мнѣніи до антиподовъ! Не надѣясь уже на содѣйствіе казаковъ, но твердо увѣренный

въ удалствѣ моего коня, и притомъ увлеченный вдругъ овладѣвшею мною злобою, — Богъ знаетъ, за что! — на человѣка, мнѣ неизвѣстнаго, который исполнялъ, подобно мнѣ, долгъ чести и обязанности службы, — я подвинулся къ нему еще ближе, замахалъ саблею и принялся ругать его на французскомъ языкѣ, какъ можно громче и выразительнѣе. Я приглашалъ его выдвинуться изъ линіи и сразиться со мной безъ помощниковъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ругательствомъ и предлагалъ то же; но ни одинъ изъ насъ не принималъ предложенія другаго, и мы оба оставались на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, безъ хвастовства сказать, я былъ далеко отъ своихъ и только на три или на четыре конскіе скака отъ цѣпи французскихъ фланкеровъ, тогда какъ этотъ офицеръ находился въ самой цѣпи. Съ моей стороны было сдѣлано все, за что слѣдовало бы меня и подрать за уши, и погладить по головкѣ.

Въ это самое время подскакалъ ко мнѣ казачій урядникъ и сказалъ: «Что вы ругаетесь, ваше благородіе! Грѣхъ! *Страженіе* святое дѣло; — ругаться въ немъ все то же, что въ церкви: Богъ убьетъ! — Пропадете, да и мы съ вами. — Ступайте лучше туда, откуда пріѣхали.» Тутъ только я очнулся и, почувствовавъ всю нелѣпость моей пародіи Троянскихъ героевъ, возвратился къ князю Багратиону.

Мудреное дѣло начальствовать аррьергардомъ арміи, за которой слѣдуетъ непріятель въ огромныхъ силахъ. Два противоположные предмета составляютъ основную обязанность аррьергарднаго начальника: охраненіе спокойствія арміи отъ натисковъ непріятеля во время отступленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюденіе сколь возможно ближайшей смежности съ нею для неразрывныхъ связей и сношеній съ своею арміею. Какъ согласить между собою эти двѣ, по видимому, несогласныя необходимости? Прибѣгнуть ли къ принятію битвы? Но всякая битва требуетъ болѣе или менѣе продолжительной остановки, во время которой увеличивается разстояніе аррьергарда отъ удаляющейся арміи. Обратиться ли къ одному соблюденію ближайшей смежности съ нею и, слѣдственно, къ совершенному

уклоненію себя отъ битвы? Но таковымъ средствомъ легко можно сблизить аррьергардъ съ самой арміею и привести къ ней непріятеля на своихъ плечахъ. Багратіонъ рѣшилъ эту задачу; онъ постигъ то правило для аррьергардовъ, которое, спустя четырнадцать лѣтъ, изложилъ на островѣ Св. Елены величайшій знатокъ военного дѣла, сказавъ: «*L'avant-garde doit presser les attaques; l'arrière-garde doit manoeuvrer;*» на этой аксіомѣ Багратіонъ основалъ охранительное дѣйствіе аррьергардовъ, во все время своего командованія ими. Подъ его начальствомъ, никогда аррьергардъ не оставался долго на мѣстѣ, и притомъ никогда не слѣдовалъ безостановочно за арміею. Сущность дѣйствія его состояла въ однихъ отступательныхъ перемѣщеніяхъ съ одной оборонительной позиціи на другую, не вдаваясь въ общую битву; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ грозную осанку частыми отпорами непріятельскихъ покушеній, — отпорами, которые онъ подкрѣплялъ сильнымъ и почти общимъ дѣйствіемъ артиллеріи. Эта операція требовала всего геніальнаго объема обстоятельствъ, всего хладнокровія, глазомера и почти сверхъестественной смѣтливости и снаровки, коими природа такъ чудесно одарила князя Багратіона.

Все это было свѣше моихъ понятій; гусарскій штабсъ-ротмистръ, я жаждалъ горячей битвы: по моей стратегіи, она была необходима, и въ томъ, что она состоится, ручалась мнѣ извѣстная неустрашимость князя, котораго первою обязанностью была, по моему мнѣнію, защита вольфсдорфской позиціи всѣми силами и мѣрами, хотя бы это стоило всего аррьергарда. Я такъ былъ убѣжденъ въ глубокомысленной основательности моего разсужденія, я такъ былъ увѣренъ въ томъ, что все пошло бы иначе, еслибъ меня послушались, что самъ Суворовъ или Наполеонъ не были бы въ состояніи убѣдить меня въ противномъ!

Вотъ единственная причина порыва моей невѣжественной самонадѣянности, который подвергъ меня величайшей опасности и окончился моимъ спасеніемъ только по особенному милосердію Божію.

Тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ передовой цѣпи къ князю, я былъ посланъ имъ къ 5-му егерскому полку, съ приказаніемъ оставить занимаемый имъ лѣсъ и отступать къ Дитрихсдорфу, гдѣ избрана была для аррьергарда вторая позиція. Это меня удивило и огорчило. Какъ!—думалъ я, — когда такъ мало еще войскъ вступило въ дѣло, когда въ 5-мъ егерскомъ полку ни одно еще ружье не закоптилось порохомъ, а уже отступление! Гдѣ же та неустрашимость князя, которую такъ выхваляли и восхваляютъ? Однако я поскакалъ къ егерямъ и выполнилъ порученіе.

Между тѣмъ передавая цѣпь наша, продолжая перестрѣлку съ непріятельскими фланкерами, отодвинулась уже къ лѣсу, который должны были оставить егеря. Возвращаясь къ моему мѣсту послѣ отданнаго имъ повелѣнія, и перебирая въ головѣ моей средства, какъ бы *исправить промахъ* князя Баграціона, рѣшившагося оставить вольфсдорфскую позицію безъ сильнаго отпора, я проѣзжалъ сквозь ту же передовую цѣпь, среди которой, за часъ предъ тѣмъ, я такъ гомерически и только что не гекзаметрами ругался съ французскимъ офицеромъ. Я увидѣлъ и того урядника, который прозою своего благоразумія прервалъ мое эпическое изступленіе. Я подѣхалъ къ нему, и вдругъ мысль, гораздо сумасброднѣе той, отъ которой онъ отвлекъ меня, вспыхнула въ моей головѣ. Чортъ знаетъ, гдѣ-то я читалъ, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появлялись люди, прежде не замѣченные, которые силою воли и дарованій исторгали побѣду у непріятеля наперекоръ предначертаній главнаго начальства. Какъ же не испытать судьбы своей? Можетъ быть, и я также одаренъ великими дарованіями; можетъ быть, и я избранъ Провидѣніемъ для подобнаго подвига, и.... воображеніе мое занеслось Богъ знаетъ куда! Я задумалъ ударить съ передовою цѣпью на непріятеля, опрокинуть его, и тѣмъ увлечь за собою 5-й егерскій полкъ, который только что началъ собираться, чтобы выступить изъ лѣса. Увидя успѣхъ мой, полагалъ я, князь подкрѣпитъ меня всѣмъ аррьергардомъ, и дастъ знать о томъ Бенинг-

сену , который немедленно возвратится со всею арміею. Однимъ словомъ, я возмечталъ не болѣе и не менѣе какъ разбить весь непріятельскій авангардъ горстью всадниковъ и егерей, и быть даже главнымъ виновникомъ пораженія самого Наполеона. И все это пришло мнѣ въ голову не за кулисами, а на самой сценѣ, на коей я собственными глазами видѣлъ все пространство отъ Вольфсдорфа до Варлака, покрытое густыми колоннами пѣхоты и конницы съ несмѣтнымъ числомъ артиллеріи, слѣдственно, я могъ, кажется, удостовѣриться въ нелѣпости моего предпріятія; но страсть говорила громче разсудка, что, къ сожалѣнію, часто повторялось и въ другихъ случаяхъ. Увлечшись этимъ, я спросилъ урядника: «А что, братъ, еслибъ ударить?» — «Для чего жъ нѣтъ, ваше благородіе,» отвѣчалъ онъ, и, указывая на фланкеровъ, которые вертѣлись у насъ подъ носомъ, прибавилъ: «ихъ здѣсь немного; съ ними можно справиться; давеча мы были далеко отъ пѣхоты, а теперь «близко: есть кому поддержать.» — «Ну, подбивай же на ударъ «своихъ казаковъ?» сказалъ я ему: «а я примусь подбивать гусаръ и уланъ (ихъ было разсыпано взвода два въ казачьей цѣпи).» Намъ удалось. Цѣпь вся *икнула*, и дружно бросилась въ сѣчу; мы перемѣшались съ непріятельскими фланкерами. Сабельные удары посыпались, пули засвистали, и пошла потѣха. Я помню, что и моя сабля гоѣла живаго мяса; благородный паръ крови курился и на ея лезвеѣ. Сѣча продолжалась недолго. Французскіе фланкеры, смятые нашими, пошли на уходъ; но, въ запальчивости погони, мы неожиданно встрѣтились съ ихъ резервами, которые прискакали къ нимъ на помощь. Это были драгуны, съ конскими хвостами, развѣвавшимися на гребняхъ шлемовъ. Они бросились на насъ съ жадностію; посыпались свѣжіе удары, и мы, въ свою очередь, сбитые и опрокинутые, обратились въ бѣгство, вдоль опушки лѣса, гдѣ уже не было егерей, чтобы поддержать насъ. Весь мой исполинскій планъ рушился, и, подобно Наполеону послѣ Ватерлоо, пасмурный и суровый, возвращался я къ князю, направляясь мимо Вольфсдор-

фа къ Дитрихсдорфу, куда тянулись всѣ войска аррьергарда. Я ѣхалъ одинъ лощиною, въ полной безопасности на счетъ непріятеля, потому что драгуны, которые насъ растрепали, удовольствовавшись этимъ успѣхомъ, насъ не преслѣдовали. Но едва поднялся я на возвышеніе, какъ вдругъ встрѣтился, почти лицо съ лицомъ, съ шестью французскими конно-егерями, ѣдущими изъ Вольфсдорфа, для наблюденія за движеніемъ главныхъ силъ аррьергарда. Я вздрогнулъ. Увидѣть ихъ и поскакать прочь—было дѣйствіемъ одного и того же мгновенія. Они выстрѣлили по мнѣ изъ карабиновъ и жестоко ранили мою лошадь, которая однакожь продолжала скакать на первыхъ порахъ, не уменьшая прыти. Я думалъ, что отдѣлался; но не тутъ то было! Они уже настигали меня, обскакивая справа и слѣва. Я окинулъ глазами окрестность, не увижу ли какой либо подмоги, и замѣтилъ только хвосты колоннъ аррьергарда, подходившіе къ Дитрихсдорфу, верстахъ въ трехъ отъ меня. На всемъ полѣ до самаго лѣса не было уже никого изъ нашихъ. Гибель казалась неизбежною. На мнѣ накинута была шинель, застегнутая у горла одною пуговицей, и сабля голая въ рукахъ, у сѣдла пистолеты, которыхъ я не успѣлъ зарядить послѣ выстрѣловъ на передовой цѣпи. Хотя одинъ изъ преслѣдователей, видно на лучшей лошади, чѣмъ его товарищи, догналъ меня, но не на такое разстояніе, чтобъ достать саблю; онъ только ухватился за край моей шинели, раздувавшейся отъ скака. Онъ воспользовался этимъ, и чучь-чуть не стащилъ меня съ лошади. Къ счастью шинель разстегнулась и осталась въ его рукахъ. Я безостановочно продолжалъ скакать къ лѣсу, преслѣдуемый и настигаемый все ближе и ближе, потому что лошадь моя ослабѣвала отъ полученной ею раны. Зима стояла кроткая, и отъ того болота были обманчивы: подъ снѣгомъ лежала топь непроходимая. Я скакалъ не по дорогѣ, а какъ попало, и, какъ на бѣду, наскакалъ на ту часть опушки лѣса, куда примыкало непримѣтное для глазъ болото. Лошадь моя, рухнувъ въ него со всего маху, провалилась по брюхо, и, упавъ

на бокъ, она издохла. Еще двѣ секунды — и остріе надо мною!..... Смерть или плѣнъ были бы моею участію!

Въ этотъ самый моментъ около двадцати казаковъ, посланныхъ Юрковскимъ для наблюденія за непріятелемъ и приведенныхъ сюда однимъ Провидѣніемъ, выскочили съ крикомъ изъ лѣсу, немного выше болота, въ которомъ я застрялъ съ моею лошадью, и погнали моихъ преслѣдователей обратно къ Вольфсдорфу. Но одинъ изъ нихъ, истинный мой спаситель, посадилъ меня позади себя и привезъ къ Юрковскому, который далъ мнѣ лошадь изъ-подъ убитаго гусара. Такимъ образомъ я возвратился къ аррьергарду, стоявшему уже на позиціи подъ Дитрихсдорфомъ.

Между тѣмъ князь, коего доброта сердца не уступала высокимъ качествамъ геройской души, безпокоился на мой счетъ и безпрестанно спрашивалъ обо мнѣ каждого возвращавшагося изъ передовой цѣпи. Никто не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, куда я дѣвался.

Наконецъ я предсталъ предъ нимъ на чужой лошади, безъ шинели, въ грязи, въ снѣгу и въ крови, но, признаться, съ какимъ-то торжественнымъ видомъ, въ слѣдствіе избѣжанія бѣды и полной увѣренности въ превосходствѣ совершеннаго мною подвига. Я утаилъ отъ князя и даже отъ товарищей моихъ грандіозные замыслы и предназначенія, которые тогда уже начинали казаться мнѣ донкишотствомъ. Я разсказалъ имъ только о преслѣдованіи меня непріятелемъ и спасеніи меня казаками. Князь слегка пожурилъ меня за опрометчивость, и, сколько я могъ замѣтить, съ одобрительной улыбкою, приказавъ дать свою бурку въ замѣну сорванной съ меня шинели. Онъ вскорѣ представилъ меня даже къ награжденію.

ВОСПОМИНАНІЕ
о
СРАЖЕНІИ
при
ПРЕЙСИШЪ - ЭЙЛАУ,
1807 года января 26 и 27.

ВОСНОВАНІЕ

О

СЪЗДАНИИ

ИЛИ

ПРЕСВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ

1807 г. 10-го числа 20 и 21

ВОСПОМИНАНИЕ

О

СРАЖЕНІИ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ, 1807 ГОДА ЯНВАРЯ
26-го И 27-го.

Посвящается Алексѣю Петровичу Ермолову.

Дѣла минувшихъ лѣтъ....

Оссіанъ.

I.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау почти свѣяно съ памяти современниковъ бурею Бородинскаго сраженія, и потому многіе даютъ преимущество послѣднему передъ первымъ. По истинѣ, предметъ спора оружія подъ Бородинымъ былъ возвышеннѣе, величественнѣе, касался болѣе сердца Русскаго, чѣмъ споръ оружія подъ Эйлау: подъ Бородинымъ дѣло шло о томъ—быть или не быть Россіи. Это сраженіе наше собственное, наше родное. Въ эту священную лотерею мы были вкладчиками всего, нераздѣльнаго съ нашимъ политическимъ существованіемъ,—всей нашей прошедшей славы, всей нашей настоящей народной чести, народной гордости, величія имени Русскаго и всего нашего будущаго. Предметъ спора оружія подъ Эйлау представлялся съ иной точки зрѣнія. Правда, что онъ былъ кровавымъ предисловіемъ вторженія Наполеона

въ Россію: но кто тогда предугадывалъ это? Лишь нѣсколько избранныхъ природою, и одаренныхъ болѣе другихъ проницательностію. Большею же части изъ насъ онъ казался усиленіемъ, не касающимся существенныхъ пользъ Россіи, однимъ споромъ въ щегольствѣ военной славы обѣихъ сражавшихся армій, окончательнымъ залогомъ: чья возметъ, *понтитировкою* на удалство, въ надеждѣ на рукоплесканіе зрителей, съ полнымъ еще бумажникомъ, съ полнымъ еще кошелькомъ въ карманѣ, а не игрою на послѣдній пріютъ, на послѣдній кусокъ хлѣба и на *пулю въ лобъ* при проигрышѣ, какъ то было подѣ Бородинымъ.

И такъ, не оспаривая священнаго мѣста, которое въ душахъ нашихъ должна занимать Бородинская битва, нельзя однако не сознаться въ гибельномъ превосходствѣ надъ нею Эйлауской, относительно кровопролитія. Хотя первая превышала послѣднюю 80-ю тысячами человѣкъ и слишкомъ 600-ми жерлами артиллеріи, она однако лишь не много превосходила ее огромностью урона, понесеннаго сражавшимися. Этому причиною родъ оружія, который былъ преимущественно употребленъ подѣ Эйлау. Въ Бородинской битвѣ главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ было огнестрѣльное, въ Эйлауской — рукопашное. Въ послѣдней штыкъ и сабля гуляли, роскошествовали и упивались до-сыта. Ни въ одномъ почти сраженіи не видно подобныхъ свалокъ пѣхоты и конницы между собою, хотя впрочемъ эти свалки, ослабляя ружейную и пушечную грозу, гремѣвшую съ обѣихъ сторонъ, должны были заглушать въ самой пылкой душѣ увлекательные призывы славы и чести.

Мнѣ было тогда не много болѣе двадцати лѣтъ; я кипѣлъ жизнью, слѣдственно и любовію къ случайностямъ. Къ тому же, жребій мой былъ брошенъ, предметъ указанъ и моимъ солдатскимъ воспитаніемъ, непреклонною волею идти боевою стезей и душою неутомомною, страшною ко всякаго рода отвагѣ, порывавшеюся на всякія опасности; но, право, не разъ въ этомъ двухъ-суточномъ боѣ проклятая Тибуллова элегія

о блаженствѣ домосѣда приходила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи ядръ пролетали, ревѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, бороздили по всѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія тучи гранатъ лопались надъ головою моею и подъ моими ногами! То былъ широкій ураганъ смерти, все въ дребезги ломавшій и стиравшій съ лица земли все, чтò ни попадало подъ его сокрушительное дыханіе; оно продолжалось отъ полудня 26-го до 11-ти часовъ вечера 27-го числа, и прекратилось только тишиною и безмолвіемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два періода. Таково было дѣйствіе и огнестрѣльнаго оружія въ Эйлаускомъ сраженіи. Но и здѣсь, какъ и во всѣхъ сраженіяхъ, оно производило болѣе шума, чѣмъ гибели, болѣе потрясало нервную систему и воображеніе человѣка, чѣмъ достигало цѣли всякаго оружія—вѣрнѣйшаго и скорѣйшаго истребленія противниковъ. Въ этомъ отношеніи огнестрѣльныя дѣйствія далеко уступаютъ рукопашнымъ схваткамъ, гдѣ удары не расточаются даромъ; падая на предметы, находящіеся подъ самымъ лезвіемъ, они потому не требуютъ издали прицѣловъ, отъ которыхъ происходятъ удары невѣрные, гадательные, вредящіе болѣе количествомъ, нежели частнымъ своимъ дѣйствіемъ.

Чтобы вполнѣ обнять положеніе обѣихъ армій, сражавшихся въ этой знаменитой битвѣ, надо взять свѣше.

При обзорѣни театра войны того времени, мы видимъ, что онъ граничилъ къ сѣверу Фришъ-Гафскимъ и Куришъ-Гафскимъ заливами, или частію Балтійскаго моря; къ югу Австрійскою Галиціею, тогда нейтральною (*); къ западу Вислою, а къ востоку съ Нѣманомъ, границею Россіи, чтò составляло около 300 верстъ длиннику и до 200 верстъ поперечнику. На этомъ тѣсномъ пространствѣ необходимо было обѣимъ арміямъ из-

(*) Часть Австрійской Галиціи, граничившая съ театромъ военныхъ дѣйствій, шла тогда отъ Мнишева по правому берегу Вислы почти до Праги; потомъ склонялась вправо къ Сироцку, продолжая идти по лѣвому берегу Буга, мимо Брокъ, Бреста и далѣе до Хотина.

бѣгать близкаго сосѣдства съ Галиціею и моремъ, чтобы не быть припертымъ противною арміею либо къ морю, либо къ предѣламъ нейтральнаго государства. Это соображеніе побудило генерала Бенингсена, оставивъ Пултускъ, перенести дѣйствіе въ старую Пруссію. Малѣйшее замедленіе въ этомъ случаѣ угрожало намъ бѣдствіемъ неотразимымъ, потому что главныя силы Французовъ находились тогда не противъ Пултуска, а въ направленіи отъ Цѣханова къ Макову. Чрезвычайная ростопись, не дозволивъ Наполеону достигъ избранной имъ цѣли, способствовала намъ совершить передвиженіе чрезъ Остроленку, Тикочинъ, Біалу, Щучинъ и Рейнъ.

На этомъ окружномъ маршѣ, главнокомандующій нашъ, генералъ Бенингсенъ, оставивъ корпусъ Эссена 1-го въ Высоко-Мазовецкѣ, а дивизію Седморацкаго въ Ганіондзѣ, Іоганнисбургѣ и Николайкинѣ, для связи Эссена съ главными силами арміи, двинулся съ нами къ Бартенштейну.

Въ то время расположеніе французской арміи было слѣдующее:

Гвардія, въ числѣ 12-ти тысячъ, въ Варшавѣ.

Корпусъ Ланна, въ числѣ 23-хъ тысячъ, между Брокъ и Остроленки, противъ Эссена 1-го.

Корпусъ Даву, въ числѣ 34-хъ тысячъ, въ Мишеницахъ.

Корпусъ Сульта, въ числѣ 30-ти тысячъ, въ Вилленбергѣ.

Корпусъ Ожеро, въ числѣ 11-ти тысячъ, въ Нейденбургѣ.

Резервный кавалерійскій корпусъ, въ числѣ 20-ти тысячъ, подъ командою Мюрата, въ окрестностяхъ Вилленберга.

Корпусъ Бернадота, въ числѣ 17-ти тысячъ, почти внѣ круга боевыхъ происшествій—въ Эльбингѣ (*).

Всѣ эти войска размѣстились уже по кантониръ-квартирамъ; только корпусъ Нея, состоявшій изъ 22-хъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, преслѣдовалъ прусскій корпусъ

(*) Числительная сила французскихъ корпусовъ взята изъ документовъ, отбитыхъ въ обозахъ французской арміи.

Лестока внизъ по Алле, по направленію къ Фридланду, и находился потому почти на пути слѣдованія нашей арміи.

Бенингсенъ узналъ о семъ залетномъ положеніи Нея въ Рейнѣ. Пользуясь бездѣйствіемъ французской арміи, онъ вознамѣрился отрѣзать и истребить этотъ корпусъ на походѣ; всѣ наши силы обратились къ Рёсселю и Бишофштейну.

Къ несчастію, исполненіе не соотвѣтствовало достоинству предназначенія. Переходы были медленны, къ тому же и направленіе было не довольно на перерѣзъ, что дозволило Нею и Бессьеру, пробравшись чрезъ Прейсишъ-Эйлау, и между Пассаргою и Алле, къ Гильгенбургу, безпрепятственно примкнуть къ массѣ своей арміи.

Между тѣмъ Бернадотъ, узнавъ о предпріятіи нашемъ на Нея и Бессьера, постигъ опасность, которой онъ могъ подвергнуться, въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія на берегу моря и между крѣпостями Данцигомъ и Грауденцомъ, тогда еще занятыми прусскими войсками. Оставивъ окрестности Эльбинга, онъ двинулся на Голландъ и, вступивъ въ Морунгенъ, подвинулъ авангардъ свой къ Либштадту.

Въ это время армія наша подошла къ Аренсдорфу, а авангардъ ея, подъ командою генераль-маіора Маркова, атаковалъ Либштадтъ.

Непріятельскій авангардъ отступилъ съ урономъ; Марковъ, слѣдуя за нимъ, атаковалъ самого Бернадота въ Морунгенѣ; потерпѣвъ здѣсь значительное пораженіе, онъ былъ принужденъ отступить къ главной арміи, прибывшей уже въ Либштадтъ.

Тутъ надлежало намъ прекратить дальнѣйшее наступленіе, потому что, съ переходомъ за черту расположенія главныхъ непріятельскихъ силъ, оставшихся между Омудевою и Наревою, мы подвергались потерѣ сообщеній съ дивизіею Седморцакаго, корпусомъ Эссена 1-го и, что всего важнѣе, съ нашей границей; кругъ нашего дѣйствія заключался между Фришъ-Гафскимъ заливомъ, Вислою и французскою арміею, въ случаѣ наступательнаго ея движенія. Но не взирая на то,

желая отвлечь Бернадота отъ главной французской арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить Грауденцъ отъ блокады (*), мы, преслѣдуя Бернадота, отступавшаго на Дейчъ-Эйлау, Стразбургъ и Торнъ, продолжали наступать. Главная квартира наша была уже около Либемия; въ Ризенбургъ вступилъ прусскій корпусъ Лестока; въ Дейчъ-Эйлау авангардъ князя П. И. Багратіона (**), а аванпосты его, подъ командою полковника Юрковскаго, въ Стразбургъ. Однако какое-то темное предчувствіе тревожило Бенингсена, на счетъ положенія нашей арміи относительно главныхъ силъ Наполеона. Чтобы сколько нибудь исправить его защитою затыльныхъ сообщеній нашихъ, главнокомандующій счелъ необходимымъ оставить корпусъ Сакена въ Зебургъ, а корпусъ князя Голицына (***) въ Алленштейнъ; принявъ такія полумѣры, онъ только что увеличилъ протяженіе арміи, подвергнувъ Сакена и Голицына натиску превосходнаго числомъ непріятеля. Положеніе главной арміи, направленной къ ложному предмету дѣйствія, нисколько чрезъ то не улучшилось. Но русскій Богъ великъ! Вдругъ аванпостные казаки авангарда плѣнили французскаго офицера, посланнаго курьеромъ отъ маршала Бертье къ Бернадоту съ приказаніемъ Наполеона напирать на армію нашу, не выпуская ея изъ виду; Бертье извѣщалъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, о движеніи всѣхъ французскихъ силъ на Вилленбергъ, Пассенгеймъ и Алленштейнъ. Багратіонъ мгновенно проникъ опасность; онъ въ ту же минуту отослалъ плѣннаго курьера съ перехваченной бумагой къ Бенингсену и, не ожидая дальнѣйшаго повелѣнія, самъ собою, поспѣшно отступилъ, для скорѣйшаго соединенія съ арміею. Однако, предвидя неминуемость генеральнаго сраженія, Багратіонъ, въ намѣреніи ослабить непріятельскую армію цѣлымъ корпусомъ войскъ, не забылъ и о Бернадотѣ: онъ приказалъ Юрковскому атаковать

(*) Изъ записокъ генерала Бенингсена.

(**) Князь Багратіонъ, прибывъ въ армію изъ Петербурга, принялъ немедленно начальство надъ главнымъ авангардомъ.

(***) Князя Дмитрія Владиміровича.

его аванпосты и, сбивъ ихъ, преслѣдовать цѣлый день, дабы чрезъ то убѣдить его, что мы не измѣнили намѣренія нашего—тѣснить его всѣми силами. Приказаніе Юрковскому заключалось припискою, въ которой было ему предписано: при наступленіи ночи, поспѣшно отступить по прилагаемому маршруту, для присоединенія къ авангарду.

Предпріятіе это увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Бернадотъ, не получивъ повелѣнія Наполеона, перехваченнаго казаками, остался въ полномъ невѣдѣніи касательно направленія главныхъ силъ Французовъ въ тылъ нашей арміи, столь для нея опаснаго. Къ тому же, полагая, что натискъ Юрковского поддерживается всѣмъ авангардомъ, за которымъ слѣдовала вся наша армія, онъ продолжалъ отступление къ Торну, что отсрочило прибытіе его къ Прейсишъ-Эйлау нѣсколькими сутками.

Юрковскій примкнулъ къ авангарду нѣсколькими часами позже присоединенія его къ арміи подъ Янковымъ; но прусскій корпусъ Лестока, находившійся отъ Янкова гораздо далѣе Багратіона, не могъ уже надѣяться безопасно достигнуть этого пункта, а потому онъ направился на Саальфельдъ, Вормдитъ и Мельзакъ, стараясь, по мѣрѣ отступления арміи, находится всегда на одной съ нею высотѣ. 22-го января нашъ арріергардъ засталъ всю нашу армію сосредоточенную при Янковѣ, уже имѣвшую предъ собой всю французскую армію, которая полагала янковскій путь занятымъ однимъ корпусомъ князя Голицына; непріятель былъ не мало изумленъ неожиданною встрѣчею со всѣми нашими силами, готовыми къ отраженію ея натисковъ. Извѣстіе о взятіи казаками посланнаго къ Бернадоту курьера тогда еще не было извѣстно Наполеону. Обманутый въ своемъ стратегическомъ предпріятіи, онъ вознамѣрился, посредствомъ тактическаго дѣйствія на нашъ лѣвый флангъ, возвратить потерянное; онъ хотѣлъ поставить армію нашу въ то самое положеніе, изъ котораго она вышла быстрымъ перелетомъ отъ Морунгена и Дейчъ-Эйлау къ Янкову. Въ слѣдствіе этого, Сультъ атаковалъ Бергфридъ, деревню, къ

коей примыкалъ лѣвый флангъ нашъ, а генералъ Гюò поскакалъ съ бригадою легкой кавалеріи къ Гутштадту. Мы отстояли Бергфридъ; но Гутштадтъ, заключавшій часть обозовъ арміи съ малымъ числомъ охранныхъ войскъ, попался въ руки Французовъ; этотъ партизанскій набѣгъ, при всеобщемъ тогдашнемъ невѣдѣніи правилъ этого рода дѣйствій, былъ замѣчательнъ.

II.

Армія наша отошла, съ наступленіемъ ночи, къ Вольфсдорфу, оставивъ на занимаемомъ ею мѣстѣ арріергардъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли.

Поутру 23-го, Барклай, двинувшись вслѣдъ за арміею, былъ атакованъ на пути превосходными силами; сражаясь цѣлый день, онъ много потерпѣлъ, особенно при Деппенѣ; но къ вечеру онъ примкнулъ къ арміи, стоявшей уже на боевой позиціи при Вольфсдорфѣ. Ночью армія вновь снялась съ позиціи и потянулась по направленію къ Ландсбергу. Арріергардъ Багратіона, смѣнивъ утомленный наканунѣ арріергардъ Барклая, остался при Вольфсдорфѣ для той же цѣли, для которой наканунѣ былъ оставленъ арріергардъ Барклая при Янковѣ.

24-го, поутру, Багратіонъ былъ атакованъ наступавшимъ непріателемъ; завязался упорный бой; но, не смотря на всѣ усилія Французовъ, щегольство въ порядкѣ было сохранено во всѣхъ частяхъ нашего арріергарда. Къ вечеру онъ двинулся вслѣдъ за арміею, направляясь чрезъ Толбашъ и Кашауэнъ, и прибывъ въ Бергерсвальдъ, въ трехъ верстахъ отъ Фрауэндорфа, гдѣ на нѣсколько часовъ пріостановилась главная армія. Въ этотъ день прусскій корпусъ Лестока, шедшій на одной высотѣ съ нашимъ арріергардомъ, по направленію къ Вормдиту, былъ атакованъ корпусомъ Нея, отряженнымъ отъ главной французской арміи противъ него, во время ея движенія изъ Янкова къ Вольфсдорфу. Въ одно и то же время

былъ отдѣленъ отъ непріятельской арміи корпусъ Даву на Гейльсбергъ; это было сдѣлано въ видахъ облегченія слѣдованія войскъ, по стѣсненной снѣгами дорогъ, отъ чего колонна чрезмѣрно растягивалась.

Въ ночь на 25-е, армія наша, подобно непріятельской, выступила къ Ландсбергу, двумя колоннами, для избѣжанія затрудненій при движеніи одною колонною по пути, заваленному снѣгами. 1-я колонна слѣдовала большою дорогою; 2-я, подъ начальствомъ Сакена, на Спервартенъ и Петерсгагенъ. Арріергардъ Барклая прикрывалъ отступление первой; арріергардъ Багратіона шелъ на Клаузиттенъ, Пауленъ и Попертенъ въ Ландсбергъ, гдѣ примкнулъ къ арміи почти въ одно время съ Барклаемъ, который на пути своемъ, подъ Гофомъ, понесъ сильное пораженіе.

Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что направленіе сего трехъ-суточного нашего отступления ни мало не препятствовало исполненію основной мысли Наполеона, отрѣзать насъ отъ сообщеній нашихъ съ Нѣманомъ, или, что одно и то же, съ Россіею, и подавить насъ тыломъ къ Фришъ-Гафскому заливу. Къ чему должны были клониться усилія наши въ теченіи этого трехъ-суточного отступления для ниспроверженія плана Наполеона? Къ сохраненію сообщеній съ Нѣманомъ, посредствомъ движенія всею массою нашихъ войскъ отъ Янкова къ Гутштадту, вмѣсто движенія къ Вольфсдорфу; или отъ Вольфсдорфа къ Гейльсбергу и Ландсбергу; или отъ Ландсберга къ Домнау, Фридланду и Прейсишъ-Эйлау. Подобнымъ движеніемъ мы бы не допустили Наполеона привести въ исполненіе его предначертанія; избавившись этимъ путемъ отъ охвата лѣваго нашего фланга правымъ флангомъ французской арміи, мы бы прикрыли тѣмъ сообщенія наши съ Россіею и удалились бы отъ Фришъ-Гафскаго залива; по мѣрѣ отступления и направленія нашей арміи къ Эйлау и къ Кёнигсбергу, мы напротивъ постоянно приближались къ нему.

Но стратегическіе виды были рѣшительно пожертвованы какимъ-то мнимымъ тактическимъ выгодамъ, основаннымъ на

ложномъ мнѣніи, что войску русскому столько же необходимо для битвы мѣстоположеніе открытое, сколько французскому закрытое или изобилующее естественными препятствіями; сверхъ того, что войску нашему, отъ малаго навыка его къ стройнымъ движеніямъ въ бояхъ, выгоднѣе оборонительное, чѣмъ наступательное дѣйствіе; какъ будто, за семь лѣтъ предъ тѣмъ, при Суворовѣ, оно не только не знало сущности, но даже названія подобнаго рода дѣйствія! Какъ будто бы Альпы, съ ихъ ущельями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежатъ болѣе равнинамъ, чѣмъ закрытымъ и изобилующимъ естественными препятствіями мѣстностямъ!

Но таково было разсужденіе всѣхъ вообще военачальниковъ того времени, и на немъ была основана мысль *сразиться оборонительно на равнинахъ Эйлау*.

Между тѣмъ Наполеонъ не зналъ, что Бенингсенъ избралъ Эйлау полемъ битвы, и привыкнувъ, трехъ-дневнымъ опытомъ, достигать нашу армію лишь подъ вечеръ и видѣть ее уходящею съ занятой позиціи во время ночи, предполагалъ Прегель и кантониръ квартиры за Прегелемъ единственными предметами нашего отступленія. Онъ ни въ какомъ случаѣ не думалъ и не могъ думать, чтобы подъ Эйлау его ожидало сраженіе. Этотъ пунктъ не представлялъ ни стратегическаго, ни тактическаго преимущества передъ Янковымъ, Вольфсдорфомъ и Ландсбергомъ. Съ этою мыслию онъ, слѣдуя за нами по большой дорогѣ, имѣлъ, въ 20-ти или въ 25-ти верстахъ отъ главныхъ силъ своихъ, вправо Даву на Гейльсбергской дорогѣ, влѣво, верстахъ въ 20-ти, Нея, преслѣдовавшаго прусскій корпусъ Лестока, по направленію къ Крейцбургу, и на нѣсколько сутокъ позади себя Бернадота, ничего не знавшаго еще о происходящемъ.

Ночью на 26-е, армія наша выступила отъ Ландсберга и, по неимѣнію двойнаго пути, двинулась одною колонною къ Эйлау. Арріергардъ Багратіона былъ оставленъ, для прикрытія этого движенія, въ Ландсбергѣ. По случаю медленнаго выступленія

арміи съ мѣста ночлега и замедленія ея при движеніи одною колонною, Багратіонъ былъ принужденъ отложить отступленіе арріергарда до 8-го часа утра. Въ 8-мъ часу непріятельскія колонны, спустившись, подобно широкому потоку, со снѣжныхъ высотъ Гофа, разлились по всему пространству отъ Гофа до Ландсберга. Бой завязался. Мы отступали, тѣснимые превосходными силами; не достигнувъ еще половины разстоянія отъ Ландсберга до Эйлау, весь арріергардъ уже вступилъ въ дѣло. Такъ какъ здѣсь мѣстность была открытая, мы стали нуждаться въ кавалеріи. Багратіонъ послалъ меня (*) къ главнокомандующему, просить у него нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе арріергарда. Бенингсенъ приказалъ мнѣ взять два первые конные полка, которые я встрѣчу на пути. Жребій палъ, кажется, на С. Петербургскій драгунскій и Литовскій уланскій полки, съ которыми я рысью помчался чрезъ Эйлау къ арріергарду, отошедшему уже къ мызѣ Грингофшенъ. Кирасирскій Его Величества и два драгунскіе полка: Каргопольскій и Ингерманландскій были присланы вслѣдъ за конницей, мною приведенной. Между тѣмъ непріятель продолжалъ напирать сильнѣе и сильнѣе. Арріергардъ отступалъ въ порядкѣ и безъ волненія. Нѣсколько полковъ 8-й пѣхотной дивизіи подошли къ нему на подмогу; ибо не всѣ еще войска вступили на избранное для нихъ боевое поле; вся баттарейная артиллерія слѣдовала еще проселочною дорогою, вправо отъ арміи. Необходимо было удержать стремленіе непріятели, чтобы дать время баттарейной артиллеріи примкнуть къ арміи, которая также должна была успѣть расположиться на избранной позиціи. Возвратясь къ Багратіону, я нашелъ его, осыпаемаго ядрами и картечью и отдававшего приказанія съ геройскимъ величіемъ и очаровательнымъ хладнокровіемъ. Вскорѣ обѣ сражавшіяся стороны столкнулись, потому что Багратіонъ, получивъ подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе о неготовности арміи къ бою, остановился; Наполеонъ, полагая, что

(*) Я имѣлъ честь и счастіе служить тогда адъютантомъ при князѣ.

Багратіонъ не прекратитъ своего отступленія, усиливаль приливы своей арміи, напирая волнами на волны. Ружейный огонь трещаль по всей линіи и былъ не разъ прерываемъ звуками желѣза объ желѣзо. Полтавскій и Софійскій пѣхотные полки съ успѣхомъ ходили на штыки на 46-й линейный. С. Петербургскій драгунскій полкъ, предводимый полковникомъ Дехтяревымъ, ударилъ на 18-й линейный, который двигался отъ Грингофшена, между озеромъ и холмомъ близъ мызы, разсѣялъ этотъ полкъ и взялъ одного орла. Полковникъ Ермоловъ, командовавшій всею артиллеріею арріергарда, сыпаль картечи въ наступившія густыя колонны, которыя сильно терпѣли отъ того; но слѣдующія за ними колонны, не будучи остановлены трупами своихъ, не умѣряли ни своей отваги, ни своей настойчивости. Не смотря на всѣ наши усилія удержать мѣсто боя, арріергардъ былъ оттѣсненъ къ городу, занятому войсками Барклая; хотя ружейный огонь изъ переднихъ домовъ и заборовъ затрещаль по всему его протяженію, но все было тщетно! Непріятелю удалось ворваться въ городъ. Уже выстрѣлы его сверкнули изъ-за угловъ, оконъ и крышъ домовъ; пули посыпались градомъ и ядра его стали пронизывать стѣснившуюся въ улицахъ пѣхоту нашу, оцетинившуюся еще разъ штыками. Эйлау болѣе и болѣе наполнялся непріателемъ. Приходилось уступить ему эти каменные дефилеи, столь для насъ необходимыя. Уже Барклай палъ, жестоко раненый; множество штабъ и оберъ-офицеровъ подверглись той же участи, или были убиты, и улицы были завалены нашими мертвыми тѣлами. Багратіонъ, сильно тѣснимый превосходнымъ въ числѣ непріателемъ, началъ медленно отступать изъ Эйлау. При выходѣ изъ города къ сторонѣ позиціи, онъ встрѣтилъ главнокомандующаго, который, подкрѣпивъ его полною пѣхотною дивизіею, приказалъ ему снова, и во чтобы то ни стало, овладѣть городомъ, обладаніе которымъ входило въ его тактическія предначертанія. И подлинно, независимо отъ многихъ другихъ удобствъ, городъ находился только въ 700 шагахъ отъ праваго фланга боевой нашей линіи. Багратіонъ безмолвно

слѣзъ съ лошади и, ставъ во главѣ передовой колонны, повелъ ее съ величайшимъ хладнокровіемъ обратно къ Эйлау. Всѣ другія колонны послѣдовали за нимъ спокойно и безъ шума, но, при вступленіи въ улицы, все, заревѣвъ *ура*, ударило въ штыки, и мы снова овладѣли Эйлау. Ночь прекратила битву. Городъ остался за нами.

Занявъ городъ достаточнымъ числомъ пѣхоты и снабдивъ начальствовавшего надъ нею приказаніями и наставленіями, Багратіонъ распустилъ прочія войска арріергарда по мѣстамъ, назначеннымъ имъ по диспозиціи; не имѣвъ уже команды, князь отправился въ главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклапенъ, въ трехъ верстахъ отъ Эйлау, въ тылу нашей линіи.

Пожаръ костровъ запылалъ въ обѣихъ арміяхъ. Казалось, что все было кончено до слѣдующаго утра. Вышло иначе. Взятіе приступомъ города произвело то, что производитъ всякій удачный приступъ: разбродъ по улицамъ и по домамъ большей части войска, которое предалось своевольству и безначалію. Надлежало собрать и устроить его. Начальствовавшій надъ нимъ прибѣгъ къ единственному въ подобныхъ случаяхъ способу—къ барабану; но онъ упустилъ изъ виду, что находится лицомъ къ лицу съ непріателемъ, котораго бивачные огни пылали почти у воротъ города. Не обдумавъ достаточно этого дѣла, онъ приказалъ *ударить сборъ*, не назначивъ даже мѣста, гдѣ его ударить. Барабаны загрѣмѣли, но въ сторонѣ города, самой отдаленной отъ непріателя, или, лучше сказать, у самой оконечности улицъ, ведущихъ изъ города къ позиціи нашей арміи. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, какъ все хлынуло къ точкѣ сбора, оставивъ безъ всякой защиты ворота эйлаускія, площадь и улицы. Непріатель, воспользовавшись этимъ, вступилъ по пятамъ нашимъ въ пустой городъ, гдѣ расположился съ полною рѣшимостію удержатъ его на сей разъ за собою.

Это неожиданное и, можно сказать, несчастное происшествіе, угрожая правому флангу нашему внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ, принудило Бенингсена исключить на всю ночь изъ боеваго порядка всю 4-ю пѣхотную дивизію; усиливъ ее Архангелогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ и расположивъ между арміею и городомъ, онъ сверхъ того придвинулъ ближе къ выходамъ изъ улицъ батарею изъ 40 батарейныхъ и 20 легкихъ орудій, устроенную прежде на самой оконечности праваго фланга арміи. Это обстоятельство имѣло для насъ слѣдствія, еще болѣе неблагопріятныя: оно лишило насъ на другой день возможности, за пять часовъ до прибытія корпуса Даву на поле сраженія, двинуть всѣ наши силы на правый флангъ французской арміи, ослабленной въ то время отсутствіемъ этого корпуса, корпуса Бернадота, и лишенной точекъ опоръ для своихъ фланговъ; Французы были расположены за городомъ, на оси котораго мы безопасно могли предпринять рѣшительный поворотъ вправо и вполнѣ воспользоваться превосходствомъ силъ нашихъ и мѣстностью. Наконецъ, оно перенесло на сторону непріятельской арміи всѣ выгоды, представляемыя опорой на Эйлау, на оси коего уже не мы, а она могла на другой день совершить поворотъ влѣво; это дозволило ей примкнуть къ подходившему на поле сраженія корпусу Даву. Охвативъ весь лѣвый флангъ нашъ, Французы потѣснили его къ кѣнигсбергской дорогѣ, чѣмъ исполнились виды Наполеона, клонившіеся съ самаго движенія его отъ Наревы къ тому, чтобы, отстранивъ насъ отъ послѣдняго прямого сообщенія съ Россіею, отбросить къ Кѣнигсбергу и къ Фришъ-Гафскому заливу. Словомъ, по занятіи непріателемъ Эйлау, намъ ни минуты не слѣдовало оставаться на избранномъ нами боевомъ полѣ, но надлежало немедленно отойти къ Домнау или Фридланду. Передвиженіе это было тѣмъ болѣе безопасно, что Даву не могъ еще угрожать пути отступленія нашей арміи, которая могла безпрепятственно сдѣлать переходъ въ 20 верстъ.

Но воля главнокомандующаго была непоколебима, и жребій былъ брошенъ.

III.

Армія наша, заключающая въ себѣ отъ 78 до 80 тысячъ, была размѣщена слѣдующимъ образомъ:

Примыкая правымъ флангомъ къ большой Кёнигсбергской дорогѣ у селенія Шлодитена (*), она имѣла направленіе нѣсколько косвенное къ городу; не доходя полуверсты до города, упираясь лѣвымъ флангомъ къ Клейнъ-Саусгартену, она образовала тупой уголъ. Деревня Серпальтенъ, находившаяся впереди Саусгартена, была занята слабымъ отрядомъ генералъ-маіора Багговута.

Пять пѣхотныхъ дивизій: 2-я, 3-я, 5-я, 7-я и 8-я, были построены въ двѣ линіи; два баталіона cadaго полка развернутымъ фронтомъ, третій позади ихъ въ колоннѣ; при нихъ было болѣе 200 орудій. Резервъ, состоявшій изъ двухъ дивизій: 4-й и 14-й, былъ построенъ въ двѣ густыя колонны и имѣлъ при себѣ 60 орудій конной артиллеріи. Въ началѣ онъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ мызы Ауклапенъ, но съ разсвѣтомъ онъ былъ переведенъ ближе къ центру арміи. Вся конница, раздѣленная на три части, была расположена на флангахъ и въ срединѣ арміи, гдѣ находилось не болѣе 28-ми эскадроновъ; казачьи полки были расположены уступами на обоихъ флангахъ. Независимо отъ артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи и находившейся при резервѣ, 1-я баттарей, изъ 40 батарейныхъ и 20 легкихъ орудій, была въ началѣ устроена на правомъ флангѣ арміи, у кёнигсбергской дороги, а по занятіи непріателемъ города, подвинута на 700 шаговъ отъ него; 2-я баттарей, изъ 70 батарейныхъ орудій, была расположена почти въ центрѣ арміи, въ верстѣ отъ города; 3-я, изъ 40 батарейныхъ, между этою баттареею и Саусгартеномъ. Ко всѣмъ тремъ баттарейамъ, подобно куртинамъ въ бастіонной системѣ, примыкали войска

(*) На этомъ полѣ сраженія были селенія Шлодитенъ и Шмодитенъ. Къ первому примыкалъ правый флангъ нашей арміи; послѣднее лежитъ позади первого въ близкомъ разстояніи отъ него.

первой нашей линіи. Хотя прусскій корпусъ Лестока, усиленный русскимъ Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ и простиравшійся почти до 8 тысячъ человѣкъ, былъ далекъ отъ поля сраженія, но онъ направлялся къ Альторфу, то есть къ правому флангу нашей позиціи; одна бригада его, коей предводительствовалъ генераль Плоцъ, заманивая Нея къ Крейцбургу, отдалялъ его отъ круга рѣшительныхъ происшествій и не позволялъ ему участвовать въ приготавливавшемся боѣ.

Правымъ флангомъ командовалъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 4-й; серединою генераль-лейтенантъ Сакенъ; лѣвымъ флангомъ генераль-лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой; резервомъ генераль-лейтенантъ Дохтуровъ; всею кавалеріею генераль-лейтенантъ князь Голицынъ; артиллеріею генераль-лейтенантъ Рѣзвой. Багратіонъ, бывшій въ чинѣ генераль-лейтенанта однимъ изъ младшихъ, не имѣлъ особой команды и былъ подчиненъ Дохтурову.

Французская армія, въ ночь съ 26-го на 27-е, была расположена въ слѣдующемъ порядкѣ:

У передовыхъ строеній города и въ самомъ городѣ пѣхотная дивизія Леграна.

На правой сторонѣ города пѣхотная бригада Вивіена; на лѣвой пѣхотная бригада Фере (обѣ составляли пѣхотную дивизію Леваля).

Къ правому флангу бригады Вивіена примыкала пѣхотная дивизія Сентъ-Илера.

Всѣ сіи три дивизіи составляли корпусъ Сульта.

На правомъ флангѣ дивизіи Сентъ-Илера, была уступомъ расположена драгунская дивизія Мильго.

За городомъ, по обѣимъ сторонамъ Ландсбергской дороги, находились драгунскія дивизіи Клейна и Груши.

Уступомъ отъ ихъ лѣваго фланга, позади пѣхотной бригады Фере, была расположена гвардейская кавалерійская дивизія.

На лѣвомъ ея флангѣ, выступомъ, легкія кавалерійскія бригады Кольберта, Гюо и Брюера; а уступомъ, кирасирская дивизія Гопульта.

Легкая кавалерійская бригада Дюронеля на оконечности лѣваго фланга всей арміи, между ею и селеніемъ Альторфъ.

Позади кирасиръ Гопульта, на дорогѣ отъ Эйлау къ селенію Стробенену—пѣхотный корпусъ Ожеро.

Пѣшая гвардія Наполеона и его собственный бивакъ на холмѣ между Эйлау и мызою Грингофшенъ.

Пѣхотный корпусъ Даву, верстахъ въ 20 отъ арміи, на Бартенштейнской дорогѣ.

Пѣхотный корпусъ Нея на Мельзакской дорогѣ, къ Цинтену, около селенія Гусененъ, верстахъ въ 25-ти отъ арміи.

Пѣхотный корпусъ Бернадота въ разстояніи нѣсколькихъ сутокъ позади арміи.

Мѣстоположеніе занимаемой нами позиціи представляло слегка холмистую равнину, примыкающую лѣвой стороною къ легкимъ возвышеніямъ, господствующимъ надъ нашимъ лѣвымъ флангомъ. Этотъ флангъ былъ чрезвычайно важенъ для насъ въ стратегическомъ отношеніи. Снѣгъ, покрывавшій землю, затруднялъ перемѣщеніе артиллеріи; оледенѣлыя и покрытыя снѣгомъ небольшія озера и болота, разсѣянные по полю сраженія, были весьма обманчивы. Представляя обширныя плоскости, по видимому, удобныя для дѣйствія кавалеріи и артиллеріи, они были весьма опасны для движенія по нимъ войскъ; многія изъ нихъ были еще непроходимы даже и для пѣхоты. Между селеніями Саустартеномъ, Кушиттеномъ и мызой Ауклапеномъ находился лѣсъ изъ кустарниковъ. Погода стояла ясная, хотя изрѣдка наступала небольшая темнота отъ пролетнаго появленія большаго снѣга. Стужа была легкая, не превышавшая трехъ или четырехъ градусовъ.

Съ утреннимъ разсвѣтомъ армія поднялась и стала въ ружье. Еще курились на мѣстѣ ночлега костры, войска разсѣкали черными полосами это бѣлое, незапятнанное поле предстоящаго сраженія, нигдѣ еще не сверкнулъ ни одинъ выстрѣлъ; но замѣтно было только нѣкоторое волненіе въ линіяхъ и колоннахъ, приходившихъ въ окончательный порядокъ; 4-я пѣхотная дивизія и Архангелогородскій полкъ возвратились на

свое мѣсто, въ составъ главнаго резерва арміи. Ободняло, и съ дневнымъ свѣтомъ грянула 60-ти пушечная батарея нашего праваго фланга. Часть непріятельской артиллеріи, ночевавшей позади переднихъ строеній города, выдвинувшись изъ-за нихъ, отвѣчала на вызовъ — и Наполеонъ вполнѣ удосто- вѣрился, что дѣло уже идетъ о битвѣ не съ арріергардомъ, какъ онъ полагалъ, а со всею нашею арміею. Не можетъ быть, чтобы въ эту минуту великій полководецъ не упрекнулъ себя въ отдѣленіи корпусовъ Нея и Даву на значительное разстоя- ніе и не ропталъ на судьбу, лишившую его въ столь рѣши- тельный день содѣйствія корпуса Бернадота. Это обстоятель- ство не прошло бы ему даромъ за 7 лѣтъ прежде, когда Су- воровъ былъ еще на конѣ во главѣ русскихъ войскъ. Хотя нашей арміей не предводительствовалъ уже великій Суворовъ, нельзя было однако пренебрегать Бенингсеномъ, полководцемъ не безъ замѣчательныхъ дарованій и свѣдѣній. Гонцы поле- тѣли къ Даву и къ Нею съ приказаніями немедленно спѣшить къ Эйлау.

Между тѣмъ жестокая канонада гремѣла вокругъ города, и главныя силы французской арміи начали размѣщаться: легкія кавалерійскія бригады Дюронеля, Брюера, Гюò и Кольберта остались влѣво отъ Эйлау. Пѣхотная дивизія Леваля, соеди- нивъ всѣ три бригады, расположилась лѣвымъ флангомъ къ этимъ легкоконнымъ бригадамъ, а правымъ къ городу. Пѣ- хотная дивизія Леграна, выдвинувшись впереди города, примк- нула къ правому флангу Леваля. Корпусъ Ожерò построился въ двѣ линіи: дивизія Дежардена составила первую, а дивизія Гюдле вторую линію. Обѣ эти дивизіи примкнули лѣвыми своими флангами къ церкви, находящейся у оконечности го- рода, гдѣ находился самъ Наполеонъ во все время сраженія.

За Ожерò расположилась кирасирская дивизія Гопульта, примыкая слѣва къ пѣшей гвардіи, стоявшей позади церкви за возвышеніемъ. За Гопультомъ стала конная гвардія, а впра- во, на одной съ нимъ линіи, драгунская дивизія Груши. Ди- визія Сентъ-Илера (отъ корпуса Сульта) примкнула къ пра-

вому флангу первой линіи Ожерò, заслоняя собою драгунскую дивизію Клейна; драгунская дивизія Мильго—къ правому флангу Клейна, и составила окончность всей арміи.

Канонада съ обѣихъ сторонъ возрастала по мѣрѣ развертыванія французской арміи параллельно нашей. Хотя она сдѣлалась общею, но гремѣла съ большею силою около города, нежели на другихъ пунктахъ; съ нашей стороны, потому что мы этимъ старались затруднить дивизіямъ Леграна и Леваля нападеніе на нашъ правый флангъ, а съ непріятельской—для привлеченія нашего вниманія болѣе на нашъ правый, чѣмъ на лѣвый флангъ, и для облегченія чрезъ то усилій Даву, ко-его прибытіе на окончность этого фланга нашего должно было рѣшить участь сраженія.

Огонь изъ нѣсколькихъ сотъ орудій продолжался уже около трехъ часовъ сряду, но ничего замѣчательнаго не происходило ни съ непріятельской, ни съ нашей стороны.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи корпуса Даву, ко-ему велѣно было принять вправо отъ Бартенштейнской дороги, на которую онъ перешелъ съ Гейльсбергской, Наполеонъ приказалъ всему центру главной арміи двинуться вправо, для связи своего дѣйствія съ дѣйствіемъ Даву. Войска двинулись, но въ самую эту минуту закрутилась метель съ густымъ снѣгомъ, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Корпусъ Ожерò, потерявъ направленіе и отдѣлясь отъ дивизіи Сентъ-Илера и всей кавалеріи, предсталъ, неожиданно для насъ и для себя, предъ центральною нашею баттареею въ самую минуту проясненія погоды. Семьдесятъ жерль рыгнули адомъ, градъ картечь зазвенѣлъ по желѣзу и застучалъ по живой громадѣ костей и мяса. Въ одно мгновеніе полки Московскій гренадерскій, Шлиссельбургскій пѣхотный и пѣхотная бригада генерала Сомова, наклонивъ штыки, ринулись съ жадностію на него. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, они противупоставили штыки штыкамъ и стали грудью. Произошла схватка, дотолѣ невиданная. Болѣе двадцати тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ вонзали трехъ-угольное остріе другъ въ друга. Толпы валились. Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого

гомерическаго побоища, и скажу по истинѣ, что въ продолженіи шестнадцати кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновскихъ, справедливо наименованную эпопеею военнаго искусства, я не видалъ подобнаго побоища! Около получаса не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни вокругъ его : слышенъ былъ только какой-то невыразимый гулъ перемѣшавшихся и рѣзавшихся безъ пощады тысячей храбрыхъ. Груды мертвыхъ тѣлъ осыпались свѣжими грудами; люди падали одни на другихъ сотнями, такъ что вся эта часть поля сраженія уподобилась вскорѣ высокому парапету вдругъ воздвигнутаго укрѣпленія. Наконецъ *наша взяла!* Корпусъ Ожеро былъ опрокинутъ и жарко преслѣдованъ нашею пѣхотою и прискакавшимъ къ ней на помощь генераль-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ съ центральною конницею. Задоръ достигъ до невѣроятія: одинъ изъ нашихъ баталіоновъ, въ пылу погони, занесся за неприятельскую позицію и явился у церкви, во 100 шагахъ отъ самаго Наполеона; объ этомъ упомянуто самими Французами во всѣхъ описаніяхъ войнъ того времени. Минута была критическая. Наполеонъ, коего энергія и присутствіе духа возвышались по мѣрѣ увеличенія опасности, приказалъ Мюрату и Бессьеру съ тремя дивизіями Гопульта, Клейна и Груши и съ конною гвардіею ударить на гнавшіяся за Ожеро съ криками *ура* войска наши. Это движеніе было необходимо для спасенія хотя части его корпуса, и для предупрежденія общаго съ нашей стороны натиска, въ случаѣ, если бы Бенингсенъ на это отважился. Болѣе 60-ти эскадроновъ обскакало справа бѣжавшій корпусъ и понеслось на насъ, махая палашами. Загудѣло поле, и снѣгъ, взрывааемый 12-ю тысячами сплоченныхъ всадниковъ, поднялся и взвился изъ-подъ нихъ, какъ вихрь изъ-подъ громовой тучи. Блистательный Мюратъ, въ карусельномъ костюмѣ своемъ, окруженный многочисленною свитою, горѣлъ впереди бури, съ саблею на-голо, и летѣлъ какъ на пиръ въ средину сѣчи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыковъ, поставленныхъ нашею пѣхотою, не удержали этого гибельнаго

напора. Французская кавалерія все смяла, все затоптала, прорвала первую линію арміи, и въ бурномъ своемъ стремленіи достигла до второй линіи и резерва, но тутъ напоръ ея волнъ разразился о скалу. Вторая линія и резервъ устояли, не колебавшись, и густымъ ружейнымъ и баттарейнымъ огнемъ обратили вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерія эта, въ свою очередь преслѣдуемая конницею нашею *сквозь строй* пѣхоты первой линіи, ею же смятой и затоптанной, а теперь снова уже поднявшейся на ноги и стрѣлявшей по ней въ догонку,—отхлынула даже за черту, которую она занимала въ началѣ дня. Погоня конницы была удалски запальчива и, какъ говорится, *до дна*, (*à fond*). Оставленные на этой чертѣ непріятельскія баттары были взяты достигшими до нихъ нѣсколькими нашими эскадронами; канониры и колеса у нѣкоторыхъ орудій были изрублены всадниками, но самыя орудія остались на мѣстѣ по неимѣнію передковъ съ упряжью, ускокавшихъ отъ страха. Въ этой рукопашной схваткѣ и въ приливѣ и отливѣ кавалеріи, дивизіонные генералы: кавалерійскій Гопульть, гвардейскій Далманъ, генераль-адъютантъ Корбино (*) и пѣхотный Дежарденъ, легли на мѣстѣ битвы. Самъ маршалъ Ожеро, дивизіонный генераль Гюдлѣ и бригадный Лошетъ были ранены; нѣкоторые другіе бригадные генералы и множество штабъ-офицеровъ, какъ Лакюе, Маруа, Бувьеръ и проч., понесли подобную же участь. Два эскадрона гвардейскихъ конныхъ гренадеръ, которые составляли хвостъ уходившей непріятельской кавалеріи, были отхвачены нашею конницею и положили жизнь между первою и второю линіями. 14-й линейный полкъ лишился всѣхъ офицеровъ, а въ 24-мъ линейномъ осталось въ живыхъ только пять. Весь корпусъ Ожеро, три кавалерійскія дивизіи и конная гвардія представляли лишь одни обломки; 6 орловъ было взято нашими. Какъ была минута для дружнаго и совокупнаго натиска всѣхъ силъ нашихъ на дивизію Сентъ-Илера, оставшуюся безъ под-

(*) Одинъ изъ трехъ извѣстныхъ генераловъ Корбино.

поры и безъ надежды на какую либо помощь! Все вокругъ этой дивизіи было или истреблено, или разстроено, и, что всего важнѣе, лишено духа не только помогать ей, но даже защищаться. Сверхъ того, было еще 11-ть часовъ утра, слѣдовательно оставалось еще два часа до прибытія корпуса Даву на поле сраженія. Но, чтобы пользоваться подобными минутами, не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума разсчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ того порыва непонятнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго, какъ электрическая искра, который столь же необходимъ поэту, витіи, какъ полководцу; это есть лишь принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова — поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабò, полководцевъ слова.

Благопріятная минута, обѣщавшая оружію нашему такъ много выгоды, исчезла. Войска наши, гнавшіяся за непріателемъ, были принуждены возвратиться къ главнымъ силамъ арміи, изъ которыхъ не было выдвинуто имъ на помощь ни одного баталіона, и разстроенный непріатель, пользуясь ихъ отливомъ, сплотился, устроился и ободрился. Тогда обѣ сражавшіяся арміи вошли въ то самое положеніе, въ которомъ онѣ находились до рѣзни и сѣчи, до бойни, бесполезно пожравшей такое множество воиновъ; всѣ эти чудеса храбрости, все это самоотверженіе, весь этотъ героизмъ воиновъ, загромоздившихъ трупами своими поле кроваваго прѣнія, ни къ чему не послужили, какъ будто его и не бывало!... Дѣйствіе ограничилось жестокою канонадою, снова разлившеюся по всему протяженію обѣихъ армій, и побіеніемъ новыхъ тысячей, *такъ, отъ нѣчего дѣлать*, до прибытія къ Французамъ корпуса Даву, къ намъ — прусскаго корпуса Лестока.

Насталъ второй періодъ сраженія.

Около перваго часу по полудни, на гребнѣ высотъ, которыя виднѣлись отъ насъ влѣво и къ которымъ примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, показалось нѣсколько отдѣльных всадниковъ. За ними слѣдовали громады конницы, а тамъ стали

выдвигаться пѣхотныя колонны и артиллерія. Горизонтъ зачернѣлъ и взволновался; холмы Саусгартена, дотолѣ безмолвные, сверкнули, оклубились дымомъ и *проглаголали*. Даву отвѣчалъ имъ изъ 40-ка орудій, и потекъ лавою на боевое поле; въ то же время къ нему стала приближаться дивизія Сентъ-Илера, подкрѣпленная кавалерійской дивизіей Мильго. На лѣвомъ флангѣ Сентъ-Илера, уступомъ отъ него, двинулись, потерпѣвшія уже въ бою, кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гопульта: онѣ были построены въ три линіи. Къ лѣвому флангу этой кавалеріи примкнулъ остатокъ корпуса Ожеро, построенный въ двѣ линіи. За ними расположилась пѣшая гвардія, а позади Гопульта, конная, потерпѣвшая не менѣе кавалерійскихъ дивизій. Дивизіи же Леграна и Леваля, и четыре легкія кавалерійскія бригады остались на своихъ мѣстахъ.

Все вниманіе наше и непріятельское обратилось на Даву и на нашъ лѣвый флангъ.

Поскакали адъютанты по Альторфской дорогѣ съ повелѣніями Лестоку спѣшить не къ правому уже флангу арміи, а чрезъ Шмодиттенъ къ лѣвому. Нѣкоторая часть конницы и артиллеріи, находившаяся на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, потянулась къ тому же лѣвому флангу, который непріятель сталъ тѣснить все болѣе и болѣе къ центру, давно уже подвергавшемуся дѣйствію батарей, расположенныхъ за каменными строеніями города; онѣ обстрѣливали продольными выстрѣлами все протяженіе арміи нашей отъ Эйлау до Ауклапена и лѣса, находящагося между Саусгартеномъ, Ауклапеномъ и Кушиттеномъ.

Обстоятельства представлялись не въ красивомъ видѣ. Даву, оттѣснивъ за лѣсъ лѣвый флангъ нашъ и занявъ пространство, раздѣляющее Кушиттенъ и Саусгартенъ, устроилъ на высотахъ Саусгартена огромную батарею, и съ своей стороны сталъ пронизывать ядрами протяженіе нашей арміи, обстрѣливаемое уже продольными выстрѣлами изъ Эйлау. Селеніе Кушиттенъ наполнилось его пѣхотою; пѣхота дивизіи

Сентъ-Илера заняла мызу Ауклапенъ, гдѣ находилась ночью главная квартира Бенингсена. Графъ Остерманъ съ свойственной ему неустрашимостію, графъ Паленъ съ величавымъ спокойствіемъ героя, тщетно отражали нападеніе, котораго стремительность возрастала въ слѣдствіе успѣховъ. Беспорядокъ начиналъ обнаруживаться въ нашихъ войскахъ. Вся часть поля сраженія, отъ Кушиттена до Шмодиттена, покрылась разсѣянными солдатами: они направлялись къ Кёнигсберской дорогѣ подъ прикрытіемъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые, не теряя ни духа, ни устройства, обливали еще кровью своею каждый шагъ земли, ими оспариваемый. Перекрестный огонь умножавшихся непріятельскихъ батарей бороздилъ, взрывалъ поле битвы и все, что на немъ находилось. Обломки ружей, щепы лафетовъ, кивера, каски вились по воздуху; все трещало и разрушалось. Среди бури ревущихъ ядръ и допавшихся гранатъ, среди упавшихъ и падавшихъ людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, вышался огромный Бенингсенъ, какъ знамя чести. Къ нему и отъ него носились адъютанты; извѣстія и повелѣнія смѣнялись извѣстіями и повелѣніями; скачка была непрерывная, онъ обнаружилъ дѣятельность неутомимую; но положеніе арміи тѣмъ не исправилось, потому что всѣ мысли, всѣ намѣренія, всѣ распоряженія вождя нашего, все дышало осторожностію, расчетливостію, свойствами ума точнаго, основательнаго, сильнаго для состязанія съ умами такого же рода; но все это безсильно противъ людей, у которыхъ внезапно проявляются вспышки генія, ускользающія отъ предусмотрительности и расчетовъ, основанныхъ лишь на теоретическихъ правилахъ. Все, что Бенингсенъ ни приказывалъ, все, что ни исполнялось въ слѣдствіе его повелѣній, — все клонилось лишь къ систематическому отраженію нападеній Даву и Сентъ-Илера, противопоставляя лишь нашъ штыкъ и дуло—штыку и дулу непріятеля; но нельзя было ожидать отъ него какого либо неожиданнаго движенія, выходящаго изъ круга обыкновенныхъ движе-

ній, и удара на пропалую и очертя голову на какой либо пунктъ, почитаемый непріателемъ внѣ опасности. И подлинно, какъ шло дѣло? Даву продолжалъ напирать, охватывая болѣе и болѣе лѣвый флангъ нашей арміи, тогда какъ часть центра и правый флангъ нашъ, не двигаясь съ мѣста, постепенно и мало-по-малу отдѣляли отъ себя частицы пѣхоты, конницы и артиллеріи на помощь отступавшему лѣвому флангу; но ни центръ, ни правый флангъ не предпринимали сами ничего совокупнаго, рѣшительнаго, такого, что могло бы ошеломить противника своею внезапностію. Впрочемъ страдательное отраженіе натисковъ праваго непріятельскаго фланга приносило намъ не мало пользы: отсрочивая рѣшительное пораженіе, оно давало время корпусу Лестока прибыть на поле битвы; но для того слѣдовало подкрѣплять этотъ флангъ большими массами, а не мелкими частицами. Багратіонъ, въ минуту опасности, силою воли и дарованія вновь появился въ главѣ войскъ; принявъ здѣсь начальство, онъ двинулъ резервъ къ Ауклапену и обратилъ его лицомъ къ Даву и Сентъ-Илеру. Ермоловъ, прискакавъ къ тому же пункту съ 24-мя орудіями, выдвинулъ ихъ изъ-за резерва и, осыпавъ брандсугелями Ауклапенскую мызу, мгновенно зажегъ ее, чѣмъ принудилъ непріятельскую пѣхоту очистить ее; генераль-маіоръ графъ Кутайсовъ прибылъ также сюда съ 12-ю орудіями, но позднѣе. Тогда, не теряя ни мгновенія, Ермоловъ устремился къ ручью, разсѣвавшему лѣсъ, и, отвѣчая съ успѣхомъ выстрѣламъ заложенныхъ непріателемъ батарей, не допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной пѣхотной колонны, ни къ лѣсу, ни къ Ауклапену, ни къ Кушиттену для подкрѣпленія войскъ, двигавшихся къ послѣднему селенію. Но эти успѣхи, или, лучше сказать, эта отсрочка угрожавшей гибели, не могла быть продолжительна. Для того, чтобы рѣшительно похитить у непріятеля побѣду, надлежало не только *остановить*, но *поразить* Даву; намъ слѣдовало сдѣлать дружный натискъ на его правый флангъ, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ тылу его общимъ наступленіемъ на корпусъ Ожеро и примыкавшую къ нему кавалерію. Для про-

изведенія этой атаки мы еще обладали достаточными силами; но для перваго намъ былъ необходимъ прусскій корпусъ, который все не являлся.

Наконецъ прискакали адъютанты съ извѣстіемъ о приближеніи Лестока, столь давно и столь нетерпѣливо нами ожидаемаго. Отвлеки большую часть корпуса Нея бригадою генерала Плоца, Лестокъ съ главными силами своими, состоявшими изъ 9-ти баталіоновъ и 29-ти эскадроновъ^(*), обратился на Лейсенъ, Гравентенъ и Альторфъ. Уже было около 4-хъ часовъ по полудни; дорога Альторфская зачернѣла войсками, и Бенингсенъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, какъ для ускоренія ихъ прибытія, такъ и для того, чтобы дать имъ надлежащее направление. Замѣтно было, что по прибытіи главнокомандующаго къ сему корпусу, онъ сталъ быстрѣе двигаться. Лестокъ двинулся къ Шмодиттену; миновавъ это селеніе и не доходя до Кушиттена, онъ построилъ войска въ боевой порядокъ. Правую колонну составлялъ русскій Выборгскій полкъ, лѣвую—полкъ Рухеля; въ резервъ же слѣдовалъ за ними гренадерскій баталіонъ Фобецкаго развернутымъ фронтомъ. Пѣхотный полкъ Шёнинга, построенный въ колонну, оставивъ селеніе влѣво, ударилъ на непріятельскую пѣхоту, предъ нимъ находившуюся, и, опрокинувъ ее, прогналъ въ лѣсъ. Генераль Каль, съ конницею и однимъ полкомъ казаковъ, примкнувшихъ къ нему отъ главной арміи, оставивъ Кушиттенъ вправо, напалъ на непріятельскую кавалерію, примыкавшую къ этому селенію, разстроилъ ее и, обратясь на пѣхоту, выбѣгавшую въ разстройство изъ Кушиттена, истребилъ большую часть ея, не допустивъ ея до лѣсу, въ которомъ скрылась первая непріятельская колонна. Въ этомъ случаѣ Выборгскій пѣхотный полкъ возвратилъ 3 орудія, взятые Французами на нашемъ лѣвомъ флангѣ, во время ихъ наступленія.

Овладевъ Кушиттеномъ, Лестокъ поворотилъ войска вправо и построилъ ихъ лицомъ къ лѣсу. Полкъ Шёнинга обра-

(*) 5,584 человекъ. Изъ рапорта Лестока.

зовалъ правый флангъ, гренадерскій баталіонъ Фобецкаго и Выборгскій пѣхотный средину, а полкъ Рюхеля лѣвый флангъ корпуса. Вторую линію составляли кирасирскій полкъ Вагенфельда и драгунскіе полки Ауера и Бачко. Легкоконный полкъ *Товарищей* построился на лѣвомъ флангѣ пѣхоты.

Въ это время отступавшій лѣвый нашъ флангъ остановился и устроился; резервъ его, подъ командою генераль-маіора графа Каменскаго, и конница резерва, подъ командою генераль-маіора Чаплица, двинулись на помощь прусскому корпусу.

Атака на лѣсъ была произведена съ превосходнымъ мужествомъ и съ замѣчательнымъ устройствомъ. Лѣсъ былъ очищенъ частію огнестрѣльнымъ, частію холоднымъ оружіемъ. Вотъ моментъ общаго натиска всей средины и всего главнаго резерва нашей арміи на разстроенный уже корпусъ Ожеро, конную гвардію и три кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гопульта, соединившія лѣвый флангъ непріятельской арміи съ его правымъ флангомъ. Подобное движеніе даровало побѣду Наполеону подъ Аустерлицомъ.

Но армія наша осталась на мѣстѣ, ограничивъ дѣйствіе свое одною канонадою. Натиску Лестока содѣйствовала собственная его артиллерія, поражавшая войска Даву и Сентъ-Илера, и артиллерія Ермолова и Кутайсова, обстрѣливавшая продольными выстрѣлами линію этихъ войскъ по всему протяженію отъ лѣваго до праваго ихъ фланга.

Не смотря на это общее съ нашей стороны бездѣйствіе, предоставлявшее всѣ усилія одному Лестоку, Каменскому и артиллеріи Ермолова и Кутайсова, непріятель не устоялъ противъ нихъ. Отступление его, начатое сперва въ порядкѣ, обратилось наконецъ въ постыдное бѣгство, которое достигло до того, что 28 орудій, частію подбитыхъ и частію ничѣмъ не поврежденныхъ, были имъ брошены на мѣстѣ сраженія. Наступившій мракъ и невѣденіе объ этомъ не дозволили прусскому генералу украсить день Эйлаускій такими важными трофеями. Даву и Сентъ-Илеръ, оставивъ поле битвы, расположили войска свои по обѣимъ сторонамъ Саусгартена; пере-

довая цѣпь и караулы ихъ остановились въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди его. У Эйлау остались на прежнихъ мѣстахъ пѣхотныя дивизіи Леваля и Леграна; но четыре легкія кавалерійскія бригады подвинулись къ Альторфскому ручью, для открытія сообщенія съ частію корпуса Нея, подходившаго уже къ Альторфу.

Съ нашей стороны войска расположились слѣдующимъ образомъ:

Передняя линія ихъ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ дорогѣ, идущей отъ Кушиттена въ Домнау, шла вдоль ручья, текущаго отъ Ауклапена, и разсѣкала лѣсъ почти на двое. Оттуда линія эта проходила впереди Ауклапена и упиралась въ центральную батарею нашу, игравшую столь значительную роль въ первомъ періодѣ сраженія. Къ этой батарее примыкали войска праваго фланга, какъ примыкали они въ первоначальномъ ихъ построеніи передъ сраженіемъ. Это параллельное положеніе сражавшихся войскъ по прекращеніи битвы доказываетъ отсутствіе рѣшительнаго перевѣса оружія одной арміи надъ другою. Какъ французская, такъ и наша, остались въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, уступившемъ нѣсколько сажень мѣста корпусу Даву и дивизіи Сентъ-Илера, по причинѣ наступленія сумрака, который прервалъ битву. Еще одинъ часъ дня; и—Лестокъ неминуемо овладѣлъ бы артиллеріею, оставленною Французами между Кушиттеномъ и Саусгартеномъ, и принудилъ бы самый корпусъ Даву и дивизію Сентъ-Илера отступить за Саусгартенъ и далѣе.

Наступила глубокая ночь надъ Эйлаускимъ полемъ, упитаннымъ кровію. Всѣ окружныя селенія были объаты пламенемъ, и отблескъ пожаровъ отражался на войска, хотя и утомленные, но еще стоявшія подъ ружьемъ и ожидавшія повелѣній своихъ начальниковъ. Кое-гдѣ видны уже были вспыхнувшіе костры биваковъ, вокругъ коихъ толпились, или къ которымъ пробирались тысячи раненыхъ. Искаженные трупы людей и лошадей, разбитыя фуры, пороховые ящики и лафеты, доспѣхи и оружіе,—все это, въ безпорядкѣ разбросанное

и сваленное въ груды, придавало равнинѣ живописность ужа-са и разрушенія, достойную кисти вдохновеннаго творца *Послѣдняго дня Помпеи*.

Бой прекратился, но недоумѣніе: возобновить ли битву или отступить намъ къ Кёнигсбергу, а Французамъ къ Вислѣ,—обуревало мысли верховныхъ вождей обѣихъ армій. Упрямѣйшій восторжествовалъ не возобновленіемъ нападенія, но выжиданіемъ утра на мѣстѣ битвы. Бенингсенъ отступилъ около полуночи, оставивъ на полѣ нѣсколько эскадроновъ, для наблюденія за непріятелемъ и прикрытія арміи, двинувшейся къ Кёнигсбергу; Лестокъ отошелъ чрезъ Алленбургъ въ Велау. Погони не было. Французская армія, подобно разстрѣленному военному кораблю, съ обломанными мачтами и съ изорванными парусами, еще грозно колыхалась; но она была неспособна сдѣлать малѣйшій шагъ впередъ не только для возобновленія битвы, но даже для преслѣдованія.

Вдругъ закипѣли ружейные выстрѣлы въ Шмодиттенѣ, чему мы весьма изумились. Мы вспомнили о Неѣ, котораго совершенно потеряли изъ виду. И подлинно, Ней, прибывъ въ 9-ть часовъ вечера съ частію своего корпуса въ Альторфъ, нашелъ тамъ прусскій гренадерскій баталіонъ капитана Куровскаго, который, видя несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, оставилъ селеніе и отошелъ къ арміи. Генераль Личе-Белеръ, съ 6-мъ и 39-мъ полками легкой пѣхоты, слѣдовалъ за нимъ и вступилъ въ Шмодиттенъ, селеніе, наполненное нашими ранеными и командами, прибывшими для ихъ прикрытія. Послѣднія открыли огонь по Французамъ, и перестрѣлка завязалась. Тотчасъ отряженъ былъ къ нимъ на помощь Воронежскій пѣхотный полкъ при нѣсколькихъ орудіяхъ; но непріятель, не ожидая нашего отряда, отступилъ въ Альторфъ, и тѣмъ прекратилась тревога.

28-го числа армія наша, отдохнувъ въ Мюльгаузенѣ, продолжала путь свой къ Кёнигсбергу, вокругъ котораго остановилась, оставивъ арріергардъ князя Багратіона въ Людвигсвальдѣ. Французская армія, опасаясь, движеніемъ впередъ, быть вы-

нужденною принять новое сраженіе, осталась около Эйлау; 24 непріятельскіе эскадрона двинулись чрезъ два дни для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, когда Наполеонъ удостовѣрился, что армія наша достигла уже Прегеля.

5-го февраля Наполеонъ, рѣшившись отступить за Пассаргу для занятія кантониръ-квартиръ, оставилъ Эйлау; его преслѣдовали нашъ авангардъ и всѣ казачьи полки подъ начальствомъ атамана Платова, который съ этого времени пріобрѣлъ европейскую славу.

Обратное движеніе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало въ уронѣ, понесенномъ ею, пять лѣтъ спустя при отступленіи изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ печальнаго отступленія ея отъ Эйлау до Гутштадта. Весь путь былъ усыянъ ея обломками. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей умирающихъ, или завалившихъ трупамъ своимъ путь, по которому мы слѣдовали; лазаретныя фуры, полныя умершихъ или умирающихъ и искаженныхъ въ Эйлаускомъ сраженіи солдатъ и чиновниковъ, попадались намъ во множествѣ. Торопливость при отступленіи достигла того, что кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ изъ нихъ, валявшихся на снѣгу безъ покрова и одежды и истекавшихъ кровью. Такихъ было на каждой верстѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни, попадавшіяся намъ на пути, были завалены больными и ранеными; они оставались безъ врачей, безъ пищи и малѣйшаго надзора. Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, много мародеровъ и 8 орудій, завязшихъ въ снѣгу и безъ упряжи.

Уронъ нашъ въ этомъ сраженіи простирался почти до половиннаго числа сражавшихся, то есть до 37 тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ: по спискамъ видно, что послѣ битвы армія наша состояла изъ 46,800 человѣкъ регулярнаго

войска и 2500 казаковъ (*). Со времени изобрѣтенія пороха не было примѣра подобнаго урона.

Предоставляю читателю судить объ уронѣ французской арміи, которая, уступая нашей въ количествѣ артиллеріи, была отбита въ центрѣ и на нашемъ лѣвомъ флангѣ послѣ двухъ упорныхъ атакъ.

Трофеи наши состояли изъ 9-ти орловъ, исторгнутыхъ изъ рядовъ непріятельскихъ, и изъ 2000 плѣнныхъ. Прусскій корпусъ взялъ 2 орла.

IV.

Трогательное происшествіе случилось со мною послѣ сраженія. За годъ и два мѣсяца армія наша потерпѣла сильное пораженіе подъ Аустерлицомъ; кавалергардскій полкъ раздѣлилъ пораженіе съ прочими частями арміи. Служившій въ этомъ полку поручикомъ родной братъ мой, тогда 20-ти лѣтній юноша, былъ жестоко раненъ: получивъ пять ранъ саблею, одну пулею и одну штыкомъ, онъ былъ оставленъ за мертво въ грудѣ труповъ на полѣ сраженія. Такъ пролежалъ онъ до глубокой ночи. Очнувшись ночью, онъ всталъ, и кое-какъ добрелъ до огня, сверкавшаго изъ ближайшей деревни, которую нашелъ занятою русскими ранеными, среди которыхъ онъ и помѣстился. Спустя трое сутокъ, двое кавалергардовъ, подобно ему раненыхъ, но гораздо легче, Араповъ и Барковскій, уговорили его идти вслѣдъ за отступавшею арміею нашей, и онъ, не зная о ея направленіи, побрелъ вмѣстѣ съ ними, какъ бродятъ люди, изнуренные страданіями и голодомъ. Путешествіе ихъ продолжалось не долго. Гвардейскій конно-гренадерскій эскадронъ, отряженный изъ французской арміи для собранія раненыхъ какъ французскихъ, такъ и русскихъ, настигъ странниковъ и объявилъ имъ объ ихъ

(*) Изъ записокъ генерала Бенингсена.

участи. Дѣлать было нечего: надлежало повиноваться. Эскадронъ пошелъ далѣе, но командиръ его поручилъ брата моего и его двухъ товарищей одному изъ офицеровъ своего эскадрона, для доставленія ихъ въ Брюнъ, гдѣ тогда находилась главная квартира Наполеона.

Но *бѣдненькій охъ, а за бѣдкенскимъ Богъ!* говоритъ пословица. Офицеръ этотъ былъ поручикъ Серюгъ, племянникъ министра Маре (герцога Бассано). На его произволъ отданы были и жизнь и смерть брата моего. Я говорю и жизнь и смерть, потому что ненависть Французовъ къ Русскимъ и Русскихъ къ Французамъ началась съ этой эпохи. Въ обѣихъ арміяхъ вошло въ обычай срывать съ плѣннаго послѣдній покровъ, послѣднюю обувь, и изнеможенного отъ голода, усталости, стужи или ранъ предавать смерти. Хотя начальство этого не приказывало, но за подобные поступки никогда не взыскивало. Человѣколюбивый и сострадательный Серюгъ не былъ еще зараженъ этими гнусными правилами. Соболезнуя о злополучіи своего плѣнника, онъ простеръ свою снисходительность до того, что воспретилъ ему идти пѣшкомъ, посадилъ на лошадь и, видя его ослабленнымъ отъ голода, раздѣлилъ съ нимъ послѣдній кусокъ собственного хлѣба. Такъ привезъ онъ его къ пастору ближайшаго села, приказавъ ему накормить при себѣ плѣнника до-сыта; снарядивъ для него повозку, онъ отправилъ его въ Брюнъ, ожививъ его дружескимъ и, можно сказать, братскимъ участіемъ. Кромѣ того, онъ далъ брату слово отыскать его въ Брюнѣ, куда надѣялся вскорѣ возвратиться; на случай если бы онъ не возвратился, Серюгъ взялъ съ брата слово прибѣгнутьъ прямо къ дядѣ его, министру Маре, требуя отъ него всѣхъ вспомоствованій, необходимыхъ въ его положеніи.

Все это слышалъ я отъ брата, по возвращеніи его изъ плѣна, и за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ армію.

Прибывъ съ аррьергардомъ въ Людвигсвальдъ 29-го января, я отпросился у князя Багратіона въ Кёнигсбергъ для собственныхъ надобностей; прибывъ туда, я остановился у генерала

Чаплица, исправлявшего тогда должность коменданта города. Чаплицъ объявилъ мнѣ, что какой-то французскій офицеръ, раненый въ послѣднемъ сраженіи, спрашивалъ обо мнѣ, или, лучше сказать, освѣдомлялся, нѣтъ ли въ арміи нашей гвардіи поручика Давыдова? Я одинъ въ цѣлой арміи былъ гвардіи поручикъ Давыдовъ, и, любопытствуя узнать имя этого офицера, я просилъ показать себѣ списокъ плѣнныхъ чиновниковъ. Каково было мое удивленіе, когда, при разсматриваніи огромнаго фоліанта, имя *гвардіи конно-гренадерскаго полка поручика Серюга* первое бросилось мнѣ въ глаза! Увидѣть это имя и бѣжать къ Серюгу было дѣломъ одного мгновенія. Я еще не добѣжалъ до него, не видалъ его въ лицо, а уже былъ его братомъ, другомъ, вѣчнымъ и страстнымъ. Надобно сказать, что жители Кёнигсберга, узнавъ о прибытіи арміи нашей къ стѣнамъ города, опасались дальнѣйшаго нашего отступленія и занятія города Французами; дабы заблаговременно заслужить благосклонность Наполеона, они употребили все стараніе, чтобы испросить у Бенингсена позволеніе разобрать по домамъ своимъ раненыхъ французскихъ офицеровъ, для пользованія и содержанія ихъ на своемъ иждивеніи. Разумѣется, что въ этомъ фортуна болѣе благопріятствовала племяннику министра, чѣмъ другому. Серюгъ пользовался гостепріимствомъ богатѣйшаго гражданина въ Кёнигсбергѣ.

Я нашелъ его въ высокомъ, роскошно убранномъ домѣ, коего весь первый этажъ былъ ему предоставленъ. Кровать съ занавѣсью, бѣлье отличное, ширмы, столики, диваны, обширныя кресла возлѣ кровати, полусвѣтъ и куреніе въ комнатѣ, врачъ и лекарства,—ни въ чемъ не было недостатка. Но онъ лежалъ блѣдный, изнеможенный, въ жестокихъ страданіяхъ. Нѣсколько сабельныхъ ранъ по головѣ и по рукамъ не столько его беспокоили, сколько мучила его рана пикою въ пахъ,—глубокая и смертельная. Я тихо и осторожно подошелъ къ кровати страдальца и объявилъ ему мое имя. Мы обнялись какъ будто родные братья. Онъ спросилъ съ живѣйшимъ участіемъ о братѣ моемъ; я благодарилъ за сохраненіе

мнѣ его, и предложилъ себя къ его услугамъ. Онъ на это отвѣчалъ мнѣ: «Вы видите, я на попеченіи добраго человѣка и ни въ чемъ не нуждаюсь. Однако вы можете мнѣ сдѣлать большое одолженіе. Безъ сомнѣнія, между плѣнными есть раненные моего взвода; не можете-ли вы исходатайствовать у начальства двухъ, или хотя одного изъ моихъ конно-гренадеръ для нахожденія при мнѣ. Пусть я умру, не спуская глазъ съ мундира моего полка и гвардіи великаго человѣка.» Я, разумѣется, поспѣшно исходатайствовалъ у Бенингсена и Чаплица позволеніе выбрать изъ толпы плѣнныхъ двухъ конно-гренадеръ взвода Серюга, и, сопровождаемый двумя его усачами, осыненными медвѣжьими шапками и одѣтыми въ полной формѣ, я явился чрезъ два часа къ нему. Нельзя изъяснить радости несчастнаго моего друга при видѣ своихъ сослуживцевъ. Изъявленію благодарности не было бы конца, безъ просьбы моей прекратить порывы сердца, столь изнурительные въ его положеніи.

Двое сутокъ я ни денно, ни ночью не оставлялъ Серюга; на третьи все кончилось: онъ умеръ на рукахъ моихъ, и похороненъ на кѣнигсбергскомъ кладбищѣ.

За гробомъ шли двое упомянутыхъ французскихъ конно-гренадеръ и я—поручикъ русской гвардіи. Странное сочетаніе людей и мундировъ!

Глубокая печаль живо изображалась на лицахъ старыхъ рубакъ, товарищей моихъ въ процессіи..... Я былъ молодъ..... я плакалъ.

ТИЛЬЗИТЪ

1807 году.

ТИЛЬЗИТЪ

ВЪ

1807 году.

THIRTY

En
Tul
A. J. J. J.
Aug 20 1880

ТИЛЬЗИТЪ

ВЪ

1807 ГОДУ.

—

I.

1807 года 2-е іюня ознаменовано было неимовѣрною храбростію, неимовѣрными усиліями войскъ нашихъ, и при всемъ томъ, этотъ день былъ днемъ самымъ бѣдственнымъ для нашего оружія. Армія наша, расположенная въ боевой порядокъ на переکورъ основнымъ правиламъ военного искусства, уничтоженная превосходнымъ числомъ непріателя, засыпанная на тѣсномъ пространствѣ густою массою чугуна и свинца, частью вбитая въ тѣсныя улицы Фридланда, частью опрокинутая съ крутыхъ береговъ въ Алле, двигалась къ Прегелю, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ покушеній непріателя.

Не забуду никогда тяжелой ночи, смѣнившей этотъ кровавый день. Аррьергардъ нашъ, измученный десятисуточными битвами и ошеломленный послѣднимъ ударомъ, разразившимся болѣе на немъ, чѣмъ на другихъ войскахъ, прикрывалъ безпорядочное отступленіе арміи, нѣсколько часовъ предъ тѣмъ столь грозной, стройной и красивой. Физическія силы наши гнулись подъ гнетомъ трудовъ, нераздѣльных со службою передовой стражи. Всегда бодрый, всегда неусыпный, всегда превыше всякихъ опасностей и бѣдствій, Багратіонъ командовалъ этой частью войскъ; но и онъ, подобно подчиненнымъ своимъ, изнемогалъ отъ усталости и изнуренія. Спо-

движники его, тогда только начинавшіе знаменитость свою: графъ Паленъ, Раевскій, Ермоловъ, Кульневъ, исполняли обязанности свои также черезъ силу; пѣхота едва тащила ноги, всадники же дремали, шатаясь на коняхъ.

На разсвѣтъ армія прибыла въ Велау, и въ продолженіе дня перешла черезъ Прегель; аррьергардъ, соединясь съ нею, истребилъ мостъ. Все войско, сколько позволило время, устроилось и пошло далѣе на Таплакенъ, Клейнъ-Ширау и Попелкенъ, по направленію къ Тильзиту. Порядокъ марша былъ слѣдующій: впереди гвардія со всею баттарейною артиллеріею; за ними два полка легкой кавалеріи праваго фланга (остальною кавалеріею этого фланга Беннингсенъ усилилъ аррьергардъ); потомъ вся тяжелая кавалерія обоихъ фланговъ; наконецъ вся пѣхота и легкая артиллерія, и съ ними главная квартира; аррьергардъ заключалъ шествіе.

Но прежде чѣмъ продолжать очеркъ этого отступленія, необходимо взглянуть на предшествовавшія ему стратегическія распоряженія обоихъ полководцевъ.

Наполеонъ стоялъ на Пассаргѣ; передовой корпусъ его арміи, — корпусъ Нея, находился въ Гутштадтѣ и окрестностяхъ его.

Беннингсенъ, уstraшенный дѣйствіемъ въ сосѣдствѣ Фришгафскаго залива, къ которому едва не была приперта армія его во время зимней кампаніи, избралъ новую черту дѣйствія. Онъ расположилъ войска свои по теченію Алле, отъ окрестностей Гутштадта до Шипенбейля, занимая ими Гейльсбергъ и Бартенштейнъ; предназначивъ Гейльсбергъ пунктомъ соединенія всѣхъ силъ своихъ для генеральнаго сраженія, онъ приказалъ возвести на возвышеніяхъ, облегающихъ городъ, многочисленныя укрѣпленія. Эти распоряженія не подлежали бы осужденію, еслибъ черта дѣйствія, избранная Беннингсеномъ, заслонявшая единственное основаніе арміи нашей—Нѣманъ и Россію, прикрывала вмѣстѣ съ тѣмъ и магазины, на Нѣманѣ или между Нѣманомъ и нашей арміей расположенные. Но по этому направленію не существовало никакихъ магазиновъ; напротивъ

Бенингсенъ, прикрывая Нѣманъ и Россію, оставилъ и даже умножилъ съѣстные и боевые запасы въ Кѣнигсбергѣ, находившемся на правомъ флангѣ арміи и почти внѣ круга боевыхъ происшествій. Такимъ же образомъ распорядился онъ и относительно подвозовъ, высылаемыхъ изъ магазиновъ въ армію; они подвергались неминуемой гибели при первой необходимости оставить Гейльсбергъ, при первомъ движеніи его на правый берегъ Алле. Это не могло укрыться отъ такого проницательнаго и всеобъемлющаго взгляда полководца, каковъ былъ Наполеонъ. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ не только потому, что долгъ всякаго военачальника пользоваться ошибками противника, но и по необходимости. Область, изнуряемая войсками его въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, и область, столько же времени прокормившая наши войска и куда онъ намѣревался вторгнуться, не представляли болѣе средствъ къ пропитанію. Надлежало имѣть заранѣе учрежденные магазины, которые были устроены нами только въ Кѣнигсбергѣ. Наполеонъ рѣшился потому немедленно овладѣть ими; Бенингсенъ же не озаботился оставить въ немъ достаточнаго гарнизона для охраненія его въ случаѣ набѣга самой малочисленной партіи непріятельскихъ гусаръ. Но, чтобъ овладѣть Кѣнигсбергомъ, не подвергая себя той же самой опасности, въ коей находился Бенингсенъ во время зимней кампаніи, надлежало сперва, вытѣснивъ армію нашу изъ гейльсбергскихъ укрѣпленій, отбросить ее на правый берегъ Алле; это не было упущено изъ вида. Французская армія, перейдя чрезъ Пассаргу, приступила къ Гейльсбергу, обнимая лѣвымъ крыломъ своимъ нашъ правый флангъ. Тогда только Бенингсенъ вспомнилъ о Кѣнигсбергѣ. Три способа представлялись ему къ удержанію, хотя на нѣкоторое время, Кѣнигсберга: одинъ въ отраженіи Наполеона отъ гейльсбергскихъ укрѣпленій, разбитіи его арміи и преслѣдованіи ея за Пассаргу и далѣе къ Вислѣ; другой — въ перемѣщеніи всей арміи къ Фришгафскому заливу, избѣгая сраженія подъ Гейльсбергомъ (это движеніе было тогда уже очень опасно и невозможно по причинѣ смежности

съ непріятелемъ; къ тому же еслибъ оно и удалось, то армія наша снова подверглась бы тому бѣдственному положенію, въ которомъ она находилась во время зимней кампаніи); наконецъ, третій состоялъ въ томъ, чтобы отдѣлить къ Кёнигсбергу нѣкоторую часть арміи. Бенингсенъ избралъ послѣдній, тѣмъ болѣе, что и самое положеніе дѣлъ тому способствовало. Прусскій корпусъ Лестока, дѣйствовавшій на нижней Пассаргѣ у Спандена, былъ отрѣзанъ отъ нашей арміи движеніемъ лѣваго крыла французской арміи отъ Эльдитена къ Гутштадту. Та же участь постигла отрядъ графа Каменскаго, возвращавшійся изъ-подъ Данцига, послѣ неудачной попытки пробиться въ эту крѣпость. Бенингсенъ воспользовался обоими обстоятельствами; Лестокъ, усиленный отрядомъ Каменскаго съ 12-ю тысячами человѣкъ, поспѣшилъ къ Кёнигсбергу. Въ это время Наполеонъ атаковалъ армію нашу, защищавшую гейльсбергскія укрѣпленія, и послѣ неимовѣрныхъ усилій, продолжавшихся до глубокой ночи, былъ отбитъ съ чрезвычайнымъ урономъ. Мы побѣдили хотя оборонительно, но побѣдили; воспользовавшись на другой день побѣдою, мы, какъ мнѣ кажется, могли въ свою очередь атаковать непріятеля. Бенингсенъ предпочелъ простоять весь слѣдующій день въ укрѣпленіяхъ, и на третій, съ арміею, ободренной успѣхомъ, понесшей лишь небольшой уронъ и нисколько не разстроенной, онъ перешелъ на правый берегъ Алле, вдоль котораго двинулся къ Прегелю. Наполеонъ достигъ своей цѣли не побѣдою, а неудачею; подобные примѣры встрѣчаются въ исторіи. Не рѣдко коменданты крѣпостей, отразивъ приступъ непріятеля, не только не рѣшаются сдѣлать хотя слабую вылазку, но, будучи побѣдителями, предпочитаютъ оставить ихъ.

Между тѣмъ какъ мнѣніе о необыкновенной предприимчивости Наполеона вынуждало Бенингсена избѣгать генеральнаго сраженія, императоръ Французовъ, убѣжденный въ недостаткѣ предприимчивости своего противника, отваживался на самыя опрометчивая дѣйствія. Онъ не могъ не замѣтить раз-

стройства и потому нѣкотораго потрясенія духа въ большей части своей арміи, въ слѣдствіе неудачнаго приступа; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ армію нашу, отступавшую послѣ удачнаго дѣла не отъ безсилія, разстройства, боязни, чего никогда не бываетъ въ самыхъ посредственныхъ войскахъ, зарытыхъ по горло въ смертоносныхъ укрѣпленіяхъ и отразившихъ непріятеля, но онъ ничего не хотѣлъ принять въ уваженіе. Онъ не хотѣлъ сознаться въ томъ, что мы оставили гейльсбергскія укрѣпленія и отступили вдоль Алле къ Прегелю лишь въ слѣдствіе воли Бенингсена, а не побѣды его надъ нами; слѣдовательно еще не воспослѣдовало ничего рѣшительнаго, и разсѣченіе Гордіева узла было еще впереди, а потому для этой цѣли надо было имѣть подъ рукой болѣе войска. Но, допустивъ это, нельзя повѣрить, чтобы этотъ великій полководецъ, отдѣливъ Мюрата съ корпусами Сульта, Даву и большею частію кавалеріи, всего около 50 тысячъ человѣкъ, вслѣдъ за Лестокомъ, дерзнулъ приступить къ рѣшенію участи войны лишь съ двумя дивизіями; эта война, не ознаменованная до этого времени рѣшительными успѣхами Наполеона, и длившаяся для него впервые болѣе полугода, приносить немаловажную честь Бенингсену, не взирая на рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ этимъ генераломъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеону было бы вѣрнѣе и безопаснѣе, оставивъ безъ вниманія Лестокъ въ Кёнигсбергѣ, идти всѣми силами вслѣдъ за нашей арміей, къ Нижней Алле; одержавъ надъ ней рѣшительную побѣду, онъ лишь тогда долженъ былъ отдѣлить отъ главной арміи корпуса, направленные къ Кёнигсбергу еще изъ-подъ Гейльсберга. Двинувшись отъ Нижней Алле чрезъ Тапіау въ Лабіау, онъ безпрепятственно и вдругъ достигъ бы двухъ цѣлей: овладѣнія безъ выстрѣла Кёнигсбергомъ и уничтоженія корпуса Лестокъ, коему, кромѣ Лабіау, не было другаго выхода.

Лестокъ узналъ 4-го числа о пораженіи Бенингсена подъ Фридландомъ и объ отступленіи арміи нашей къ Тильзиту; оставивъ немедленно Кёнигсбергъ, онъ поспѣшилъ къ Лабіау,

чтобы оттуда выйти на Тильзитскій путь. Постигая всю опасность своего положенія, онъ не шелъ, но летѣлъ туда безъ отдыха. Мюратъ, овладѣвъ нашими магазинами въ Кёнигсбергѣ, оставилъ при нихъ корпусъ Сульта, и отославъ Даву чрезъ Тапіау въ главную армію Наполеона, онъ сталъ преслѣдовать Лестока съ одною кавалеріею. Онъ настигъ его, но уже тогда, когда Лестокъ, пройдя открытое мѣстоположеніе, вступилъ близъ Лабіау въ лѣса и болота, гдѣ кавалерія была бесполезна. Между тѣмъ Наполеонъ, направивъ 3-го числа изъ Фридланда корпусъ Нея на Инстербургъ, слѣдовалъ за нами съ главными силами.

Не зная объ оставленіи Сульта въ Кёнигсбергѣ и о присоединеніи Даву къ Наполеону, и убѣжденный, что при малѣйшемъ замедленіи въ отступленіи, корпуса Нея, Даву и Сульта могутъ прибыть на Тильзитскій путь и отрѣзать насъ отъ Тильзита, Бенингсенъ разсудилъ, что мы подвергались большей опасности при нападеніи на насъ Нея и Мюрата съ тыла, чѣмъ при натискѣ главной французской арміи съ фронта со стороны Велау. Это, въ нѣкоторомъ отношеніи весьма справедливое, разсужденіе едва не побудило его спѣшить съ большею частью войскъ къ узлу путей, идущихъ изъ Инстербурга и Лабіау и соединяющихся съ Тильзитскимъ путемъ при деревняхъ Ваннаглаукенъ и Шиллупишкенъ; но подобное отступленіе могло подвергнуть насъ опасностямъ другаго рода. Главная масса французской арміи, не встрѣчая преградъ и отпора со стороны нашего аррьергарда, который поступилъ бы въ этомъ случаѣ въ составъ главныхъ силъ, могла, какъ говорится, сѣсть намъ на плеча, и жаркими, неослабными натисками довершить нашу гибель прежде, чѣмъ мы успѣли бы достигнуть праваго берега Нѣмана.

Чтобы сколько нибудь остановить стремленіе Наполеона со стороны Велау и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть отрѣзаннымъ Мюратомъ и Неемъ отъ Тильзита, намъ приходилось жертвовать аррьергардомъ. Багратіонъ былъ оставленъ при Таплакенѣ, съ повелѣніемъ отражать натиски Наполеона и отступать какъ

можно медленнѣе за армію, которая въ то же время ускоряла свое движеніе. Такъ полтора года предъ тѣмъ, Кутузовъ, находясь почти въ столь же затруднительномъ положеніи, оставилъ того же Багратіона съ шеститысячнымъ аррьергардомъ подъ Голлабрюномъ и Шенгробеномъ противъ огромныхъ корпусовъ Ланна, Сульта и Мюрата. Но тамъ и здѣсь горѣла надъ питомцемъ Суворова та же звѣзда. Казалось, что Провидѣніе хранило его до Бородинскаго дня, чтобы сочетать великое событіе съ великою жертвою, другое Канское побоище со смертію другаго Павла Эмилія.

Въ теченіи всего 3-го числа преслѣдованіе производилось безъ сильныхъ натисковъ, безъ той наглости, свойственной французскимъ войскамъ послѣ малѣйшей удачи. Но 4-го, мы примѣтили, что число преслѣдовавшихъ насъ войскъ значительно увеличилось, и почувствовали желѣзную волю ихъ верховнаго предводителя. Аррьергардъ нашъ былъ жестоко тѣснимъ при *Клейнъ-Ширау*, *Битененъ* и *Попелкенъ*; узелъ путей, соединяющихся въ *Ваннаглаукенъ* и *Шиллупишкенъ*, былъ отъ насъ еще далеко, главная же армія еще далѣе. О войскахъ Лестока, также и о посланныхъ партіяхъ для наблюденія за движеніемъ и направленіемъ Нея, мы не получали никакого извѣстія; было отъ чего придти въ отчаяніе!

Въ этотъ день, какъ будто для развлеченія насъ отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, прибыло въ аррьергардъ нѣсколько башкирскихъ полковъ, только что пришедшихъ въ армію. Вооруженные луками и стрѣлами, въ вислоухихъ шапкахъ, въ какихъ-то кафтанахъ въ родѣ халатовъ и на лошадяхъ неуклюжихъ, малорослыхъ, эти жалкія каррикатуры удалыхъ черкесскихъ наѣздниковъ, были присланы въ аррьергардъ, какъ насъ увѣряли тогда,—съ намѣреніемъ, поселивъ въ Наполеонѣ мысль о возстаніи на него всѣхъ народовъ, подвластныхъ Россіи, утратить его тѣмъ. Но зачѣмъ было морочить людей фантазмагоріями, и тѣмъ болѣе такого положительнаго человека, каковъ былъ Наполеонъ? Не народы невѣжественные

и дикіе, а триста тысячъ резервнаго, регулярнаго войска, стоящаго на границѣ съ примкнутыми штыками и подъ начальствомъ полководца предприимчиваго и рѣшительнаго, — вотъ что тогда могло утѣшить Наполеона. Я не спорю, что при вторженіи въ какое либо европейское государство регулярной арміи нашей, одержавшей уже не разъ большіе успѣхи, тучи Уральцевъ, Калмыковъ, Башкирцевъ, ринутыхъ въ объѣздъ и въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, могли привести въ трепетъ непріятели. Ихъ многолюдство, наружность, обычаи, необузданность, приводя на память Гунновъ и Аттилу, могли сильно поразить европейское воображеніе, но, что еще полезнѣе, могли лишить противника сѣстныхъ и военныхъ запасовъ его. Но послѣ пораженія подъ Фридландомъ и отступленія къ Нѣману, когда и самая наша пѣхота, артиллерія и конница уже съ трудомъ могли удерживать побѣдоносное шествіе наполеоновскихъ полчищъ къ границамъ Россіи, открытой и неготовой еще на отпоръ, — какъ можно было обманывать себя столь несбыточными надеждами! Какъ было увѣрять себя въ успѣхъ, противопоставляя оружіе XV-го столѣтія оружію XIX-го, и метателямъ ядръ, гранатъ, картечи и пуль метателей стрѣлъ, заостренныхъ желѣзомъ, хотя число ихъ было бы весьма велико! Французы прозвали ихъ сѣверными купидонами (*les amours du nord*).

Какъ бы то ни было, но Французы и тѣ изъ Русскихъ, которые впервые увидѣли Башкирцевъ, встрѣтили ихъ единодушнымъ смѣхомъ. Вечеромъ много было разсказовъ о приключеніяхъ съ Башкирцами въ теченіи этого дня. Что касается до меня, я былъ свидѣтелемъ одного весьма забавнаго случая.

На перестрѣлкѣ взятъ былъ въ плѣнъ французскій подполковникъ, котораго я забылъ имя. Къ несчастію, природа одарила его носомъ большаго размѣра, а въ слѣдствіе случайностей войны, этотъ носъ былъ пронзенъ насквозь стрѣлою, которая остановилась ровно на половинѣ длины своей. Подполковника сняли съ лошади и посадили на землю, чтобы освободить его отъ этого безпокойнаго украшенія. Много любопытныхъ, между коими

и нѣсколько Башкирцевъ, обступили страдальца. Но въ то время, какъ лекаръ, взявъ пилку, готовился пилить на двое стрѣлу возлѣ самага носа, такъ, чтобы вынуть ее справа и слѣва, что почти не причинило бы боли и еще менѣе ущерба этой громадной выпуклости,—одинъ изъ Башкирцевъ, узнавъ оружіе, ему принадлежащее, схватилъ лекаря за обѣ руки. «Нѣтъ,» говорилъ онъ, «нѣтъ, бачка, не дамъ рѣзать стрѣлу мою; не «не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрѣла; я самъ ее вы-
«ну.»—«Что ты врешь,» говорили мы ему: «ну, какъ ты вынешь «ее?»—«Да, бачка! возьму за одинъ конецъ», продолжалъ онъ, «и вырву вонъ; стрѣла цѣла будетъ.»—«А носъ?» спросили мы.—«А носъ?» отвѣчалъ онъ: «чортъ возьми носъ!»

Можно вообразить себѣ хохотъ нашъ.

Между тѣмъ подполковникъ, не понимая русскаго языка, угадывалъ однакожь о чемъ идетъ дѣло. Онъ умолялъ насъ отогнать прочь Башкирца, что мы и сдѣлали. Долгъ платежемъ красенъ: тутъ въ свою очередь французскій носъ восторжествовалъ надъ башкирскою стрѣлою.

5-го числа положеніе наше не улучшилось. То же невѣдѣніе о Лестокѣ и о Неѣ, та же неотвязчивость непріятельскаго авангарда въ преслѣдованіи, тѣ же усилія, то же самоотверженіе войскъ нашихъ при отраженіи натисковъ непріятеля! Разсуждая объ ожидающей насъ участи съ однимъ изъ ближайшихъ тогда знакомыхъ моихъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-капитаномъ, барономъ Дибичемъ (*), мы какъ-то нечаянно и въ одно время оглянулись вправо и увидѣли около пятидесяти прусскихъ гусаръ, скакавшихъ къ правому флангу нашей позиціи. Я ѣзжалъ на конѣ не манежно, но бойко, на казацкую руку, и конь подо мной былъ залетный. Въ одно мгновеніе я нагналъ Пруссаковъ и немедленно прискакалъ съ ними къ Багратіону. Они объявили ему, что Лестокъ благополучно прошелъ чрезъ Гроссъ - Баумвальдскій лѣсъ, что

(*) Покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ.

Французы отстали отъ него далеко, что они отстанутъ еще далѣе, по причинѣ разсѣкающей дорогу, почти на двѣ мили, плотины, узкой, изломанной и разрытой въ разныхъ мѣстахъ войсками Лестока. Мы ожили! Но судьба не довольствовалась однимъ подаркомъ; въ ту же минуту пришло донесеніе, не менѣе счастливое: партіи наши, посланныя къ сторонѣ Ин-стербурга, для наблюденія за Неемъ, дали знать, что онъ, не двигаясь болѣе къ тильзитскому пути, направился къ Гумбиннену; слѣдовательно, и съ этой стороны горизонта небо прояснилось. Дѣла наши приняли иной оборотъ; спасеніе наше было уже несомнѣнно.

Наконецъ, къ вечеру того же дня, главная армія увидала Тильзитъ и Нѣманъ, — для безпрепятственного и спокойнаго достиженія коихъ мы жертвовали аррьергардомъ; всѣ аррьергардныя войска расположились боевымъ порядкомъ у Дранговской кирки, для прикрытія начавшейся переправы тяжестей.

Эти важныя для насъ событія развязали руки Багратиону; онъ избавился отъ тяжелой обязанности задерживать вдесятеро сильнѣйшія громады войскъ, предводимыя Наполеономъ. Ней и Мюратъ не угрожали уже тылу его, и дѣйствіе его могло ограничиваться одними легкими и обыкновенными отраженіями непріятеля, напиравшаго на фронтъ его со стороны Велау.

Въ такомъ положеніи были дѣла наши, когда я, 6-го поутру, посланъ былъ къ Бенингсену съ увѣдомленіемъ о томъ, что аррьергардъ избѣжалъ опасности съ тыла, что войско сохранило полное устройство и бодрость духа, Мюратъ присоединился къ главной арміи и корпусъ Нея направился на Гумбинненъ.

Я не засталъ уже арміи нашей у Дранговской кирки; переправивъ тяжести свои чрезъ Нѣманъ, она сама уже приступила къ переходу чрезъ эту рѣку; главная же квартира перешла въ Тильзитъ. Проѣхавъ за кирку, я встрѣтилъ скакав-

шаго отъ Беннингсена въ аррьергардъ маіора Эрнеста Шёпинга, одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ товарищей и собесѣдниковъ. «Что новаго, Шёпингъ?» спросилъ я его.—«Новое то», отвѣчалъ онъ мнѣ, «что я везу письмо отъ Беннингсена къ Багратиону. Беннингсенъ предписываетъ ему войти чрезъ меня въ сношеніе съ Французами и предложить имъ перемиріе, пока приступимъ къ переговорамъ о мирѣ. Вотъ тебѣ все новое. Прощай!» Не могу выразить, что произвело во мнѣ это извѣстіе! Я не скажу, чтобы собственно въ отношеніи къ себѣ мнѣ были противны и перемиріе и самый миръ. Напротивъ непрерывныя отступленія, даже послѣ успѣховъ, непрерывныя занятія новыхъ позицій, будто неприступныхъ, а между тѣмъ немедленно оставляемыхъ при появленіи непріятеля, и рѣшительное отсутствіе наступательнаго дѣйствія, приводили насъ всѣхъ въ отчаяніе. Ко всему этому положеніе дѣлъ представлялось мнѣ такъ, какъ оно было въ дѣйствительности; оно было обнажено отъ всѣхъ оптическихъ обмановъ и обольщеній. Несоразмѣрность дарованій Беннингсена съ геніемъ Наполеона, вкравшаяся уже тогда въ духъ большей части нашего войска, вещественное разстройство арміи послѣ Фридландскаго пораженія, недостатокъ въ резервахъ, чрезмѣрное отдаленіе наше отъ необученной еще милиціи и множество другихъ обстоятельствъ, не менѣе важныхъ, все это я услышалъ отъ Шёпинга и все вскорѣ изгладилось изъ моей памяти. Я, выходя изъ себя отъ негодованія, ничего не видалъ, ничего не чувствовалъ другаго, кромѣ срама приступать къ миру, не отмстивъ за Фридландъ; какъ будто на меня обрушалась обязанность отвѣтствовать отечеству за оскорбленіе его славы и чести. Въ безуміи своемъ я поспѣшилъ къ Беннингсену, чтобы увѣрить его въ отличномъ положеніи арріергарда и въ возможности смѣло продолжать военныя дѣйствія на столько времени, сколько ему заблагоразсудится; какъ будто все зависѣло отъ арріергарда, какъ будто довольно было одного клона войскъ для борьбы съ полководцемъ, про-

тивъ котораго признавали недостаточною и цѣлую армію. Такова молодость!

Я прискакалъ въ главную квартиру, которую составляла толпа людей различнаго рода. Тутъ были Англичане, Шведы, Пруссаки, Французы-роялисты, Русскіе военные и гражданскіе чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной и гражданской, тунеядцы, интриганты, словомъ,—это былъ рынокъ политическихъ и военныхъ спекуляторовъ, обанкротившихся въ своихъ надеждахъ, планахъ и замыслахъ.

Войдя въ домъ, занимаемый Беннингсеномъ, я узналъ, что хотя онъ еще отдыхаетъ, но что онъ не замедлитъ придти скоро въ залу. Я, между тѣмъ, вышелъ на улицу, чтобы, до появленія Беннингсена, посмотрѣть на слѣдовавшія къ переправѣ войска и на приготовленія къ сожженію моста. Въ эту минуту я наткнулся на одного моего знакома, котораго выраженіе физіономіи противорѣчило планамъ, гнѣздившимся въ головѣ моей. Это блѣдное и трепещущее существо, узнавъ о моемъ намѣреніи, возмечтало, что Беннингсенъ непременно и безпрекословно уважитъ все то, что я, двадцатилѣтній сорванецъ, дерзну ему предложить; имъ овладѣлъ великій страхъ. Онъ принялся доказывать мнѣ, какъ предосудительно подчиненному давать совѣты столь высокой особѣ, каковъ главнокомандующій, особенно въ мои лѣта, въ моемъ чинѣ (лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистра) и при малой моей опытности, и что, кромѣ насмѣшекъ и прозванія *la mouche du coche*, я ничего другаго не заслужу. Замѣчаніе это, совершенно справедливое, потрясло рѣшимость мою до основанія. Я призадумался и, очнувшись, окинулъ глазомъ то общество (давно ли еще столь бодрое и увѣренное въ низложеніи Наполеона?), среди котораго я находился; этого было достаточно, чтобы наложить печать безмолвія на уста мои. Безъ сомнѣнія, при таковомъ воинственномъ расположеніи духа, нечего было и помышлять о продолженіи борьбы съ непріателемъ. Тутъ только я узналъ, въ какой міръ я попалъ, и убѣдился, до какой степени та часть арміи, которая живетъ подѣ

крышами и такъ рѣдко вдается въ случайности сраженій, отличается отъ той, которой крышею служить шатеръ небесный; я оставилъ эту послѣднюю, за два часа передъ тѣмъ, подъ пулями и ядрами, готовою даже на безконечныя войны.

Въ главной квартирѣ все было въ полной тревогѣ, какъ будто чрезъ полчаса должно было наступить *свѣта-представленіе*. Одинъ Беннингсенъ оставался неизмѣннымъ; онъ видимо страдалъ, но скорбію безмолвною, мужественною, римскою; то былъ Сципіонъ, пораженный Аннибаломъ при Тессинѣ. Когда онъ вошелъ въ залу, я подошелъ въ нему и передалъ ему то, съ чѣмъ былъ присланъ отъ Багратіона, не убавивъ ни слова изъ того, о чемъ думалъ прежде. Военственный порывъ мой значительно охладѣлъ, въ слѣдствіе благоразумныхъ убѣжденій испуганнаго моего знакомца и при видѣ испуганной главной квартиры, нравственный духъ которой долженъ былъ рано или поздно, но неминуемо отозваться въ арміи. Извѣстіе, привезенное мною о безопасности арріергарда, было, какъ казалось, пріятнымъ подаркомъ для Беннингсена, котораго взоръ прояснился. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ его и моихъ отвѣтовъ аудіенція кончилась, и я возвратился къ своему мѣсту.

Между тѣмъ армія наша все 6-е и часть 7-го числа безпрерывно переходила на правый берегъ Нѣмана, подъ прикрытіемъ арріергарда; не взирая на то, что Наполеонъ уже давно извѣстился о предложеніи Беннингсена, нашъ арріергардъ, тѣснимый его войсками, продолжалъ сражаться. Наконецъ всѣ безъ исключенія войска перешли черезъ Нѣманъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, ближайшихъ къ фланкерамъ непріятельскимъ и съ ними перестрѣливавшихся. Уже было послано имъ приказаніе поспѣшно примкнуть къ войскамъ, находившимся уже на той сторонѣ рѣки; въ эту минуту французскіе конно-егеря и драгуны показались въ городѣ и бросились за ними; казаки скакали, не примѣчая, что передовой изъ преслѣдователей, съ саблею на-голо, былъ самъ Мюратъ; они успѣли уже достигнуть праваго берега Нѣмана, когда онъ только что вскакалъ на мостъ. Мостъ вспыхнулъ

почти подъ мордой красиваго коня его и вмигъ запылалъ. Опрометчивый паладинъ остановился, круто поворотилъ коня назадъ и шагомъ возвратился въ городъ; Нѣманъ раздѣлилъ сражавшихся. Во время перемирія въ Тильзитѣ, Мюратъ хвасталъ этою погоней и увѣрялъ, что онъ самъ хотѣлъ перескочить чрезъ мостъ и показаться на нашемъ берегу.—«Жаль, что это не состоялось, ваше высочество,» отвѣчалъ ему кто-то изъ нашихъ, «мы имѣли бы лишняго плѣннаго.»

Армія наша расположилась слѣдующимъ образомъ:

Главная квартира въ Амтѣ-Баубленѣ.

Пѣхота и регулярная кавалерія между Погегеномъ и Вилькишкеномъ.

Гвардія въ Бенниккайтенѣ.

Прусскій корпусъ Лестока въ Амтѣ-Винге.

14-я Русская пѣхотная дивизія противъ Рагнита (куда прибылъ корпусъ Нея), простираясь до Юрбурга.

Все казачье войско на заливныхъ лугахъ Нѣмана, противъ сожженнаго моста.

Авангардъ и квартира Багратіона помѣстились сначала въ деревнѣ Шаакенѣ, на дорогѣ, проходящей изъ Амтѣ-Баублена въ Вилькишкенъ, на берегу одного изъ заливовъ Нѣмана; но за нѣсколько дней до заключенія мира авангардъ былъ распущенъ, а квартира Багратіона переведена въ Погегенъ.

Тѣмъ кончилась война 1806-го и 1807-го годовъ.

Какой чудесный переворотъ, менѣе чѣмъ въ два года!

Въ 1805-мъ году, въ августѣ, Франція, граничившая съ другими государствами, изъ которыхъ каждое обладало подобными и ни въ чемъ ей неуступавшими средствами и могуществомъ, покоилась въ границахъ своихъ за Рейномъ. Въ 1807-мъ году, въ началѣ іюня, не существовало уже между Франціею и Россіею ни одного государства, вполне независимаго; всѣ они болѣе или менѣе покорялись одной волѣ завоевателя,

который уже съ высокихъ береговъ Нѣмана ненасытнымъ взоромъ пожиралъ землю Русскую, синѣющую на горизонтѣ.

II.

8-го числа по утру, я находился въ главной квартирѣ, въ Амтѣ-Баубленѣ. При мнѣ пріѣхалъ туда, съ отвѣтомъ на предложенное Беннингсеномъ перемиріе, адъютантъ маршала Бертье, Луи Перигоръ (племянникъ Талейрана). Я зналъ его за три года прежде въ Петербургѣ, когда онъ числился при французскомъ посольствѣ. Но тамъ я видѣлъ его мальчишкою и во фракѣ; здѣсь же я увидалъ его возмужалымъ и въ гусарскомъ мундирѣ. Онъ былъ не дуренъ собою, и казался еще красивѣе въ черномъ ментикѣ, который весь горѣлъ золотомъ, въ красныхъ шароварахъ и медвѣжьей шапкѣ, называемой Французами kolbac.

Перигоръ былъ принятъ весьма вѣжливо; это было въ порядкѣ вещей, но, къ сожалѣнію, съ излишнею снисходительностію, чего онъ не заслуживалъ, по своему наглому поведенію. Въ залу, гдѣ находились самъ Беннингсенъ и множество другихъ генераловъ и разнаго рода чиновниковъ, съ непокрытыми головами, Перигоръ, гордо войдя въ шапкѣ на головѣ, оставался въ ней до обѣда, не снимая ея даже за обѣденнымъ столомъ и до самаго своего отъѣзда. Все это сдѣлано было подъ тѣмъ предлогомъ, что военный уставъ французской арміи запрещаетъ снимать шапки и каски офицерамъ, когда на нихъ лядунки, означающія время службы. Пусть такъ; но кто мѣшалъ Перигору, по исполненіи даннаго ему порученія, снять лядунку и послѣ того шапку? Онъ тѣмъ соблюлъ бы и законы военного устава своей арміи, и, гораздо прежде его принятые обществомъ, законы общежитія, что, впрочемъ, всегда соблюдалось Французами и прежде и послѣ Перигора. Надо полагать, что не въ его головѣ родилась эта дерзкая мысль. Она была ему, вѣроятно, внушена свыше, какъ мѣрило нашей терпимости, а терпимость наша служила, можетъ быть, мѣ-

риломъ числа и рода требованій, которыя были предъявлены Наполеономъ, при переговорахъ о мирѣ. Какъ знать? легко могло случиться, что, если бы мы сбили шапку съ головы Перигора, изъ головы Наполеона вылетѣло бы и нѣсколько статей мирнаго трактата. *Дѣло было въ шапкѣ*, но мы не хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ. Это умышленное пребываніе съ покрытой головой, при нашемъ главнокомандующемъ и при нашихъ генералахъ и чиновникахъ, оскорбило всѣхъ насъ; но никто не сказалъ ни полслова о томъ Перигору, хотя бы посредствомъ косвенной шутки. Боже мой! какое чувство злобы и негодованія пробудилось въ сердцахъ нашей братии, молодыхъ офицерахъ, свидѣтеляхъ этой сцены! Тогда еще между нами не было ни одного космополита; всѣ мы были люди стариннаго воспитанія и духа, православными Россіянами, для коихъ оскорбленіе чести отечества было то же, что оскорбленіе собственной чести. Воспламененное воображеніе наше представило намъ Перигора какимъ-то татарскимъ посломъ, пріѣхавшимъ за данью въ станъ великихъ князей Россійскихъ, какимъ-то гордымъ Римляниномъ, другимъ Попиліемъ, обводившимъ вокругъ насъ черту мечемъ своимъ, съ приказомъ не дерзать переступать чрезъ нее, пока безусловно не покоримся всѣмъ его требованіямъ. Поступокъ Перигора былъ первымъ шагомъ къ оскорбленію нашего достоинства, столь часто въ послѣдствіи оскорбленнаго Лористономъ, Савари и въ особенности Коленкуръ, недостойной и наглою памяти; но за то, въ день побѣднаго вступленія нашего въ Парижъ, надо было видѣть какъ всѣ эти лица униженно прибѣгали къ великодушію нашего Государя.

Когда, вспомнивъ объ этой тяжелой эпохѣ, длившейся пять лѣтъ сряду, и взглянувъ на Россію, увидишь, что она теперь, и скажешь себѣ, что она все совершила, безъ помощи доброжелателей и союзниковъ, сама собою, собственными усиліями,—тогда, не краснѣя, можно говорить объ Аустерлицѣ, о Фридландѣ, о нечестивыхъ наполеоновскихъ надсмотрщикахъ и о всѣхъ испытанныхъ нами горькихъ капляхъ, поглощенныхъ

громаднымъ потокомъ 1812 года; тогда, поднявъ съ гордостью голову, скажешь себѣ: я Русскій.

Того же дня, въ 6-мъ часу по полудни, отправился въ Тильзитъ генералъ-лейтенантъ князь Лобановъ-Ростовскій, для переговоровъ о перемиріи, которое заключено было 9-го числа и ратификовано Наполеономъ 10-го. Важнѣйшія статьи условія состояли: въ опредѣленіи демаркаціонной черты обѣихъ противныхъ армій, по тальвегу или по срединѣ Нѣмана; въ начатіи военныхъ дѣйствій въ случаѣ несогласія обѣихъ договаривавшихся сторонъ не прежде истеченія одного мѣсяца, считая отъ дня объявленія о прекращеніи перемирія; въ заключеніи перемирія съ Прусскою арміею особо отъ Россійской, и въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ къ поспѣшнѣйшему заключенію окончательнаго мира.

Послѣдняя статья была необходима для Наполеона. Не взирая на побѣду его подъ Фридландомъ и на грозное пребываніе его на Нѣманѣ, обстоятельства его были на самомъ дѣлѣ не такъ благопріятны, какъ казались. Впереди Россія, съ ея неисчислимыми средствами для себя, безъ средствъ для непріятели, необъятная, бездонная; позади Пруссія, хотя безъ арміи, но съ народомъ, оскорбленнымъ въ своей чести, ожесточеннымъ, доведеннымъ до отчаянія насиліями завоевателей, не поднимающимъ оружія лишь потому, что не къ кому еще пристать, и ожидающимъ съ минуты на минуту возстанія Австріи. Съ своей стороны Австрія, потрясенная Ульмомъ и Аустерлицомъ, но обладающая еще 340 тысячною арміею (*), готовою къ военнымъ дѣйствіямъ, и коей 80-тысячный авангардъ былъ уже двинутъ къ сѣвернымъ границамъ Богеміи, въ область, прилегавшую къ путямъ сообщенія Наполеона съ Франціею. Вотъ положеніе, которое безпокоило сего великаго полководца въ Тильзитѣ, и которое вынуждало его желать поспѣшнѣйшаго заключенія мира.

(*) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat (Hardenberg). Tom. 9.

Императоръ Александръ находился тогда недалеко отъ главной квартиры своей арміи.

11-го, въ три часа по полудни, Наполеонъ послалъ оберъ-гофмаршала своего Дюрока къ Его Величеству съ привѣтствіями и ратификованнымъ имъ актомъ перемирія. Государь, принявъ весьма милостиво Дюрока, ратификовалъ съ своей стороны актъ, имъ привезенный. Кажется, тогда же было назначено то достопамятное свиданіе, коего блескомъ воспользовался Наполеонъ, полезною стороною—Александръ. Оно подало поводъ съ одной стороны—къ предложенію, съ другой—къ безмолвному согласію на первое ошибочное дѣйствіе Наполеона, увлекшее его отъ одной ошибки къ другой до окончательной гибели. Я говорю о войнѣ его съ Испаніею (*).

Наконецъ 13-го насталъ этотъ торжественный и достопамятный день. Такъ какъ демаркаціонная черта проходила по тальвегу или срединѣ Нѣмана, то на самой этой срединѣ, возлѣ сожженного моста, были построены два павильона, въ родѣ строящихся на рѣкахъ купаленъ, четвероугольныхъ и обтянутыхъ бѣлымъ полотномъ. Одинъ изъ нихъ, будучи обширнѣе и красивѣе другаго, былъ назначенъ для двухъ Императоровъ; меньшій—для ихъ свитъ. Павильоны эти были построены, по приказанію Наполеона, командовавшимъ артиллеріею арміи, генераломъ Ларибоассьеромъ. На одномъ изъ фронтовъ большаго видно было съ нашей стороны огромное А; на другомъ фронтѣ, со стороны Тильзита, такой же величины литера Н, искусно написанныя зеленою краскою. Двѣ большія, но обыкновенныя барки съ гребцами были приготовлены на обоихъ берегахъ рѣки, для поднятія обоихъ Монарховъ съ ихъ свитами и доставленія ихъ къ павильонамъ.

Правый берегъ Нѣмана луговой и пологой, занятый нами, уступалъ въ высотѣ лѣвому берегу, принадлежавшему тогда Французамъ. Это мѣстное обстоятельство было причиною

(*) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat (Hardenberg). Tom. 9, pag. 431 et 432.

того, что все пространство земли, отъ самаго города до первыхъ возвышеній, на коихъ лежали селенія Амть-Баубленъ, Погегенъ и другія, все было для нихъ открыто и видимо, тогда какъ мы могли видѣть лишь Тильзитъ, торчавшій на хребтѣ высокаго берега и скатъ его къ Нѣману. Однако намъ представлялось весьма ясно все то, что происходило въ этой части города; мы могли видѣть толпы жителей, могли даже различать мундиры всѣхъ родовъ войскъ, тамъ роившихся, и любоваться стоявшею по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ сгиба ея до берега Нѣмана, старой гвардіей, которой часть была построена нѣсколькими линіями, обращенными лицомъ въ нашу сторону. Все это войско ожидало появленія непобѣдимаго вождя своего, громоноснаго своего полубога, чтобы привѣтствовать его въ минуту быстрого его проскока къ пристани.

Съ нашей стороны не было сдѣлано никакихъ приготовленій, кромѣ барки съ гребцами, и, въ видѣ конвоя, одного полуэскадрона кавалергардскаго полка и одного полуэскадрона, или полнаго эскадрона, Прусской конной гвардіи. Войска эти были расположены на берегу рѣки, правымъ флангомъ противъ сожженнаго моста, лѣвымъ, къ нѣкогда бывшей здѣсь богатой крестьянской усадьбѣ, называемой *Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ*, и находящейся почти у самаго берега, на поворотѣ дороги, проложенной мимо ея изъ Тильзита въ Амть-Баубленъ. Эта усадьба была назначена мѣстомъ кратковременнаго пріюта для Императора Александра; онъ долженъ былъ прибыть къ баркѣ и къ павильону не ранѣе и не позже Наполеона. Долго искали болѣе красиваго пристанища, но не существовало уже никакого строенія на берегу; всѣ были разобраны на бивачные костры, да и это строеніе представляло вмѣсто крыши одни стропилы, ибо вся солома, служившая крышею, была снята войсками для кормленія лошадей, нуждавшихся не только въ сѣнѣ, но и въ соломѣ.

По утру нѣкоторые изъ старшихъ генераловъ нашихъ съѣхались верхами въ Амть-Баубленъ, гдѣ находился уже Им-

ператоръ. Князь Багратионъ пріѣхалъ туда же, и я, пользуясь званіемъ его адъютанта и жаждавшій быть свидѣтелемъ столь необыкновеннаго зрѣлища, слѣдовалъ за нимъ въ богатомъ лейбъ-гусарскомъ ментикѣ.

Всѣ были въ парадной формѣ.

Государь имѣлъ на себѣ Преображенскій мундиръ, покроя того времени; на каждой сторонѣ воротника было вышито по двѣ маленькихъ золотыхъ петлицы такого же почти рисунка, какой теперь на воротникахъ Преображенскаго мундира, но несравненно меньше; эксельбантъ висѣлъ на правомъ плечѣ, эполетъ же тогда не носили. Панталоны были лосинныя бѣлыя, ботфорты—короткіе. Прическа отличалась тѣмъ только отъ прически нынѣшняго времени, что была покрыта пудрою. Шляпа была высокая; по краямъ ея выказывался бѣлый плюмажъ, и черный султанъ вѣялъ на гребнѣ ея. Перчатки были бѣлыя лосинныя, шпага на бедрѣ; шарфъ вокругъ таліи и Андреевская лента чрезъ плечо. Такъ одѣтъ былъ императоръ Александръ.

Теперь одежда эта показалась бы нѣсколько странною; но тогда она всѣмъ нравилась, особенно на тридцатилѣтнемъ мужчинѣ такой чудесной красоты, стройности и ловкости, какими былъ одаренъ покойный Императоръ.

Около 11-ти часовъ утра, Государь, Прусскій король, великій князь Константинъ Павловичъ и нѣсколько генераловъ, назначенныхъ сопровождать Государя на баркѣ, сѣли въ коляски и отправились къ берегу Нѣмана, по Тильзитскому тракту. Прочіе генералы съ адъютантами своими скакали верхами по обѣимъ сторонамъ колясокъ; эта процессія была, безъ сомнѣнія, видна изъ Тильзита.

Такъ прибыли мы въ *Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ*. Коляски остановились, и всѣ вошли въ огромную сельскую горницу. Государь сѣлъ близъ окна, лицомъ ко входу. Онъ положилъ свою шляпу и перчатки на столъ, стоявшій возлѣ него. Вся горница наполнилась генералами, съ нимъ пріѣхавшими и близъ

коляски его скакавшими. Мы, адъютанты, вошли вслѣдъ за нашими генералами и помѣстились на днѣ картины, у самаго входа.

Я не спускалъ глазъ съ Государя; мнѣ казалось, что онъ прикрывалъ искусственнымъ спокойствіемъ и даже иногда веселостью духа различныя чувства, его обуревавшія и невольно обнаруживавшіяся въ ангельскомъ его взглядѣ и на его открытомъ, высокомъ челѣ. И какъ могло быть иначе? Дѣло шло о свиданіи съ величайшимъ полководцемъ, политикомъ, законодателемъ, администраторомъ и завоевателемъ, поразившимъ, въ теченіи двухъ только лѣтъ, войска всей Европы и уже два раза нашу армію и нынѣ стоявшимъ на рубежѣ Россіи. Дѣло шло о свиданіи съ человѣкомъ, обладавшимъ даромъ неограниченно господствовать надъ всѣми, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и замѣчательнымъ по своей чудесной проницательности. Дѣло шло не объ одномъ свиданіи съ нимъ, а объ очарованіи сего всемірнаго очарователя, объ искушеніи этого увлекательнаго искуителя, о введеніи въ заблужденіе этого свѣтлаго и положительнаго генія. Надо было необходимо отвлечь силы, вниманіе и дѣятельность Наполеона на какое либо предпріятіе, которое, по своей отдаленности, могло бы дать Европѣ время, хотя нѣсколько, освободиться отъ покрывающихъ ее развалинъ; — Россіи же приготовить средства для ниспроверженія покушеній его на ея независимость, чего Государь рано или поздно не могъ не предвидѣть.

Вотъ что волновало душу Александра и вотъ что было имъ достигнуто, вопреки мнѣнія свѣта, всегда увлекающагося лишь наружнымъ блескомъ. Въ этомъ случаѣ побѣда несомнѣнно и неоспоримо осталась за нашимъ Императоромъ; это можно доказать самыми фактами. Наполеонъ пробудился отъ своего заблужденія лишь въ концѣ 1809-го года, когда достохвальное и упорное сопротивленіе Испанцевъ отвлекло уже большую часть его силъ отъ Европы, и когда мы, будучи его союзниками, такъ явно уклонялись отъ дѣйствительнаго содѣйствія ему въ войнѣ съ Австріею, съ которой мы сохра-

нили тѣ связи дружелюбия, которыя намъ были столь необходимы въ эпоху отечественной войны.

Не прошло получаса, какъ кто-то вошелъ въ горницу и сказалъ: «Ѣдетъ, Ваше Величество.» Электрическая искра любопытства пробѣжала по всѣхъ насъ. Государь весьма хладнокровно и ни мало не торопясь всталъ съ своего мѣста, взялъ шляпу, перчатки, и вышелъ съ спокойнымъ лицомъ и обыкновеннымъ шагомъ изъ горницы. Мы, бросившись изъ нея во всѣ отверстія, прибѣжали на берегъ и увидѣли Наполеона, скачущаго во всю прыть между двумя рядами своей старой гвардіи. Гулъ восторженныхъ привѣтствій и восклицаній гремѣлъ вокругъ него и оглушалъ насъ, стоявшихъ на противномъ берегу; конвой и свита его состояли по крайней мѣрѣ изъ 400 всадниковъ.

Почти въ одно время оба Императора вступили каждый на свою барку. Государя сопровождали: великій князь Константинъ Павловичъ, Беннингсенъ, графъ (что нынѣ князь) Ливенъ, князь Лобановъ, Уваровъ и Будбергъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Съ Наполеономъ находились: Мюратъ, Бертъе, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ. Въ этотъ день король Пруссій не ѣздилъ на свиданіе; онъ оставался на правомъ берегу рѣки, вмѣстѣ съ нами.

О, какъ явственно, — не взирая на мою молодость, — какъ явственно поняла душа моя глубокое, но нѣмое горе этого истиннаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человѣка! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ восторгомъ глядѣлъ я на Монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе, все достоинство высокаго сана своего, при гибели, казалось, неотразимой и окончательной!

Но вотъ обѣ императорскія барки, отчаливъ отъ берега, поплыли. Въ эту минуту огромность зрѣлища восторжествовала надъ всѣми чувствами. Всѣ глаза обратились и устремились на противоположный берегъ рѣки, къ баркѣ, несущей этого чудеснаго человѣка, этого невиданнаго и неслыханнаго полководца со временъ Александра Великаго и Юлія Цезаря,

коихъ онъ такъ много превосходилъ разнообразіемъ дарованій и славою покоренія народовъ просвѣщенныхъ и образованныхъ.

Я глядѣлъ на него въ подзорную трубку, хотя разстояніе до противнаго берега было не велико, и хотя оно сверхъ того уменьшалось по мѣрѣ приближенія барки къ павильону.

Я видѣлъ его, стоявшаго впереди государственныхъ сановниковъ, составлявшихъ его свиту, особо и безмолвно. Время изгладило изъ памяти моей родъ мундира, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, и въ запискахъ моихъ, писанныхъ тогда наскоро, этого не находится; но сколько могу припомнить, кажется, что мундиръ былъ на немъ не конно-егерскій, обыкновенно имъ носимый, а старой гвардіи. Помню, что на немъ была лента Почетнаго Легіона, чрезъ плечо по мундиру, а на головѣ та маленькая шляпа, которой форма такъ извѣстна всему свѣту. Меня поразило сходство его стана со всѣми печатными изображеніями его, тогда вездѣ продаваемыми. Онъ даже стоялъ со сложенными на груди руками, какъ представляютъ его на картинкахъ. Къ сожалѣнію, отъ неимѣнія опоры, подзорная трубка колебалась въ моихъ рукахъ, и я не могъ явственно разсмотрѣть подробностей чертъ его, какъ бы мнѣ этого хотѣлось.

Обѣ барки почти одновременно причалили къ павильону, однако барка Наполеона немного опередила, такъ, что ему достало нѣсколько секундъ, чтобы, соскочивъ съ нея, пройти скорыми шагами сквозь павильонъ и принять Императора нашего при самомъ сходѣ его съ барки; тогда они рядомъ вошли въ павильонъ. Сколько помнится, всѣ особы обѣихъ свитъ не входили въ малый павильонъ, а оставались на плоту большаго, знакомясь и разговаривая между собою. Спустя около часа времени, они были позваны въ большой павильонъ къ Императорамъ. Тамъ Наполеонъ, сказавъ каждому изъ нихъ по привѣтствію, говорилъ болѣе, чѣмъ съ другими, съ Беннингсеномъ. Между прочимъ онъ сказалъ ему: «Вы были злы подъ Эйлау» (*Vous étiez méchant à Eylau*)! выражая симъ изреченіемъ упорство и ярость, съ какими дрались войска наши

въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ этими словами: «Я всегда любовался вашимъ дарованіемъ,—еще болѣе вашею осторожностію.» (*J'ai toujours admiré votre talent,—votre prudence encore plus*). Самолюбіе почтеннаго старца-воина приняло эту полуэпиграмму за полный мадригалъ: ибо во мнѣніи великихъ полководцевъ *осторожность* почитается послѣднею военною добродѣтелью, *предпріимчивость* и *отважность*—первыми. Беннингсенъ рассказывалъ мнѣ это нѣсколько разъ и каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ.

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ императора Александра при выходѣ его изъ барки, то этикетъ требовалъ, чтобы императоръ Александръ проводилъ Наполеона до той барки, на которой онъ пріѣхалъ, что и было сдѣлано, и тѣмъ заключилось первое свиданіе.

Французы ликовали.

Музыканты сочиняли и играли марши и танцы разнаго рода, въ честь *достопамятнаго свиданія*, въ честь *дружбы великихъ монарховъ*, и проч.

Стихотворцы сочиняли романсы, стансы и пѣсни на тѣ же предметы.

У меня остался въ памяти отрывокъ одной изъ нихъ: *Le radeau*:

Sur un radeau
J'ai vû deux maitres de la terre;
Sur un radeau
J'ai vû la paix, j'ai vû la guerre
Et le sort de l'Europe entière
Sur un radeau.

Слѣдующихъ куплетовъ не припомню, но вотъ конецъ послѣдняго:

.
.
.
Je gâgerai que l'Angleterre
Craindroit moins une flotte entière
Que ce radeau.

Что касается до насъ,—одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ Монарховъ въ мірѣ, — занимало всѣхъ насъ въ высшей степени; но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество Французовъ намъ ни къ чему не служило; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе,—въ слѣдствіе тайнаго приказа Наполеона,—привлекать насъ всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостію. За привѣтливости и вѣжливость мы платили привѣтливостями и вѣжливостію—и все тутъ. 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, Русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по-локоть.

Я не буду описывать свиданія, смѣнившаго на другой день первое свиданіе; это значило бы повторять мною уже сказанное. Разница между ними состояла въ томъ только, что въ послѣднемъ участвовалъ Король Пруссій, что нѣкоторые изъ особъ свиты Императора уступили мѣста свои на баркѣ другимъ особамъ, и что Государь и Пруссій Король были приглашены на жительство въ Тильзитъ.

Спѣша привести въ исполненіе послѣднее обстоятельство, Наполеонъ въ то же утро приказалъ вывести часть гвардіи своей изъ половины Тильзита и приготовить эту половину города для нашей гвардіи. Тамъ же приказалъ онъ отвести два лучшіе дома для обоихъ Монарховъ.

Того же дня, въ 6 часовъ по полудни, Государь переѣхалъ въ Тильзитъ. Наполеонъ встрѣтилъ Его Величество у самаго берега, при выходѣ его изъ лодки. Вся французская пѣшая и конная гвардія стояла въ парадѣ по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ пристани до Наполеоновской квартиры, куда Государь пріѣхалъ верхомъ, рядомъ съ Наполеономъ. Тамъ былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены были только великій князь Константинъ Павловичъ и Мюратъ.

Вечеромъ вступила въ половину города, оставленную французскою гвардіею, часть нашей гвардіи, назначенная находить-

ся при Высочайшей Особѣ. Она состояла изъ одного баталіона Преображенскаго полка, подъ командою того же полка полковника графа Воронцова (нынѣ генераль-губернаторъ Новороссійскихъ губерній), изъ одного полуэскадрона кавалергардскаго полка, подъ командою того же полка ротмистра Левашева (нынѣ генераль отъ кавалеріи и графъ), изъ одного полуэскадрона, или взвода лейбъ-гусарскаго полка, подъ командою того же полка штабсъ-ротмистра Рейтерна (умеръ генераль-лейтенантомъ), и изъ нѣсколькихъ лейбъ-казаковъ.

Домъ, который занималъ Государь, находился на большой улицѣ и отстоялъ отъ дома, занятаго Наполеономъ, въ 80 или во 100 саженьяхъ. Онъ былъ двухъ-этажный, хотя весьма не-большаго объема, и имѣлъ парадное крыльцо, впрочемъ, довольно тѣсное, но украшенное четырьмя колоннами. Входъ на это крыльцо былъ прямо съ улицы, по тремъ или четыремъ ступенямъ, между двумя средними колоннами фасада. Крыльцо это примыкало къ довольно просторнымъ сѣнямъ, представляющимъ три выхода: одинъ въ правыя, другой въ лѣвыя комнаты нижняго этажа, и третій прямо, на довольно благо-видную и опрятную лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ, обитаемый самимъ Государемъ. Войдя на этотъ этажъ, направо находилась общая комната; она была въ симметріи съ внутреннимъ покоемъ Государя и соединялась съ этимъ покоемъ проходною комнатою, изъ коей вела дверь на балконъ, поддерживаемый колоннами параднаго крыльца.

Кромѣ упомянутой мною части гвардіи, находившейся въ Тильзитѣ съ Воронцовымъ, Левашевымъ и Рейтерномъ, никому не было позволено, ни изъ нашихъ, ни изъ прусскихъ войскъ, пріѣзжать въ Тильзитъ. Разумѣется, что изъ этого числа были исключены адъютанты, по случаю необходимыхъ иногда сношеній арміи съ императорскою главною квартирою, и разумѣется, что я не преминулъ воспользоваться этою привилегіею. Впрочемъ, любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми запрещеніями. Множество нашихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, для избѣжанія препятствій,

одѣвались въ партикулярныя платья и проживали въ Тильзитѣ по нѣскольку дней. Послѣ кампаніи, столь тяжелой и продолжительной, Тильзитъ казался намъ земнымъ раемъ. Что же касается до высокихъ гостей этого города, я полагаю, что, не взирая на взаимное ихъ согласіе, привѣтливости, угожденія и, если смѣю прибавить къ этому священное слово: *дружбу*, по крайней мѣрѣ *наружную*,—я полагаю, что родъ жизни, которую вели они, не соответствовалъ нраву и привычкамъ ни того, ни другаго. Дни шли за днями почти однообразно; въ полдень или въ часъ по полудни завтракъ, въ родѣ обѣда; въ 6 часовъ, или императоръ Александръ пріѣзжалъ къ Наполеону верхомъ, съ малочисленными своими конвоемъ и свитою, или Наполеонъ пріѣзжалъ къ Александру, также верхомъ, съ огромною своею свитою и съ огромнымъ своимъ конвоемъ. Потомъ отправлялись они вмѣстѣ на маневры (*) какихъ либо французскихъ войскъ, или всей гвардіи вообще, или гвардіи же по частямъ, или корпуса Даву. Замѣчательно то, что, не взирая на близкое расположеніе корпуса Ланна отъ Тильзита, этотъ корпусъ ни разу не былъ представленъ Государю, потому что онъ состоялъ изъ однихъ обломковъ, оставшихся послѣ понесеннаго имъ урона подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ. По окончаніи маневровъ, Наполеонъ обыкновенно при-

(*) Посѣтивъ однажды лагерь французскихъ войскъ, Императоры заѣхали въ полкъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Никола. Нашъ Государь, попробовавъ похлебку изъ принесеннаго котелка, приказалъ наполнить его червонцами. Спустя пять лѣтъ, этотъ Никола былъ взятъ въ плѣнъ и находился при А. П. Ермоловѣ. Во время пріѣзда Государя въ Вильну въ концѣ 1812 года, этотъ Никола, одѣтый въ партикулярное платье и съ головою, повязанною платкомъ въ слѣдствіе ранъ, ожидалъ въ толпѣ вмѣстѣ съ другими пріѣзда Государя. Не смотря на его костюмъ и повязку на головѣ, Государь, увидавъ его, сказалъ ему весьма ласково: „Я васъ гдѣ-то видалъ.“—„Я имѣлъ счастье принимать Ваше Величество у себя въ полку, а нынѣ я раненъ и въ плѣну.“ Государь приказалъ тотчасъ выдать ему 200 червонцевъ. Въ послѣдствіи въ 1814 году, Государь спросилъ однажды въ Парижѣ Ермолова: „Гдѣ твой Никола, зачѣмъ ты его съ собой не привезъ?“—„Я не смѣлъ этого сдѣлать,“ отвѣчалъ онъ, „потому что Вашимъ Величествомъ было строго приказано оставить всѣхъ плѣнныхъ въ Россіи.“

глашалъ Государя къ себѣ, гдѣ въ 8 часовъ они сѣдѣли за трапезу. Почти ежедневно, въ 10 или въ 11 часовъ вечера, Наполеонъ посѣщалъ Государя безъ этикета, по дружески, пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты, безъ охранной стражи, въ той исторической шляпѣ, въ томъ историческомъ сѣромъ сюртукѣ, отъ коихъ земля дрожала, и которые, казалось, курились еще дымомъ сраженій въ минуты самыхъ дружескихъ бесѣдъ. Тамъ онъ пилъ чай и оставался съ глазу на глазъ съ Государемъ до часу, а иногда и до двухъ часовъ за полночь.

Король прусскій переѣхалъ въ Тильзитъ 16-го, и съ того дня часто провождалъ время съ Александромъ и Наполеономъ, — кромѣ вечернихъ бесѣдъ. Королева прибыла 25-го, за два только дня до заключенія мира.

Все, что происходило явно и торжественно, имѣло очевиднаго свидѣтеля не одного меня, и потому можно надѣяться, что кто нибудь дополнить и исправить многое, мною забытое, или ошибочно изображенное. Достойно сожалѣнія то, что никому нельзя описать происшествій, гораздо важнѣйшихъ: разговоровъ обоихъ Императоровъ съ глазу на глазъ, при первой встрѣчѣ ихъ въ павильонѣ и на упомянутыхъ вечернихъ бесѣдахъ. Все это происходило безъ свидѣтелей, и, слѣдовательно, осталось безъ историка. Вотъ невозвратная утрата!

Другія происшествія, гораздо менѣе любопытныя, но много еще занимательныя и потому драгоцѣнныя для исторіи, имѣя свидѣтелей, могли бы быть описаны ими со всѣми подробностями: это сношенія Монарховъ не совсѣмъ тайныя, не совсѣмъ публичныя; разговоры, шутки, пролетныя мнѣнія, и иногда невольно вырывавшіяся предположенія ихъ, словомъ: разныя мысли, которыя они сообщали одинъ другому во время прогулокъ, на маневрахъ, за обѣдами, — вездѣ, куда мы, молодые офицеры, не имѣли ни права, ни средствъ проникнуть. Къ сожалѣнію (по крайней мѣрѣ относительно этого предмета), многихъ изъ этихъ свидѣтелей нѣтъ уже на свѣтѣ, а оставшіеся въ живыхъ кончаютъ дни свои съ полнымъ равноду-

шіемъ къ исполинскимъ, эпическимъ событіямъ того времени, какъ беззаботные аисты на развалинахъ Трои.

Имѣя нѣкоторое право посѣщать Тильзитъ, я просилъ князя Багратіона о дозволеніи мнѣ ѣздить туда, какъ можно чаще. Князь, столько же взыскательный начальникъ во всемъ, что касается до службы, сколько снисходительный и готовый на одолженія подчиненныхъ своихъ, согласился на мою просьбу безъ затрудненія, и почти ежедневно посылалъ меня съ разными порученіями къ разнымъ особамъ, проживавшимъ тогда въ Тильзитѣ. Это обстоятельство доставило мнѣ возможность видѣть почти ежедневно Наполеона, и часто на разстояніи не далѣе одного или двухъ шаговъ отъ себя.

Чтобы избѣжать повтореній, я опишу только первую мою встрѣчу съ нимъ; прочія, кромѣ кой-какихъ особенностей, недостойныхъ вниманія, во всемъ сходствовали съ этой первой встрѣчею.

Не помню котораго числа, знаю только, что скоро послѣ переѣзда Государя въ Тильзитъ, князь Багратіонъ послалъ меня съ запискою къ одному изъ чиновниковъ императорской главной квартиры. Я нарядился въ парадный лейбъ-гусарскій мундиръ и переѣхалъ чрезъ Нѣманъ на лодкѣ. Особа, къ которой я былъ посланъ, находилась въ общей комнатѣ дома, занимаемаго Государемъ. Я нашелъ въ этой комнатѣ князя Куракина и князя Лобанова, уполномоченныхъ тогда при переговорахъ о мирѣ, прусскаго фельдмаршала Калькрейта, нѣкогда покорителя Майнцкой крѣпости, свѣжаго и знаменитаго защитника Данцига, множество министровъ и другихъ государственныхъ сановниковъ. При мнѣ вошелъ Коленкуръ съ какою-то особаго рода надмѣнною и наглою учтивостію. Онъ былъ присланъ Наполеономъ съ приглашеніемъ Государя на маневры въ 6 часовъ и къ его обѣденному столу послѣ маневровъ. Спѣсивая осанка этого временщика переступила мѣру терпимости! Послѣ, во время посольства своего въ Петербургъ, онъ былъ еще напыщеннѣе и неприступнѣе; но Боже

мой! Надо было видѣть его восемь лѣтъ позже, подѣ Парижемъ, въ утро побѣднаго вступленія нашего въ эту столицу!

Исполнивъ данное мнѣ препорученіе, я пошелъ къ своимъ однополчанамъ, конвойнымъ лейбъ-гусарамъ, гдѣ пробылъ до 6-го часу, въ нетерпѣніи и надеждѣ разсмотрѣть Наполеона лучше, чѣмъ я видѣлъ его, плывшаго на баркѣ.

Въ 6-мъ часу, я уже былъ на парадномъ крыльцѣ дома Государя.

Не прошло получаса, какъ услышалъ я топотъ многочисленной конницы и увидѣлъ толпу всадниковъ, несущихся во всю прыть по главной улицѣ къ дому Его Величества. Это былъ Наполеонъ, окруженный своею свитою и конвоемъ.

Толпа, сопутствовавшая ему, состояла, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ сотъ человѣкъ. Впереди скакали конные егеря; за ними всѣ, облитые золотомъ, въ звѣздахъ и крестахъ, маршалы и императорскіе адъютанты (то же что у насъ генераль-адъютанты). За этою блестящею толпою скакала не менѣе ея блестящая толпа императорскихъ адъютантовъ (*officiers d'ordonnance*, родъ нашихъ флигель-адъютантовъ), перемѣшанныхъ со множествомъ придворныхъ чиновниковъ, маршальскихъ адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба, также чрезвычайно и разнообразно одѣтыхъ. Вся эта кавалькада замыкалась нѣсколькими десятками другой части, скакавшихъ впереди, конныхъ егерей. Въ самой срединѣ этой длинной колонны, между маршалами, скакалъ самъ Наполеонъ.

И вотъ онъ у крыльца. Одинъ изъ двухъ безсмѣнныхъ пажей его, Мареско, сынъ славнаго инженернаго генерала, хорошенькій мальчикъ, лѣтъ семнадцати, одѣтый въ гусарскомъ коричневомъ долманѣ съ золотомъ и въ треугольной шляпѣ съ полями, соскочилъ съ своей лошади, бросился къ лошади Наполеона и схватилъ ее обѣими руками подѣ уздцы. Наполеонъ сошелъ, или, лучше сказать, спрыгнулъ съ нея, и такъ быстро вбѣжалъ на крыльцо и прошелъ мимо меня къ лѣстницѣ, ведущей въ покои Государя, что я едва могъ его замѣтить. За нимъ пошли маршалы и адъютанты его; но всѣ прочіе чиновники, свита и конвой его остались верхами на

улицѣ. Мюратъ, шедшій вслѣдъ за Наполеономъ, встрѣтись у крыльца съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, занялся съ нимъ разговоромъ и не пошелъ далѣе. Я долго смотрѣлъ на Мюрата, одного изъ храбрѣйшихъ военачальниковъ европейскихъ конницъ. Его красивые станъ и лице, карусельный родъ одежды, носимый со всѣмъ тщаніемъ и кокетствомъ модной красавицы, бросались въ глаза. Извѣстно, что онъ наряжался богатѣе и великолѣпнѣе въ тѣ сраженія, въ которыхъ онъ предвидѣлъ болѣе опасностей. Но извѣстно также, что, при этомъ рыцарскомъ духѣ, дарованія его ограничивались яростію въ сѣчахъ, картинною наружностью и однимъ навыкомъ механическаго построенія громадъ кавалеріи и дѣйствіемъ ими на пункты, указанные Наполеономъ.

Мареско вошелъ на крыльцо и остановился возлѣ меня, поручивъ придворному, распудренному и покрытому галунами, конюшему держать Наполеонову лошадь у самыхъ ступеней крыльца. Я помню, что лошадь эта была рыжая, очень небольшого роста, но чистѣйшей арабской крови и съ длиннымъ хвостомъ. Сѣдло на ней было бархатное малиновое, чепракъ такой же, золотомъ шитый, сголовье изъ золотого галуна; удила и стремяна изъ литаго золота.

Вдругъ зашумѣло на Государевой лѣстницѣ; маршалы и адъютанты, не останавливаясь, сходили съ нея и быстро шли къ лошадямъ своимъ. Мареско предупредилъ ихъ; онъ, стремглавъ, бросился съ крыльца къ Наполеоновой лошади, которую, принявъ отъ конюшаго, взялъ подъ уздцы, какъ прежде. Нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ республиканецъ, нѣсколько часовъ предъ тѣмъ гордый вельможа,—Коленкуръ, въ богатомъ оберъ-шталмейстерскомъ мундирѣ и съ двумя звѣздами на груди, держалъ одной рукою стремя для наполеоновской ноги, другою—хлыстъ для руки его, ожидая подхода барина своего къ лошади.

Наполеонъ вышелъ изъ сѣней на крыльцо, рядомъ съ Государемъ, и отъ тѣсноты крыльца остановился такъ близко ко мнѣ, что я былъ вынужденъ попятиться, чтобы какъ нибудь случайно

не толкнуть его. Онъ рассказывалъ что-то Государю весело и съ жаромъ. Я ничего не слышалъ; я весь былъ зрѣніе; я пожиралъ его глазами, стараясь напечатлѣть въ памяти моей всѣ черты, всѣ измѣненія физіономіи, всѣ ухватки его. Къ счастью моему, онъ, какъ будто въ угожденіе мнѣ, заговорился болѣе, чѣмъ обыкновенно говаривалъ на ходу, и отъ того пробылъ возлѣ меня, конечно, болѣе двухъ минутъ. Я былъ доволенъ, но не совсѣмъ. Мнѣ непременно хотѣлось видѣть явственнѣе цвѣтъ глазъ и взглядъ его, и въ эту минуту, онъ, какъ бы нарочно, обратилъ голову на мою сторону и прямо взглянулъ мнѣ въ глаза. Взглядъ его былъ таковъ, что во всякомъ другомъ случаѣ я, конечно, опустилъ бы вѣки; но тутъ любопытство мое все превозмогло. Взоръ мой столкнулся съ его взоромъ и остановился на немъ твердо и непоколебимо. Тогда онъ снова обратился къ Государю, съ отвѣтомъ на какой-то вопросъ Его Величества; онъ сошелъ со ступеней крыльца, надѣлъ шляпу, сѣлъ на лошадь и, толкнувъ ее шпорами, поскакалъ, какъ пріѣхалъ: почти во всѣ повода. Все это было сдѣлано одно за другимъ, безъ антрактовъ; въ ту же секунду, всѣ, впереди его, вокругъ него, позади его стоявшіе всадники различныхъ чиновъ и званій, разомъ двинулись съ мѣста, также во всѣ повода, и все это великолѣпное зрѣлище, какъ блестящій и громозвучный метеоръ, мгновенно исчезло изъ виду.

Я уже говорилъ, что былъ весьма пораженъ сходствомъ стана Наполеона со всѣми печатными, и тогда вездѣ продаваемыми, изображеніями его. Не могу того же сказать о чертахъ его лица. Всѣ, видѣнные мною до того времени, портреты его не имѣли ни малѣйшаго съ нимъ сходства. Довѣряясь имъ, я полагалъ Наполеона съ довольно большимъ и горбатымъ носомъ, черными глазами и волосами, словомъ—истиннымъ типомъ италіанской физіономіи. Ничего этого не было.

Я увидѣлъ человѣка малаго роста, ровно двухъ аршинъ шести вершковъ, довольно тучнаго, хотя ему было тогда только 37 лѣтъ отъ роду, и хотя образъ жизни, который онъ

велъ, не долженъ бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидѣлъ человѣка, державшагося прямо, безъ малѣйшаго напряженія, что, впрочемъ, есть принадлежность всѣхъ почти людей малаго роста. Но вотъ что было его собственностію: какая-то благородно-воинственная сановитость, происходившая, безъ сомнѣнія, отъ привычки господствовать надъ людьми и чувства нравственного надъ ними превосходства; онъ былъ не менѣе замѣчателенъ непринужденнымъ и свободнымъ обращеніемъ и безыскусственною и натуральною ловкостью въ самыхъ пылкихъ и быстрыхъ приемахъ и ухваткахъ своихъ, на ходу и стоя на мѣстѣ. Я увидѣлъ человѣка лица чистаго, слегка смугловатаго, съ чертами весьма регулярными. Носъ его былъ небольшой и прямой, на переносицѣ котораго едва была примѣтна весьма легкая горбинка. Волосы на головѣ его были не черные, но темнорусые, брови же и рѣсницы ближе къ черному, чѣмъ къ цвѣту головныхъ волосъ, а глаза голубые, — это, при черныхъ его рѣсницахъ, придавало его взору чрезвычайную пріятность. Наконецъ, сколько разъ ни случалось мнѣ видѣть его, я ни разу не примѣтилъ тѣхъ нахмуренныхъ бровей, коими одаряли его тогдашніе портретчики — памфлетисты.

Въ этотъ день и, впрочемъ, во всѣ послѣдовавшіе дни, мундиръ на немъ былъ конноегерскій, темнозеленый, съ красною выпушкою и съ отворотами, наискось срѣзанными такъ, чтобы былъ видѣнъ бѣлый казимировый камзолъ съ маленькими мундирными пуговицами. Эполеты на немъ были золотые полковничьи, подобные нынѣшнимъ эполетамъ нашихъ полныхъ генераловъ, безъ звѣздочекъ. На мундирѣ была звѣзда и крестикъ Почетнаго Легіона. Нижнее платье бѣлое казимировое, ботфорты выше колѣна, изъ мягкой кожи, весьма глянцовитые и съ легкими золотыми шпорами. Шпага на бедрѣ; шляпа въ рукѣ, пока не подходилъ онъ къ лошади.

Изъ свиты его я замѣтилъ маршала Ланна, человѣка сухощаваго и съ фizioномією, поражающею своею стойкостію,

предпріимчивостью и рѣшимостію, и маршала Даву, дебелаго, довольно высокаго роста, лысаго, съ очками на носу и незамѣчательной наружности, но уже знаменитаго воина по Ауэрштетской побѣдѣ, собственно ему принадлежащей. О Бертѣе и о прочихъ маршалахъ и генералахъ я умолчу: время изгладило образы ихъ изъ моей памяти. Для дополненія описанія наружности Наполеона, я представляю здѣсь немногимъ извѣстное письмо остроумнаго принца де-Линя, видѣвшаго Наполеона нѣсколькими только днями позже меня. Изъ этого письма я перевожу на русскій языкъ тѣ только мѣста, которыя относятся единственно къ особѣ Наполеона.

«Наконецъ я видѣлъ этого дѣлателя и раздѣлывателя королей. Узнавъ, что, послѣ своихъ побѣдъ, свиданій и заключенія мира, онъ возвращается въ Парижъ и будетъ проѣздомъ въ Дрезденъ, я изъ Теплица пріѣхалъ туда 17/3 іюля. Мы съ герцогомъ Веймарскимъ втерлись въ толпу народа, стоявшаго у дворцовой лѣстницы.

«Императоръ съ королемъ всходили на нее такъ медленно, отъ многочисленности и неловкости саксонскихъ низкопоклонниковъ, что я могъ безъ труда осмотрѣть перваго изъ нихъ съ ногъ до головы. Мнѣ понравились положеніе головы его и осанка его, благородно-воинственная. Эта осанка—не великихъ господъ лишь на основаніи *дипломовъ*, обыкновенно пышущая презрѣніемъ или наглостью, которыя принимаются за благородство. Взглядъ его былъ твердъ, тихъ и величественъ. Казалось, что онъ мыслить о многихъ важныхъ предметахъ, что придавало величавое спокойствіе его *физиономіи*, и она была въ истинномъ и естественномъ положеніи. Но эта *физиономія* не понравилась мнѣ на другой день отъ принужденной улыбки ложнаго добродушія, чувствительности и покровительства; улыбки, которою онъ, во время посѣщенія своего картинной галереи, угощалъ народную сволочь и меня вмѣстѣ съ нею.

.....

«Я не отставалъ отъ него и всегда находился на одной высотѣ съ нимъ, позади толпы, между которою онъ шелъ. Я былъ похожъ на влюбленнаго человѣка, который, чтобы не потерять изъ виду своей милой, танцующей экосезъ, слѣдуетъ за ней по рядамъ экосеза. Такъ я не терялъ ни единого взгляда, ни единого звука его голоса. Звукъ этотъ показался мнѣ немного простонароденъ. Онъ бросилъ отрывисто нѣсколько вопросовъ и замѣчаній и, что меня удивило,—на манеръ Бурбоновъ, съ коими онъ также сходствуетъ и нѣкоторымъ качаньемъ съ боку на бокъ, на ходу и стоя на мѣстѣ. Что производитъ это? Престоль ли Франціи, или умышленность?

«Все замѣчательно въ человѣкѣ, который ничего даромъ и безъ цѣли не говоритъ и не дѣлаетъ. Такъ, на примѣръ, я примѣтилъ, что онъ удостоивалъ легкимъ вниманіемъ Магдалину Корреджіеву, картины Тиціановы, трехъ грацій, прелестный эскизъ Рубенса и прочія, а останавливался предъ обыкновенными картинами, представляющими сраженія, или какія нибудь важныя историческія событія. Опять родится вопросъ: какъ это случилось,—само собою, или съ намѣреніемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что это было сдѣлано для зрителей.

«Наполеонъ купался, давалъ аудіенціи въ ваннѣ, просыпался и вставалъ въ 5 часовъ; онъ навѣщалъ въ госпиталяхъ раненыхъ подъ Іеной, осматривалъ укрѣпленія города и кадетскій корпусъ, гдѣ экзаменовалъ кадетъ, держа каждого экзаменующагося за ухо.

«Странная привычка, или ухватка! Онъ также поступилъ относительно князя Іоанна Лихтенштейна, во время мирныхъ переговоровъ въ Брюнѣ. Не соглашаясь однажды на нѣкоторыя статьи, на которыя онъ былъ прежде согласенъ, Наполеонъ вздумалъ, по прежнему, взять за ухо уполномоченнаго генерала. Лихтенштейнъ, отстранившись, сказалъ ему: *Если герой нашего вѣка не то говоритъ во вторникъ, что говорилъ онъ въ понедѣльникъ, — онъ въроломствуетъ и лжечитъ свою*

славу; военному человеку не пристойно имѣть съ нимъ дѣло: я пришлю къ нему министра. Это побѣдило Наполеона.

«Вотъ другое обстоятельство, которое отвлекло меня отъ представленія къ нему и въ Вѣнѣ, и въ Дрезденѣ: онъ обошелся бы со мною или очень ласково, или очень грубо. Въ первомъ случаѣ, я потерялъ бы уваженіе къ себѣ и между своими; во второмъ,—онъ бы осыпалъ меня упреками за мои шутки на его счетъ (ибо ему все извѣстно). Что бы отвѣчалъ я ему, еслибъ онъ сказалъ мнѣ: *Вы меня, сударь, называете то первымъ сатаною, то землетрясеніемъ, то чортомъ-человѣкомъ, то Магометомъ, то Калиостро.*

«Онъ, можетъ быть, не знаетъ всего удивленія, всего восторга, питаемаго мною къ нему, этому чудеснѣйшему существу, которому подобнаго не было еще въ этомъ мірѣ!»

Наконецъ, 27-го іюня, былъ заключенъ миръ. Войска наши выступили въ Россію; князь Багратіонъ отправился въ Петербургъ, и я туда же. Отдыхъ нашъ былъ непродолжителенъ: въ январѣ мѣсяцѣ мы уже были съ войсками, воюющими въ Финляндіи. Это напоминаетъ мнѣ слова незабвеннаго моего друга и боеваго собрата—Кульнева: «Матушка Россія»—говаривалъ онъ тогда, «тѣмъ хороша, что все-таки въ какомъ нибудь углу ея да дерутся.» Въ то время былъ еще другой уголъ, гдѣ дрались: это Турція, куда князь, слѣдовательно, и я за нимъ, явились, по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи.

Блаженная была эпоха для храбрости! Широкое было поприще для надеждъ честолюбія!

ВОСПОМИНАНІЕ

О

КУЛЬНЕВЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

BOCCHOMENAHIE

RYALBERT BT PHILIP (10)

ВОСПОМИНАНІЕ

О

КУЛЬНЕВЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

—

1808-й годъ.

—

Война въ Финляндіи, во время самага своего разгара, не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному громадными событіями въ Моравіи и восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ которой число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ. Къ тому же, первая половина ея не была ничѣмъ другимъ ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границъ Лапландіи, покореніемъ первоклассной крѣпости, ничтожной пальбой изъ пушекъ и набѣгами нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Надо согласиться, что и средства, которыя доставили намъ столь важныя пріобрѣтенія, имѣли мало права на общее вниманіе. Зато увѣренность въ незатруднительномъ завоєваніи этого края такъ усилилась, что когда сосредоточенный непріятель напалъ на разбросанныя по клокамъ наши войска, когда вспыхнула война народная, и подвозы съ пищею и зарядами прекрати-

лись въ слѣдствіе набѣговъ жителей, когда пожары разлились по неизмѣримому пространству лѣсовъ, сквозь которые надлежало намъ пробиваться, когда каждый шагъ впередъ и назадъ требовалъ всеминутныхъ пожертвованій жизни, тогда мирные наши соотечественники не хотѣли вѣрить доходившимъ до нихъ слухамъ, и, въ заблужденіи своемъ, приглашали насъ письмами на веселья столицы и на семейныя удовольствія.

А между тѣмъ кровь храбрыхъ, орошая тундры финскія, запекалась въ скалахъ, по нимъ разсѣянныхъ! А между тѣмъ лучшую часть жизни мы провождали подъ инеемъ сѣвера, среди океана вѣковыхъ лѣсовъ, на берегахъ пустынныхъ озеръ, гоняясь за славою!

По заключеніи мира съ Швеціею, новыя грозы нахлынули, новыя бѣдствія, новыя торжества увлекли, и участія, и обѣты, и усилія въ другую сторону, — и Финляндская война, будучи поглощена событіями, еще огромнѣе предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности.

Я пишу не исторію, слѣдовательно не беру на себя обязанности вызывать эту войну къ безсмертію. Писатель-наѣздникъ — я и тѣмъ буду доволенъ, если записки мои напомнятъ моимъ товарищамъ очаровательныя минуты нашей юности, мечты и надежды честолюбія, опасности, которыхъ мы искали, и кочевья, и бесѣды Оссіановскія, близъ пылающихъ пней, подъ пасмурнымъ сѣвернымъ небомъ.

При первомъ взглядѣ на карту Финляндіи, мы видимъ, что эта область составлена изъ неправильнаго *четвероугольника*, къ которому плотно приставленъ *равнобедренный треугольникъ*.

Основаніемъ первому служитъ сѣверный берегъ Финскаго залива, боками: восточный берегъ Ботническаго залива отъ Або до Вазы и перпендикуляръ, падающій отъ Куопіо на Аборфорсъ; крышею — дорога, лежащая отъ Вазы на Лаппо, Линдулаксъ и Кайвисто въ Куопіо.

Эта крыша четверугольника составляет основаніе треугольника, коего одинъ бокъ образуется продолженіемъ восточнаго берега Ботническаго залива отъ Вазы до Улеборга; другой—дорогою, идущею отъ Куопіо чрезъ Индесальмо къ этому же городу.

Непрерывная трясина, усыпанная скалами и осѣненная дремучимъ лѣсомъ, обширныя озера, соединяющіяся между собою, дороги, направляющіяся въ видѣ радіусовъ къ малому числу средоточій, и весьма рѣдко имѣющія поперечныя между собою сообщенія, составляютъ поверхность Финляндіи.

Тавастгусъ есть главное средоточіе дорогъ четверугольника; сверхъ того, пунктъ этотъ имѣетъ сообщенія со всѣми средоточіями треугольника, а именно, чрезъ Лаппо съ Нью-Карлеби, чрезъ Линдулаксъ съ Гамле-Карлеби, чрезъ Кайвисто и Куопіо, или чрезъ Гейнолу, Сентъ-Михель и Куопіо съ Улеборгомъ. Послѣдній городъ есть, такъ сказать, застѣжка всѣхъ дорогъ Финляндіи и единственное сообщеніе съ Швеціею въ лѣтнее время. Зима прибавляетъ еще два сообщенія съ Швеціею: одно чрезъ Аландскіе острова, близъ Або, другое чрезъ Кваркенскій проливъ близъ Вазы.

Все пространство Финляндіи, такъ какъ и восточный берегъ Ботническаго залива, не имѣютъ искусственныхъ укрѣпленій. Но сѣверный берегъ Финскаго залива защищенъ первокласною крѣпостью Свеаборгомъ, портъ котораго можетъ вмѣстить до 60 военныхъ кораблей, крѣпостцею Свартгольмомъ и укрѣпленными мысами: Перкалаутомъ и Гангоутомъ, пресѣкающими береговое плаваніе гребнымъ флотиліямъ.

Вся приморская часть этого края много отличается отъ внутренней, относительно благосостоянія, кротости нравовъ и даже просвѣщенія жителей. Можно сказать, что, пока ѣдешь отъ Аборфорса до Або, и отъ Або до Улеборга,—чувствуешь еще себя, по крайней мѣрѣ, въ сосѣдствѣ съ Европою; торговля, сближая людей, стираетъ съ нихъ кору природы и однообразить обычаи и нравы; но чѣмъ болѣе погружаешься

въ глубину этой области, тѣмъ болѣе видишь, что нравы народа, оттѣняясь мало-по-малу, сливаются наконецъ съ суровою и мрачною его обителью.

Такъ было по крайней мѣрѣ въ 1808 году.

Военная сила Финляндіи доходила до 15,000 человекъ регулярныхъ войскъ и до 4 тысячъ милиціи, разбросанныхъ по всей области. Изъ этого числа до 7 тысячъ находилось въ крѣпостяхъ Свеаборгѣ и Свартгольмѣ; остальнымъ 12 тысячамъ было приказано немедленно сосредоточиться близъ опредѣленныхъ имъ пунктовъ, при первомъ извѣстіи о нашемъ наступательномъ движеніи. Тавастгусъ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для тѣхъ войскъ, которыя обитали въ южной части четвероугольника; Ваза и оба Карлеби — для находившихся въ сѣверной части его и южной части треугольника; Куопіо — для живущихъ въ Саволакской провинціи, а Улеаборгъ — сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ частей, собравшихся въ Тавастгусъ, въ Куопіо и въ обоихъ Карлеби.

Сверхъ того наистрожайше было повелѣно генералу Клингспору, назначенному главнокомандующимъ шведской и финской арміями, не принимать сраженія до сосредоточенія послѣдней въ Улеаборгъ.

Въ концѣ января, армія наша была расположена между Фридрихсгамомъ и Нейшлотомъ. Она состояла изъ трехъ дивизій: 5-й, 17-й и 21-й. Первою командовалъ генераль-лейтенантъ Гучковъ 1-й, второю генераль-лейтенантъ князь Горчаковъ 1-й (вскорѣ послѣ того генераль-лейтенантъ графъ Каменскій), послѣднею генераль-лейтенантъ князь Багратіонъ.

Къ этимъ дивизіямъ были присоединены три эскадрона лейбъ-казаковъ и полки: Финляндскій драгунскій, Гродненскій (что нынѣ Клястицкій) гусарскій и одинъ Донской казачій полкъ Лощина.

5-я дивизія была раздѣлена на три отдѣленія: два, состоявшія подъ личнымъ надзоромъ дивизіоннаго командира, нахо-

дились въ окрестностяхъ Нейшлота; одинъ, подъ командою генерала Булатова, въ окрестностяхъ Вильманштранда.

Вся армія заключала въ себѣ до 20 тысячъ человѣкъ пѣхоты и конницы, и была поручена генералу отъ инфантеріи графу Буксгевдену. Много было толковъ на счетъ времени, когда удобнѣе открыть военныя дѣйствія. Нѣкоторые предлагали перейти немедленно границу, другіе же совѣтывали отсрочить наступленіе до весны.

Выгоды зимней кампаніи заключались въ томъ, что Швеція не успѣла еще къ ней приготовиться. Финскіе полки, разсѣянные по всему пространству Финляндіи, еще не собирались, шведскія войска еще не прибыли на театръ дѣйствія. Финляндская область была лишена тѣхъ естественныхъ преградъ, которыми она такъ изобилуетъ по вскрытіи рѣкъ и таяніи снѣговъ. Свеаборгская крѣпость не была ни совершенно вооружена для правильной обороны, ни достаточно снабжена военными и сѣстными потребностями. Сверхъ того, по положенію своему на островахъ, она зимою доступнѣе, чѣмъ по вскрытіи льдовъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ укрѣпленій требовали еще окончательной достройки, и тѣ, которыя были достроены, имѣли предметомъ лишь защиту гавани; слѣдовательно, они могли съ успѣхомъ отразить атаки съ моря, а не съ твердой земли, откуда мы должны были вести осаду или приступъ. Прочія укрѣпленія сѣвернаго берега Финскаго залива находились въ лучшемъ состояніи.

Безспорно, что, отсрочивъ наступленіе до весны, мы могли, дождавшись прибытія войскъ изъ Россіи, открыть свои дѣйствія съ большими силами; весною, двинувшись къ Вазѣ или Улеаборгу, можно было отрѣзать отъ Швеціи финскія войска, лишенные зимнихъ путей сообщенія чрезъ Кваркенъ и Аландъ. Но сравнились ли бы эти выгоды съ выгодами зимней кампаніи, и не потеряли ли бы онѣ своего значенія отъ неудобствъ, съ ними сопряженныхъ и ихъ превышающихъ? Во первыхъ, видя армію нашу, сосредоточивающуюся въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ на границѣ Финляндіи, шведское прави-

тельство могло воспользоваться этимъ временемъ, чтобы собрать финскія войска, усилить ихъ своими, и принять всѣ мѣры къ укрѣпленію важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, какъ на примѣръ, Тавастгуса, Куопіо, Лаппо, Кайвисто и Улеаборга. Обладая Свеаборгомъ и всѣми укрѣпленными пристанями сѣвернаго берега Финскаго залива, которыя тогда должны были бы быть достаточно укрѣплены и снабжены всѣмъ необходимымъ, Швеція могла легко предпринимать значительныя высадки и дѣйствія во флангъ и тылъ нашей арміи, еслибъ она рѣшилась углубиться въ нѣдра Финляндіи. Наконецъ, вскрытіе рѣкъ и озеръ, вынуждая войска наши слѣдовать по дорогамъ, врѣзаннымъ, подобно жолобамъ, между горами и озерами, лишало бы ихъ возможности пользоваться равнинами и прямыми сообщеніями; однимъ словомъ, мы не имѣли бы того необходимаго простора для наступательной войны, который столь удобенъ для предположеній и расчетовъ начальниковъ.

Правительство наше весьма благоразумно предпочло зимнюю кампанію весенней.

Въ слѣдствіе этого, дивизіи Горчакова было приказано дѣйствовать на Свеаборгъ, дивизіи Багратіона на Тавастгусъ, дивизіи Тучкова, чрезъ Куопіо, на Вазу.

Военныя дѣйствія открылись 8-го февраля.

При вступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы непріятельскіе, я былъ въ отпуску. Московскія веселости, въ то время увлекательныя, вскружили мнѣ окончательно голову. Двадцатитрехлѣтній юноша, я уже былъ штабсъ-ротмистромъ лейбъ-гусарскаго полка, украшенный двумя крестами на шеѣ и двумя на красномъ ментикѣ, покрытомъ золотомъ; я утопалъ въ наслажденіяхъ и, подобно всѣмъ людямъ этого возраста, былъ влюбленъ до безумія.

Первая вѣсть о войнѣ съ Швеціею и о движеніи нашихъ войскъ за границу заставила меня отказаться отъ московскихъ баловъ и сердечныхъ порывовъ, и возвратиться, подобно Телемаку, слѣдующему совѣту Ментора, къ моему долгу и мѣ-

сту; я не замедлилъ догнать армію нашу, вступившую въ Шведскую Финляндію.

На пути къ Гельсингфорсу, на станціи Сибо, я познакомился съ проѣзжавшимъ, подобно мнѣ, къ своему генералу, Архангелогородскаго пѣхотнаго полка поручикомъ Закревскимъ (*), состоящимъ въ должности адъютанта у графа Каменскаго. Это знакомство тѣмъ болѣе для меня памятно, что искренняя и взаимная дружба наша осталась неизмѣнною въ теченіи 30 лѣтъ.

Въ Гельсингфорсѣ находились тогда главная квартира графа Буксгевдена, и назначенныя для осады Свеаборга войска, подъ начальствомъ графа Каменскаго. Тутъ я впервые увидѣлъ адъютанта графа Буксгевдена, Невскаго пѣхотнаго полка поручика Нейдгарта, что нынѣ генераль-адъютантъ и командиръ 6 пѣхотнаго корпуса.

Ежедневная пушечная пальба по крѣпости, пальба тощая и только что дразнившая непріятеля, и ружейные выстрѣлы изъ крѣпости по нашимъ баттареямъ, войскамъ и городу, но еще болѣе приготовленіе фашинь и лѣстницъ, для предстоящаго скорого приступа, задержали меня въ Гельсингфорсѣ. Я на это рѣшился, какъ потому, что зналъ образъ мыслей моего начальника, который, въ случаѣ приступа, узналъ бы съ радостію объ участіи своего адъютанта въ столь отважномъ предпріятіи, такъ и потому, что по направленію 21-й дивизіи изъ Тавастгуса въ Або, не было непріятеля, слѣдовательно, нельзя было предвидѣть какого либо сраженія.

Я былъ свидѣтелемъ весьма страннаго случая, врядъ ли кому извѣстнаго и, можетъ быть, давно уже забытаго. Во время войны въ восточной Пруссіи, за восемь мѣсяцевъ до войны въ Финляндіи, Гродненскій гусарскій полкъ находился въ авангардѣ князя Багратіона, и потому я былъ извѣстенъ всѣмъ офицерамъ этого полка. Въ Гельсингфорсѣ пришелъ ко мнѣ квартирмейстеръ этого полка, поручикъ Малевскій или Маевскій. Во время нахожденія нашего въ авангардѣ, онъ не разъ

(*) Бывшій г. Московскій военный генераль-губернаторъ.

видѣлъ меня, толкующаго вкривь и вкось о военныхъ операціяхъ, при чемъ я часто смотрѣлъ на карту; онъ возымѣлъ чрезъ то весьма высокое понятіе о моихъ военныхъ способностяхъ и познаніяхъ. Полагая, что никто лучше меня не знаетъ о мѣстопробываніи штаба полка, къ которому онъ спѣшилъ по исполненіи данныхъ ему порученій въ Петербургъ, онъ явился ко мнѣ съ просьбою направить его ближайшимъ трактомъ къ мѣсту расположенія этого штаба. Зная, что Гродненскій гусарскій полкъ состоитъ при 21-й дивизіи, я важно развернулъ карту, счелъ число переходовъ отъ Тавастгуса до Або, опредѣлилъ на каждый по 25, а иногда и по 30 верстъ, и, соображаясь со днемъ выступленія этой дивизіи изъ Тавастгуса, объявилъ *утвердительно* Малевскому или Маековскому, что *штабъ полка его долженъ теперь находится въ Або*. Я при этомъ расчетъ не принялъ въ соображеніе одного обстоятельства: я забылъ, что на картѣ нѣтъ глубокаго снѣга, что широкія дороги, на ней обозначенныя, были ничто иное, какъ тропинки, по которымъ конница могла слѣдовать только въ одинъ конь, пѣхота же рядами, а артиллерія и тяжести съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ, такъ что вмѣсто 25 или 30 верстъ въ сутки, 21 дивизія не была въ состояніи проходить болѣе 12 верстъ въ сутки.

Квартирмейстеръ мой отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ за оказанную ему услугу и, нисколько не сомнѣваясь въ вѣрности показаній 23 - лѣтняго сорванца - стратегика, отправился на почтовыхъ въ Або, куда въѣхалъ какъ въ Москву или Петербургъ.

Въ Або не было даже слуха о движеніи арміи; хотя здѣсь не было непріятельскихъ войскъ, но члены университета и жители города были вполнѣ намъ враждебны. Къ счастью, нашъ странствующій рыцарь, не подвергаясь никакому оскорбленію, успѣлъ прежде, чѣмъ разнеслась вѣсть о его пріѣздѣ, найти убѣжище у ландсгевдена или губернатора города, у котораго пробылъ ни живымъ, ни мертвымъ, до дня прибытія къ Або одного изъ отрядовъ 21-й дивизіи. Но это еще не все; здѣсь

только начинается истинное торжество нашего квартирмейстера. Появление наших войск весьма встревожило ландсгевдена и главных чиновников Або, которые прибѣгли къ Малевскому съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство и увѣдомить начальника отряда, что городъ покорился нашему оружію, съ минуты прибытія въ него перваго русскаго офицера — г-на Малевскаго. Торжествующій Малевскій, нарядившись въ свой парадный мундиръ, сѣлъ на лошадь ландсгевдена и, въ сопровожденіи гражданскихъ чиновниковъ, отправился къ отряду.

Между тѣмъ начальникъ отряда, увидя толпу въ мундирахъ, предшествуемую гусарскимъ офицеромъ, принялъ ее за непріятельскую партію, высланную изъ города для обозрѣнія войскъ, составлявшихъ нашъ авангардъ. Все въ отрядѣ пришло въ движеніе, начали строиться въ боевой порядокъ, занимать позицію, выдвигать пушки и едва не открыли огня, — какъ вдругъ бѣлый платокъ, которымъ замахалъ квартирмейстеръ и вслѣдъ за тѣмъ появленіе его къ отряду вывели всѣхъ изъ заблужденія. Оставалось лишь мирно и торжественно вступить въ Або и заняться сочиненіемъ реляціи, что для Малевскаго было менѣе доступно, чѣмъ столица Финляндіи съ ея 280 чугунными пушками и замкомъ, вооруженнымъ 323 такими же пушками.

Я не долго оставался въ Гельсингфорсѣ. Едва начались переговоры о сдачѣ Свеаборга, какъ уже я погонялъ лошадей по Абовской дорогѣ.

Въ Або, явившись къ мѣсту служенія, я попалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на балы и увеселенія. Князь Багратіонъ объявилъ намъ, что назначеніе 24-й дивизіи въ настоящую минуту состояло лишь въ томъ, чтобы предаваться всякаго рода увеселеніямъ, ибо, по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ южной Финляндіи и покореніи Свеаборга, Шварцгольма и мысовъ Гангоута и Перкелаута, если они и возобновятся, то не могутъ быть значительны.

Я разсудилъ, что если уже гоняться за увеселеніями, — для меня было выгоднѣе обратно ѣхать въ Москву, гдѣ веселости этого рода на русскую стать: шумны, роскошны, и сверхъ того поэтизированы присутствіемъ моей красавицы, — чѣмъ оставаться въ Або, съ неловко прыгающими чухоночками, довольно свѣжими и хорошенькими, но ни въ какомъ случаѣ не стоящими ружейныхъ выстрѣловъ, для которыхъ я пожертвовалъ отрадными муками моего сердца. Это побудило меня проситься у князя на сѣверъ къ генералу Раевскому и Кульневу, которые преслѣдовали финскія войска къ Улеаборгу. Тамъ еще пахло жженымъ порохомъ, тамъ было и мое мѣсто. На такого рода просьбы князь отвѣчалъ всегда согласіемъ и похвалами. Въ душѣ его былъ отголосокъ на всѣ удалые порывы юношей, жадныхъ къ боевымъ приключеніямъ и случайностямъ.

Послѣ двухъ-суточного пребыванія моего въ Або, длинныя финскія сани мчали уже меня по пустыннымъ и снѣжнымъ озерамъ и холмамъ между скалами и дремучими лѣсами Финляндіи. Я скакалъ въ Вазу.

Въ это время народонаселеніе было равнодушно и еще покойно. Жители не питали къ намъ еще ни малѣйшей злобы. Курьеры и всякаго рода обозы проѣзжали столь же безопасно, какъ въ срединѣ Россіи. Вскорѣ отпущенные во-свояси главнымъ начальствомъ нашимъ гарнизоны Свеаборга и Свартгольма, и неудачи войскъ нашихъ, все измѣнили.

Въ Вазѣ былъ Раевскій. Я бы остался при этомъ, полномъ дарованія и неустрашимости военачальникѣ, при этомъ, сдѣтства моего столь любимомъ человѣкѣ, еслибъ Кульневъ не командовалъ авангардомъ его, и слѣдовательно, если бы онъ не былъ впереди Раевского, и потому ближе къ непріятелю. Я поѣхалъ къ Кульневу, котораго догналъ въ Гамле-Карлеби, и не отлучался отъ авангарда его до окончательнаго покоренія Финляндіи.

О Кульневѣ много и многіе говорили, даже писали и печатали, всякій по своему, видя его мимоходомъ или судя о немъ по слухамъ. Нѣкоторые полагали, что онъ былъ необыкновен-

ный воинъ, достойный высшихъ степеней, а потому и командованія большими арміями; другіе разумѣли его лишь храбрымъ, но необразованнымъ и грубымъ гусаромъ. Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о Кульневѣ, я предъявляю права мои на довѣренность читателя къ моимъ словамъ.

Я познакомился съ Кульневымъ въ 1804 году, во время проѣзда моего чрезъ городъ Сумы, гдѣ стоялъ тогда Сумскій гусарскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ маіоромъ. Знакомство наше, — хотя онъ былъ старѣе меня ровно 21 годомъ, — превратилось въ пріязнь, во время войны 1807 года въ восточной Пруссіи. Мы тогда были: я — лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистромъ, Кульневъ — подполковникомъ Гродненскаго гусарскаго полка, въ который онъ переведенъ былъ изъ Сумскаго. Но въ 1808 и 1809 годахъ въ Финляндіи, и въ 1810 году въ Турціи, пріязнь наша достигла, такъ сказать, задушевной дружбы, которая неослабно продолжалась до его блистательной и завидной смерти. Въ послѣднихъ двухъ войнахъ, финляндской и турецкой, мы были неразлучны: жили всегда вмѣстѣ, какъ случалось, то въ одной горницѣ, то въ одномъ балаганѣ, то у одного куреня подъ крышею неба, ѣли изъ одного котла, пили изъ одной фляжки. Вотъ каковы были наши взаимныя отношенія.

Кульневъ, родившійся въ 1763 году, получилъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, при знаменитомъ директорѣ Бецкомъ, въ самую блистательную эпоху этого военного училища; онъ зналъ удовлетворительно артиллерійскую науку и теоретически и практически полевую фортификацію. Онъ порядочно изъяснялся на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, хотя писалъ на обоихъ часто ошибочно; но познанія его въ исторіи, особенно въ россійской и римской, были истинно замѣчательны. Военный человѣкъ *и еще гусаръ*, онъ не хуже всякаго профессора зналъ хронологическій порядокъ событій и соотношенія между собою единовременныхъ происшествій; выводя изъ нихъ собственные заключенія, полныя здраваго смысла и проницательности, онъ любилъ предлагать въ примѣръ молодымъ

офицерамъ, служившимъ подъ его начальствомъ, подвиги нѣкоторыхъ римскихъ и русскихъ героевъ. Слогъ приказовъ, отдаваемыхъ имъ по войскамъ своимъ, рапорты начальству, усиленные и быстрые переходы отрядовъ, ему ввѣряемыхъ, и притомъ нѣкоторыя странности въ образѣ его жизни, частныя и официальные, бывали принимаемы за подражаніе Суворову. Это напрасно; служа при этомъ великомъ человѣкѣ во время польской войны 1794 года, Кульневъ платилъ ему, подобно всѣмъ русскимъ воинамъ, дань благоговѣнія; боготворя Суворова, онъ всегда говорилъ о немъ со слезами восторга, и никогда не старался подражать ему ни въ какихъ странностяхъ. Онъ былъ одаренъ слишкомъ смѣтливомъ умомъ, чтобы рѣшиться на подражаніе причудамъ, которыя искупаются одними только геніальными дарованіями и безсмертными подвигами. Причуды Кульнева происходили отъ веселаго его нрава, никогда, ни отъ чего не унывавшаго, и отъ неподдѣльной, самобытной оригинальности его характера. Суровый образъ жизни былъ имъ предпочтенъ роскошному отъ того, что онъ болѣе соотвѣтствовалъ солдатскому быту. Къ тому же, нельзя было роскошествовать: изъ скуднаго маіорскаго жалованья, а потомъ изъ весьма ограниченнаго въ то время содержанія полковничьяго и генералъ-маіорскаго, онъ ежегодно и постоянно до конца своей жизни удѣлялъ треть на содержаніе дряхлой и бѣдной своей матери, о чемъ было извѣстно всему городу Люцину, гдѣ она жила. Онъ другую треть употреблялъ на необходимыя для военнаго человѣка нужды: мундиры, содержаніе верховыхъ лошадей, конную сбрую и проч., наконецъ послѣднюю—на пищу себѣ. Эта пища состояла изъ щей, гречневой каши, говядины или ветчины, которую онъ очень любилъ. Всего этого готовилось у него вдоволь, на нѣсколько человѣкъ. «Милости просимъ,» говаривалъ онъ густымъ и громкимъ басомъ, — «милости просимъ, только cadaго гостя со своимъ собственнымъ приборомъ, ибо у меня *одинъ*». Питейнымъ—онъ, подобно гусарамъ того времени, не пресыщался: стаканъ чаю съ молокомъ поутру, вечеромъ съ ромомъ;

чарка водки передъ завтракомъ, чарка передъ обѣдомъ, рюмка наливки для лакомства, а вода или квасъ для утоленія жажды: вотъ всѣ напитки, которыми довольствовался Кульневъ въ продолженіи сутокъ. На водку онъ былъ чрезмѣрно прихотливъ, и потому самъ гналъ и искусно подслащивалъ ее. Онъ также самъ заготовлялъ разнаго рода закуски, и мастерски маринировалъ рыбу, грибы и пр., что дѣлывалъ даже въ продолженіе войны, въ промежуткахъ битвъ и движеній. «Голь на выдумки хитра»—говаривалъ онъ, подчивая гостей;—«я, господа, живу по-донкишотски, странствующимъ рыцаремъ печальнаго образа, не имѣю ни кола, ни двора; подчую васъ собственной стряпней и чѣмъ Богъ послалъ.»

Это отчужденіе отъ роскоши, этотъ избранный имъ скромный родъ жизни, давали ему болѣе, чѣмъ людямъ богатымъ, но увлеченнымъ прихотями сластолюбія и расточительности, возможности помогать неимущимъ. Независимо отъ этого, Кульневъ изъ самой службы извлекалъ средства на вспомошествованіе своимъ родственникамъ. Получивъ однажды извѣстіе о крайности, въ которой находилась его мать, и видя, что ей необходимо пять тысячъ рублей, онъ, послѣ Куортанской побѣды, въ которой особенно отличился, просилъ графа Каменскаго замѣнить этою суммою генераль-маіорскій чинъ, къ которому онъ былъ представленъ; графъ согласился. Сумма была прислана Кульневу, и немедленно имъ отослана къ бѣдной и обожаемой старушкѣ. Въ другой разъ, во время турецкой войны, получивъ аренду въ 1000 рублей на 12 лѣтъ, онъ передалъ право на полученіе этой суммы малолѣтней родной племянницѣ и крестницѣ своей, съ тѣмъ, чтобы эти деньги были высылаемы изъ кабинета въ опекунскій совѣтъ, и хранились тамъ до ея замужства. Но этого мало. Благодаренія его не ограничивались однимъ кругомъ его родственниковъ. Они простирались далѣе, хотя въ другомъ видѣ. Онъ былъ постояннымъ покровителемъ разжалованныхъ въ рядовые штабъ и оберъ-офицеровъ, служившихъ въ его отрядахъ. Во время турецкой войны, ихъ было у него въ авангардѣ до 20

человѣкъ; всѣ они пользовались самымъ ласковымъ, можно сказать, отеческимъ обхожденіемъ его, и всѣ они были выведены въ офицеры, въ продолженіи одной кампаніи. Плѣнные непріатели обрѣтали въ немъ заступника и утѣшителя; французскій генераль Сень-Женъе, взятый имъ въ плѣнъ подъ Друею, въ 1812 году, залился слезами, услыша о его смерти. Левенгельмъ, Клерфельдъ, и всѣ офицеры и солдаты финскіе и шведскіе, взятые въ плѣнъ, во время войны въ Финляндіи, съ восторгомъ отзывались о его рыцарскихъ свойствахъ и не переставали питать къ нему чувства живѣйшей признательности. Жители области, въ которой воевалъ Кульневъ, не подвергались ни оскорбленіямъ, ни разоренію отъ солдатъ его; ихъ образъ жизни во время войны оставался почти такимъ, какимъ и въ мирное время. Молва о его великодушіи разносилась всюду. Когда, по завоеваніи сѣверной Финляндіи, онъ пріѣхалъ въ Або и вошелъ на балъ князя Багратіона, всѣ, сидѣвшіе въ залѣ горожане, узнавъ, что то былъ Кульневъ, встали съ своихъ мѣстъ, танцовавшіе прервали свои танцы, и все общество подошло къ нему съ изъявленіемъ благодарности за сохраненіе спокойствія и собственности жителей той части Финляндіи, гдѣ онъ дѣйствовалъ, и за оказанныя имъ благодѣянія ихъ родственникамъ, взятымъ въ плѣнъ. Всему этому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Но странное дѣло!—Воинъ, сочувствующій всякому страждущему существу, до того, что крикъ птицы или скота, которыхъ рѣзали на бивачныхъ кухняхъ вблизи куреня его, могъ отвратить его отъ пищи на цѣлыя сутки и болѣе,—этотъ самый воинъ наслаждался зрѣлищемъ погибавшихъ въ сраженіяхъ, и былъ неукротимъ во время гнѣва своего на подчиненныхъ за малѣйшій проступокъ въ военномъ дѣлѣ. Послѣднимъ не было пощады; грозные на ихъ счетъ приказы, злые, насмѣшливые выговоры, внушаемые ему умомъ, склоннымъ къ ѣдкой язвительности, были причиною, что служба подъ его начальствомъ была часто, не всегда пріятною, но не рѣдко нестерпимою. Строгость, относительно нижнихъ чиновъ за упадокъ духа въ

сраженіи и грабительство мирныхъ жителей, доводила его до такого изступленія, что одни совѣты истинныхъ друзей его, и то послѣ перваго взрыва и наединѣ съ нимъ, могли нѣсколько воздержать его отъ безчеловѣчной жестокости, относительно виновныхъ. За то попечительность его о пищѣ, о благосостояніи солдата, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, простиралась за предѣлы обыкновенной попечительности: «солдатъ долженъ быть чистъ честью,»—говаривалъ онъ,—«а чтобъ имѣть право воздерживать его отъ похищенія чужаго добра, надо, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался; у голоднаго брюха нѣтъ уха.»

Начальствуя всегда авангардами, Кульневъ былъ неусыпненъ въ надзорѣ за непріателемъ, и говаривалъ: «Я не сплю и не отдыхаю, чтобы армія спала и отдыхала.» И подлинно, онъ почти не спалъ и не отдыхалъ. Онъ, можно сказать, надѣвалъ на себя одежду при начатіи войны, и снималъ ее съ себя при заключеніи мира. Все разоблаченіе его на ночной сонъ состояло въ снятіи съ себя сабли, которую клалъ у изголовья. Только въ теченіи дня, по возвращеніи съ дальнихъ разъѣздовъ, съ извѣстіемъ о томъ, что непріатель въ бездѣйствіи и далеко отъ авангарда, онъ только тогда позволялъ себѣ умыться и переѣннить бѣлье, послѣ чего немедленно и въ ту же минуту надѣвалъ опять на себя одежду, и такъ проводилъ ночь, имѣя коня осѣдланнымъ у балагана, или куреня своего. При первомъ извѣстіи о выстрѣлѣ или о движеніи непріателя, Кульневъ являлся съ однимъ только ординарцемъ или вѣстовымъ къ той части цѣпи, откуда былъ слышенъ непріатель. Тамъ, на самомъ мѣстѣ происшествія, онъ удостовѣрялся собственными глазами, нужно ли подымать весь авангардъ, или часть его, и эта тревога стоитъ ли того, чтобы будить и заставлять стать въ ружье всю армію или корпусъ, къ которому принадлежалъ командуемый имъ авангардъ. Во время ночи, каждый возвращавшійся начальникъ разъѣзда былъ обязанъ будить его и доносить, видѣлъ или не видѣлъ, встрѣтилъ или не встрѣтилъ непріателя. Число этихъ пробужденій дохо-

дѣло иногда до 7 и 8 въ продолженіи ночи; а такъ какъ я жилъ съ нимъ въ одномъ балаганѣ, или у одного куреня, то часто разъѣздные, не зная, кто изъ насъ въ которомъ углу спитъ, будили меня вмѣсто Кульнева, и тѣмъ, по цѣлымъ ночамъ, не давали мнѣ покоя, что было истинно невыносимо. Я уже говорилъ о взыскательности Кульнева за грабительство, которое иногда позволяли себѣ нижніе чины; эта взыскательность была столь же велика и за недостатокъ стойкости въ сраженіяхъ. Онъ былъ неумолимо строгъ къ солдатамъ, уклонявшимся отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и оставлявшимъ свои мѣста подъ предлогомъ снабженія себя патронами, въ замѣну изстрѣленныхъ ими. Для предупрежденія подобнаго зла, онъ предварительно наряжалъ особые и малочисленные команды, которыхъ долгъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы переносить патроны изъ парка, находиться во время дѣла позади цѣпи и снабжать патронами нуждающихся въ нихъ застрѣльщиковъ. То же было предписано и артиллеріи. Сверхъ того онъ бдительно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы застрѣльщики и артиллеристы не оставляли цѣпи и не свозили орудій съ мѣстъ своихъ, подъ предлогомъ недостатка патроновъ и зарядовъ. Тѣ, которые изстрѣляли свои патроны, должны были оставаться на своихъ мѣстахъ до полученія патроновъ и зарядовъ, принесенныхъ имъ назначенными для этой цѣли командами. Это было необходимо въ Финляндіи, гдѣ всѣ сраженія были огнестрѣльные и происходили въ мѣстахъ лѣсистыхъ, усѣянныхъ огромными скалами. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что полки наши, потерпѣвшіе въ Австріи и восточной Пруссіи, были наполнены рекрутами, непривычными къ бою, которые, пользуясь мѣстностью, затруднявшею надзоръ за ними офицеровъ и старыхъ солдатъ, выбрасывали, послѣ первыхъ выстрѣловъ, изъ своихъ сумъ патроны и убѣгали въ паркъ, подъ предлогомъ снабженія себя новыми патронами. Распоряженія Кульнева прекратили это неустройство. Онъ пріучилъ ихъ къ бережливости въ растратѣ патроновъ и зарядовъ и къ большей мѣткости во время стрѣльбы.

Въ отрядахъ Кульнева я впервые замѣтилъ новый тогда способъ усиливать цѣпи застрѣльщиковъ. Мнѣ давно уже бросалось въ глаза неудобство усиливать ихъ съ тыла. Такимъ усиливаніемъ увеличивалась лишь густота цѣпи и вмѣстѣ съ этимъ обнаруживался въ ней безпорядокъ, который доходилъ до того, что цѣпь превращалась въ безобразную толпу солдатъ, стрѣлявшихъ одинъ въ другаго. Резервы Кульнева были располагаемы болѣе позади фланговъ цѣпи застрѣльщиковъ, чѣмъ позади ихъ тыла, дабы, при отступленіи отъ непріятеля, этой цѣпи удобнѣе было бы дѣйствовать на его фланги. Такимъ образомъ цѣпь наша никогда чрезмѣрно не густѣла, и потому она никогда не превращалась въ толпу, вредившую болѣе себѣ, чѣмъ непріятелю. Будучи атакована, не столько съ фронта, сколько во флангъ, и не будучи въ состояніи долго преслѣдовать, она находилась вынужденною остановиться и отступать часто въ безпорядкѣ. Будучи мало свѣдущъ въ построеніяхъ и движеніяхъ войскъ при мирныхъ маневрахъ, я не знаю, находится ли этотъ способъ дѣйствія въ правилахъ егерской службы; но въ истинномъ бою и лѣсистой Финляндіи онъ былъ чрезвычайно полезенъ, особенно въ рѣшительной Оровайской побѣдѣ, которая была приписана графомъ Каменскимъ Кульневу, награжденному за то Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса.

Чтобы окончательно изобразить Кульнева, я прибѣгаю къ выпискѣ нѣсколькихъ строкъ изъ его писемъ и приказовъ:

Послѣ 10-ти лѣтняго служенія въ маіорскомъ чинѣ, безъ надежды на производство въ слѣдующій чинъ, и на 42 году жизни, Кульневъ рѣшился оставить службу. Онъ писалъ къ родному брату своему, въ началѣ 1805 года:

«Признаюсь тебѣ, что сія война остается послѣднимъ моимъ поприщемъ. Я не упущу случая, и буду служить въ ней, какъ вѣрный сынъ отечества. Послѣ удалюсь въ общую нашу деревушку, Болдырево (*). Мнѣ скучно стало не видѣть перемѣны въ службѣ моей.»

(*) Родовая деревушка Кульневыхъ, Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда.

Но тутъ какъ бы разыграло солдатское сердце, и онъ, опомнясь, продолжаетъ:

«Впрочемъ, *la guerre a ses faveurs, ainsi, que ses disgrâces*; надо во всемъ полагаться на волю Божию.»

«Для чести и славы Россіи, равно и для подпора несчастнаго нашего семейства, я не буду щадить живота моего.»

Того же года и къ тому же брату:

«Я надѣюсь, что ты не покинешь бѣдную мать нашу, и увѣряю тебя съ моей стороны, что, гдѣ бы я ни былъ, она будетъ получать опредѣленную мною ей треть. Ежели же меня убьютъ, то коней и рухляди моей останется ей на три года; ибо все стоитъ болѣе 1,000 рублей. Вотъ все мое имѣніе, которое нажилъ я въ продолженіи 20-ти лѣтней моей службы. Прощай; благослови на одолѣніе враговъ. Заклинаю тебя не покидать любезную мать, а паче, буде меня не станетъ.»

1807 года, онъ писалъ къ другому брату:

«Поздравляю тебя съ чадомъ. Больше ни о чемъ не прошу Бога, какъ только, чтобъ онъ былъ счастливѣе меня. Да послужать ему нѣкогда примѣромъ и наставленіемъ несчастія мои, которыя довольно отличительны. Будучи всѣми любимъ, ведя скромную и честную жизнь, я цѣлый вѣкъ гонимъ судьбою. Сравнивая сіе съ злодѣяніями людей, которые въ этой жизни наслаждаются всѣми благами, необходимо надо предполагать, что есть будущая жизнь, въ которой отличится зло отъ добра. Вотъ единое утѣшеніе для каждаго христіанина, и оно подкрѣпляетъ духъ мой, который по сіе время, благодаря Бога, не унывалъ, полагаясь во всемъ на волю Провидѣнія, и будучи увѣренъ, что все создано къ наилучшему концу.»

Приказъ офицеру, занимавшему постъ близъ Вазы, въ 1808 году.

«.... Ежели бы у васъ осталось только два человѣка, то честь ваша состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть непріятеля всегда на глазахъ и обо всемъ меня увѣдомлять. Впрочемъ, старайтесь отстаивать пунктъ, который вы защищаете, до

самаго нѣльзя; къ ретирадѣ всегда есть время, къ побѣдѣ рѣдко.»

Другой приказъ того же года:

«Разные пустые бабьи слухи отражать духомъ твердости. Мы присланы сюда не для пашины; у Государя есть крестьяне на это. Честь и слава—наша жатва; чѣмъ больше непріятеля, тѣмъ славнѣе. Имѣть всегда на памяти неоднократно уже повторяемыя мною слова: честная смерть лучше безчестной жизни.»

Брату своему, въ томъ же году:

«Будь терпѣливъ и не скучай. За Богомъ молитва, за Государемъ служба не пропадаютъ. Какая служба была несчастнѣе моей? Теперь все перемѣнилось, и я—довольнѣйшій изъ смертныхъ своею участью (онъ получилъ тогда чинъ полковничій и крестъ св. Георгія 3 класса). Лучше быть меньше награждену по заслугамъ, чѣмъ много безъ всякихъ заслугъ. Съ какимъ придворнымъ вельможею, носящимъ Владиміра 1 класса, поравняю я мой Владиміръ 4-го съ бантомъ?»

Приказы:

30-го января 1808 года.—«Вчерашній маршъ былъ для всѣхъ равенъ. Въ эскадронахъ, мнѣ ввѣренныхъ, и лейбъ не позноблено ни одного, а въ эскадронѣ полковаго командира 4 человека. Изъ сего должно заключить, что сапоги были тѣсны, не могли вмѣстить теплой обуви, и болѣе способны для лѣтняго парада, чѣмъ для зимняго военнаго похода. Лучше прилежать къ настоящей службѣ, пещись о благѣ подчиненныхъ, чѣмъ удручать тѣло человѣческое пустымъ, и ни къ чему не нужнымъ щегольствомъ, а паче въ такое время, когда идемъ пріобрѣтать новую честь и славу.»

9-го іюня того же года.—«Быть готову къ движенію. Людей никуда не отлучать; придать силы имъ крутою кашицею.—Провіантскихъ много наскakало; требовать отъ нихъ все, что слѣдуетъ, а не дадутъ,—рапортовать мнѣ. Кормленный солдатъ

лучше десяти тощихъ; предполагать маршу нельзя: пойдемъ на тридцать верстъ, а очутимся за сто.»

1-го іюня 1809 года.—«Имѣть неусыпное смотрѣніе за чистотою тѣла солдатскаго. Государь щедро все отпускаетъ : можно иногда и мясца изъ двойнаго жалованья поѣсть. Эти деньги пожалованы не для того, чтобы по рукамъ раздавать, а должны быть въ артели,—а артель есть душа и кормилица солдатская.»

15-го іюля 1809 года. Письмо въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, котораго Кульневъ назначенъ былъ шефомъ.

«Чистота и опрятность есть источникъ здравія солдатскаго. При доброй пищѣ пещися о нихъ по долгу христіанскому и обязанности службы; вести въ эскадронахъ ежедневную записку, что солдаты ѣли, какого роду было варево; а когда кашицы поспѣли, то давать повѣстку къ кашамъ, и тогда всѣ бросаютъ свою работу. О чемъ вынужденнымъ нахожусь напомнить: ибо замѣчено мною неоднократно, что одни ѣдятъ, а другіе работаютъ, а начальникъ, глядя на то равнодушно, съ сытымъ желудкомъ, курить трубку, не думая о томъ, что одни съѣдятъ вдвое, а другимъ ничего не достанется.»

Письмо туда же 1810 года:

«Обучать солдатъ, какъ предписано было отъ главнокомандующаго, отнюдь не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки, но знать чему обучать, на что должно испытывать самихъ гг. офицеровъ, достаточно ли они знаютъ свое дѣло, безъ чего ученье, не есть ученье, а мученье.

Приказъ при выступленіи на завоеваніе Аландскихъ острововъ, 1809 года.

«Съ нами Богъ! я передъ вами, князь Багратіонъ за нами.»

Другой:

«На маршѣ быть бодрю и веселу; уныніе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ. — По прибытіи на Кумлингень чарка водки, каша съ мясомъ, щитъ и ложе изъ ельнику. Покойная ночь!»

Третій:

«Серьги солдату носить неприлично: это предоставлено однимъ женщинамъ. Солдаты должны щеголять опрятностію и чистотою аммуниціи. Кто носить серьги, тотъ о званіи солдата не имѣетъ никакого понятія.»

1812 года, будучи на Двинѣ, слѣдовательно не далеко отъ города Люцина, гдѣ жилъ братъ его, онъ писалъ къ нему:

«Я повозку мою по сіе время не отыщу; остался въ одномъ мундирѣ; пить и ѣсть нѣчего. Привези, братъ, водочки и кусокъ хлѣба подкрѣпить желудокъ. Ибо съ самаго начала этой войны, я еще не спалъ и порядочно не ѣлъ.»

Тогда же и къ нему же:

«Ежели я паду отъ меча непріятельскаго, то паду славно. Я почитаю счастіемъ пожертвовать послѣднею каплею крови моей, защищая отечество.»

Какъ Кульневъ чувствовалъ, какъ говорилъ,—такъ онъ и сдѣлалъ. 1812 года 20 іюля, въ сраженіи подъ Клястицами, ядро оторвало ему обѣ ноги; онъ упалъ и, сорвавъ съ шеи своей крестъ св. Георгія, бросилъ окружавшимъ его, сказавъ: «Возмите! Пусть непріятель, когда найдетъ трупъ мой, приметъ его за трупъ рядоваго солдата, и не тщеславится убитіемъ Русскаго генерала».

Кульневъ былъ росту высокаго, почти 2-хъ аршинъ и 10-ти вершковъ; онъ былъ сухощавый, но широкоплечій и не много сутуловатый мужчина, и имѣлъ волоса темнорусые съ сильною просѣдью. Онъ имѣлъ лице продолговатое, носъ довольно большой, прямой, съ малой горбиною, и носилъ довольно длинные усы, соединявшіеся съ огромными бакенбардами. Я недавно гдѣ-то читалъ, что онъ носилъ какой-то черный гусарскій ментикъ, или доломанъ, съ черными шароварами; не справедливо;—онъ носилъ, подобно всѣмъ гусарамъ, ментикъ, или доломанъ, Гродненскаго гусарскаго полка, смотря по времени года; только одежда эта была не офицерская, а рядоваго гусара, т. е. сшитая изъ толстаго солдатскаго сукна, съ галусными шнурками и оловянными пуговицами; но рейтузы и

фуражка его были форменные офицерскіе. Правда, онъ надѣвалъ иногда финскій колпакъ или разнаго рода скуфы и ермолки, что дѣлывалъ изъ балагурства, а можетъ быть, изъ страсти носить что нибудь странное на головѣ: онъ однажды надѣлъ на голову и долго носилъ подаренный мною ему табачный кисеть, зеленого сафьяна, шитый золотомъ. Все это дѣлывалъ онъ однако на бивакѣ, — внѣ службы, но никогда на службѣ и передъ войскомъ.

Изобразивъ Кульнева, какимъ онъ былъ, съ его качествами и недостатками, я скажу въ заключеніе, что онъ былъ, можетъ быть, менѣе замѣчательнъ военными дарованіями, чѣмъ коренными чувствами истаго Россіянина, по своему истинно Русскому образу мыслей. Можно смѣло сказать, что Кульневъ былъ однимъ изъ послѣднихъ воиновъ чисто Русскаго семейства, какъ Брутъ — послѣднимъ Римляниномъ. Другіе, не менѣе его мужественные, не менѣе его предпріимчивые, появившись на горизонтѣ событій, ознаменовали себя, въ слѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ, подвигами блистательнѣйшими; но они, бѣльшею частію, по образу чувствъ и мыслей своихъ, принадлежатъ столько же нашему, сколько чужому небу. Кульневъ былъ нашею родной, русской звѣздою, неподвижною, какъ полярная звѣзда. Онъ былъ такимъ, какимъ представляемъ себѣ Россіянъ того времени, когда всѣ ихъ обѣщанія и клятвы скрѣплялись однимъ словомъ: *Да будетъ мнѣ стыдно*; онѣ соблюдались не изъ страха законовъ, а изъ опасенія упрековъ собственной совѣсти. Любовь къ отечеству и преданность къ Престолу сливались въ одну струю и были однимъ и тѣмъ же чувствомъ; пламенная и вмѣстѣ съ тѣмъ покорная любовь къ родителямъ и тайныя и безмолвныя благодаренія, оказываемыя врагамъ, — все это почиталось естественнымъ дѣломъ. Таковъ былъ Кульневъ, какъ человекъ и гражданинъ. Память о немъ для насъ, современниковъ, друзей и боевыхъ его товарищей, тѣмъ любезнѣе и священнѣе, что въ настоящее время вѣковые отпечатки нашей національности и самобытности такъ быстро исчезаютъ предъ чужеземными

лжемудрствованіями и жалкими подражаніями, столь несвойственными русскому духу.

Обращаюсь теперь къ военнымъ дѣйствіямъ.

Во время проѣзда моего изъ Гельсингфорса въ Або и изъ Або, чрезъ Вазу, въ Гамле-Карлеби, Свеаборгская крѣпость покорилаь нашему оружію. Шведскія войска, защищавшія ее и составлявшія четвертую часть гарнизона, были отправлены плѣнными въ Выборгъ; но около 5400 финскихъ войскъ были распущены по домамъ. Эта ошибка была для насъ гибельна по своимъ послѣдствіямъ, въ теченіи лѣтней кампаніи, при первомъ отступательномъ движеніи нашихъ войскъ изъ сѣверной Финляндіи.

Между тѣмъ главнокомандующій, графъ Бугсгевденъ, не принимая во вниманіе слабость нашихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на сѣверѣ, не преставаь посылать имъ повелѣнія за повелѣніями объ усиленіи преслѣдованія и натисковъ на Клингспора, котораго войска, по мѣрѣ отступленія къ Улеаборгу, сосредоточиваясь болѣе и болѣе, усиливались вмѣстѣ съ тѣмъ прибывавшими изъ Швеціи войсками. Насъ явно ожидали неудачи, ибо въ это время вся 21-я дивизія оставалась въ бездѣйствіи въ Або и его окрестностяхъ, 17-я дивизія, или войска, облежавшія Свартгольмъ и Свеаборгъ, вступили въ эти крѣпости, въ качествѣ гарнизоновъ, а резервы, подошедшіе изъ Россіи, были употреблены на защиту береговъ отъ десантовъ, которыхъ еще нельзя было опасаться. Это произвело то, что между 5-ю дивизіею, дѣйствовавшей на сѣверѣ, и главными силами, оставшимися въ южной Финляндіи, находилось пространство въ 600 верстъ, пустое и незанятое никакими войсками. Я не осуждаю, но изображаю распоряженія въ томъ видѣ, въ какомъ они были сдѣланы.

1-го апрѣля Кульневъ занялъ Калаіюки; 3-го, за два часа до разсвѣта, выступилъ онъ къ атакѣ с. Иппери, защищеннаго авангардомъ непріятельской арміи. Пѣхота наша, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ и 6 орудій, подъ командою под-

полковника Карпенки и маіоровъ Вреде и Конскаго, направилась большою дорогою, тогда какъ два эскадрона гусаръ и до двухъ сотъ казаковъ, подъ командою маіора Силина, составлявшіе ея лѣвый флангъ, двигались по льду Ботническаго залива, въ недалекомъ разстояніи отъ берега. Дѣло завязалось на самомъ разсвѣтѣ, и ружейный огонь пѣхоты загорѣлся на большой дорогѣ и въ лѣсахъ, сквозь которые она пролегала. Въ это время шведскіе драгуны Ниландскаго полка, съѣхавъ съ берега, показали на льду, противъ нашей конницы, и двинулись на малую часть казаковъ, впереди ея разсѣянныхъ. Казачьи фланкеры начали отъѣзжать и заманивать разстроенную уже отъ движенія впередъ непріятельскую конницу. Увидя это, Кульневъ и я, оставя пѣхоту, поскакали къ нашей конницѣ; но она, не дождавшись насъ, ударила, смяла и опрокинула Ниландскихъ драгунъ. Мы успѣли лишь насладиться зрѣлищемъ блистательнаго дѣйствія казаковъ и погоней ихъ за непріателемъ, по гладкой и снѣжной пустынѣ Ботническаго залива. Картина оригинальная и очаровательная! Много было поколото драгунъ, много было взято въ плѣнъ. Но посреди этой сумятицы намъ бросилась въ глаза группа всадниковъ, около которой толпились казаки, и которая еще защищалась. Мы направились во весь скокъ въ эту сторону и услышали слова: «Koulneff, Koulneff, sauvez nous la vie!» (Кульневъ, Кульневъ, спаси намъ жизнь!). Это были генералъ Левенгельмъ, королевскій адъютантъ, только что, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, прибывшій въ армію изъ Стокгольма, для исправленія должности начальника главнаго штаба, и адъютантъ его капитанъ Клерфельдъ, молодой человѣкъ, бывшій у насъ наканунѣ парламентаромъ; при нихъ было нѣсколько драгунъ. Кульневъ остановилъ направленные на нихъ пики, соскочилъ съ лошади и кинулся обнимать плѣнныхъ чиновниковъ. Кровь Левенгельма заструилась по усамъ и бакенбардамъ Кульнева, ибо Левенгельмъ былъ раненъ пикою въ горло, къ счастью, не такъ опасно, какъ мы думали. Преслѣдованіе продолжалось до села Пигаіоковъ.

Рана Левенгельма была немедленно перевязана цирюльникомъ нашего отряда; послѣ этого, онъ и адъютантъ его, ободренные привѣтствіями и ласками Кульнева, были отправлены при конвоѣ къ генералу Раевскому, выступившему уже изъ Вазы къ намъ на помощь.

Во время перехода къ Пигаіокамъ, я, для смѣха, мысленно сочинилъ стихи, которые проговорилъ Кульневу. Вотъ все, что изъ нихъ помню:

Повѣдай подвиги усатаго героя,
О, Муза! Расскажи, какъ Кульневъ воевалъ,
Какъ онъ среди снѣговъ въ рубашкѣ кочевалъ,
И въ финскомъ колпакѣ являлся среди боя.
Пускай услышитъ свѣтъ
Причуды Кульнева и громъ его побѣдъ.

Румяный Левенгельмъ на бой приготавлился,
И завязавъ жабо, прическу поправлялъ,
Ниландскій полкъ его на клячахъ выѣзжалъ,
За нимъ и корпусъ весь Клингспора пресмыкался.
О, храбрые враги! куда стремитесь вы?
Отвага, говорятъ, ничто безъ головы.

Нашъ Кульневъ до зари, какъ соколъ, вострепнулся;
Онъ воиновъ своихъ ко славѣ торопилъ:
„Вставайте“, говоритъ, „вставайте, я проснулся!
„Съ охотниками въ бой! Богъ храбрости и силъ!
„По чаркѣ, да на конь, безъ холи и затѣвъ;
„*Чѣмъ ближе, тѣмъ видный (*)*, тѣмъ легче бить злодѣевъ!“
Все вмигъ воспрянуло, все двинулось впередъ....
О, муза, Расскажи торжественный походъ!

.

На другой день мы пошли далѣе и, почти безъ сопротивленія, заняли Брагештатъ; но въ Олькіокахъ встрѣтили неожиданный намъ отпоръ, впрочемъ, не долго продолжавшійся.

(*) Приказъ Кульнева наканунѣ нападенія, которое было назначено за два часа до разсвѣта.

Излишне было бы напоминать Кульневу объ осторожности и неослабной бдительности въ надзорѣ его за передовой цѣпью. Дѣятельность, неусыпность и строгость Кульнева были неимовѣрны. Но необходимо надо было разочаровать его и убѣдить, что отступленіе Клингспора не будетъ продолжаться до безконечности; оно происходило лишь въ слѣдствіе стратегическихъ видовъ, т. е. отъ сосредоточенія всѣхъ шведскихъ и финскихъ войскъ у Улеборга, а не отъ страха, поселеннаго въ него заносчивою и опрометчивою нашей погоней. Я принялъ на себя обязанность вывести Кульнева изъ заблужденія; я не разъ спорилъ съ нимъ до изнеможенія силъ, почти до ссоры; но все было тщетно. Онъ упустилъ изъ вида, что, по мѣрѣ отлива финскихъ войскъ къ Улеборгу, къ этому узлу, или застѣжкѣ всѣхъ дорогъ Финляндіи, — всѣ финскія войска, идущія по онымъ, сами собою и однимъ своимъ направлениемъ сосредоточиваются близъ этого города. Онъ забылъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, наши клоки войскъ, оторванные отъ нашихъ главныхъ силъ, оставшихся на сѣверномъ берегу Финскаго залива, подвигаются къ тому же Улеборгу, не имѣя опоры и надежды на усиленіе себя свѣжими войсками. Не принимая ничего этого въ уваженіе, онъ, въ чадѣ своихъ успѣховъ, шелъ впередъ безъ оглядки.

6-го апрѣля, отрядъ нашъ снова наткнулся на непріятеля. Это было у Сигаіокской кирки; онъ занималъ позицію, которую, казалось, не хотѣлъ уступить даромъ. Мы атаковали живо; первоначальные натиски наши были успѣшны, и финскій арріергардъ уже снимался съ позиціи, чтобы слѣдовать за отступавшими главными силами. Вдругъ Клингспоръ, остановивъ свои войска, направляетъ сильную дивизію на помощь арріергарда; огонь возобновляется съ ожесточеніемъ; финскія колонны, подъ огнемъ своихъ 10-ти орудій, наклоняютъ штыки и бросаются намъ на встрѣчу. Кульневъ, и духъ войскъ нашихъ, возвышенный успѣхами, непрерывно до этого времени продолжавшимися, привѣтствуютъ непріятеля по долгу и чести. Огневое дѣло обращается въ штыковую рѣзню; Финны и Шве-

ды—достойные состязатели Русскихъ въ этомъ родѣ битвы; схватка была молодецкая, но превосходство числительной силы непріятеля надъ нашею восторжествовало и должно было восторжествовать. Мы были вынуждены уступить мѣсто сраженія; уронъ съ обѣихъ сторонъ простирался до 1000 человѣкъ. Съ нашей стороны былъ убитъ 24-го егерскаго полка майоръ Конскій; со стороны непріятеля полковникъ Флемингъ; Кульнева одинъ Богъ спасъ; ядро, пролетѣвшее близъ него, обожгло ему ногу.

На другой день Клигспоръ, оставивъ поле сраженія, сосредоточилъ свои силы между Лиминго и Люміюки.

Мы немедленно вступили въ Сигаіюки.

Между тѣмъ генераль Раевскій, слѣдуя за нами, остановился въ Пигаіюкахъ, гдѣ соединилась съ нимъ 5-я пѣхотная дивизія, пришедшая изъ Куопію. Одна изъ бригадъ этой дивизіи, подъ командою генерала Булатова, состоявшая изъ 2500 человѣкъ, была оставлена на пути, лежащемъ изъ Куопію въ Улеаборгъ, для преслѣдованія отступавшей къ этому городу непріятельской бригады Кронштета.

Генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, командовавшій 5-ю дивизіею, будучи старѣе въ чинѣ, принялъ начальство надъ всѣми войсками, дѣйствовавшими въ сѣверной Финляндіи.

Кульневъ, наказанный за свою опрометчивость пораженіемъ подъ Сигаіюками, обратился къ благоразумію. Мы остались въ Сигаіюкахъ, соблюдая всевозможную военную осторожность; не предпринимая уже ничего вооруженною рукою, мы ожидали Булатова, которому было предписано Тучковымъ сойти съ большой куопіосской дороги у Францила, чтобы идти къ Револаксу, деревни, отстоящей отъ Сигаіюкъ не далѣе 8 или 10 верстъ.

Но такъ какъ Кульневъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи, то, 12 апрѣля, онъ послалъ меня съ однимъ эскадронъ гусаръ и одной сотнею казаковъ на островъ Карлое, отстоявшій отъ берега въ 10 или 15 верстахъ, почти противъ самага Улеаборга. Мнѣ было предписано изгнать оттуда

непріятеля, не предпринимая однако же ничего, чтобы не навлечь на себя нападенія непріятельскаго авангарда, на флангъ и почти въ тылу котораго находился этотъ островъ. Я пришелъ на разсвѣтъ въ Карлое и засталъ тамъ нѣсколько фуражировъ съ слабымъ прикрытіемъ. Бой продолжался не долго; нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ было убито, нѣсколько было взято въ плѣнъ, остальные спаслись бѣгствомъ, едва завидя приближавшуюся къ острову команду мою. Въ теченіи дня, я благополучно примкнулъ къ отряду, отъ котораго былъ отдѣленъ. Того же числа, т. е. 12-го апрѣля, Булатовъ вступилъ въ Револаксъ, и въ то же время войска Тучкова и Раевского придвинулись къ Брагештату.

Непріятельская армія, состоявшая изъ 13,000 человѣкъ, оставалась въ Лиминго и Люміокахъ. Надлежало ожидать скорой развязки отъ чрезмѣрнаго удаленія нашего отъ главной арміи и отъ гибельнаго для насъ сосредоточенія непріятельскихъ войскъ.

Конецъ второй части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

—

	<i>Стр.</i>
Встрѣча съ великимъ Суворовымъ.	1
Матеріалы для современной военной исторіи 1807 года:	
Встрѣча съ фельдмаршаломъ гр. Каменскимъ.	33
Матеріалы для исторіи современныхъ войнъ.	49
Урокъ сорванцу.	181
Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, 1807 года ян- варя 26 и 27.	193
Тильзитъ въ 1807 году.	229
Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи.	267

ОТДѢЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Смр.

1	Вспомогательная таблица
33	Вспомогательная таблица
49	Вспомогательная таблица
181	Вспомогательная таблица
193	Вспомогательная таблица
229	Вспомогательная таблица
267	Вспомогательная таблица

ВАЖНЫЯ ПОПРАВКИ

во II-й ЧАСТИ.

Напечатано:

Сльд. читать:

Стр. Строк.

58	19	снизу	Эсомъ	Энсомъ
59	16	—	Унаймскій	Цпаймскій
—	11	—	Унаймской	Цнаймской
—	10	—	Аустерлину	Аустерлицу
64	16	сверху	Лустерлицами	Аустерлицомъ
68	4	—	жестокостью,	жестокостью.
113	3	снизу	Цеханова	Цѣханова
118	12	сверху	Россель	Рёссель
121	13	—	Виттенбергъ	Вилленбергъ
—	—	—	Пасейгеймъ	Пассенгеймъ
—	5	снизу	Гюгъ	Гюо
124	15	—	Кашауенъ	Кашауэнъ
—	25—26	сверх.	Вордмита	Вормдита
127	17	—	Фрауенсдорфа	Фрауендорфа
—	13	снизу	Пауенъ	Плауенъ
134	15	сверху	Гюю	Гюо
135	16	снизу	Гюю	Гюо
136	13	сверху	Ротенема	Ротенена
139	3	снизу	Гюю	Гюо
140	20	сверху	Лампахъ	Лампахъ
148	22—23	—	Амтъ, Гутштадтскаго	Амтъ-Гутштадтскаго
177	11	снизу	Гроссъ-Баушвальдъ	Гроссъ-Баумвальдъ
178	12	сверху	Погекеномъ	Погегеномъ
—	12—13	—	къ Бенигкшайтенъ	къ Бениккайтену

ТАБЛИЦА ПОСЛАН

по 1-й части

Служ. ведомств:

Служ. ведомств:

Служ. ведомств:

Земля	Земля	10	88
Ивановский	Ивановский	—	88
Ивановский	Ивановский	—	—
Александровский	Александровский	10	—
Александровский	Александровский	10	88
Александровский	Александровский	—	88
Ивановский	Ивановский	3	113
Росский	Росский	12	118
Ивановский	Ивановский	12	121
Ивановский	Ивановский	—	—
Ивановский	Ивановский	5	—
Ивановский	Ивановский	12	124
Ивановский	Ивановский	25-26	—
Ивановский	Ивановский	17	127
Ивановский	Ивановский	13	—
Ивановский	Ивановский	15	134
Ивановский	Ивановский	16	135
Ивановский	Ивановский	13	136
Ивановский	Ивановский	3	139
Ивановский	Ивановский	20	140
Ивановский	Ивановский	22-23	148
Ивановский	Ивановский	11	177
Ивановский	Ивановский	12	178
Ивановский	Ивановский	—	—

Davydov, Denis Vasil'evič

Sočinenija Denisa Vasil'eviča Davydova

Bd.: 2

Moskva 1860

Mil.g. 370 i-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10595495-2